МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КРАВЧЕНКО Михаил Александрович

ИНТЕГРАЛЬНАЯ НЕОСТРУКТУРАЛИСТСКАЯ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор
Сергей Николаевич Бредихин

Ставрополь – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I. НЕОСТРУКТУРАЛИЗМ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 28

1.1. Диалектика развития лингвистики: актуальный исследовательский контекст в зеркале методологической рефлексии 28

1.1.1. Понятие научной парадигмы и специфика его понимания в лингвистике 28

1.1.2. Подходы к выделению лингвистических парадигм 34

1.1.3. Предпосылки формирования лингвистических парадигм и парадигмальная цикличность 39

1.2. Движение в сторону интегральной парадигмы: предпосылки становления неоструктурализма 46

1.3. Неоструктурализм: характеристика и эпистемический потенциал .. 55

1.4. Понятие метаязыка и перспективы его исследования с позиций неоструктурализма 60

Выводы 73

Глава 2. ОБЫДЕННЫЙ МЕТАЯЗЫК КАК СИСТЕМА И КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ФУНДАМЕНТА И ОТПРАВНЫХ ТОЧЕК ИССЛЕДОВАНИЯ 77

2.1. Онтологические, функциональные и структурные характеристики обыденного метаязыка 77

2.1.1. Метаязыковое сознание как психический субстрат метаязыковой деятельности 77

2.1.2. Свойства обыденного метаязыка 82

2.1.3. Функции обыденного метаязыка 87

2.1.4. Единицы обыденного метаязыка 100

2.2. Картинирование метаязыка и метаязыковой деятельности 105

2.2.1. Дифференциация подходов и предметного поля в исследованиях обыденного метаязыка 105

2.2.2. Дифференциация аспектов изучения обыденного метаязыка 116

2.3. Антиномии метаязыка и границы исследования 121

2.3.1. Обыденный (неспециализированный) vs профессиональный (специализированный) метаязык 122
2.3.2. Метаязыковые конструкции: между модусом и диктумом .. 134
2.3.3. Референциальная синкретичность метаязыковых конструкций: между кодом и денотатом 143
2.4. Обыденный метаязык в контексте дискурсивных практик: метадискурс и метацентрические дискурсы 152
Выводы 162
Глава 3. СЕМАНТИКА ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА 171
3.1. Общая характеристика предметного поля семантики обыденного метаязыка 171
3.2. Семасиология обыденного метаязыка 180
3.2.1. Дескриптивная / оценочная семантика интерпретативов 180
3.2.2. Интерпретативы с дескриптивной семантикой: от объекта рефлексии к типологии интерпретативов 182
3.2.3. Интерпретативы с оценочной семантикой: от объекта рефлексии к типологии интерпретативов 190
3.2.4. Интерпретативы с общеоценочной и частнооценочной семантикой 196
3.2.5. Глубина метаязыковой рефлексии и градуальные признаки интерпретативов 204
3.3. Ономасиология обыденного метаязыка 212
3.3.1. Принципы классификации инвестигативов 212
3.3.2. Инвестигативы-хезитации и способы их маркирования в дискурсе 215
3.3.3. Инвестигативы-оценки и способы их маркирования в дискурсе 222
3.3.4. Инвестигативы-коррекции и способы их маркирования в дискурсе 230
Выводы 233
Глава 4. СИНТАКТИКА ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА 241
4.1. Общая характеристика предметного поля синтактики обыденного метаязыка 241
4.2. Лексикализация метатекста 246

4.2.1. Внутритекстовая актуализация автонимного употребления знаков средствами металексики 246

4.2.2. Металексика и ее синтаксическая роль.

Классы и разряды металексики 252

4.3. Грамматикализация метатекста 265

4.3.1. Признаки и средства грамматикализации метатекста 265

4.3.2. Композиционно-содержательные структуры метатекста 271

4.3.3. Содержательные структуры метатекста 278

Выводы 287

Глава 5. ПРАГМАТИКА ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА 294

5.1. Общая характеристика предметного поля прагматики обыденного метаязыка 294

5.2. В пространстве между знаком и адресантом 297

5.2.1. Метапрагматическая стратегия авторизации кода 297

5.2.2. Метапрагматическая стратегия социокультурной локализации кода 312

5.2.3. Метапрагматическая стратегия эвфемизации / дисфемизации 322

5.3. В пространстве между знаком и адресатом 333

5.3.1. Метапрагматическая стратегия преобразования кода: в сторону лингвокреативности и языковой игры 333

5.3.2. Явления языковой игры как метаязыковые конструкты 343

5.3.3. Модель внутренней референции конструкций языковой игры 347

5.3.4. Механизмы внутренней референции суггестивов 350

5.3.4.1. Компенсаторный механизм 350

5.3.4.2. Аттрактивный / дистрактивный механизм 353

5.3.4.3. Актуализационный механизм 361

5.3.4.4. Трансформационный механизм 363

Выводы 366

Заключение 373

Список литературы 384

Введение

Понятие метаязыка относится к числу фундаментальных и востребованных в современной гуманитаристике. Помимо лингвистов, им оперируют философы, логики, семиотики, литературоведы, психологи, специалисты в области теории коммуникации. Постоянно расширяется его употребление в меж- и трансдисциплинарном пространстве. Однако универсальная идея «мета» одну из самых значимых своих трактовок получает именно в лингвистике. Являясь «домом бытия» (Хайдеггер, 1993, с. 192), язык представляет собой своеобразный гносеологический медиум, через обращение к которому открываются особенности самых разных сторон человеческой жизнедеятельности, бытийность при этом не просто инструментально опосредуется языковыми структурами, но язык является субстанциональным пространством её формирования. В поле знаменитой метафоры Мартина Хайдеггера укладывается и сам язык: он самостоятельно создает дом собственного бытия, не выходя за свои пределы.

Исследование языковой материи позволяет увидеть контуры феномена, который манифестируется «после», «посредством», «через», «за», «над» ней (в соответствии со значениями древнегреческого форманта ***μετά-*** (*meta-*), которые он передавал на разных этапах своей семантической эволюции). Тем самым метаязык выступает в роли «органона» познания и интерпретации языка. Это стало возможно благодаря тому, что сознание оказалось способно пропустить через собственную интерпретационную матрицу сам язык, что привело к образованию метаязыка, который представляет собой феномен с «двойной онтологией», сочетая в себе признаки языка-объекта и языка-инструмента.

Метаязык характеризуется как «естественный» феномен, что предполагает консубстанциональность языка и метаязыка. Из этого следует,

что метаязыковые высказывания строятся с помощью единиц естественного языка на основе реинтерпретации на третьем уровне феноменологической абстракции. Исследование структуры и функционирования естественного метаязыка относится к числу наиболее сложных и интересных задач современной лингвистики, следующей за Мишелем Монтенем в понимании того, что истолкование истолкований – дело более важное, нежели истолкование вещей (Монтень, 1960, с. 360).

Сложность объекта, его полиморфизм и трансгрессионные характеристики диктуют необходимость аспектуализации его исследования, чем в свою очередь объясняется использование различных спецификаторов метаязыка: «естественный» («нативный»), «обыденный» («неспециализированный»). Указанные определения актуализируют критериальные признаки вторичной объективации исследовательского конструкта. Спецификатор «естественный» («нативный») предполагает имманентность и ингерентность языка метаописания самой языковой системе. Конкретизатор «обыденный» («неспециализированный») указывает на непрофессиональный (нетерминологический) характер метаязыковой рефлексии, опредмеченной в единицах метаязыка.

Языкознание постепенно преодолевает узость взгляда на естественный метаязык как исключительно на лингвистическую терминологию, расширяя его до любых употреблений языка, обладающих внутренней референцией. Тем самым объем понятия обыденного (неспециализированного) метаязыка включает в себя разнообразные явления от комментариев семантики слов до конструкций языковой игры.

Уникальность феномена обыденного метаязыка и соответственно трудность его изучения определяются тем, что он возникает на пересечении «стихий» языка и речи. Его единицы (за исключением отдельных лексико-семантических разрядов слов, напрямую обозначающих элементы самого языка) не обладают модусом существования в парадигматической реальности. Как правило, они приобретают метаязыковой статус в результате

использования языка в его метаязыковой функции. Тем самым конструкции обыденного метаязыка, появляющиеся на поверхности дискурса, с одной стороны, несут в себе потенциал языковых единиц выступать средством внутренней референции, обеспечивая реализацию одной из практических функций языка, с другой – являются воплощением механизмов речевой деятельности. Поэтому системное и многоаспектное изучение обыденного метаязыка требует разумного синтеза подходов и инструментов, свойственных для лингвистики языка и лингвистики речи.

Актуальность исследования в первую очередь продиктована действием двух факторов, определяемых нами как «эмпирический» и «эпистемический». Первый из них связан с особенностями актуальной коммуникативной практики. Бурный рост количества метаязыковых контекстов наблюдается в разговорном, публицистическом, художественном, научном дискурсах. Более того, развитие некоторых дискурсивных практик напрямую определяется метаязыковой деятельностью говорящего. Такого рода практики характерны для сфер рекламы, связей с общественностью, перевода, интернет-коммуникации (особенно в жанре интернет-комментариев), а также для широкого круга текстов, создаваемых в жанре энигматики (загадки, кроссворды и другие виды интеллектуально-лингвистических игр). Именно направленность наивной ноэматической рефлексии на коррелятивные аспекты формы и содержания языковых конструкций обеспечивает реализацию естественным языком метаязыковой функции.

Многие ученые видят в увеличении числа метаязыковых высказываний важнейшую характеристику современного этапа истории речевой коммуникации. В насыщенности метаязыковых контекстов усматривается долговременная тенденция, «состоящая в усилении значимости в общении метаязыковой семантики» (Мечковская, 2006 а, с. 175). Обилие в речи метаязыковых комментариев дают повод говорить о «метаязыковом привкусе эпохи» (Вепрева, 2014 а, с. 128-129). Поэтому высказывания с метаязыковым

содержанием можно рассматривать в качестве активного коммуникативного явления, что, в свою очередь, предопределяет актуальность их изучения.

Действие эпистемического фактора опирается на становление и развитие в последние несколько десятилетий ряда лингвистических направлений (представленных разнообразными самобытными научными школами), проявивших предметный интерес к изучению метаязыковой деятельности говорящих. Лингвистика, уделяя основное внимание анализу особенностей внешней референции языка, долгое время оставляла рассмотрение проблемных вопросов внутренней референции на периферии лингвистической повестки. В ходе своего развития лингвистическая наука значительно расширила предметное поле, а изучение нативного метаязыка превратилось в одну из приоритетных областей научного поиска в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания, что отразилось в публикациях большого количества научных трудов, освещающих результаты исследования метаязыковой рефлексии в её профессиональном или обыденном вариантах (Бредихин и др., 2024 б; Вепрева, 2005; Демьянков, 2002; Зыкова, 2017; Рябцева, 2005; Сорокина, 2007; Шумарина, 2011; Jaworski, Coupland, Galasinski, 2004 и др.). В настоящий момент следует констатировать, что исследования метаязыковой деятельности носителей языка обладают значительным эвристическим потенциалом и привносят в науку новое актуальное знание.

Вместе с тем вопросы определения системных особенностей, конститутивных признаков, свойств, функциональных ролей обыденного метаязыка, не зависящих от дискурсивной и жанровой специфики привлекаемого материала, до настоящего времени оставались на периферии исследовательского внимания. В поле изучения метаязыка сохраняется большое количество нерешенных задач, имеющих отношение к широкому кругу проблем: от упорядочения и кодификации терминологии до типологического освещения единиц метаязыка. В актуальный момент формируется запрос на обобщение накопленного опыта изучения метаязыка,

на синтез идей о метаязыковой деятельности коммуникантов. Еще Р. Якобсон отмечал, что «метаязык как часть языка вообще тоже является структурным образованием» (Якобсон, 1985 д, с. 316). На современном этапе развития лингвистики, находящейся в активном поиске интегральной научной парадигмы (в настоящее время наиболее перспективной формой её реализации представляется неоструктуралистский подход), обращение к установлению и описанию системных признаков метаязыка представляется особенно актуальным. Это соответствует общему тренду развития гуманитарных наук, в которых «вновь утверждается возврат к основам, заложенным в структурной лингвистике и аналитической философии» (Золян, 2014, с. 97). Неоструктуралистский подход призван обеспечить баланс в изучении обыденного метаязыка как системы и как деятельности через синтез исследовательских инструментов лингвистики языка и лингвистики речи (Золян, 2021; 2022).

Отдельно отметим, что актуальность предпринятого исследования обусловлена его междисциплинарностью. Как известно, основной прирост нового знания в последние годы происходит благодаря поиску на стыке научных направлений. Изучение проблем обыденного метаязыка предполагает активное привлечение данных методологической теории, теории референции, семиотики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, теории текста и различных направлений дискурс-анализа.

Степень научной разработанности проблемы. Выделение проблематики обыденного метаязыка в структуре лингвистического знания было подготовлено фундаментальными исследованиями выдающегося лингвиста XX века Р. Якобсона (Якобсон, 1975; Jakobson, 1985). К постановке и рассмотрению проблем метаязыка Р. Якобсон пришел через анализ и осмысление функций естественного языка. Тем самым была заложена традиция функционального (в прямом, изначальном смысле этого термина) подхода, в русле которого метаязык изучался как функциональная надстройка над языком, обеспечивающая его интерпретацию и описание

(Андрусенко, 2011; Бенвенист, 1974; Демьянков, 2011; Рябцева, 2005; Кравченко, 2024 в; Кравченко, 2026 б; Кравцова, 2014 б; Jaworski, Coupland, Galasinski, 2004; Kačerauskas, Mickūnas, 2020; Rey-Debove, 1997 и др.).

Обыденный метаязык широко изучался с позиций лингвистики текста. Основоположник данной традиции А. Вежбицка сформулировала научный базис для рассмотрения *метатекста* в качестве уникальной текстовой категории (Wierzbicka, 1971). Идеи А. Вежбицкой получили глубокое всестороннее развитие в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов (Борботько, 2015; Гаврилова, 2017; Гилева, 2009; Кормилицына, 2006; Кузнецова, 2020; Лукина, 2011; Ляпон, 1986; Николаева, 1987; Остапенко, 2015; Перфильева, 2006; Ростова, 2000; Фролова, 2021; Czoska, 2018; Piekarczyk, 2015; Tutak, 2012; Witosz, 2008 и др.).

Интерес к феномену неспециализированного метаязыка со стороны социолингвистики и лингвокультурологии привел к формированию в науке о языке отдельного исследовательского направления, известного под названием «обыденная лингвистика» («стихийная лингвистика», «народная лингвистика», «лингвистика обыденного сознания»). Метаязыковые высказывания рядовых носителей языка рассматриваются сторонниками этого направления как материал для реконструкции языковой картины мира, а также ее динамических преобразований, вызванных разнообразными социальными и этнокультурными процессами (Арутюнова, 2000; Бредихин, Кравченко, 2026 б; Булыгина, Шмелев, 2003; Вепрева, 2005; Голев, 2009; Гудков, 2009; Кашкин, 2003; Полиниченко, 2009; Шумарина, 2011; Hoeningswald, 1971; Niedzielski, Preston, 2003; Preston, 2004 и др.).

Взгляд на проблему естественного метаязыка с позиций психолингвистики привел к системному изучению метаязыковой рефлексии как одного из важнейших механизмов деятельности сознания (Богин, 1998; Бредихин, 2013 б; Бредихин, Аликаев, 2016; Залевская, 2015; Золотова, 2019; Лебедева, 2009 и др.). Интерес к психическому субстрату естественного метаязыка открыл дорогу серии исследований ментального лексикона

носителей языка (Белов, 2020; Захарова, 2014; Золотова, 2005; Bredikhin, Babayants, Pelevina, 2021 и др.).

Изучение проблематики нативного метаязыка получило широкое распространение на почве когнитивно-дискурсивных исследований. Во-первых, лингвистами была замечена и проанализирована способность естественного метаязыка обеспечивать функционирование канала передачи непропозициональной информации, что стало поводом для введения понятия «метадискурс» и его последующего применения в разнообразных практиках дискурс-анализа (Беляевская, 2016; Зайцева, 2020; Золотухин, 2022; Нефедов, 2013; Устинова, 2014; Федотова, 2012; Шаймиев, 1999; Ädel, 2006; Clark, 1996; Hyland, 2005; Vande Koople, 2012; Man Zhang, 2016 и др.). Во-вторых, материальные сигналы метаязыковой рефлексии (метаоператоры) рассматриваются в качестве особого рода дискурсивных маркеров (Богданова-Бегларян, 2019; Викторова, 2015; Горбунова, 2021; Подлесская, 2024; Шилихина, 2015 а и др.).

Актуальность и степень разработанности проблемы исследования во многом задали предметно-целевые рамки настоящей работы.

Объектом исследования являются конструкции обыденного метаязыка, характеризующиеся внутренней референцией и выполняющие в дискурсе функцию интерпретации и описания элементов языкового кода.

Предметом исследования выступают лингвосемиотические свойства обыденного метаязыка, в которых проявляется антиномичная природа исследуемого феномена, сочетающего в себе признаки системы и деятельности.

Цель работы заключается в построении комплексной лингвосемиотической модели функционирования в дискурсе ресурсов обыденного метаязыка, обеспечивающих системное описание естественного языка-объекта.

Ключевая гипотеза исследования состоит в следующем. Обыденный метаязык функционирует в пространстве «трехмерной»

лингвосемиотической модели, образованной измерениями семантики, синтактики и прагматики. При этом семиотика метаязыка представляет собой не традиционную семиотику объекта (ввиду консубстанциональности языка и метаязыка – у последнего не может быть собственной семиотики, семиотики вне языка), а семиотику интерпретации объекта. Как сам язык, будучи системно-структурным образованием, реализует себя в измерениях семантики, синтактики и прагматики, так и естественный метаязык представляет собой систему описания языка, разворачивающуюся в границах указанных семиотических измерений. Тем самым конструкции с внутренней референцией, обладающие метаязыковым статусом, формируются не под влиянием исключительно «дискурсивного произвола», но несут в себе отпечаток системности метаязыка как средства описания языкового кода.

Достижение обозначенной цели исследования, а также верификация выдвинутой гипотезы обеспечиваются посредством решения следующих **задач**:

1) разработка системной дефиниции понятия «обыденный метаязык», выявление критериальных признаков его делимитации и определение места в системе метаязыковых коррелятов;

2) осуществление методологической рефлексии для определения научного вектора и перспектив исследования обыденного метаязыка на современном этапе развития лингвистической науки;

3) аргументативное обоснование продуктивности использования авторского методологического аппарата системного интегративного анализа, сформированного на базе исследовательских принципов неоструктурализма;

4) определение и анализ субстанциональных характеристик, свойств и функций обыденного метаязыка, а также особенностей его реализации в контексте дискурсивных практик;

5) обоснование применения таксономического принципа наложения «семиотической решетки» в отношении конструкций обыденного метаязыка

в рамках установления их принадлежности к соответствующим семиотическим измерениям;

6) многоаспектная и многоуровневая функционально-типологическая характеристика единиц обыденного метаязыка, относящихся к измерению метаязыковой семантики;

7) функционально-типологическое описание метаязыковых конструкций, относящихся к измерению метаязыковой синтактики;

8) выявление и функционально-типологический анализ конструкций обыденного метаязыка, относящихся к измерению метаязыковой прагматики; исследование их стратагемно-тактического варьирования.

Цель, ключевая гипотеза и задачи работы определили выбор методологии, а также комплекса методов и методик исследования.

В основе избранной **методологии исследования** лежат принципы универсальной (интегральной) лингвистической парадигмы (неоструктурализма). Последняя сочетает в себе системоцентрический и антропоцентрический подходы к изучению языка. Систему исследовательских принципов неоструктурализма составляют: холизм, таксономичность (ориентация на таксонометрию), семиотичность (ориентация на семиотическую природу языка), многомерность, функционализм и текстоцентризм. Первые три принципа в универсальной парадигме «представляют интересы» системоцентризма, следующие три – антропоцентризма. Ориентация на методологические принципы неоструктурализма, с одной стороны, обеспечивает возврат продуктивного взгляда на язык как на системное явление, с другой – консервацию и развитие наиболее эффективных практик антропоцентризма, нацеленных на изучение языка как деятельности во всем многообразии ее проявлений.

Методология, основанная на объектоцентрической модификации перечисленных выше принципов неоструктурализма, позволила в полном объеме реализовать междисциплинарную направленность исследования,

объединившего аналитические возможности семиотики, теории референции, когнитивной и традиционной лингвистики.

Система используемых в работе **методов и методик** позволила сформировать адекватное сочетание индуктивно-эмпирического и дедуктивно-гипотетического векторов исследования. Комплекс общетеоретических и эмпирических методов отвечает специфике решаемых в работе задач и обеспечивает точность, полноту и непротиворечивость получаемых результатов, имеющих высокую степень эмпирической верифицируемости.

Изучение теоретического наследия, относящегося к анализируемой проблематике, осуществлялось при помощи метода нарративной лингвоисториографии, предполагающего использование приемов осмысления, интерпретации и классификации научных трудов по лингвистике, а также обеспечивающего трансляцию теоретических посылок, аргументов и выводов. Анализ эмпирических данных производился при помощи общенаучных и лингвистических методов. В числе общенаучных методов активно использовался описательный метод, оперирующий приемами наблюдения, интерпретации и типологизации. При решении задачи построения лингвосемиотической модели обыденного метаязыка применялся метод моделирования. В части специальных инструментов в работе были задействованы элементы функционально-семантического, функционально-синтаксического, функционально-прагматического и контекстуального анализа фрагментов текста, характеризующихся внутренней референцией. На отдельных этапах исследования ограниченное применение находили также методики диалектико-реляционного дискурс-анализа, герменевтико-ноэматического подхода и анализа корпусных данных.

Материалом исследования послужили данные, собранные нами из двух основных источников. Первым из них стали тексты художественных произведений. Обращение к данному источнику продиктовано тем фактом,

что выявление автосемантических отрезков текста, обладающих метаязыковым статусом, требует анализа не только формальных, но и семантических признаков, т.е. непосредственного участия исследователя в отборе языкового материала. Более того, структурное и содержательное многообразие метаязыковых конструкций не позволяет ограничиться автоматизированными способами сбора данных ввиду несовершенства машинных систем семантико-семиотической интерпретативной селекции. Этим обусловлено широкое использование метода сплошной и направленной выборки метаязыковых конструкций из текстов современной русской литературы. Таким образом нами был сформирован конкорданс, состоящий из более чем семи тысяч единиц анализа. Результатом системной работы с собранным эмпирическим материалом стало создание «Исследовательского корпуса текстов репрезентации лингвосемиотики обыденного метаязыка: семантика, синтактика, прагматика» (Кравченко, 2026), зарегистрированного в установленном порядке в Реестре баз данных (Свидетельство о государственной регистрации № 2026620743 от 18.02.2026).

Выбор в пользу художественных текстов продиктован их «над»-дискурсивностью, заключающейся в смешении признаков и элементов различных типов дискурса. В этом смысле для достижения цели и решения задач настоящего исследования художественный текст представляет собой универсальный «немаркированный» языковой материал. Хронологический период выборки – произведения, опубликованные в диапазоне от последней четверти XX века до 20-х годов XXI века, – обеспечивает синхронность среза изучаемых явлений, относящихся к актуальному состоянию обыденного метаязыка и метаязыковой деятельности. В процессе сбора данных мы ориентировались на произведения современных русских писателей, чей идиостиль характеризуется повышенной рефлексивностью повествования, которая приводит к изобилию и разнообразию метаязыковых контекстов в знаковой ткани текста художественного произведения. Основной объем материала был извлечен нами из текстов произведений П. Алешковского,

А. Варламова, М. Веллера, Е. Водолазкина, А. Иванова, В. Пелевина, Ю. Полякова, Д. Рубиной, Р. Сенчина, М. Степновой, Т. Толстой. Причиной этому стала высокая плотность метаязыковых контекстов в текстах произведений указанных писателей. Вместе с тем, локализация эмпирического поля в пределах отдельного литературного жанра или хужожественного направлекния не представляется релевантной для решения обозначенных задач исследования.

Вторым источником эмпирических данных послужил Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ). В частности, широкое обращение к материалам основного, газетного и устного подкорпусов обеспечило дополнительное привлечение примеров в объеме свыше 10 000 единиц анализа. При формировании эмпирической базы из материалов НКРЯ приоритет отдавался метаязыковым конструкциям, употребление которых в дискурсе было зафиксировано в последние три десятилетия. Использование корпусных данных доказало свою эффективность при изучении метаязыковых конструкций, обладающих четко выраженными формальными признаками. Привлечение материалов НКРЯ позволило провести исследование в русле датацентризма. Работа с корпусом открыла доступ к максимально большому количеству контекстов употребления разного рода метапоказателей и снабдила инструментарием для обработки квантитативной информации, что создало необходимые условия для глубины и достоверности научного поиска.

В тексте диссертации при подаче языкового материала, иллюстрирующего тезисы и положения работы, предусмотрено оформление соответствующих ссылок, в которых фиксируется источник отобранного примера – НКРЯ (с указанием подкорпуса) или база данных № 2026620743.

Считаем необходимым подчеркнуть, что при отборе эмпирического материала мы руководствовались принципом «стилистического плюрализма», включая в корпус примеров метаязыковые конструкции, употребление которых характерно для разных стилей и подстилей

национального языка. Типологическое единство конкорданса обеспечивается общностью онтологической природы анализируемых метаязыковых конструкций, являющихся отражением и воплощением на поверхности дискурса результатов непрофессиональной метаязыковой рефлексии говорящего.

Теоретико-методологической базой работы послужили научные достижения, принципы и положения, выработанные в следующих исследовательских областях и направлениях:

предметный блок эпистемологии:

общая эпистемология и теория научных парадигм (Израилевский, Поляков, 1990; Кун, 1975; Лекторский, 2001; Моль, 1973; Поппер, 1983; Розин, 2000; Фуко, 1994; Lakatos, 1978 и др.);

частная эпистемология лингвистики и история лингвистических учений (Алефиренко, 2002; Алпатов, 1993; Березин, 2000; Бугорская, 2004; Караулов, 2010; Костомаров, 2014; Кубрякова, 1994; Маслова, 2018; Паршин, 1996; Руденко, 1993; Серио, 1993; Степанов, Проскурин, 1993; Фрумкина, 1996 и др.);

теория универсальной лингвистической парадигмы (Дубровская, 2019; Постовалова, 2016; Золян, 2021; 2022; Факторович, Руденко, 1993 и др.);

предметный блок логики и семиотики:

формальная логика (Аристотель, 1978; Тарский, 1972; Ajdukiewicz, 1934; Carnap, 1964; Wittgenstein, 1974 и др.);

теория референции (Алимурадов, 2003; Арутюнова, 1976; Куайн, 1982; Лебедева, 1991; Падучева, 2010; Рассел, 1982; Стросон, 1982; Фреге, 1997; Фролова, 2008; Шмелев, 1995 и др.);

общая семиотика (Барт, 2000; Деррида, 2000; Золян, 2016; Косиков, 2000; Моррис, 2001; Налимов, 2003; Пирс, 2000; Соломоник, 2004; Степанов, 1971; Фещенко, 2005; Эко, 2004 и др.);

лингвистическая семиотика (Бенвенист, 1974; Золян, 2015; Ельмслев, 1960; Карасик, 2024; Кубрякова, 2001; Лосев, 1982; Солнцев, 1977; Соссюр, 1977; Степанов, 1985; Уфимцева, 1974 и др.);

предметный блок психологии речевой деятельности:

психология сознания (Выготский, 1956; Зинченко, 1991; Леонтьев, 1977; Лурия, 1979; Петренко, 2005; Рубинштейн, 2012; Спиркин, 1972; Улыбина, 2001 и др.);

психолингвистическая теория языкового сознания и метаязыковой рефлексии (Голев, 2009; Залевская, 2015; Золотова, 2019; Леонтьев, 1993; Мыскин, 2015; Ростова, 2008; Сорокин, 1985; Тарасов, 2004, 2014; Устинова, 2012; Уфимцева, Тарасов, 2009 и др.);

предметный блок теории речевой деятельности:

теория текста (Гальперин, 2005; Дейк ван, 1978; Залевская, 2001; Касавин, 2008; Лотман, 2023; Ляпон, 1986; Перфильева, 2006; Сгалл, 1978; Чернявская, 2000; Todorov, 1968 и др.);

теория дискурса (Болдырев, Григорьева, 2020; Борботько, 2006; Гусаренко, 2009; Золян, 2020; Карасик, 2004; Кибрик, 2003; Макаров, 2003; Манаенко, 2016; Dijk van, 1977; Givón, 1979; Langacker, 2001; Harris, 1969; Lutzky, 2012; Schiffrin, 1987 и др.).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые осуществлено комплексное многостороннее и многоаспектное описание феномена обыденного метаязыка с интегративных позиций неоструктурализма, объединившего принципы изучения языка и речи, дискурсивных медиативных корреляций текстовой и рефлексивной реальности. Впервые построена и эксплицирована «трехмерная» модель обыденного метаязыка, в которой он представлен как интерпретирующая система языка-объекта, действующая в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики. Впервые дана исчерпывающая характеристика семантики, синтактики и прагматики обыденного метаязыка. Были разработаны новые принципы типологии конструкций обыденного метаязыка. Представлена многоуровневая типология единиц семантики языка, учитывающая различные формальные и содержательные критерии; обоснованы принципы разделения синтактики метаязыка на лексическую и

грамматическую области; разработаны классификации единиц прагматики метаязыка, участвующих в реализации различных метапрагматических стратегий.

В диссертационном исследовании расширены и углублены представления о системе функций обыденного метаязыка, а также о его конститутивных признаках (свойствах) и структурных единицах. Получили развитие проблемные вопросы разграничения модусных категорий и метатекста, дифференциации признаков высказываний с внешней и внутренней референцией (высказываний «о мире» и высказываний «о языке»). Представлены аргументы в пользу рассмотрения интенционально генерируемых лудических конструкций в качестве продукта метаязыковой деятельности говорящего.

В работе также нашли уточнение вопросы соотношения понятий *языковое сознание* и *метаязыковое сознание*, а также понятий *обыденное метаязыковое сознание* и *профессиональное метаязыковое сознание*.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем реализован комплексный подход к изучению феномена обыденного метаязыка, обеспечивший полноту его рассмотрения в границах базовой антиномии «метаязык как система» vs «метаязык как деятельность». Избранный подход позволил установить лингосемиотическую модель реализации метаязыкового потенциала естественного языка.

Результаты исследования вносят вклад в описание конститутивных признаков языка, а также уточняют систему выполняемых им функций. Развернутое обоснование получило использование терминологического аппарата для обозначения единиц метаязыка, что создает условия для регулярного и упорядоченного употребления соответствующей терминологии в последующих исследованиях.

Отдельно стоит отметить значимость настоящего исследования для апробации новой методологической платформы, формирующейся на базе синтеза научных идей системоцентризма и антропоцентризма, определенной

в работе как *неоструктурализм*. Неоструктуралистский подход позволил обеспечить практическое применение в рамках одного исследования научных принципов, характерных для лингвистики языка и лингвистики речи.

Практическая ценность работы обусловлена применимостью значительного объема ее материалов в различных сферах профессиональной деятельности. Так, разработанные принципы неоструктурализма как универсальной лингвистической категории могут быть экстраполированы на другие исследования, тем самым расширяя практику межпарадигмального синтеза в науке о языке.

В области учебно-методической деятельности материалы диссертации будут востребованы при создании образовательного контента для разного рода учебных и учебно-методических изданий (учебников, учебных пособий, хрестоматий, курсов лекций, рабочих тетрадей спецкурсов и спецсеминаров) по общему языкознанию, лингвосемиотике, теории метаязыка и метаязыковой деятельности, семантике и прагматике языковых единиц, стилистике, лингвистическому анализу художественного текста, теории текста и дискурса, теории модусно-диктумного членения высказывания, теории языковой игры и др.

Материалы диссертации могут быть также использованы в лексикографической практике в части кодификации функционально-семантических и прагматических ролей многочисленных метаоператоров, выступающих в дискурсе в качестве сигналов метаязыковой рефлексии.

Выделение и системное изучение в диссертации формальных показателей метаязыковых конструкций открывает дополнительные возможности для формирования специального метаязыкового корпуса языка. Дальнейшее формализованное описание метамаркеров обеспечит возможность автоматизированной выборки высказываний с внутренней референцией.

Ход и результаты исследования дают основания сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Обыденный метаязык представляет собой функциональную ипостась языка, в которой реализуется его синергетический потенциал к самоинтерпретации и самоописанию. Язык и метаязык консубстанциональны, а разграничение между ними проходит по линии референциальной отнесенности: внешняя референция характерна для семиозиса языка; внутренняя референция – для семиозиса метаязыка. Оперируя конструктивными средствами языка, обыденный метаязык «наследует» антиномичную природу последнего, сочетая в себе признаки системы и признаки деятельности.

2. Комплексное многоаспектное исследование обыденного метаязыка требует учета его антиномичной природы, что детерминирует выбор специальной методологической платформы (неоструктурализма), обладающей признаками универсальной лингвистической парадигмы, интегрировавшей в себе принципы системоцентризма для изучения системных характеристик метаязыка и принципы антропоцентризма для изучения его деятельностных характеристик. Системоцентрический подход опирается на: 1) принцип холизма, обеспечивающий примат изучения целостной системы метаязыка над изучением отдельных ее частей; 2) принцип таксономичности, обеспечивающий описание внутренней структуры объекта в виде законченной таксономии; 3) принцип семиотичности, обеспечивающий ориентацию на знаковую сущность метаязыка в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики. Антропоцентризм проявляет себя: 1) в принципе многомерности, допускающем вариативность решений и альтернативную интерпретацию фактов; 2) в принципе функционализма, устанавливающем разнообразие функций метаязыка; 3) в принципе текстоцентризма, формирующем предпосылки рассмотрения метаязыка в качестве текстовой категории. При этом неоструктуралистская методология не базируется на полипарадигмальности современного лингвистического ландшафта, постулирующего диверсификацию исследовательских подходов, а в полной

мере является реализацией комплексного интегративного подхода к изучению языкового феномена, обладающего признаками лингвистической антиномии.

3. Набор конститутивных признаков (свойств) обыденного метаязыка определяется его онтологической природой, восходящей к рефлексивным механизмам деятельности метаязыкового сознания, а также негомогенностью структуры самих метаязыковых конструкций. Свойствами обыденного метаязыка являются рефлексивность, интерпретативность, полифункциональность, дискурсивность и полиморфность.

4. Обыденный метаязык способен выполнять в дискурсе ряд функций, образующих систему контекстно обусловленных метаязыковых ролей. Базовыми родовыми функциями обыденного метаязыка выступают информационно-исследовательская и моделирующая. Первая обеспечивает возможность осуществления разного рода исследовательских процедур над элементами языкового кода и реализуется в виде метафатической, пояснительной, характеризующей, оценочной, поисковой, связующей и категоризирующей эпифункций. Вторая преследует цель творческого осмысления, переработки и креативного воплощения элементов кода в дискурсе.

5. Сложность и противоречивость феномена обыденного метаязыка определяется действием целого ряда антиномий, которые, с одной стороны, обеспечивают его коммуникативную гибкость и полифункциональность, с другой – затрудняют установление предметно-понятийных и фактических (позитивных) границ явления. К числу важнейших антиномий обыденного метаязыка относятся: 1) антиномия «обыденного» и «профессионального», проявляющаяся в гибридизации направленности и содержания метаязыковой рефлексии; 2) антиномия «модуса» и «диктума», закладывающая возможность рассмотрения метаязыка как в качестве модусной, так и в качестве диктумной категории; 3) антиномия «знака» и «денотата», формирующая потенциальную синкретичность конструкций в отношении их референциальной отнесенности,

затрудняя тем самым разграничение «высказываний о мире» и «высказываний о языке».

6. Обыденный метаязык структурно представляет собой семиотику интерпретации языка-объекта, функционирование которой укладывается в рамки трехмерной модели: метаязык интерпретирует и описывает язык в разрезе его семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики.

7. Под семантикой метаязыка понимаются результаты интерпретации и описания собственно языковых знаков или их последовательностей. Единицами семантики метаязыка выступают метаязыковые конструкции (рефлексивы), в которых зафиксированы результаты рефлексии над различными характеристиками языковых знаков. Релевантным признаком, определяющим основание для классификации рефлексивов, выступают принципы функционирования метаязыковой рефлексии. Она может опираться как на семасиологический принцип (протекать от заданного знака к его характеристикам), так и на ономасиологический принцип (осуществляться в процессе выбора знака, занимая пространство от предметно-понятийной области к ее обозначению). Действие указанных принципов обеспечивает разделение семантики метаязыка на семасиологию и ономасиологию метаязыка. Рефлексивы семасиологического типа (интерпретативы) характеризуются статичностью, нелинейностью и открытостью структуры, а рефлексивы ономасиологического типа (инвестигативы) – динамичностью, линейностью и закрытостью структуры.

8. Типология рефлексивов семасиологического типа (интерпретативов) имеет многоярусную структуру. Нижний ярус типологии формируется на основании общесемантических показателей (рефлексивы дескриптивного и оценочного значения) и формальных показателей (рефлексивы формы (внешней и внутренней) и значения («ближнего» и «дальнего») знака). Верхний ярус таксономии опирается на признак глубины метаязыковой рефлексии, которая может носить как поверхностный, так и глубинный характер, что обусловливает наличие у рефлексивов

качественных градуальных характеристик. Различия в указанных характеристиках выступают основанием для деления рефлексивов на *констатирующие* и *операциональные*. Семантические, формальные (объектные) и качественные (градуальные) признаки рефлексивов дополняют друг друга, формируя разноуровневую и многоаспектную картину семасиологии метаязыка.

9. Типология рефлексивов ономасиологического типа (инвестигативов) опирается на особенности протекания процесса нетривиального выбора знака, который сегментируется на несколько этапов: 1) собственно этап поиска адекватной номинации; 2) этап оценки выбранной номинации; 3) этап коррекции выбора. На каждом из указанных этапов рефлексии рождается соответствующий рефлексив: 1) хезитация, 2) оценка и 3) коррекция выбора.

10. Синтактика метаязыка представляет собой внутрисистемное измерение семиотической триады, в котором фиксируются и эксплицируются отношения, возникающие между элементами кода в синтагматической цепи (в тексте). Пространство синтактики метаязыка образовано разноструктурными метаязыковыми конструкциями, в которых отражаются результаты рефлексии над внутритекстовым взаимодействием знаков. Указанное пространство членится на лексическую и грамматическую области. Лексический метатекст ориентирован на эксплицитное выражение отношений между знаками и обеспечивает передачу идеи кореферентности за счет лексикализации предметных и реляционных особенностей языкового кода, а также номинализации коммуникативных намерений говорящих. Грамматический метатекст задействует имплицитные формы выражения внутритекстовых отношений и реализуется через инструменты служебных слов, лексическая полнозначность которых была утрачена в процессе их грамматикализации.

11. Функционирование лексического метатекста обеспечивается средствами металексики. Лексический метатекст, с одной стороны, создает

кореферентную среду в тексте, тем самым обеспечивая его когезию и когерентность, а с другой – актуализирует автонимное употребление знака. При этом различаются два типа метатекстовых актуализационных конструкций. Интродуктивный тип реализуется в тех случаях, когда слово-актуализатор выступает в роли антецедента, т.е. предшествует в пространстве текста слову-автониму. Рекуррентный тип актуализации имеет место в случаях, когда слово-актуализатор оказывается в позиции постцедента, тем самым сигнализируя о переключении референциальных планов с внешнего на внутренний.

12. Грамматикализованные конструкции используются при маркировании композиционно-содержательных и содержательных структур метатекста. Композиционно-содержательные структуры метатекста определяют отношения между частями текста как элементами его композиции и существуют в двух своих функциональных вариантах. В первом из них с помощью метатекста определяются: порядок развертывания смысла, смысловые доминанты сообщения, место фрагмента в общей структуре текста и т.д. Второй вариант представляет собой фиксацию отступления от традиционного порядка изложения информации и реализуется с помощью одного из трех структурно-семантических типов метатекстовых конструкций, которые соотносятся с пространственной моделью восприятия текста: 1) метатекст-проспекция; 2) метатекст-ретроспекция и 3) метатекст-алиоспекция. Тем самым метатекст сигнализирует о разнонаправленных перемещениях «курсора сознания» в текстовом пространстве. Содержательные структуры метатекста нацелены на раскрытие смысловых отношений между элементами текста. Они передают либо отношения тождества, либо отношения квазитождества (псевдотождества) между синтаксическими единицами.

13. Прагматика метаязыка характеризуется как семиотическое измерение, в котором интерпретируются отношения, возникающие между субъектами коммуникации и используемыми ими знаками. Ввиду

диалогичности коммуникации поле прагматики метаязыка разделяется на два кластера: «знак↔продуцент» и «знак↔реципиент». Тем самым формируются два автономных раздела прагматики метаязыка: прагматика адресанта и прагматика адресата.

14. Ввиду активной позиции говорящего в отношении используемых знаковых средств, в пространстве между знаком и адресантом реализуется целый ряд метапрагматических стратегий: стратегия авторизации кода, стратегия социокультурной локализации кода и стратегия эвфемизации/дисфемизации. В результате реализации указанных стратегий элементам кода сообщаются личностные, культурные и социальные качества, признаки и характеристики субъекта коммуникации.

15. В пространстве между знаком и адресатом реализуется метапрагматическая стратегия преобразования кода. Она ориентирована на механизмы лингвокреативности и манифестируется в явлениях языковой игры, которые квалифицируются в качестве особых единиц обыденного метаязыка (суггестивов). Интенционально генерируемые лудические конструкции референтны не к внеязыковой действительности, а к элементам кода. Они демонстрируют уникальное соотношение знакового, понятийного и предметного компонентов референциальной модели. В реализации установленной модели задействованы компенсаторный, аттрактивный / дистрактивный, актуализационный и трансформационный механизмы внутренней референции.

Апробация работы. Исследование прошло многоуровневую апробацию, нашедшую отражение в выступлениях на конференциях научно-теоретической и научно-практической направленности, в публикациях материалов диссертации в монографических и ведущих рецензируемых изданиях. Так, результаты исследования были представлены и обсуждались на следующих международных, всероссийских и региональных конференциях, конгрессах и форумах: Ростов-на-Дону: РГПУ, 2005; Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2005; Нижний Новгород: НГУ им.

Н.И. Лобачевского, 2006; Челябинск: ЧГУ, 2006; Кемерово: КГУ, 2006; Волгоград: ВГУ, 2006; Ростов-на-Дону: РГУПС, 2010; Ростов-на-Дону: РГУПС, 2015; Ульяновск: УлГУ, 2022; Казань: КФУ, 2022; Воронеж: ВГПУ, 2023; Ульяновск: УлГУ, 2023; Барнаул: АлтГПУ, 2023; Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023; Казань: КФУ, 2024; Челябинск: ЧГУ, 2024; Москва: МГПУ, 2024; Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2024; Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2024; Красноярск: СФУ, 2024; Москва: Институт языкознания РАН, 2024; Тюмень: ТюмГУ, 2025; Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2025; Ростов-на-Дону: РГУПС, 2025, Санкт-Петербург: СПбГУ, 2025; Челябинск: ЮУрГУ, 2025; Курган: КГУ, 2025; Владимир: ВлГУ, 2025; Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2025; Саратов: СГУ, 2025; Луганск: ЛГПУ, 2025; Таганрог: ТИ им. А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ), 2026; Краснодар: КубГУ, 2026.

Основные положения и результаты исследования опубликованы в 62-х работах автора, среди которых три монографии, 28 статей в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (в том числе 5 статей в изданиях, индексируемых в базе данных SCOPUS).

Глава I. НЕОСТРУКТУРАЛИЗМ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Диалектика развития лингвистики: актуальный исследовательский контекст в зеркале методологической рефлексии

1.1.1. Понятие научной парадигмы и специфика его понимания в лингвистике

Телеологичность и результативность научного поиска закладываются уже на этапе его подготовки, в тот момент, когда определяются направления исследования и понятийная система координат. Точкой отсчета научного поиска является методологическая рефлексия, которая позволяет сформировать четкое представление о теоретическом фундаменте, месте в структуре специального знания и эвристическом поле исследования. Поэтому свою работу мы начинаем с методологической рефлексии (точнее – её вербализации), которая в полной мере эксплицирует выбор цели и задач настоящего исследования.

На первый взгляд, все лингвистические исследования сближает тот факт, что в них изучаются особенности, специфика языка. Данный факт должен задавать общую методологическую рамку лингвистических исследований. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что данный постулат является дискуссионным. Еще классик отечественного языкознания Р.А. Будагов отмечал, что «изучать специфику языка, разумеется, необходимо. Это основная задача лингвистики. Весь вопрос, однако, в том, как понимать подобную специфику» (Будагов, 1974, с. 24). Вся

история языкознания являет собой яркий пример неоднозначного видения, а в некоторых случаях прямо противоположного понимания лингвистами объекта своего исследования – языка. Это приводило к тому, что «взгляд» на язык предопределял систему принципов и методов его изучения. История языкознания дает веские аргументы в руки тех, кто считает знаменитое высказывание А. Эйнштейна о том, что «только теория решает, что именно можно наблюдать», применимым не только в адрес физики и других естественных наук, но также в отношении гуманитарных наук. Несколько перефразируя А. Эйнштейна, скажем, что теоретические основания и методологическая рамка позволяют исследователю видеть и раскрывать те или иные особенности языка. Тем самым теоретико-методологический базис служит отправной точкой исследования.

Современная наука достаточно давно приобрела ярко выраженный сетевой характер. Это означает то, что время ученых-одиночек, действующих вне научного контекста и вне рамок существующих исследовательских направлений, безвозвратно ушло. Содержание исследования определяется методологическим контекстом. Поэтому мы приступаем к решению задачи выявления и описания актуального методологического контекста. Сразу оговоримся, что при решении поставленной задачи мы прибегнем к глубокой исторической ретроспективе и будем рассматривать все многообразие факторов, повлиявших на исследовательскую повестку современной лингвистики. Считаем, что установление «широкого» контекста позволит правильно определить вектор ближайшего и среднесрочного развития лингвистической науки и тем самым опереться на методологический фундамент, который обеспечит необходимые перспективы настоящему исследованию.

В современной науке при обращении к понятию глубинной методологической рамки принято использовать термин *парадигма*. В данном значении он впервые был употреблен Т. Куном в знаменитой книге «Структура научных революций» (Кун, 1975). Под *парадигмой* автор

понимал «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Ibid., с. 17).

Т. Кун, будучи физиком, применял названный термин для описания и типологизации структур естественно-научного знания. В недрах гуманитарных наук в аналогичный период (60-е годы XX в.) имела место попытка предложить альтернативный термин, содержание которого отражает специфику гуманитарного знания. Речь идет о понятии *эпистема*, введенном в научный оборот М. Фуко в работе «Слова и вещи: Археология гуманитарных наук» (Фуко, 1994). Указанный термин оказался содержательно близок куновской *парадигме* (подробнее о соотношении и «конкуренции» названных терминов см. Израилевский, Поляков, 1990). В настоящий момент мы можем констатировать, что научное сообщество, в том числе гуманитарное, сделало выбор в пользу термина *парадигма*. Считаем, что этому способствовали два фактора.

Во-первых, важную роль в научной кодификации термина *парадигма* сыграли диаметрально противоположные стили изложения, принятые в книгах Т. Куна и М. Фуко. Если книга Т. Куна адресована достаточно широкому кругу читателей и отличается ясностью изложения материала, то сочинение М. Фуко стоит отнести к числу узкоспециализированных, при этом его язык характеризуется тяжеловесностью и с трудом воспринимается даже подготовленным читателем. Несмотря на то, что, по мнению некоторых ученых, замысел М. Фуко «значительно превосходит» замысел книги Т. Куна (Автономова, 1994, с. 22), простота и ясность концепции последнего имели приоритетное значение.

Во-вторых, концепция парадигм Т. Куна оказалась более жизнеспособной ввиду её универсальности, потенциальной применимости к различным типам знания, тогда как концепция М. Фуко применима к меньшему количеству эпистемических объектов. Более того, эпистемы М. Фуко (несмотря на форму самого термина) являются скорее социокультурными, чем эпистемическими

структурами, о чем свидетельствует выделение французским философом в европейской культуре трех базовых эпистем: ренессансной, классической и современной (Фуко, 1994).

В обзоре терминов, связанных с передачей идеи сменяемости методологической рамки, стоит упомянуть составной термин *гносеологические основы (основания) теории*. Он не получил значительного распространения и обычно употребляется в качестве описательного синонима термину *парадигма*. Его в какой-то мере вторичность в сравнении с термином *парадигма* четко сформулировал Д.И. Руденко, указав на то, что последний обладает более отчетливыми метанаучными и социокультурными коннотациями и импликациями (Руденко, 1993, с. 170).

Таким образом, можно констатировать, что куновское понятие парадигмы было положительно воспринято и утвердилось на почве различных наук, в том числе лингвистики. Своеобразный итог в споре о целесообразности его использования лингвистами подвела Е.С. Кубрякова, указав, «что для лингвиста, в арсенале которого всегда существовал концепт парадигмы, этот термин особенно понятен: расширение его значения и областей применения мы постоянно наблюдали в течение нескольких последних десятилетий, благодаря чему использование его и в области лингвистической историографии представляется вполне естественным» (Кубрякова, 1994, с. 9).

Сегодня развитие лингвистической науки принято измерять парадигмами. Парадигма охватывает этап в развитии лингвистики, характеризующейся наличием определенной методологической платформы. Однако для того, чтобы определить актуальный методологический контекст и понять, какого рода исследованиям отдается предпочтение в русле действующей парадигмы, в какой точке своего развития она находится, необходимо прояснить само содержание понятия *парадигма*, заложенное Т. Куном, установить, насколько оно отвечает специфике эволюции науки о языке. Вместе с тем отдельного рассмотрения требуют вопросы строения

парадигм в лингвистике, их количества, содержательной дифференциации, последовательности появления, предпосылок формирования. Ниже мы последовательно дадим ответы на поставленные вопросы.

Возвращаясь к определению понятия *парадигма* в книге Т. Куна, необходимо отметить, что сам автор в дополнениях к изданию, вышедших через семь лет после первой публикации, заявляет о том, что наибольшие трудности в понимании первоначального текста связаны с понятием парадигмы (Кун, 1975, с. 225). В понятие входят несколько содержательных аспектов. В этой связи показательной является ссылка самого Т. Куна на одного из читателей первоначального варианта книги, который усмотрел в тексте 22 способа употребления термина *парадигма* (Ibid., с. 233). Не задаваясь целью дать исчерпывающую характеристику куновского понимания парадигмы, мы обратим внимание на содержательное ядро, differentia specifica понятия. Оно заключается в том, что Т. Кун видел в парадигме исключительно дискретную сущность. Знания из одной парадигмы не перетекают в другую. Появление новой парадигмы полностью обнуляет достижения предшествующей, что для естественно-научной картины мира не создает противоречий (действительно: системы Птолемея и Коперника лежат в разных измерениях и не могут дополнять друг друга).

Такого рода понимание сути парадигмы стало поводом к её определению как «парадигмы разрыва» (Степанов, Проскурин, 1993, с. 15). В «парадигму разрыва» не укладывается зачастую поступательное, лишенное динамических революционных скачков, развитие гуманитарного знания. Справедливости ради следует заметить, что сам Т. Кун скептически относился к применимости своих парадигм к гуманитарным наукам (Кун, 1975, с. 17). Современная лингвистическая наука не принимает (по крайней мере в полном объеме) куновскую интерпретацию термина *парадигма*. Неприемлемым для лингвистов в первую очередь оказывается «антикумулятивный дух понимания парадигмы у Т. Куна» (Руденко, 1993, с.

101) (см. также (Степанов, 1985, с. 4; Степанов, Проскурин, 1993, с. 15; Серио, 1993, с. 37-38; Кубрякова, 1994, с. 6-7; Караулов, 2010, с. 16)).

В отечественной лингвистике доминирует понимание термина *парадигма*, предложенное академиком Ю.С. Степановым, который отказался от куновской идеи несвязности парадигм и упростил понятие до «стиля мышления в науке», «господствующего взгляда на язык» (Степанов, 1985, с. 4). Обозначенная точка зрения согласуется с историей языкознания, которая, по мнению В.З. Демьянкова, свидетельствует о том, что «появление новой теории, новых идей не вызывает крушения и радикального пересмотра старых данных. Историю теоретического языкознания можно рассматривать поэтому как развитие парадигм…» (Демьянков, 2008, с. 36). Тем самым «парадигма разрыва» превратилась в «парадигму развития».

Еще дальше от куновского «эталона» парадигмы предлагает отойти швейцарский славист П. Серио. Он высказал мнение, «что в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга» (Серио, 1993, с. 52). Если с частью высказывания ученого вполне можно согласиться (по крайней мере, в отношении взаимного отрицания парадигм; можно также допустить сосуществование парадигм в определенные переходные этапы), то идеи о статичности и гносеологическом вакууме парадигм кажутся нам неприемлемыми. На наш взгляд, они противоречат самим принципам развития научного знания (о парадигмальной цикличности и диалектике развития лингвистики мы будем говорить ниже) и во многом делают бесполезным само понятие парадигмы. История языкознания тоже говорит об обратном: между направлениями, подходами, теориями почти всегда существовал диалог (Алпатов, 1993, с. 18; Паршин, 1996, с. 19).

Обобщая сказанное выше, отметим, что в настоящей работе в понимании термина *парадигма* мы следуем традиции, заложенной Т. Куном, с учетом нюансов её переноса на лингвистическую почву,

сформулированных академиком Ю.С. Степановым. Таким образом, парадигма представляет собой глубинную методологическую рамку, которая оказывает непосредственное влияние на цели, предмет и методы исследований, т.е. «программирует» ответы на вопросы ***зачем, что*** и ***как*** мы изучаем. При этом смена парадигм отражает развитие и преемственность лингвистического знания.

Приведенное определение парадигмы имплицирует понимание особенностей её строения. Содержательная структура парадигмы включает в себя три компонента: 1) компонент целей исследования; 2) компонент предмета исследования и 3) компонент методов и технологий исследования. Вопрос о структуре парадигм в целом не относится к числу дискуссионных в лингвистике. Большинство авторов приходят к похожим выводам (ср. выдвинутую Е.С. Кубряковой трехчастную конфигурацию структуры парадигмы, состоящую из установочно-предпосылочной, предметно-познавательной и процедурной частей (Кубрякова, 1994, с. 10)). При этом «научное лицо» парадигмы определяется особенностями содержания указанных структурных компонентов.

1.1.2. Подходы к выделению лингвистических парадигм

Наименьшее единство среди лингвистов фиксируется в вопросе количества и методологической направленности действующих и существовавших в истории языкознания исследовательских парадигм. Перед тем как сформулировать собственную позицию по данной проблеме, проанализируем имеющиеся на этот счет точки зрения. Можно говорить о существовании нескольких различных подходов к выделению лингвистических парадигм. Условно первый из них подводит под понятие

парадигмы крупные лингвистические теории, оставившие значительный след в истории языкознания. Поэтому мы будем называть такой подход **историческим**. Привлекательность исторического подхода заключается в том, что история языкознания в нем предстает как последовательная смена парадигм. Как правило, парадигмы выделяются в хронологическом порядке их появления в лингвистической науке. Недостаток такого подхода мы видим в том, что он не раскрывает внутренних механизмов развития науки о языке. Также иногда априорным, а подчас сомнительным, выглядит принцип отбора теорий, за которыми закрепляется статус парадигмы.

Пример реализации исторического подхода находим в исследовании известного историографа языкознания Ф.М. Березина (Березин, 2000). Автор заявляет о существовании трех парадигм, которые приходили на смену друг другу: младограмматическая, структуралистская и генеративистская. Т.Н. Хомутова предлагает схожую концепцию, идентичную по количеству, но отличную по составу парадигм. По её мнению, все лингвистические исследования протекали в рамках сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической парадигм (Хомутова, 2009). Н.Ф. Алефиренко расширяет количество парадигм до четырех: лингвистический компаративизм, системно-структурная, коммуникативно-прагматическая и дискурсивно-когнитивная парадигмы (Алефиренко, 2002).

Наблюдаемая в последние десятилетия тенденция дифференциации и расширения поля лингвистических исследований, результатом действия которой становится появление оригинальных научных направлений, делает актуальным вопрос о потенциальном формировании в науке о языке новых парадигм. При этом возникает проблема разграничения полноценной научной парадигмы и методологически более частных исследовательских подходов и направлений. Иными словами, открытым остается вопрос, где стоит видеть еще направление, а где уже парадигму. Реакцией на обозначенную проблему стали попытки ряда ученых ввести в научный оборот понятия «суперпарадигмы» («надпарадигмы», «мегапарадигмы») и

«субпарадигмы» (Кубрякова, 1994; Алефиренко, 2011). Цель подобного терминологического решения состояла в упорядочении методологических платформ, используемых в науке о языке, установлении взаимосвязей и взаимозависимостей между лингвистическими направлениями и построении своеобразной таксономии парадигм. При этом суперпарадигма предполагает деление на ряд субпарадигм. Так, в системно-структурную суперпарадигму входят подчиненные ей дескриптивная лингвистика, глоссематика, Пражский лингвистический кружок и другие структуралистские направления, рассматриваемые в качестве субпарадигм. Антропоцентрическая суперпарадигма формирует методологический базис для когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, коммуникативной лингвистики, психолингвистики и др.

Однако введение названных дополнительных понятий не добавило ясности в вопросе описания методологических основ лингвистической науки. Скорее новые термины только запутывают ситуацию. Можно констатировать, что исторический подход оказался бессилен в объяснении принципов формирования и развития парадигм.

Второй подход к выделению парадигм отталкивается от особенностей предмета исследования, поэтому в нашей классификации он обозначается как **предметный**. Характеризуемый подход имеет две разновидности. К сегментации и уточнению предмета исследования можно подойти с разных сторон: со стороны базовой единицы языка – знака и со стороны языковой системы в целом. В первом случае парадигмы формируются вокруг параметров изучения знака. Опираясь на указанный принцип, польский ученый А. Киклевич выделил следующие парадигмы: традиционную формальную (предмет изучения – форма знака); семасиологическую (понятийная сторона знака); ономасиологическую (номинативные особенности знака); структурную (парадигматика и синтагматика знака); антропологическую (контекст употребления знака) и универсальную (сочетает в себе признаки предыдущих) (Киклевич, 2012, с. 126-127). Во

втором случае характер парадигмы находится в зависимости от изучаемого измерения языковой системы. По мнению Ю.С. Степанова (впрочем, ныне общепризнанному), язык развертывается в трех измерениях: семантике, синтактике и прагматике (Степанов, 1985, с. 3), что дало автору повод говорить о трех лингвистических парадигмах: семантической, синтаксической и прагматической (Ibid., с. 5).

Третий подход к выделению парадигм мы назовем **признаковым** или **атрибутивным**. Он основывается на обращении к изучению основных признаков, свойств языка. Парадигма формируется с целью достижения результатов исследования отдельных свойств языка. Так, в рамках атрибутивного подхода Ю.Н. Караулов выделил в истории языкознания четыре парадигмы: «историческую», «психологическую», «системно-структурную» и «социальную» (Караулов, 2010, с. 14). Данный набор парадигм автор объясняет четырьмя фундаментальными свойствами языка: 1) исторически обусловленным характером развития; 2) его психической природой; 3) системно-структурным устройством; 4) социально обусловленным характером возникновения и употребления (Ibid., с. 15).

Если мы попытаемся наложить парадигмальную матрицу, предложенную Ю.Н. Карауловым, на корпус реальных лингвистических исследований, то окажется, что контуры выделенных парадигм слишком размыты. Действительно, сложно понять, к какой парадигме отнести, например, учение младограмматиков, совмещающее в своей доктрине признаки историзма и психологизма, или новое учение о языке Н.Я. Марра, представляющее собой оригинальный синтез идей сравнительно-исторического языкознания и вульгарного социологизма. Тем не менее считаем, что подход, избранный Ю.Н. Карауловым для выделения и описания парадигм, наиболее перспективный. Именно атрибутивный подход способен раскрыть динамику смены методологических рамок в науке о языке. Отдельные недостатки модели Ю.Н. Караулова скорее говорят о небесспорном выборе атрибутов, чем о научной непригодности признакового подхода.

На наш взгляд, ближе всего к пониманию сущности парадигмального развития лингвистики подошел В.М. Алпатов. Используя атрибутивный подход, он заключает, что все развитие лингвистики происходит вокруг двух парадигм: «антропоцентрической» и «системоцентрической» (автор избегает термина *парадигма*, говорит о «подходах к языку», что, однако, не меняет сути вещей, поскольку в «подходе» В.М. Алпатов видит глобальную методологическую рамку) (Алпатов, 1993). Признаки антропоцентрической и системоцентрической парадигм В.М. Алпатов описал в серии своих исследований, посвященных настоящей проблеме (Алпатов, 1993; 2015; 2020).

Антропоцентрическая парадигма исходит из позиции, что язык не существует вне своего творца и обладателя – человека, при этом центр исследований языка концентрируется вокруг гуманитарной сферы в этимологическом понимании последнего словосочетания. Системоцентрическая парадигма, наоборот, стремится видеть в языке самостоятельную объективную структуру, а лингвистические исследования должны прояснить законы её строения и функционирования.

Таким образом, различие антропоцентрической и системоцентрической парадигм определяется направлением лингвистического поиска. Антропоцентризм смотрит «из языка», «наружу», «вовне». Системоцентризм по сути интроспективен, он смотрит «внутрь» языка.

Ограничение методологии лингвистики рамками всего двух парадигм не является показателем упрощенного взгляда на историю развития языкознания. Все многообразие теорий, концепций, течений – прошлых и нынешних – вписывается в границы обозначенных парадигм. Понятие парадигмы, по справедливому замечанию Е.С. Кубряковой, дополняют понятия направления исследования и научной школы, в которых отмечается видовое своеобразие научных подходов (Кубрякова, 2008, с. 9). Поэтому с позиций частной эпистемологии лингвистики и с позиций лингвистической историографии методологическое здание языкознания целесообразно представлять в виде триады «парадигма – направление – школа». При этом

члены триады находятся в отношениях инклюзивности с установленной градацией теоретических идей от общих к частным.

Сегодня термины *антропоцентризм* и *системоцентризм* являются практически общепризнанными. Однако они не всегда владели монополией на обозначение противоположных языковедческих парадигм. Сам автор разделяемой нами концепции В.М. Алпатов изначально использовал термины *интуитивный* и *исследовательский* в значении *антропоцентрический* и *системоцентрический* соответственно. И только позднее, по его собственному свидетельству (Алпатов, 1993, с. 15), он заимствовал актуальные термины у Е.В. Рахилиной. Альтернативными терминами для обозначения парадигм пользовалась В.И. Постовалова, определяя их как «имманентно-антропологическую» и «имманентно-семиотическую» (Постовалова, 2016). Нельзя также пройти мимо определений, данных гениальным М.М. Бахтиным, предугадавшим вектор парадигмального развития лингвистики еще около ста лет назад и окрестившим конкурирующие методологии «индивидуалистическим субъективизмом» и «абстрактным объективизмом» (Волошинов, 2000, с. 386). В настоящей работе при названии лингвистических парадигм мы придерживаемся общепризнанных терминов – *антропоцентризм* и *системоцентризм*.

1.1.3. Предпосылки формирования лингвистических парадигм и парадигмальная цикличность

Формирование и развитие в лингвистике антропоцентрической и системоцентрической парадигм имеет ряд глубоких предпосылок. Считаем, что уместно говорить как минимум о двух разновидностях предпосылок:

онтологических и эпистемических. Онтологические предпосылки заключаются в сложной и неоднозначной природе самого языка. Антиномичность языка раскрыл один из основоположников теоретической лингвистики В. фон Гумбольдт. Он показал, что «по своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый момент преходящее» (Гумбольдт, 2000, с. 70). В. фон Гумбольдт сделал судьбоносное для лингвистики открытие о том, что в языке можно видеть как «Ergon (продукт деятельности)», так и «Energeia (деятельность)» (Ibid.).

Идея антиномии языка получила дальнейшее развитие. Так, А.А. Потебня (вслед за Х. Штейнталем) из фундаментальной антиномии вещности и деятельности (Ergon и Energeia), открытой В. фон Гумбольдтом, вывел частные антиномии: 1) «антиномия объективности и субъективности»; 2) «антиномия речи и понимания»; 3) «антиномия свободы и необходимости»; 4) «антиномия неделимого и народа» (под последней А.А. Потебня понимал оппозицию индивидуального и коллективного в языке) (Потебня, 1989, с. 40-54).

Специальное исследования антиномиям языка посвятил П.А. Флоренский (Флоренский, 1988). Он видел в языке «живое равновесие *εργον* и *ενέργεια*, “вещи” и “жизни”» (Ibid., с. 98). П.А. Флоренский полагал, что для языка губительна потеря этого равновесия: «когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и сам язык» (Ibid., с. 115). В зависимости от того, видит исследователь в языке *ενέργεια* или *εργον*, он отдает предпочтение антропоцентрической или системоцентрической парадигме.

Если онтологические предпосылки связаны с природой самого языка, то эпистемические предпосылки лежат в области методологических принципов организации познавательной деятельности. В эпистемологии существуют два таких базовых принципа. Первый может быть назван индуктивным. Он ориентирован на атомизм и раскрытие индивидуального начала предмета исследования. Второй принцип характеризуется дедуктивностью. Он реализует идеи холизма и стремится к построению

таксономий. Первый принцип был востребован антропоцентрическим подходом, второй – системоцентрическим.

При формировании парадигмы каждый из принципов опирался на соответствующую философскую платформу. Так, сравнительно-историческое языкознание с его тотальным эмпиризмом и приматом языкового факта выросло на почве позитивизма. Структурализм, помимо идей логического позитивизма, обращался к феноменологии. Современный вариант антропоцентрической парадигмы утвердился на фоне философских идей постпозитивизма.

Ввиду отсутствия веских оснований не возьмемся отстаивать точку зрения о наличии социокультурных предпосылок становления лингвистических парадигм. Однако о связях научной парадигмы с социокультурным контекстом говорить вполне уместно. Некоторые философы и лингвисты считают возможным проводить параллели между социокультурными парадигмами и парадигмами философии языка (Руденко, 1993, с. 163–164). П.Б. Паршин укладывает лингвистические парадигмы в шкалу «традиция / модерн / постмодерн». Традиция и постмодерн оказываются антропоцентрическими, модерн вносит осознание альтернативности и создает среду для появления системоцентризма (Паршин, 1996, с. 23). В этом отношении очень любопытны параллели, которые проводит Р. Якобсон между содержанием «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и живописной манерой представителей кубизма (Брака и Пикассо), в картинах которых значение придается не отдельным вещам, а связям, отношениям между ними (Якобсон, 1996 в, с. 181). Взаимосвязь социокультурных и научных парадигм прослеживается в теории видного французского социолога и культуролога А. Моля. В своей книге «Социодинамика культуры» он пишет о смене «гуманитарной культуры» «культурой мозаичной» (Моль, 1973). Содержательные трансформации и сам процесс культурной динамики напоминают переход от системоцентрической к антропоцентрической парадигме.

Таким образом, мы показали, что лингвистические парадигмы не являются априорными случайными сущностями. Их формирование обусловлено онтологическими и эпистемическими факторами, а также, возможно, зависит от социокультурного контекста.

История языкознания свидетельствует о парадигмальной цикличности: антропоцентризм и системоцентризм последовательно сменяют друг друга. Антропоцентризм нацелен на решение междисциплинарных задач и стремится к всеобъемлющему накоплению языковых фактов. В определенный момент инструментов этой парадигмы оказывается недостаточно для объяснения и классификации множества языковых явлений и фактов. Тогда исследовательское поле занимает системоцентризм, упорядочивая образовавшийся хаос при помощи глубоко разработанных методов и процедур исследования (ср. мнение о том, что структурализм призван бороться с хаосом (Живов, Тимберлейк, 1997, с. 3)). В какой-то момент достоинства системоцентризма превращаются в его недостатки: излишнюю формализацию и схематизм. Снова возникает потребность погрузиться в стихию живого языка, для чего возвращается антропоцентризм. Тем самым круг замыкается. В последовательной смене парадигм заключается диалектика развития лингвистики.

Для того чтобы определить, в какой точке парадигмального цикла лингвистика находится в настоящий момент, кратко проследим путь её предшествующего методологического развития, сделав акцент на рассмотрении динамики парадигм.

Сегодня большинство историков языкознания сходятся во мнении, что лингвистика как самостоятельная наука родилась на рубеже XVIII-XIX веков. Именно тогда оформилась первая методологическая рамка, и лингвистика вступила на путь парадигмального развития, что явилось признаком её научной зрелости.

Собственно научная история лингвистики началась с антропоцентрической парадигмы (Алпатов, 1993, с. 15). В. фон Гумбольдт не

только открыл антиномии в природе языка, но и направил своих многочисленных последователей по пути изучения одной из сторон языка. Немецкий ученый сделал отчетливый выбор в пользу изучения языка как деятельности. Он придерживался мнения, «что определение языка как деятельности духа совершенно правильно и адекватно уже потому, что бытие духа вообще может мыслиться только в деятельности…» (Гумбольдт, 2000, с. 70). Гумбольдтовское высказывание о том, что «язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)» (Ibid.) фактически предопределило содержание и перспективы лингвистической науки практически на сто лет.

Сформированная под влиянием гумбольдтианства антропоцентрическая парадигма отличалась большой устойчивостью. Сменялись поколения ученых, рождались новые идеи, но методологическая рамка оставалась неизменной. Представления о системном характере языка и его внутреннем механизме созревали достаточно долго. Их элементы, безусловно, можно найти еще в трудах мыслителей допарадигмального периода развития лингвистики: в положениях грамматики Панини и универсальных грамматик, в исследованиях Лейбница, Вико и Кондильяка. Однако особенно веско идеи системоцентризма начали звучать в конце XIX века. Следует отметить, что одну из главных ролей в продвижении новых идей играли представители отечественного языкознания. Так, Р. Якобсон считал, что работы И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского в значительной степени подготовили будущий теоретический переворот в лингвистике (Якобсон, 1985 б).

Потребность лингвистики в изучении языка «как самодовлеющего целого, структуры sui generis» (Ельмслев, 1960, с. 267), а также её желание избавиться от того, что И.А. Бодуэн де Куртенэ назвал «клеймом филологического происхождения» (Бодуэн де Куртенэ, 1963 б, с. 205) – с одной стороны, и прочные устои антропоцентрической методологии, подкрепленные авторитетом младограмматического направления, – с другой, привели к тому,

что современные ученые назвали «великим кризисом» в истории лингвистики (Алпатов, 2020, с. 7). Залогом выхода из кризиса должен был стать разворот к системоцентрической методологии, которая, выражаясь словами И.А. Бодуэна де Куртенэ, сказанными о направленности лингвистических исследований, перестанет «навязывать объекту (т.е. языку – М.К.) чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обусловливая его строй и состав» (Бодуэн де Куртенэ, 1963 а, с. 68). Но, по меткому замечанию Л. Блумфилда, «труднее всего в языкознании сделать первый шаг» (Блумфилд, 1968, с. 35). Причем под языкознанием Л. Блумфилд подразумевал обновленную теорию, построенную на базе системоцентризма.

Наконец, «первый шаг» в своем «Курсе общей лингвистики» сделал Ф. де Соссюр. Он бросил вызов гумбольдтианству, заявив, что «язык не деятельность (fonction) говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим…» (де Соссюр, 1977, с. 52). Известно, что публикация курса лекций великого швейцарского лингвиста имела эффект катализатора, способствуя стремительному распространению новой методологии. Пожалуй, окончательное закрепление системоцентрической парадигмы в её структуралистском облике произошло благодаря работам Л. Ельмслева (Ельмслев, 1960) и Э. Кассирера (Cassirer, 1945).

В отечественной лингвистике влияние Ф. де Соссюра начало чувствоваться уже в 20-е годы XX века. Р.О. Шор констатировала, «что старые теоретические “леса”, положения о языке, как о деятельности индивида … не охватывают больше мощного здания современного языковедения» (Шор, 2001, с. 51). После относительно непродолжительного этапа, связанного с неудачными попытками распространения «нового учения о языке», в 50-е годы структурализм утвердился в советском языкознании (Ахманова и др., 1961; Апресян, 1966).

Если результатом становления антропоцентрической парадигмы стала секуляризация лингвистики, то системоцентризм вывел языкознание в безусловные лидеры гуманитарного знания. Р. Якобсон отмечал, что к

X Международному съезду лингвистов, который проходил в Бухаресте в 1967 году, сложилось мнение, что лингвистика занимает центральное место среди наук о человеке. Представители гуманитарных наук признавали, «что лингвистика является наиболее продвинутой и точной наукой о человеке и, следовательно, является методологической моделью для остальных смежных наук» (Якобсон, 1985 в, с. 370).

Системоцентрическая парадигма доминировала вплоть до 80-х годов XX века. В определенный момент системоцентризм с его консервативным подходом к определению предмета исследования и ригидностью исследовательских программ начал сдерживать развитие лингвистической науки. Цель обеспечения нового витка развития лингвистики требовала выхода за границы сковывающего системоцентризма и возврата к идеям антропоцентризма. В этой связи лингвисты перешли к активной реализации на практике знаменитой формулы Э. Бенвениста об изучении «человека в языке» (так называется один из разделов его книги «Общая лингвистика») и призыва Ж. Вандриеса о необходимости изучать связи языка «со всей совокупностью человеческой деятельности, с жизнью» (Вандриес, 1937, с. 217), произнесенных еще в эпоху рассвета структурализма. Пресловутый «первый шаг» в этом направлении был сделан А. Вежбицкой, которая не только заявила о приверженности новой методологической позиции, но и смогла на обширном фактическом материале воплотить теоретические идеи (Фрумкина, 1996, с. 59). Сегодня принципы антропоцентризма играют ключевую роль в отечественной лингвистике (Бугорская, 2004; Костомаров, 2014; Маслова, 2018; Хамдамова, 2021).

Возврат к антропоцентрической парадигме не означает, что наука вернулась к проблемам XIX века. Наоборот, речь идет о новом витке развития методологии, который полностью учитывает актуальный научный контекст с его проблемами и достижениям, и целиком отвечает диалектическим принципам развития языкознания. Современный облик антропоцентризма характеризуется тем, что язык изучается в широком

социально-культурном контексте, т.е. во взаимосвязи с человеком, его деятельностью и культурой (Хамдамова, 2021, с. 223-224). Антропоцентрическая парадигма вывела на первый план следующие принципы исследования: интегративность, коммуникативность, диалогичность, дискурсивность, культуроцентричность, а также интерес к глубинным знаниям в языке (Маслова, 2018).

Принимая во внимание широту научных горизонтов и многоаспектность исследовательской повестки современной лингвистики, некоторые ученые приходят к мысли о полипарадигмальности нынешнего этапа развития лингвистической науки (Кубрякова, 1994; Лузина, 2008; Хомутова, 2009 и др.). Сразу оговоримся, что мы не разделяем указанной точки зрения. Наоборот, считаем, что многообразие научных направлений и школ является differentia specifica современной разновидности антропоцентризма.

В результате методологической рефлексии нам удалось установить то, с каким исследовательским багажом лингвистика подошла к сегодняшнему дню. Осознание диалектического механизма развития лингвистики дает нам в руки инструмент прогнозирования, предвидения будущего языкознания. Со всей осторожностью, опираясь исключительно на тщательно подобранные факты, мы попытаемся представить подобный прогноз.

1.2. Движение в сторону интегральной парадигмы: предпосылки становления неоструктурализма

В своем прогнозе мы будем исходить из текущего состояния развития лингвистической науки, которая переживает очередной этап доминирования антропоцентризма. Вопрос о том, стоит ли современная лингвистика на пороге кризиса идей и исследовательской недееспособности инструментов познания,

относится к числу дискуссионных. Однако на актуальном этапе своего развития лингвистическая наука нуждается в ревизии собственного методологического аппарата. На первый взгляд постановка проблемы методологического поиска в период устойчивости и «работоспособности» действующей парадигмы может показаться преждевременной. Тем не менее анализ парадигмальной динамики в истории языкознания свидетельствует об обратном.

Ключевую роль в обеспечении методологической стабильности играет жизненный цикл парадигмы. Под термином *жизненный цикл* мы понимаем исторический период, в ходе которого парадигма оказывается способной выполнять функцию методологической платформы для исследовательской деятельности, избегая при этом фундаментальных противоречий и не создавая препятствий дальнейшему развитию науки.

История языкознания предоставляет нам достаточно точные данные о жизненном цикле предшествующих парадигм. Его срок имеет тенденцию к сокращению. Если «изначальный» антропоцентризм удерживал позиции более ста лет, то системоцентризм в облике структурализма исчерпал себя за семьдесят лет. Главная причина этого, на наш взгляд, заключается в постоянном увеличении скорости накопления знаний. Образно говоря, парадигма быстрее начинает растрачивать свой потенциал. Актуальная антропоцентрическая парадигма определяет облик лингвистических исследований уже около сорока лет. Вполне вероятно, что значительную часть своего потенциала она успела реализовать.

В ходе своего жизненного цикла парадигма проходит несколько стадий. Первая стадия связана со становлением и ростом влияния парадигмы. Вторая стадия знаменует её расцвет. Наконец, третья сопряжена с ослаблением эффективности и нарастанием кризисных явлений. Думается, что современный антропоцентризм уже преодолел стадию расцвета. В рамках предложенной нами стадиальной модели актуальная парадигма занимает промежуточное место между второй и третьей стадиями. Явных признаков заката парадигмы пока не наблюдается. Но вместе с тем уже

обозначился целый ряд признаков, которые свидетельствуют о небезупречности методологической рамки в современных условиях и предвещают грядущий кризис парадигмы.

Во-первых, за последние двадцать лет антропоцентризм не дал лингвистике ни одного нового направления, сопоставимого по масштабу с коммуникативным, когнитивным или дискурсивным направлениями. Сегодня ученые пользуются достижениями прошлого, и в лучшем случае развивают высказанные ранее положения. В этом факте мы видим признак «старения» действующей парадигмы.

Во-вторых, наблюдается дефицит современных методов, методик и процедур исследования. Оставив в прошлом методическую практику структурализма с её нацеленностью на строгость и объективность, антропоцентризм не смог обеспечить новое поколение ученых широким спектром исследовательских инструментов. Предлагаемый инструментарий, как правило, ориентируется на языковое чутье, интуицию исследователя. Важная роль языкового чутья ученого на всех этапах развития лингвистики (в том числе тех, которые еще предстоит пройти) не вызывает сомнения. Однако отсутствие альтернативы в использовании методов и приемов имеет свои недостатки. В связи с узким применением объективных методов растет априорность исследовательских результатов. Необходимо констатировать, что значительная часть современных лингвистических работ больше напоминает эссе на филологические темы, чем научные произведения, отвечающие своему жанру.

В-третьих, снижается экспансионизм лингвистики в междисциплинарном пространстве. Если системоцентризм вывел языкознание на лидирующие позиции в гуманитаристике (в частности, стоит отметить огромный вклад в пропаганду и результативность междисциплинарных исследований, внесенный тартуско-московской школой семиотики и школами французского структурализма), то сегодня междисциплинарность лингвистических исследований в большей степени

носит декларативный характер. Проблематика актуальных междисциплинарных разработок (пожалуй, за исключением исследований в области когнитивистики) в значительной мере уходит своими корнями в эпоху структурализма, т.е. обязана своим существованием научным прорывам прошлого. Естественные и другие гуманитарные науки не стоят на месте. Но вопрос о том, есть ли у лингвистики предложения для новой междисциплинарной повестки, для нового синтеза идей, остается открытым.

Очевидно, что без изменения методологической рамки лингвистике в будущем не избежать нового кризиса. Когда он произойдет и насколько глубоким будет, с полной определенностью сказать сложно. С высокой долей вероятности можно предположить, что ввиду роста трансформационных процессов в науке случится это в обозримом будущем, а в силу прецедентности явления смены парадигм новый кризис окажется менее болезненным и будет быстрее преодолен в сравнении с «великим кризисом», имевшим место на рубеже XIX и XX веков.

В сложившейся ситуации методологическая рефлексия особенно важна. Она позволяет одновременно решать общую и частную задачи: предвидеть направление парадигмальных сдвигов и сформировать в условиях переходности такую методологическую рамку исследования, которая позволит добиться наибольших научных результатов.

Специфика накапливающихся в лингвистике проблем говорит о том, что в будущем её ждет разворот в сторону системоцентризма. Эту фазу в истории своего развития она уже проходила. Но в данный момент непонятно, каким будет облик нового системоцентризма, насколько он будет похож на структурализм и насколько завоевания и достижения актуальной парадигмы будут интегрированы в создаваемую эпистемическую конструкцию. Считаем, что наиболее перспективной для лингвистики станет парадигма, полученная в результате синтеза идей системоцентризма и антропоцентризма. Принимая во внимание сложившуюся в языкознании последовательность смены парадигмальных ролей, целесообразно было бы выстраивать новую парадигму

с некоторым акцентом на идеи системоцентризма. При этом стоит максимально избегать гипостазирования, т.е. осознанного преувеличения роли одной из сторон объекта исследования – языка-продукта или языка-деятельности, – выражающегося в подчеркнутом доминировании принципов системности или человекоцентричности. На более ранних этапах развития лингвистики подобное гипостазирование было неизбежно. Оно обеспечивало глубину познания отдельных сторон и свойств языка. Гипостазирование рассматривалось как «гносеологическая и онтологическая контрибуция, выплачиваемая за прирост наших знаний, за расширение научного опыта» (Караулов, 2010, с. 21). При решении задачи парадигмального синтеза гипостазирование будет играть деструктивную роль.

Перед тем как приступить к описанию исследовательских принципов интегральной лингвистической парадигмы, попытаемся ответить на вопрос о самой возможности такого синтеза с системоцентрическим уклоном. В эпоху становления структурализма такого рода синтез казался неосуществимым. Однако если не руководствоваться только сухими формулами методологического манифеста структуралистов, а глубже вчитаться в содержание даже их «программных» трудов, то сделанный вывод перестает быть столь очевидным. Самыми последовательными сторонниками идей системоцентризма и критиками положений предшествующей парадигмы принято считать Ф. де Соссюра и Л. Ельмслева. Позволим себе привести несколько цитат из их фундаментальных и всемирно известных работ.

Начнем с «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. В первом высказывании автор вовсе не предлагает сооружать стену, отделяющую лингвистику от других наук, что впоследствии ему из-за настойчивых попыток ограничить предмет лингвистики неоднократно приписывалось: «Лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у неё её данные, то предоставляют ей свои» (де Соссюр, 1977, с. 44). По второму высказыванию Ф. де Соссюра и вовсе можно записать в

ряды гумбольдтианцев: «Обычаи нации отражаются на её языке, а с другой стороны, в значительной мере именно язык формирует нацию» (Ibid., с. 59).

Интересные детали, связанные с обсуждаемым вопросом, открываются не только в самом тексте *Курса*, но и вокруг создания текста. Так, по данным Р. Якобсона, Ф. де Соссюр никогда не утверждал в ходе своих лекций, что «…единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» (Ibid., с. 269). Р. Якобсон заявляет, что эти слова в конец курса ввели его составители Ш. Балли и А. Сеше, чтобы подчеркнуть основную идею *Курса* (Якобсон, 1985 а, с. 354). Таким образом, этот элемент пресловутого гипостазирования не принадлежит Ф. де Соссюру.

Современные исследователи обнародовали новые интересные факты о тексте *Курса*. Так, французский лингвист С. Буке утверждает, что в лекционных материалах Ф. де Соссюра содержалось понятие дискурса, но оно не вошло в текст *Курса*. Составители *Курса* Ш. Балли и А. Сеше исключили его из итоговой редакции (Bouquet, 2004, p. 210-214). Если представить, что обстоятельства создания *Курса* сложились бы несколько по-иному: из текста исчезла редакторская правка, и, наоборот, в текст в полном объеме вошли мысли ученого, в том числе недописанный Ф. де Соссюром раздел лингвистики речи, указанное сочинение воспринималось бы иначе. Оно во многом бы реализовывало идею синтеза парадигм.

Теперь обратимся к высказываниям Л. Ельмслева. Они представляют ученого не в качестве убежденного структуралиста, стремящегося свести язык к математическим зависимостям. Можно даже подумать, что это не мысли Л. Ельмслева, высказанные им в «Пролегоменах к теории языка», а цитаты из трудов Б.-Л. Уорфа: «Язык неотделим от человека и следует за ним во всех его действиях» (Ельмслев, 1960, с. 264); «Язык настолько глубоко пустил корни в личность, семью, нацию, человечество и саму жизнь, что мы иногда не можем удержаться от вопроса, не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением – тем семенем, из которого они

выросли» (Ibid., с. 264-265). Наверное, менее всего стоило бы искать слова в поддержку идеи синтеза парадигм именно у Л. Ельмслева. Однако В.И. Постовалова в качестве своеобразного девиза интегральной парадигмы предлагает ельмслевскую формулу познания языка «humanitas et universitas» (Постовалова, 2016, с. 72-73).

Таким образом, потенциал для синтеза парадигм существовал всегда (действительно, если язык есть одновременно продукт и деятельность, почему лингвисты каждую из сторон должны изучать обязательно отдельно?). Другое дело, что ранее лингвистика не формулировала внутреннего запроса на подобный синтез. В настоящее время ситуация в этом отношении начинает меняться.

Следует отметить, что неоформленность интегральной парадигмы не являлась препятствием для объединения идей антропоцентризма и системоцентризма в трудах наиболее видных лингвистов. В зарубежном языкознании такого рода учеными являлись Э. Бенвенист, Р. Якобсон, А. Мартине и др. В отечественном языкознании к категории таких ученых принадлежали Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян и др.

Идея создания интегральной парадигмы в языкознании не нова. Насколько нам известно, её впервые высказал Р. Якобсон в статье «Значение лингвистических универсалий для языкознания» (Якобсон, 1996 а). По его мнению, для сближения двух парадигм необходимо «отбросить апокрифический эпилог, напечатанный крупными буквами издателями *Курса* Соссюра …» (Ibid., с. 197). Р. Якобсон задается вопросом о том, почему не рассматривать язык «как целое, существующее “в себе и для себя” и, вместе с тем, как составную часть культуры и общества» (Ibid., с. 198). Это, по мнению ученого, сделает лингвистику «двусторонней наукой» (Ibid.).

В отечественной лингвистике также фиксировались неоднократные попытки обратить внимание на исследовательские перспективы универсальной парадигмы. Однако эти попытки носили несистемный,

спорадический характер. Целесообразно выделить три этапа в обсуждении проблемы интегральной парадигмы.

Первый этап охватывает период перехода от системоцентризма к антропоцентризму. В этот переломный момент были внесены обоснованные предложения, которые содержали призыв к преодолению внутрипарадигмальных подходов и отказу от пересмотра принципов системоцентризма. Тем самым формировался лингвофилософский модус «вне границ» (Факторович, Руденко, 1993, с. 8). Его цель заключалась в «преодолении одномерного, “узконаучного” подхода, с учетом полифонии объекта и поликоординатного взгляда на него» (Ibid., с. 9). Однако в указанный период исследовательская эйфория от внедрения принципов антропоцентризма заслонила идею универсальной парадигмы. Последняя осталась мертвым конструктом на страницах отдельных статей, в которых обсуждались проблемы лингвистической методологии. Проникнуть в исследовательскую практику эта идея не смогла.

Второй этап обсуждения вопроса интегральной парадигмы пришелся на период расцвета антропоцентризма. Основная заслуга в продвижении обозначенной идеи на этом этапе принадлежала одному из ведущих теоретиков отечественного языкознания В.И. Постоваловой. В одной из своих своих статей (Постовалова, 2016 а) и монографии (Постовалова, 2016 б) она отстаивала позицию необходимости поиска интегральной парадигмы научного познания. В ней она видела залог полного и адекватного постижения изучаемой реальности, т.е. языка. Своеобразным резюме к событиям второго этапа являются слова о том, что «лингвисты обращают внимание на формирование своего рода универсальной парадигмы, объединяющей разные направления языкознания и подходы к анализу языка, и фактически происходящее расширение границ лингвистики» (Дубровская, 2019, с. 83). Однако вопрос о поиске интегральной парадигмы опять не вышел за рамки общетеоретических наблюдений и рассуждений.

Наконец, третий этап открылся несколько лет назад, т.е. в период перехода от второй к третьей стадии жизненного цикла антропоцентризма. Текущий этап характеризуется активным методологическим поиском точек соприкосновения двух парадигм. Основной вклад в этот поиск вносят исследования С.Т. Золяна. Так, ученый предлагает «примирить» концепции В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра посредством применения принципа внутрисистемной дифференциации Н. Лумана (Золян, 2021). Еще одним возможным связующим мостом между антропоцентризмом и системоцентризмом, по мнению С.Т. Золяна, может стать переосмысление теоретического наследия Ю.М. Лотмана (Золян, 2022). В указанных сочинениях С.Т. Золян новую интегральную парадигму называет *неоструктурализмом*. Исследовательское кредо неоструктурализма С.Т. Золян видит в изучении комплекса нелинейных функций структуры, «где формализм подобного описания будет дополнен конструктивизмом, в его динамической сопряжении с процессами коммуникации и смыслопорождения» (Ibid., с. 117).

Использование термина *неоструктурализм* является вполне оправданным с этимологической, эпистемологической и лингвоисторической точек зрения. Вместе с тем на данном этапе исследования считаем целесообразным представить краткие пояснения в пользу выбора названного термина, играющего важную роль в формировании научной концепции работы, указав преимущества его употребления в сравнении с термином *постструктурализм*.

Можно констатировать, что указанные термины характеризуются содержательной близостью (об этом свидетельствует уже их внутренняя форма) и образуют целый ряд точек пересечения в пространстве их терминологических смыслов. При этом для нас особенно важен тот факт, что *постструктурализм* (как и *неоструктурализм*) передает идею интеграции (смещения, переосмысления) знания. Поструктурализм представляет собой синтез структурного и не-структорного видения языка и текста (в широком смысле последних терминов). Однако постструктурализм как направление

формировался в аспекте критики структурализма, был нацелен на преодоление принципов структурного анализа и даже воспринимался в качестве формы интеллектуального протеста против доминирования структуралистской методологии (Косиков, 2000, с. 8). В борьбе со структурализмом постструктурализм утверждает, что в мире и тексте имеет место «… не историческое движение, а «движение без истории», не единство становления, а «становление без единства», не множественная истина, а «множественность без истины» …» (Ibid., с. 34). Если постструктурализм стремится к ограничению идеи структурного детерминизма, вплоть до полной её аннигиляции, то неоструктурализм знаменует возврат к базовым принципам структуралистской методологии и нацелен на их адаптацию к решению современных лингвистических задач. Необходимо отметить, что в неоструктурализме ориентация на поиск структуры объекта оформлена гораздо более последовательно, чем в постструктурализме. В этом заключается принципиальное отличие указанных подходов.

В дальнейшем в нашем исследовании мы будем употреблять термин *неоструктурализм* для обозначения интегральной лингвистической парадигмы. Настоящее диссертационное исследование относится к числу работ, использующих методологическую рамку неоструктурализма при исследовании конкретного языкового материала (обыденного метаязыка). Исследовательские принципы неоструктурализма будут изложены в следующем параграфе.

1.3. Неоструктурализм: характеристика и эпистемический потенциал

Исследовательские принципы неоструктурализма формируются в результате методологического диалога антропоцентризма и системоцентризма.

Новая методологическая рамка синтезирует в себе принципы и подходы, свойственные разным парадигмам (Кравченко, 2025 з; 2025 и). Сразу оговоримся: парадигма неоструктурализма находится в стадии формирования, поэтому конструкция методологической рамки еще подвижна, отдельные её принципы способны трансформироваться и уточняться. Вместе с тем, считаем, что контуры новой парадигмы уже в достаточной степени очерчены. Её исследовательское лицо манифестируется не номенклатурой, но системой базовых принципов, определяющих способы постижения языковой реальности.

Описание указанных базовых принципов начнем с той их части, которая отражает идеи системоцентризма. Считаем такой порядок оправданным ввиду того, что создание интегральной парадигмы представляет собой реакцию на чрезмерное ослабление центростремительных сил и тенденций в действовавшей в последние десятилетия научной парадигме. Несмотря на свой универсальный характер, неоструктурализм все-таки знаменует собой разворот (пусть даже неполный) в сторону системоцентризма.

Первым принципом интегральной парадигмы является **принцип холизма**. Он наполнен общенаучным содержанием и соответственно может использоваться разными науками. Во многом именно он обеспечивает системность исследований. Через названный принцип реализуется на практике знаменитая гегелевская формула «только целое имеет смысл». Познание целого не может быть сведено к изучению одной из его частей. Данный принцип позволяет преодолеть редукционизм большинства современных лингвистических исследований. Холистический подход предусматривает рассмотрение и оценку всего многообразия предмета исследования и ставит преграду на пути научной односторонности и избирательности.

Следующий принцип неоструктурализма также относится к числу универсальных научных принципов. Назовем его **принципом таксономичности**. Он заключается в поиске, формировании и демонстрации внутренней структуры объекта исследования. Таксономичность

исследования предполагает манифестацию картины полученных результатов в форме логически выстроенной классификационной матрицы. На наш взгляд, такой картины недостает многим современным исследованиям.

Выше нами уже отмечалось, что антропоцентризм направлен на производство больших объемов информации, на создание мозаичной картины знаний. Хаос в эпоху антропоцентризма заметно возрастает. Но хаос, выражаясь словами португальского писателя Жозе Сарамаго, – «это порядок, который нужно расшифровать». Такого рода расшифровку в неоструктурализме призван осуществить таксонометрический подход. Благодаря ему изначальная холистичность изучения объекта дополняется таксономиями его частей.

Третий принцип носит частнонаучный характер и раскрывает специфику лингвистических исследований. Он связан с **учетом семиотической природы языковых явлений**. Данный принцип играл одну из ключевых ролей в парадигме системоцентризма, однако в последние годы он, если не полностью отвергнут лингвистами, то отошел на второй план (зачастую семиотическая природа языка просто декларируется, но очень редко учитывается в процессе проведения исследований). При этом неоспоримым по сей день выглядит замечание Ф. де Соссюра о том, что все проблемы языкознания – «это прежде всего проблемы семиологические…» (де Соссюр, 1977, с. 55). Действительно, изучаются ли лингвокогнитивные механизмы языковой игры, деятельность коммуникативной личности, метаязыковая деятельность переводчика или рекламиста, процессы смыслопорождения в разного рода дискурсах, все рассматриваемые языковые и речевые явления не теряют своей знаковой сущности. Поэтому принцип семиотичности или ориентации на семиотику призван вернуть в работы о языке собственно лингвистическую составляющую.

Неоструктурализм мыслится как сбалансированная парадигма. Поэтому три обозначенные выше принципа системно-структурной направленности дополняются принципами, позволяющими интегрировать в

методологическую рамку достижения и наиболее перспективные идеи антропоцентризма и тем самым уравновесить парадигму.

Первым из таких принципов является **принцип многомерности**. Он имеет двойственную природу. С одной стороны, он ориентирован на общую эпистемологию, с другой – характеризуется собственно лингвистической составляющей. Выполняя свою общенаучную функцию, принцип многомерности при взаимодействии с принципом холизма должен обеспечить необходимый исследовательский баланс. Многомерность противостоит догматичности, допускает вариативность решений и получаемых результатов. Реализация этого принципа позволяет не оставить без внимания частные проблемы в угоду решения основной. Многомерность предполагает множественность интерпретаций фактов в зависимости от контекста, что особенно важно для лингвистики, работающей с контекстообусловленными явлениями и полифоничными структурами.

Собственно лингвистическая составляющая принципа многомерности вытекает из того внимания, которое уделяется контексту. В лингвистике понятие контекста, как известно, тесно связано с понятием дискурса. Именно попытки проникнуть «за текст», найти объяснение форме и содержанию текста в «кон-тексте» помогли ученым открыть такой феномен, как дискурс, который теперь представляет практически неисчерпаемое поле для исследований. Принцип многомерности тем самым имплицирует ситуацию, при которой дискурс станет предметом исследования в неоструктурализме (напомним, что, по данным Буке, еще Ф. де Соссюр находил место дискурсу в представлениях системно-структурной парадигмы). В этом смысле многомерность фактически становится синонимом дискурсивности.

Подобно многомерности, следующий исследовательский принцип, **функционализм**, также обладает двойственной природой. Он отражает общенаучное стремление изучать явление сквозь призму выполняемых им функций. Функционализм – один из самых востребованных научных принципов. Он используется едва ли не всеми частными науками. При этом

его применение в языкознании имеет глубокую историю. Одну из главнейших своих задач лингвисты видели в изучении языка «во всем разнообразии его функций» (Якобсон, 1975, с. 197). Функционализм в лингвистике оформился в одно из магистральных направлений, связанное прежде всего с идеологией антропоцентризма, что вполне объяснимо ввиду того, что сами функции лежат за пределами системы и структуры языка, они закрывают потребности носителя, «хозяина» языка – человека.

Собственно говоря, именно функционализм в широком понимании этого термина (в узком значении он нацелен на изучение функций отдельных единиц языка в процессе речевой деятельности) дал необходимый толчок многим иным исследовательским направлениям: когнитивной лингвистике (изучение когнитивной функции), социолингвистике (изучение социальной функции), лингвокультурологии (изучение кумулятивной функции) и др. Включение функционализма в систему принципов интегральной парадигмы свидетельствует о том, что проблемы и задачи, решаемые вышеназванными направлениями, не останутся без внимания неоструктурализма.

Наконец, шестым, сугубо лингвистическим принципом универсальной парадигмы, является **текстоцентризм**. Уже сама внутренняя форма термина говорит нам о том, что в качестве главного объекта исследования в неоструктурализме выступает текст. Обозначенный приоритет вполне согласуется с ходом развития лингвистической науки. По мнению современных ученых, «“героем нашего времени” оказывается не фонема, любимый объект раннего структурализма, и не предложение, баловень генеративизма, а текст, изучаемый как целокупность его многомерной гетерогенной смысловой структуры, множественности языков порождения и интерпретации и контекстно-обусловленных коммуникативных характеристик» (Золян, 2022, с. 117).

Выбор неоструктурализмом текста в качестве приоритетного объекта исследования очевиден еще и потому, что изучение текста практически одинаково удачно вписывается в идеологию конкурирующих парадигм. Так,

антропоцентризм ищет и находит в тексте в избытке порожденные человеческим сознанием смыслы, строит бесчисленные линии интерпретации на основе дискурс-анализа. Системоцентризм, несмотря на отсутствие достаточного познавательного опыта в этом вопросе (правда, имеется богатый опыт смежных наук, в частности, формального и структурного литературоведения), получает перспективный материал для анализа текстовых структур. Безусловно, неоструктурализм вносит свое понимание в видение категории текста. Для него «текст выступает и как структура, и как операция (действие), а языковая деятельность – как многоуровневая актуализация и тем самым текстуализация языковых структур в процессе коммуникации» (Ibid.).

Таким образом, систему исследовательских принципов интегральной парадигмы образуют: холизм, таксономичность (ориентация на таксонометрию), семиотичность (ориентация на семиотическую природу языка), многомерность, функционализм и текстоцентризм. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что первые три в универсальной парадигме «представляют интересы» системоцентризма, следующие три – антропоцентризма.

В ходе методологической рефлексии нами пока не решена одна задача. Она заключается в освещении того, как описанные выше принципы неоструктурализма реализуются в процессе исследования проблем метаязыка. Её решению будет посвящен следующий параграф.

1.4. Понятие метаязыка и перспективы его исследования с позиций неоструктурализма

Перед тем как приступить к описанию перспектив изучения метаязыка с позиций неоструктурализма, дадим краткую характеристику самому объекту

исследования. Научная традиция предписывает начинать с дефиниции исследуемой сущности. Однако этот простой, казалось бы, шаг оказывается далеко не тривиальной задачей. На сегодняшний день метаязык относится к числу наиболее многозначных научных терминов. Эта многозначность объясняется его полидисциплинарностью: он употребляется математиками, философами, логиками, лингвистами, семиотиками, литературоведами, искусствоведами, специалистами в области искусственного интеллекта и теории информации. Причем указанный перечень областей знания, где он активно используется учеными, не является исчерпывающим. Употребление термина в различных научных контекстах определило его многозначную природу.

В нашей работе мы ограничимся изучением содержательных нюансов названного понятия, имеющих отношение к лингвистике. Как это не парадоксально, но отмеченное сужение диапазона поиска не сильно упрощает нашу задачу. В самой лингвистике понятие метаязыка нельзя отнести к числу глубоко разработанных и общепризнанных, обладающих неоспоримой кодифицированной нормой, что неоднократно отмечалось его исследователями (Демьянков, 2011; Кравченко, 2011; Репринцева, 2014). Причину этого мы видим в том, что в процессе своего появления и закрепления в лингвистической науке термин *метаязык* прошел сложный, извилистый путь (Кравченко, 2024 г).

Известно, что идея «мета» является одним из главных достижений человеческой мысли и культуры (Постовалова, 2012). Она представляет собой своеобразный «релятивный маркер – формальный показатель выхода мыслительной деятельности человека на уровень рефлексии как высшей формы самосознания, направленной на осмысление собственных форм и оснований данной деятельности» (Ibid., с. 7). Можно утверждать, что идея «мета» живет в нашей культуре уже более двух тысяч лет, если за формальную точку отсчета взять применение классификационного принципа, в соответствии с которым александрийский библиотекарь Андроник

Родосский поместил труды Аристотеля о первопричинах за его же работами по физике и определил их как «метафизику» (от греч. meta – «за», «после», т.е. «после физики»). Рождение в философии метафизики в её современном понимании ознаменовало появление глубокой исследовательской рефлексии. С тех пор приставка «мета» свидетельствует о запуске глубинных рефлексивных процессов, нацеленных на самопознание.

Объединение приставки «мета» и корня «язык» произошло менее ста лет назад. При этом важной деталью является тот факт, что термин *метаязык* впервые был употреблен не в собственно лингвистических исследованиях, а работах польских и немецких логиков, опубликованных в 30-е годы XX века (Тарский, 1972; Carnap, 1938) (В.В. Налимов связывает также обращение к понятию метаязыка с работами немецкого математика Гильберта (Налимов, 2003, с. 59)).

Для логиков введение понятия метаязыка имело принципиальный характер: оно позволяло преодолевать семантические парадоксы, фиксируемые еще со времен Античности (так называемый «парадокс лжеца», сформулированный Эвбулидом), которые, по выражению А. Тарского, обладали «злой силой» и «большой разрушительной энергией» (Тарский, 1972, с. 143). Причина возникновения семантических парадоксов кроется в незамкнутости структуры языка, которая наделяет его способностью одновременно описывать внешний мир и выступать средством самоописания. Поэтому А. Тарский говорит о необходимости «проводить строгое различие между языком, который является предметом обсуждения и для которого мы намереваемся сформулировать дефиницию истины, и языком, на котором эта дефиниция должна быть сформулирована и изучены её приложения. Первый называется языком-объектом, а второй – метаязыком» (Ibid., с. 140).

Из логики термин метаязык перекочевал в труды по семиотике. Уже в 30-е годы в своих знаменитых «Основаниях теории знаков» им пользовался один из основателей современной семиотики Ч. Моррис (Моррис, 2001). При

этом содержание заимствованного понятия осталось практически неизменным. Это связано с тем, что научное наследие Ч. Морриса принадлежит логикоориентированному направлению семиотики, сформировавшемуся под влиянием идей Ч.С. Пирса. В частности, о логикоцентризме указанного труда свидетельствует то, что автор к кругу семиотических причисляет понятие «истина» (Ibid., с. 74), и то, что избранная библиография, им составленная, в большинстве своем, представлена трудами ученых-логиков (К. Айдукевич, А. Тарский, Р. Карнап, Л. Виттгенштейн и др.) (Ibid., с. 97).

Отход от принятого в логике понимания термина метаязык наблюдается в трудах европейских семиотиков Л. Ельмслева (Ельмслев, 1960) и Р. Барта (Барт, 2000). Метаязык начинает восприниматься как своеобразный код культуры, который реализуется в разного рода семиотических системах. Впоследствии в числе задач частных семиотик появляется описание метаязыков различных знаковых систем от литературы и театра до мифологии и религиозных практик (Барт, 1989; Под знаком мета, 2011 и др.). Таким образом, можно констатировать, что на восприятие лингвистами понятия метаязыка существенное влияние оказали представители других наук: как минимум, логики и семиотики.

Насколько нам удалось установить, первым лингвистом, употребившим термин *метаязык* в своей работе, стал американский ученый Э. Хауген. Своё исследование «Направления современного языкознания» он представил на заседании «Лингвистического общества» в Чикаго в 1950 году. Несколько позже (в 1951 году) его доклад был опубликован в журнале «Language». Э. Хауген прямо говорит, что заимствует термин *метаязык* у логиков (Хауген, 1960, с. 246). При этом автор заявляет, что указанный термин «полезен и его следует принять» (Ibid., с. 247). Э. Хауген понимает *метаязык* как язык лингвистической науки, прежде всего, её терминологию. Развитие лингвистической теории рассматривается им как борьба метаязыков (Ibid.). Тем самым Э. Хауген стоял у истоков понимания метаязыка как

специального научного конструкта, создаваемого и используемого с целью описания естественного языка. Зачастую для уточнения предметной отнесенности термина его называют метаязыком лингвистики.

Необходимо признать, что обозначенная традиция в понимании и, как следствие, в изучении метаязыка долгое время доминировала как в мировом, так и отечественном языкознании, что отразилось при кодификации значения термина. Так, в соответствующей статье большого энциклопедического словаря «Языкознание» *метаязык* трактуется как «язык “второго порядка”», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект», т.е. как предмет языковедческого исследования» (Гвишиани, 1998, с. 297). Поэтому содержательно метаязык «представляет собой сложное явление, в основе которого, с одной стороны, лежат системные отношения между терминами, с другой – общенаучная лексика, т.е. те слова и словосочетания, которые используются при описании различных аспектов языковедческого исследования» (Ibid.).

В рамках рассматриваемой традиции, введенной Э. Хаугеном, термин *метаязык* может получать более широкое толкование. Так, в объем его понятия могут включать, помимо языка лингвистики, язык науки в целом, а также подъязыки отдельных её отраслей. В таком случае принято говорить, например, о «метаязыке экономики», «метаязыке социологии», «метаязыке психологии», «метаязыке химии» и т.д. В отношении подобного употребления термина *метаязык* мы полностью разделяем замечание В.З. Демьянкова, который подчеркивал, что «выражения типа метаязык науки, метаязык права и т.п. вряд ли имеют референтом язык науки: это тот случай, когда метаязыком называют то, что более оправданно было бы назвать просто языком. Возможно, причиной этого переноса является представление о науке как о языке, с помощью которого мы описываем реальность. Такое представление о науке как о языке оправданно в случае описательного языкознания, но гораздо меньше – в случае медицины или физики» (Демьянков, 2011, с. 56).

Таким образом, рассматриваемая исследовательская традиция изучает естественный специализированный метаязык. Язык и такого рода метаязык принадлежат единой семиотической системе. Они консубстанциональны. В данном случае определение «специализированный» мы употребляем для того, чтобы подчеркнуть научное «происхождение» такого метаязыка, его специально отведенную роль.

Характеристика «естественный» вводится нами с целью его разграничения с метаязыками искусственными, которые широко используются для толкования лингвистической (в первую очередь, лексической) семантики. Искусственные метаязыки призваны преодолеть некоторые ограничения лексического и структурного характера, накладываемые естественным языком на толкование семантики своих собственных единиц (речь прежде всего идет о преодолении герменевтического круга при записи значения слова и придании однозначности термам семантического описания). Попытки создания семантического над-языка предпринимались несколько столетий назад. К таковым относятся опыты Декарта, а затем Лейбница по структурированию универсального философского языка. В прошлом веке лингвистической наукой был создан целый ряд оригинальных искусственных метаязыков и концепций записи языкового значения. Среди них следует отметить семантический язык-посредник, разработанный учеными Кембриджского лингвистического кружка, порождающую грамматику Н. Хомского, падежную грамматику Ч. Филмора, lingua mentalis А. Вежбицкой, модель семантического синтеза «смысл↔текст» А.К. Желковского и И.А. Мельчука (принципы организации названных и других семантических языков подробно рассмотрены в (Апресян, 1995; Доброта, Подлесова, 2015; Бредихин, 2024 а; Goddard, 2021)).

Искусственные метаязыки представляют собой отдельные семиотические системы, создаваемые с целью изучения и описания языков. Язык и искусственный метаязык экссубстанциональны (даже в тех случаях,

когда в качестве единиц такого метаязыка используются те или иные элементы естественного языка).

Традиция видеть в метаязыке метаязык лингвистики или язык других наук получила широкое распространение. Однако она не является единственной. Принципиально иная исследовательская традиция восходит к трудам Р. Якобсона. Впервые свои идеи в этом направлении ученый сформулировал в докладе «Metalanguage as a Linguistic Problem», подготовленном для Американского Лингвистического общества в 1956 году (т.е. семь лет после обнародования доклада Э. Хаугена) (Jakobson, 1985). Р. Якобсон смотрел на проблему метаязыка гораздо шире, чем его предшественники. Вступая с ними в полемику, он отмечал, что «метаязык – это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль и в нашем повседневном языке. Наподобие мольеровского Журдена, который говорил прозой, не зная этого, мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера наших операций» (Якобсон, 1975, с. 201-202).

Р. Якобсон указывал на тот факт, что крупные теоретики языкознания обращали внимание на уникальную способность естественного языка одновременно служить средством самоописания. В частности, он приводит пример размышлений академика Ф.Ф. Фортунатова, в которых последний фактически признавал, что непосредственным предметом высказываний может быть языковой код и его составные элементы (Якобсон, 1996 б, с. 21). Слова Ф.Ф. Фортунатова о том, что «явления языка по известной стороне сами принадлежат к явлениям мысли» (Фортунатов, 1957, с. 435), выступают в качестве аргумента в пользу наличия у естественного языка метаязыковой функции.

Заслуга Р. Якобсона заключается в том, что он впервые прямо указал на то, что «метаязыковые операции составляют важную и неотъемлемую часть нашей речевой деятельности» (Якобсон, 1996 б, с. 21), и назвал метаязык «решающим внутриязыковым фактором» (Якобсон, 1985 в, с. 382). Тем

самым Р. Якобсон обозначил метаязык не как специальный конструкт, создаваемый в процессе научного изучения и описания языка, а как имманентную способность самого языка, использующего собственные ресурсы для самоописания и самоинтерпретации. Данную способность Р. Якобсон связывал с кардинальным свойством языка, которое состоит в «переводимости любого языкового знака в другой, более эксплицитный знак…» (Якобсон, 1985 д, с. 313). Именно это свойство превращает язык в то, что Э. Бенвенист называл «артикулирующей (самочленящейся) семиотической системой» (Бенвенист, 1974, с. 85). Французский лингвист утверждал, что метаязыковая способность естественного языка позволяет ему находиться на вершине семиотической иерархии: «Никакая другая система не располагает соответствующим «языком», с помощью которого она могла бы создавать свои категории (самокатегоризоваться) и самоинтерпретироваться в соответствии со своими семиотическими отличиями, тогда как язык в принципе может категоризовать и интерпретировать все, включая и самого себя» (Ibid.).

Вслед за Р. Якобсоном и Э. Бенвенистом в работах современных лингвистов распространяется «широкое понимание» термина *метаязык* (Булыгина, Шмелев, 1999; Кашкин, 2002; Ростова, 2002; Золотова, 2003; Рябцева, 2005; Морозова, 2007; Голев, 2013; Вепрева, 2014 а; Чжао, 2021; Кравченко, 2022 а, Валикулова, 2024 и др.). Так, Н.К. Рябцева понимает под метаязыком «… все языковые средства, референт которых способен присутствовать в языке и речи», а его главную ценность усматривает «в способности эксплицировать все связанные с языком и его использованием явления, давать им метаимена и метаквалификацию» (Рябцева, 2005, с. 439). Таким образом, исследовательская традиция, заложенная Р. Якобсоном, направлена на изучение и описание естественного неспециализированного (обыденного) метаязыка. Под обыденным метаязыком мы понимаем систему средств и функций, обеспечивающую реализацию способности естественного языка к самоописанию и самоинтерпретации.

При этом необходимо подчеркнуть, что классификатор *обыденный* в определении метаязыка обладает дескриптивным, а не оценочным значением (подробнее о семантике «обыденности» применительно к фактам языка и речи см. Демьянков, 2024). *Обыденный* в данном контексте вовсе не означает «обычный» или «простой», а указывает на ингерентность самой системы языка и противопоставленность языкам для специальных целей.

Рассмотрение содержания понятия *метаязык* в лингвистической науке приводит нас к выводу о многозначности термина, о возможности его узкой и широкой трактовок. При этом оба подхода к пониманию метаязыка не только не исключают, а скорее дополняют друг друга. В этой связи мы разделяем мнение болгарского ученого В. Атанасова, который предлагал различать метаязыки по уровню дистанцированности последних от языковой реальности (Атанасов, 1990). Первичный метаязык реализуется внутри самой языковой системы. Вторичный метаязык поднимается на уровень научной абстракции и воплощается в языке лингвистики. Наконец, третий уровень метаязыка («настоящий метаязык» в терминологии В. Атанасова) представляет собой историю языкознания (Ibid., с. 46). Обыденный метаязык соответствует первичному метаязыку в классификации В. Атанасова.

Теперь перейдем к рассмотрению тех перспектив, которые перед исследователями обыденного метаязыка открывает неоструктурализм. Указанные перспективы обеспечиваются базовыми принципами неоструктурализма как интегральной научной парадигмы. Поэтому описание исследовательских перспектив будет осуществляться нами в тесной связи с принципами неоструктурализма.

Следует отметить, что нативный метаязык как одна из ипостасей естественного языка характеризуется той же антиномичностью, что и сам язык. Метаязык – это одновременно и деятельность, и продукт деятельности. Однако в изучении обыденного метаязыка в настоящий момент сложилась ситуация, очень напоминающая ту, которая имела место в истории языкознания накануне выхода «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Подавляющее

большинство исследований посвящено изучению метаязыка как деятельности (метаязыковой деятельности). При этом важнейший вопрос о системном строении метаязыка до сих пор не был надлежащим образом изучен. Хотя предпосылки для такого рода изучения существуют достаточно давно. Еще Р. Якобсон отмечал, что «метаязык как часть языка … тоже является структурным образованием, не имеющим аналогов в других знаковых системах» (Якобсон, 1985 д, с. 316).

Последние научные достижения в области искусственного интеллекта и биосемиотики позволили шире взглянуть на проблему системности обыденного метаязыка, а также установить онтологические основания этой системности. Если для антропоцентрической лингвистики свойство субъектности языка (метаязыка) выступало непременным атрибутом его деятельностной сущности, то в современных лингвистических исследованиях все чаще формулируется мысль о том, что качество субъектности порождается не только зримым и незримым присутствием субъекта коммуникации. Оно «синтезируется» в самих знаках, выступающих носителями «больших данных» истории. В семантическом потенциале слова заключается «начало и оправдание его субъектности» (Ревзина, 2023, с. 106). Такого рода субъектность, которую имеет смысл называть «внутренней субъектностью», коренится не в индивидуальном сознании говорящего, а является производной семантической системы самого языка.

Глубокий анализ классических трудов по семиотике позволяет рассмотреть контуры идеи внутренней субъектности знаковых систем. Так, С.Т. Золян, возвращаясь к семиотической концепции Ч. Пирса, находит последовательной позицию американского ученого по исключению субъекта из определения знака. В этом С.Т. Золян видит особенность семиотики Ч. Пирса, в которой «семиозис предстает как само-порождаемая процессуальность, независимая от человеческого мышления» (Золян, 2023 б, с. 46), а сам знак трактуется как «квази-разум» (Ibid., с. 47). В подобной трактовке семиозиса знаковая система фактически выступает в ипостаси «говорящего лица» (Золян,

2023 а), а сотворение знака определяется как акт «семипойезиса» (Золян, 2023 в). Благодаря аутопойетической способности знаковой системы запускается «непрерывный процесс семиозиса» (Ibid., с. 26).

Внутренняя субъектность, формируемая внутри языковой системы, играет важную роль в процессе реализации метаязыковой функции. Метаязыковые трансформации в полной мере задействуют внутренний семантический потенциал языковых знаков. Тем самым свойства внешней и внутренней субъектности дополняют друг друга и формируют основу антиномии обыденного метаязыка, к изучению проявлений которой целесообразно подходить, опираясь на принципы неоструктурализма.

Принцип холизма, исповедуемый в неоструктурализме, призван развернуть вектор исследований метаязыка от изучения метаязыка как деятельности в сторону изучения метаязыка как системы. Приоритет будет отдан исследованию системы и построению ее целостной модели, а не изучению её отдельных частей. Ответ на вопрос о том, что собой представляет система обыденного метаязыка, безусловно, станет важным вкладом в развитие лингвистической науки.

Принцип холизма будет дополняться принципом таксономичности. Последний позволит глубоко и в эксплицитной форме отобразить внутреннюю структуру объекта исследования – обыденного метаязыка. Изучение системы должно вылиться в её законченную таксономию.

Перспективы исследования метаязыка как системы напрямую связаны с ориентацией на семиотику. Еще в эпоху становления семиотики как отдельной научной отрасли ученые уже видели в ней потенциал для превращения в «органон» знаний (Моррис, 2001, с. 46), отводили ей роль «круглого стола, за которым представители различных дисциплин встречаются, чтобы обсудить, что общего у этих дисциплин в подходе к языку и знакам» (Пельц, 2001, с. 154). С тех пор значимость семиотики как методологической платформы только укрепилась. Её эффективность доказана на примере тысяч проведенных исследований. Вместе с тем были

осмыслены и определены потенциальные возможности и ограничения семиотики как инструмента объяснения реальности (Никитин, 1997; Кравченко, Кравченко, 2013; Золян, 2016). Семиотика в качестве «органона» продолжает привлекать сторонников благодаря своей методологической ясности и лаконичности. Не случайно, в семиотике видят «способ говорить просто о сложном» (Фещенко, 2005, с. 7).

Современная семиотика постоянно расширяет область своего применения и круг исследовательских задач, превращаясь в «семиотику 2.0», семиотику «второго поколения» (Золян, 2014; Золян, 2015). Главный вектор ее развития заключается в том, что она трансформируется «из науки о знаках в науку о смыслах и текстах» (Золян, 2014, с. 120).

Изучение системы метаязыка с помощью аппарата и инструментария семиотики (Кравченко, 2026 г) выглядит оправданным уже в силу того, что метаязык представляет собой явление семиотической природы. Всестороннее изучение структуры неспециализированного метаязыка предполагает её рассмотрение в системе координат трех семиотических измерений: в пространстве семантики (см. главу III), синтактики (см. главу IV) и прагматики (см. главу V), задающих контуры лингвосемиотической модели обыденного метаязыка.

Перспективы исследования естественного неспециализированного метаязыка не замыкаются обращением к системно-структурным принципам неоструктурализма. Так, реализация принципа многомерности позволит учитывать достижения в изучении метаязыка как деятельности, а также продолжить исследовательскую практику в данном направлении. Принцип многомерности не дает забыть или отодвинуть на задний план антропоцентрическую сущность метаязыковых операций. Последние совершаются в результате рефлексивной деятельности индивидуального метаязыкового сознания и испытывают на себе влияние социального, культурного и прагматического контекстов.

Принцип функционализма генерирует интерес к функциональным характеристикам метаязыка как деятельности. Известно, что о выделении метаязыковой функции в системе функций языка (речевой деятельности) впервые было заявлено в классической работе Р. Якобсона (Якобсон, 1975). Однако изучение содержательного разнообразия, смысловой дифференциации контекстов, в которых манифестируется указанная функция, не получило развития. Вместе с тем даже поверхностный взгляд на метаязыковые контексты дает все основания говорить об их функционально-семантическом многообразии. Поэтому метаязыковую функцию следует рассматривать как родовое понятие, объем которого образован своеобразными эпифункциями. Построение оригинальной модели эпифункций естественного неспециализированного метаязыка относится к числу значимых перспектив, закладываемых неоструктурализмом.

Заметную роль функциональный подход способен также играть в процессе анализа отдельных языковых единиц и конструкций, используемых при оформлении высказываний с метаязыковым содержанием. Он может иметь лексикографические перспективы в части выделения и описания семантико-прагматических характеристик типичных единиц и конструкций (так называемых «метаоператоров»), употребляемых в метаязыковых контекстах.

Наконец, текстоцентричность выступает как непременный атрибут исследования обыденного метаязыка. Действительно, проявления первичного метаязыка невозможно увидеть вне текста. Если лингвистическая терминология (вторичный метаязык) может существовать как отдельное самостоятельное явление, как некая изолированная сущность (внутренняя референция терминам дана изначально), то единицы первичного метаязыка (de facto – языка!) вне текста апеллируют к внешней реальности. Только в тексте единицы естественного языка обретают способность к внутренней референции. Из сказанного следует, что естественный неспециализированный метаязык является категорией текста, что должно учитываться в ходе его изучения. В связи с этим вполне понятны мотивы

отказа антропоцентрической лингвистики (осуществленного с подачи А. Вежбицкой (Вежбицка, 1978)) от самого термина *метаязык*, «отяжеленного» своей многозначностью и «нелингвистическим происхождением», в пользу термина *метатекст*, с введением которого открылась важная страница в исследовании обыденного метаязыка.

Выводы

Динамика лингвистических идей обеспечивается эволюционной сменой методологических платформ, которые в современной эпистемологии принято именовать парадигмами. Диалектический механизм развития лингвистики заключается в конкуренции и последовательной смене антропоцентрической и системоцентрической парадигм. Современная лингвистическая наука характеризуется идейным плюрализмом, который задает одновременно несколько векторов её потенциального развития. В сложившейся ситуации многократно возрастает роль методологического поиска, который способствует выбору продуктивной исследовательской модели.

Методологическая рефлексия усиливается в период смены научных парадигм. Анализ состояния жизненного цикла действующей парадигмы антропоцентризма сигнализирует о приближающемся методологическом распутье. Одновременно актуальный лингвистической контекст создает перспективы для формирования и закрепления интегральной научной парадигмы. Таковой способен стать неоструктурализм, который обеспечит возврат к фундаментальным позициям системоцентризма при сохранении наиболее продуктивных идей антропоцентризма.

Исследовательские принципы неоструктурализма характеризуют холизм, таксономичность (ориентация на таксонометрию), семиотичность

(ориентация на семиотическую природу языка), многомерность, функционализм и текстоцентризм. Первые три характеристики в универсальной парадигме «представляют интересы» системоцентризма, следующие три – антропоцентризма.

Холизм обеспечивает системность научного изучения за счет примата целостного взгляда на предмет исследования и отказа от научной односторонности, избирательности и редукционизма. Таксономичность призвана организовать исследовательские процедуры, позволяющие установить и продемонстрировать внутреннюю структуру изучаемого феномена. Реализация данного принципа предполагает манифестацию картины полученных результатов в форме логически сформированной классификационной матрицы. Семиотичность устанавливает необходимость взгляда на объект исследования как на знаковую сущность, формулирует целесообразность его описания через призму семиотических измерений. Многомерность призвана противостоять догматичности исследования, обеспечивать баланс общего и частного в рассматриваемой проблематике, а также допускать альтернативные подходы к интерпретации имеющихся фактов. Функционализм проявляется в стремлении изучать явление с позиций выполняемых им функций. Наконец, текстоцентризм демонстрирует ориентацию на текст как главный объект изучения современной лингвистики. Следование принципам неоструктурализма создает необходимые предпосылки для построения интегральной лингвосемиотической модели обыденного метаязыка.

История становления понятия метаязыка в логике, семиотике и лингвистике заложила основу для формирования многозначности термина и возможности его узкой и широкой трактовок. Узкий взгляд на метаязык фактически сводит его к лингвистической терминологии. Широкий взгляд позволяет относить к метаязыку все языковые средства, участвующие в осуществлении внутренней референции, т.е. отсылающие к самому языку или его элементам. В настоящей работе принята широкая трактовка

метаязыка, а характеристики «естественный» («нативный») и «обыденный» («неспециализированный») призваны дополнительно определить границы и подчеркнуть природу изучаемого феномена. Признак «естественный» позволяет исключить из рассмотрения искусственные метаязыки, создаваемые лингвистами с целью непротиворечивого описания семантики слов. Признак «обыденный» указывает на имманентное свойство языковых знаков к самоинтерпретации и самоописанию, проявление которого не ограничивается порождением специального научного конструкта – лингвистической терминологии.

Таким образом, под обыденным метаязыком в работе понимается система средств и функций, обеспечивающая реализацию способности естественного языка к самоописанию и самоинтерпретации.

Перспективы исследования обыденного метаязыка с позиций неоструктурализма обобщены и представлены в виде следующей схемы (рис. 1).

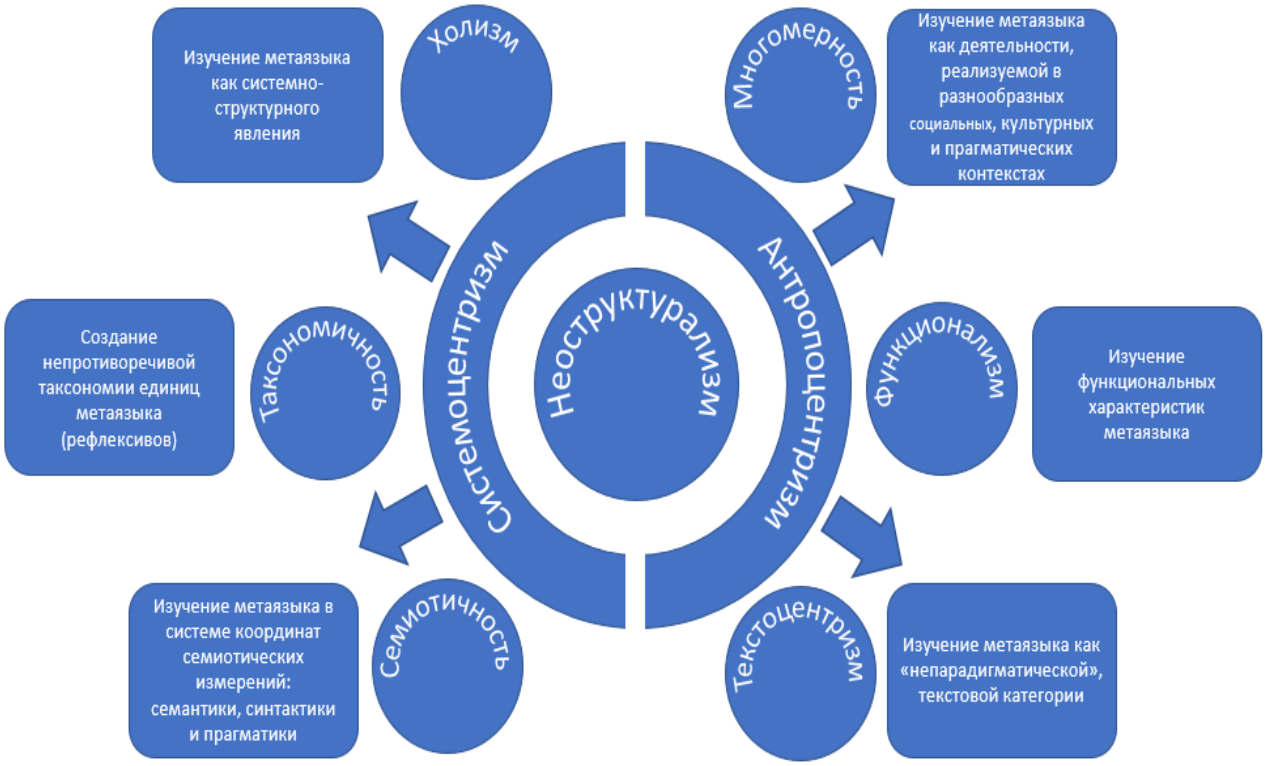

Рисунок 1 – Перспективы реализации принципов неоструктурализма в исследовании естественного неспециализированного метаязыка

Тем самым мы приходим к заключению о том, что перспективы исследования обыденного метаязыка с позиций неоструктурализма определяются принципами, обеспечивающими целостность и дополнительность научного поиска, проводимого в русле интегральной парадигмы. Сочетание принципов, характерных для системоцентризма и антропоцентризма, создает методологическую рамку, способную открыть новые аспекты, грани и горизонты изучаемой предметной области.

Глава 2. ОБЫДЕННЫЙ МЕТАЯЗЫК КАК СИСТЕМА И КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ФУНДАМЕНТА И ОТПРАВНЫХ ТОЧЕК ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Онтологические, функциональные и структурные характеристики обыденного метаязыка

2.1.1. Метаязыковое сознание как психический субстрат метаязыковой деятельности

Изучение базовых характеристик обыденного метаязыка и метаязыковой деятельности начнем с установления их онтологических оснований. Не вызывает сомнений тот факт, что онтологический субстрат метаязыковой способности как одного из проявлений высшей нервной деятельности лежит в области человеческой психики, а точнее – в области сознания.

Не станет большим преувеличением также утверждение о том, что *сознание* является одним из наименее определенных понятий современной науки. Значение этого термина с трудом поддается кодификации. Единственное, в чем сходятся все психологи, философы, нейрофизиологи, так это во мнении, что феномен сознания нельзя редуцировать к чему-либо иному. Оно представляет собой одну из фундаментальных и предельных абстракций. Любая попытка её определить неизбежно приводит к потере сущностных характеристик, к ускользанию смысла. Так, распространенное в отечественной науке определение сознания как «свойственного человеку способа отношения к объективной действительности, опосредованного всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей»

(Улыбина, 2001, с. 9) порождает больше вопросов, чем дает на них ответов. Поэтому изучать и описывать свойства и структуру сознания психологи стремятся через анализ его многообразных проявлений.

Так, известный отечественный психолог В.П. Зинченко подходил к исследованию сознания через его функции. Ученый выделил отражательную, порождающую, регулятивно-оценочную и рефлексивную функции сознания (Зинченко, 1991, с. 18). При этом именно рефлексивность или способность к рефлексии, по мнению ученого, является сущностной характеристикой сознания. Рефлексии подвергается все, с чем в жизни соприкасается человек: «в качестве объекта рефлексии выступают и отражение мира, и мышление о нем, основания и способы регуляции человеком собственного поведения, действий, поступков, сами процессы рефлексии и, наконец, собственное или личное сознание» (Ibid.) (позволим добавить от себя: в указанной последовательности объектов рефлексии одно из главных мест занимает естественный язык). В.П. Зинченко полагал, что высший уровень сознания формируется рефлексивным слоем, создающим «территорию» значения и смысла (Ibid., с. 23).

В современных когнитивных исследованиях рефлексия рассматривается как важнейшее свойство сознания. Именно она выполняет функцию регулятора деятельности, программируемой сознанием. Рефлексия относится к числу операций, осуществляемых в «светлом поле» психики. Несмотря на этимологическое родство, в понятийном плане *рефлексия* противостоит термину *рефлекс,* который указывает на неосознанную, подсознательную природу психических операций. Современные психологи рассматривают рефлексию «как способ ориентирования и совершения выбора из множества возможностей, необходимого и достаточного для самоорганизации жизнедеятельности органических систем» (Сизикова, 2018, с. 9).

Рефлексия выступает в качестве предмета изучения в различных науках. Многовековая исследовательская традиция в отношении рефлексии зародилась в недрах философии. При этом проблемы рефлексии ставились и

решались в рамках целого ряда онтологических и гносеологических направлений. В новой и новейшей истории на статус «главной науки», изучающей феномен рефлексии, стала претендовать психология. В связи с важностью процессов рефлексии в обучении и развитии личности исследование рефлексии выходит на первый план в педагогике. Следует также констатировать, что в последние несколько десятилетий предметный интерес к исследованию рефлексии начала проявлять лингвистика. В настоящий момент лингвистика входит в число основных гуманитарных наук, предметом исследования которых выступает феномен рефлексии.

О взаимосвязи и взаимодействии сознания и языка писали многие классики отечественной психологии, отводя при этом языку ведущую роль в обеспечении работы механизмов сознания (Выготский, 1956, с. 37; Лурия, 1979, с. 143; Рубинштейн, 2012, с. 235). Обращение лингвистики к исследованию рефлексии во многом объясняется тем, что одним из важнейших способов выражения (опредмечивания) рефлексии являются разного рода семиотические средства, в первую очередь знаки естественного языка. Поэтому рефлексия зачастую реализуется в знаковой форме, что делает вполне оправданным привлечение лингвистических методов и приемов для её изучения и описания.

Необходимо отметить, что в современный лингвистический дискурс прочно вошли термины *языковое сознание (языковая рефлексия)* и *метаязыковое сознание (метаязыковая рефлексия)*. Вместе с тем понятийные параметры названных терминов и границы их денотативной отнесенности не входят в число общепризнанных констант. В своей работе мы не ставим задачи всестороннего освещения сложившихся на данный момент научно обоснованных мнений и точек зрения по вопросу их соотношения. Проблема разграничения указанных понятий решалась на страницах специальных исследований (Залевская, 2015; Кравченко, Кравченко, 2015 б; Залевская, 2016). Однако считаем необходимым отдельно остановиться на особенностях употребления нами термина *метаязыковое*

сознание, что приобретает важное значение в контексте представления результатов настоящего исследования.

Составной термин *метаязыковое сознание* имеет прозрачную внутреннюю форму. Она прямо указывает на то, что данный тип сознания обеспечивает протекание метаязыковой деятельности субъекта и материализуется средствами метаязыка. Однако решение вопроса о месте метаязыкового сознания в общей структуре сознания не выглядит однозначным. Большинство лингвистов разделяют на первый взгляд понятную и очевидную позицию о том, что метаязыковое сознание представляет собой часть языкового сознания (достаточно подробно она изложена в (Лебедева, 2009; Шумарина, 2011; Гао Юе, 2020)). Суть этой точки зрения сводится к тому, что языковое сознание, выполняя функцию познания и категоризации окружающего мира, способно выделять и интерпретировать язык (речевую деятельность) как часть этого мира. Делая язык объектом обработки своего рефлексивного механизма, сознание получает метаязыковую направленность.

Тем не менее представленная позиция не является безальтернативной. В лингвистике продолжается поиск оптимального термина для определения рефлексивной деятельности сознания (Залевская, 2015). Более того, ряд ученых считают неприемлемым редуцировать понятие метаязыкового сознания до компонента языкового сознания (Кравченко, Кравченко, 2015 б, с. 107; Иванников, 2018, с. 148).

Основания для формирования подобного мнения лежат в особенностях трактовки самого термина *языковое сознание*, сложившейся в работах представителей отечественной школы психолингвистики (Тарасов, 2004; Уфимцева, Тарасов, 2009; Тарасов, 2014). Указанный термин содержательно связан и фактически является развитием идеи А.Н. Леонтьева о так называемом «образе мира», зафиксированном в сознании. *Языковое сознание* определяется «как совокупность образов, овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и

ассоциативных полей» (Тарасов, 2004, с. 36). Из данного определения вытекает, что феномен языкового сознания является не психическим, а лингвистическим образованием. Он рассматривается как статическая сущность, как продукт деятельности сознания, опредмеченный в семантической ткани языка. В этом отношении показательно выделение учеными-психолингвистами «ядра языкового сознания», под которым понимается совокупность слов языка, обладающих наибольшим вербально-ассоциативным потенциалом (Уфимцева, Тарасов, 2009, с. 22). Названные особенности трактовки языкового сознания переносятся многими учеными на понятие метаязыкового сознания. В результате такого подхода последнее характеризуется как структура, состоящая из единиц знания о языке и его компонентах (Шумарина, 2011, с. 41). Тем самым в нем отсутствует динамическое начало, которое могло бы превратить его в инструмент порождения метаязыка.

В нашем исследовании мы придерживаемся альтернативной позиции, в соответствии с которой метаязыковое сознание представляет собой психическую реальность, сущностной характеристикой которой выступает рефлексивность, рассматриваемая психологами в качестве высшей функции сознания. Понятие метаязыкового сознания сопряжено с проблематикой естественного метаязыка, так как «рефлексивность обыденного сознания обеспечивает основу (мета)когнитивных процессов и создает условия для использования метаязыка…» (Золотова, 2019, с. 57).

Считаем, что метаязыковое сознание обладает процессуальными характеристиками и играет роль психического субстрата метаязыковой деятельности и естественного метаязыка. Так, если к проявлениям языковой рефлексии мы относим языковые факты, в которых в семантической форме зафиксированы результаты осмысления сознанием фрагментов внеязыковой действительности, то метаязыковая рефлексия представляет собой «размышления» над языком и по поводу языка.

2.1.2. Свойства обыденного метаязыка

В ходе исследования были установлены пять свойств, которые, по нашему мнению, формируют природу обыденного метаязыка как уникального феномена речевой деятельности. Ниже мы их последовательно рассмотрим и охарактеризуем.

Важнейшим свойством метаязыка, определяющим его онтологический и гносеологический статус, является **рефлексивность**. Метаязык рождается в результате рефлексии сознания над языком или его отдельными компонентами. Метаязыковое сознание принято рассматривать как отдельный специфический уровень сознания, обеспечивающий осознанность и контролируемость речемыслительных операций.

О первичности рефлексивности в наборе свойств естественного метаязыка косвенно говорит тот факт, что в отечественной и зарубежной лингвистике на протяжении последних тридцати лет практически вся проблематика метаязыка (в широком понимании термина) сводилась к изучению метаязыковой рефлексии и результатов её отражения в текстах разных жанров.

Объектом метаязыковой рефлексии выступают различные элементы структуры (формы) и содержания языка. Рефлексия над формой знака порождает метаязыковые конструкции, передающие информацию об акустических или графических особенностях языковой единицы: *Следом, словно привлеченная живыми людьми, как бы сама собой возникла* ***инфраструктура, и за хрустящим*** *этим иностранным* ***словом*** *прятался все тот же древний человеческий уклад* (М. Степнова «Безбожный переулок» // База данных (далее – БД) № 2026620743); *– Как же нельзя, – сказал я. – Вот она. Сейчас. –* ***В слове «сейчас» шесть букв и два слога,*** *которые могут*

быть прочитаны только по очереди (В. Пелевин «Смотритель» // БД № 2026620743).

В результате рефлексии над содержательной стороной знака образуются рефлексивы, в которых метаязыковые комментарии направлены на актуализацию транслируемых смыслов: *...**в слово «жениться»** взрослые всегда вкладывали **особый нескромный смысл*** (Ю. Поляков «Совдетство. Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743); *Разумеется, их непосредственным поводом оказывались **внешние (т.е. нецерковные в собственном смысле слова)** обстоятельства* (Е. Водолазкин «Протоиерей Александр Нечаев» // БД № 2026620743).

Следующим свойством обыденного метаязыка является его **интерпретативность,** т.е. направленность на интерпретацию единиц естественного языка. Потенциальная интерпретируемость знака через другой знак (последовательность знаков) давно была замечена семиотиками и лингвистами. Так, основоположники американской школы семиотики Ч.С. Пирс и Ч. Моррис, принимая во внимание способность языка к самоописанию и самоинтерпретации, ввели в употребление понятие интерпретанты знака. Ч.С. Пирс утверждал, что «знак не есть знак, если только он не переводит себя в другой знак, в котором он получает более полное развитие», что «все назначение знака состоит в том, что он будет интерпретирован в другом знаке» (Цит. по: Звегинцев, 2001, с. 231-232). Данную идею уже в лингвистике отстаивал Р. Якобсон, считая, что кардинальное свойство языка состоит в «переводимости любого языкового знака в другой, более эксплицитный знак…» (Якобсон, 1985 д, с. 313). В современной семиотике и лингвистике представление об интерпретанте знака связано «… с такой цепочкой знаков, которая разъясняет / интерпретирует знак … Таким образом, интерпретанты знака фиксируют итоги семиотической операции “знак за знак”» (Кубрякова, 2001, с. 287-288).

Тем самым, по сути, метаязык играет роль интерпретативного механизма. Единица метаязыка не просто называет и обозначает факт языка,

она его категорирует и в той или иной степени эксплицирует. Метаязыковые структуры, инкорпорированные в семантическую ткань текста, de facto представляют собой интерпретанты языковых единиц: *...Пусть сами тут живут, а мне секцию в Сухуми купят, – проворчал мой друг:* ***секциями здесь называют отдельные квартиры в новостройках*** (Ю. Поляков «Совдетство. Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743); *Насмотришься тут всякого-разного и начнешь самиздат распространять. –* ***Самиздат****? – среагировал Непомилуев на новое слово. –* ***Запрещенные книги*** (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743).

Обыденный метаязык характеризуется **полифункциональностью**. Причем данное свойство проявляется на разных уровнях: на уровне осмысления роли метаязыка как феномена и на уровне функционирования его отдельных единиц.

В первом случае речь идет о содержательной неоднородности самой метаязыковой функции, впервые выделенной Р. Якобсоном (Якобсон, 1975). Её трактовка как ориентации сообщения на код носит обобщенный характер. Анализ употребления метаязыковых структур показывает, что, несмотря на наличие кодоцентричности как родового признака, содержание метаязыковой функции варьируется, что позволяет выделить целый ряд её видовых разновидностей или эпифункций (об этом см. в параграфе 2.1.3).

Во втором случае полифункциональность метаязыка проявляется в виде многозначности отдельных его единиц. Метаоператоры, как правило, способны выполнять несколько семантико-прагматических ролей. Так, например, вводная конструкция *если угодно*, выступающая в функции метаоператора, в зависимости от контекста может выполнять следующие функции: 1) хезитатива, свидетельствующего о трудностях (сомнениях) при подборе номинации: *Ведь «Хоббит», несмотря на эпический размах, получается у Питера Джексона гораздо более* ***сентиментальной (или, если угодно, романтической) историей,*** *чем был «Властелин колец»* («Меланхолия дракона» / Ведомости // НКРЯ, Газетный подкорпус – далее

ГПК); 2) аппроксиматора, сигнализирующего о приблизительности, нечеткости избранной номинации: *Долгое время «Артек» был не просто работодателем, но,* ***если угодно, таким коллективным родителем*** («Жизнь – это жесткое соревнование» / lenta.ru // НКРЯ, ГПК); 3) семантизатора, эксплицирующего слова с высокой степенью агнонимичности: *Через* ***апгрейд (перелицовку мозгов, если угодно)*** *в новых поколениях «домашних детей»: причем, кажется мне, они стали грамотней и прагматичней, но отнюдь не стали бесчеловечны* (Е. Дьякова «Когда воротимся мы в Портленд. Двадцать лет без Окуджавы» / Новая газета // НКРЯ, ГПК); 4) эвфемизатора / дисфемизатора, маркирующего прагматические стратегии выбора слова: *Труд врача, как никакой другой, требует от человека призвания, таланта, полной самоотдачи и,* ***если угодно, фанатизма*** («Ошибка ценою в жизнь» / Известия) // НКРЯ, ГПК).

Следующее выделяемое нами свойство обыденного метаязыка мы называем **дискурсивностью**. Используя этот термин, мы хотим подчеркнуть, что метаязык как явление фактически не существует вне дискурса. Конечно, оправданным будет выглядеть замечание о том, что и язык в полной мере реализует свой потенциал только в дискурсе. Однако в этом отношении между языком и метаязыком имеется фундаментальное отличие. Единицы языка могут быть осмыслены и воспроизведены нами вне рамок дискурсивных практик. Они пребывают в «парадигматической реальности». Единицы метаязыка практически лишены данного онтологического качества. Поэтому вне дискурса метаязык «растворяется» в языке.

Исключение составляет только так называемая «металексика» – слова и коллокации, созданные для обозначения самого кода. Однако удельный вес таких слов в высказываниях метаязыкового содержания сравнительно невелик. В приведенных ниже примерах обращаем внимание на тот факт, что метаязыковой статус большинства компонентов, входящих в границы соответствующего высказывания, приобретается ими исключительно в условиях дискурсивной ситуации: *В книгах* ***любовь – это такой щит, а***

вернее, просто повязка на глаза*. Чтобы не видеть* (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743); *К бороде добавились купленная на рынке черная ряса и* ***скуфейка – так Степа называл про себя черный головной убор священнослужителя****…* (В. Пелевин «Числа» // БД № 2026620743).

Наконец, пятое свойство обыденного метаязыка мы определяем как **полиморфность.** Его особенность заключается в том, что метаязык не располагает набором специальных синтаксических конструкций. В процессе воплощения в тексте метаязыковые субстанции обретают самые разнообразные структурные формы, которые практически не поддаются обоснованной типологизации. Синтаксическое пространство, занимаемое элементами метаязыка, значительно варьируется. Вместе с ним изменяется роль метаязыковых структур в текстообразовании.

Метаязыковые комментарии могут играть роль повествовательной доминанты, достигая при этом размеров сложного синтаксического целого: *…в словах «бомж» (без определенного места жительства) и «пиар» (Public Relations) слышится что-то французское. «Самбо» (самооборона без оружия) ассоциативно связывается с самбой, ПДД (правила дорожного движения) – с балетом. И даже ОСАГО (обязательное страхование автогражданской ответственности), перефразируя Северянина, – с «чем-то испанским»* (Е. Водолазкин «Госкомаббревиатура» // БД № 2026620743); *Тихарь, понял Грым. А вот интересно, почему их называют «тихарями», если они же все время что-то говорят или орут? Правильнее было бы называть «громкарями»* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.» // БД № 2026620743).

Нередко метаязыковые конструкции дополняют основное повествование, реализуясь в пределах одного высказывания: *В остальном же они говорили на разных языках в прямом и переносном смысле* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); *Но начнем с того, что я не настоящий мужчина, а совок, если выражаться сегодняшним языком, или ложкомой, если прибегать к изысканному словарю супруги моей молчаливой*

Веры Геннадиевны (Ю. Поляков «Парижская любовь Кости Гуманкова» // БД № 2026620743).

Распространенными являются также случаи, когда в семантическую ткань текста инкорпорируются метаязыковые оттенки, нюансы смысла, для передачи которых используются единичные метаоператоры: *Ходят слухи, что наши «талантливые» и «находчивые» режиссеры пересняли, сделали* ***так сказать ремейк*** *фильма* (Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» // НКРЯ, Основной подкорпус – далее ОПК); *Он поглядел на пустое место, где висели стога, сел за свой рабочий,* ***так называемый письменный стол****, отпер ящик и вынул папку* (И. Грекова «На испытаниях» // НКРЯ, ОПК).

Необходимо констатировать, что обыденный метаязык представляет собой сложное и многоаспектное явление. Будучи функциональной «надстройкой» естественного языка, метаязык обладает собственным набором конститутивных признаков, называемых нами свойствами, которые свидетельствуют о его рефлексивности, интерпретативности, полифункциональности, дискурсивности и полиморфности.

2.1.3. Функции обыденного метаязыка

Для начала отметим, что вопрос изучения функций языка не теряет актуальности на протяжении тысячелетий. Им задавались еще античные мыслители, но вместе с тем продолжают интересоваться современные лингвисты. Причины подобного «научного долголетия» кроются не только в сложности и многомерности феномена языка, но также объясняются социально-историческими трансформациями роли языка в обеспечении существования и развития человеческого общества. Сохраняя свое коммуникативное (информационное) назначение, язык в разные эпохи

реагировал на запросы и потребности общества, расширяя собственный функциональный потенциал, что позволяло коммуникантам с его помощью решать разного рода когнитивные, стилистические, риторические и культурно-игровые задачи.

Размышления о функциях языка обычно предваряют любой методологический разворот в лингвистической науке и содержат теоретические обоснования становления новых научных направлений. Так, наличие у языка когнитивной функции создало онтологические предпосылки для масштабного развития когнитивной лингвистики, на изучении проявлений кумулятивной функции базируются исследования в области лингвокультурологии, а игровая функция формирует материал для лингвистики креатива и т.д.

Необходимо отметить, что термин «функция языка» в силу своей определенной метонимичности не совсем точно описывает предмет лингвистического изучения. Правильнее было бы наделять соответствующими функциями не язык-способность, а язык-деятельность. В этой связи отечественные ученые указывали на целесообразность говорить не о функциях языка, а о функциях речевой деятельности в соссюровском понимании этого термина (Иваницкий, 2004, с. 104), а некоторые зарубежные лингвисты напрямую связывали вопросы функциональности с речевой деятельностью (см., например, употребление знаменитым французским лингвистом А. Мартине термина *langage* («речевая деятельность»), а не термина *langue* («язык») в статье о речевых (языковых) функциях (Martinet, 1969)).

Обращение к истории вопроса дает основания для утверждения о том, что в изучении функций естественного языка сформировались глубокие теоретические традиции. С собственно лингвистических позиций проблема функций языка впервые была рассмотрена К. Бюлером (Бюлер, 2000, с. 34-37). Немецкий лингвист обосновал положение о системном характере функций языка. В своих теоретических построениях К. Бюлер отталкивается от структуры коммуникативного (речевого) акта, из каждого компонента

которого «вырастает» функция языка. При этом в трактовке ученого коммуникативный акт имеет простую трехчастную структуру: отправитель сообщения, получатель сообщения и предмет сообщения. С компонентом структуры «отправитель сообщения» К. Бюлер связывал экспрессивную функцию, сущность которой заключается в выражении отношения говорящего к фактам речи. Апеллирующая функция нацелена на адресата речи. К формам её проявления К. Бюлер, в частности, относил высказывания с побудительной семантикой. Наконец, третьей и главной, по мнению К. Бюлера, является репрезентативная функция, заключающаяся в отражении предмета речи.

Впоследствии модель функций К. Бюлера была переработана и дополнена Р. Якобсоном. Именно модель, предложенная Р. Якобсоном в работе «Лингвистика и поэтика» (Якобсон, 1975), приобрела в лингвистической науке статус «классической», что, в свою очередь, определяет её высокую цитируемость в специальной литературе. Внесение изменений в модель К. Бюлера обусловлено наличием более сложной и расчлененной структуры коммуникативного акта в интерпретации Р. Якобсона. Помимо адресанта (в терминологии К. Бюлера – отправитель сообщения), адресата (получатель сообщения) и контекста (предмет сообщения), Р. Якобсон дополнительно вводит в структуру коммуникативного акта такие компоненты, как код, контакт и сообщение (Ibid., с. 198). Соответственно количество функций в его модели возрастает до шести: коммуникативная (референтивная), экспрессивная (эмотивная), апеллятивная (конативная), фатическая, поэтическая и метаязыковая (Ibid., с. 203). Содержание первых трех указанных функций в целом соответствует содержанию функций, принятых в модели К. Бюлера. Фатическая функция заключается в установлении и поддержании контакта между коммуникантами в процессе речевого общения. Поэтическая функция языка фиксируется в случаях концентрации внимания на сообщении как таковом, в случаях представления сообщения в качестве эстетического феномена.

Наконец, ориентация сообщения на код (т.е. ситуации, когда предметом высказывания становится сам код) осуществляется с помощью метаязыковой функции или функции толкования. Именно в модели Р. Якобсона метаязыковая функция впервые получила теоретическое обоснование в качестве неотъемлемой части функциональной системы языка.

На современном этапе развития лингвистики наиболее дискуссионным является вопрос о количественном составе функций и их системном взаимодействии. Несколько умаляя разнообразие существующих в этом направлении теоретических подходов, можно говорить о существовании двух основных моделей представления функций языка: монофункциональной и полифункциональной.

До последнего времени монофункциональная модель превалировала в лингвистическом мире. Её суть заключается в выделении одной главенствующей функции (как правило, коммуникативной). При этом остальные функции рассматриваются в качестве вспомогательных. Позиции монофункционализма с полной ясностью выражены в высказывании А.В. Карабыкова о том, что «единственной функцией языка является коммуникативная. В процессе речи она осуществляется в виде системы своих частных реализаций – эпифункций» (Карабыков, 2008, с. 84). Указанная точка зрения разделяется в большинстве работ, посвященных вопросам установления функций языка (см., например, (Иваницкий, 2004; Малявина, 2010; Мамушкина, 2016; Martinet, 1969; Searle, 2014)).

Особенно сильны позиции монофункционализма в отечественной лингвистике. Сложившаяся ситуация во многом подготовлена содержательными императивами советского периода в развитии лингвистической науки. Становление монофункциональной модели в советском языкознании имело объективные и субъективные предпосылки. К объективным предпосылкам отнесем наличие выраженного социологизаторского крена в советской лингвистике, что предопределило выделение собственно общественной, коммуникативной, функции языка.

Субъективные предпосылки, на наш взгляд, точно сформулированы в исследовании Е.В. Савицкой (Савицкая, 2023). Автор справедливо отмечает, что многие советские лингвисты оказались «в плену» у знаменитого ленинского определения языка как важнейшего средства человеческого общения (Ibid., с. 14), в результате чего конъюнктура и политическая целесообразность отодвинули на второй план научную объективность.

Однако ряд новейших исследований демонстрируют отход от монофункциональной традиции, при этом их авторы высказываются в пользу идей полифункционализма (Колесов, 2021; Карасик, 2022; Савицкая, 2023). Полифункциональная традиция отказывается от постулата о примате одной функции в системе функций языка. Полифункционализм в своей исследовательской программе отталкивается от факта многоаспектности языка и стремится к рассмотрению языка во всей полноте его проявлений. Так, И.Ю. Колесов справедливо замечает, что язык обеспечивает не только коммуникацию, но и создает уникальный для данной лингвокультуры способ интерпретировать действительность, что позволяет говорить о наличии у языка отдельной интерпретирующей функции. Изучение данной функции открывает новые горизонты перед лингвистикой (Колесов, 2021). Е.В. Савицкая в своем исследовании предлагает отказаться от постулата о доминировании одной из функций в функциональной системе языка, утверждая, что речевая деятельность обеспечивается взаимодействием мыслеформирующей, моделирующей и коммуникативной функций языка (Савицкая, 2023). В.И. Карасик осуществил попытку моделирования функций языка, результатом которой стало формулирование фрактальной модели языковых функций (Карасик, 2022). Функциональный потенциал языка имеет векторную организацию. При этом «каждый из векторов функций языка допускает фрактальное уточнение и может быть развернут в той или иной объяснительной модели», а «модель языковых функций должна быть многовекторной, поскольку мир многопричинен и многовариантен» (Ibid., с. 39).

В нашем исследовании мы ориентируемся на полифункциональную традицию, руководствуясь известным призывом Р. Якобсона о том, что «язык следует изучать во всем разнообразии его функций» (Якобсон, 1975, с. 197). Обращаясь к анализу содержания метаязыковой функции, отметим, что она опирается на уникальную способность естественного языка (его элементов) выступать в качестве референта высказываний (именно поэтому метаязыковую функцию иногда называют «автореферентной»). В случаях автореференции имеет место семиотическое переключение с репрезентации окружающего мира к репрезентации самого средства репрезентации – языкового кода.

Необходимо заметить, что исследования, в которых поднимались бы вопросы содержания метаязыковой функции с выходом на построение классификаций видовых функций (эпифункций метаязыка), не очень многочисленны. Остановимся на наиболее заметных из них. К числу таковых, безусловно, нужно отнести фундаментальные исследования в области метаязыковой рефлексии И.Т. Вепревой. Автор выделяет две базовые функции метаязыковых комментариев: коммуникативную и концептуальную. Первая рассматривается как первичная и выполняет роль коммуникативной правки кода. Вторая по своей природе вторична и связана с отражением аксиологической динамики и трансляцией актуальных мировоззренческих установок в обществе (Вепрева, 2005, с. 8-9). Констатируем, что социальные императивы, взятые на вооружение автором, не позволяют приведенной классификации отразить внутренние особенности метаязыковой функции языка. Для И.Т. Вепревой метаязыковой комментарий – это только своеобразный мостик во внешнее пространство.

Специальное место в своей монографии, посвященной вопросам метаязыковой рефлексии в художественных текстах, М.Р. Шумарина уделила изучению функций метаязыковой рефлексии (Шумарина, 2011, с. 24-27). Автор говорит о трех группах функций: текстовых, дискурсивных и социальных. Текстовые функции служат делу организации текста.

Дискурсивные функции осуществляют связь речевого отрезка с конкретной коммуникативной ситуацией и выполняют роль регулятора процесса общения. Социальные функции связывают метаязыковую деятельность с внешней внеязыковой средой.

Исследование, выполненное Т.А. Кравцовой на похожем языковом материале, позволило автору выделить следующий набор функций метаязыкового содержания: герменевтическая, характерологическая и экспрессивная (Кравцова, 2014 б, с. 6). Если герменевтическая функция раскрывает метаязыковое содержание (она апеллирует к коду, нейтрализуя коммуникативное напряжение и обеспечивая информационную устойчивость текста), то характерологическая и экспрессивная функции переносят центр тяжести в область художественного творчества. Они целиком наполнены художественным содержанием. Так, характерологическая функция нацелена на описание и оценку персонажей. Экспрессивная функция направлена на стимулирование лингвокреативной деятельности читателя и выступает одной из констант в формировании творческого почерка, идиостиля писателя. Поэтому указанные две функции связаны с использованием метаязыковых комментариев в качестве изобразительно-выразительных средств художественного текста. Они носят ярко выраженную стилистическую окраску.

По нашему мнению, наиболее разработанную и последовательную функциональную классификацию метаязыковых конструкций (не лишенную вместе с тем определенных недостатков) предложила Е.А. Андрусенко (Андрусенко, 2011). Автор утверждает, что метаязыковые отрезки способны выполнять в тексте четыре основные функциональные роли: коммуникативную, характеризующую, эстетическую и стилистическую. Коммуникативная функция включает в себя четыре подфункции: семантизирующую, фатическую, аффективную и номинативно-оценочную, каждая из которых передает специфическое метаязыковое содержание. Объединение последних в одну таксономическую группу, по-видимому, объясняется тем фактом, что Е.А. Андрусенко ведет исследование в

фарватере монофункциональной традиции. Поэтому практически любое обращение к коду должно иметь коммуникативные «последствия». Семантизирующая подфункция связана с толкованием (уточнением) значений языковых единиц. Фатическая подфункция направлена на установление и поддержание внимания субъектов на особенностях кода. Аффективная и номинативно-оценочная подфункции служат для выражения через номинации эмоций и чувств, а также разного рода оценок.

Если коммуникативная функция метатекста в трактовке Е.А. Андрусенко наполнена метаязыковым содержанием, то остальные функции имеют с метаязыком лишь отдельные точки пересечения. Так, характеризующая функция связана с характеристикой персонажа произведения как языковой личности (содержание данной функции оказывается очень близким природе характерологической функции в концепции Т.А. Кравцовой). Суть эстетической функции заключается в использовании специальных стилистических приемов для передачи художественных смыслов. Наконец, стилистическая функция направлена на объяснение употребления стилистически маркированных слов. В последнем случае вызывает вопросы сам факт выделения этой функции, так как содержательно она вполне соответствует семантизирующей подфункции.

Проведенный анализ позволил нам прийти к выводу, что ни одна из существующих функциональных моделей в полной мере не раскрывает потенциал нативного метаязыка. Считаем, что определение системы функций обыденного метаязыка нуждается в дальнейшем осмыслении и уточнении.

В ходе исследования нами было установлено, что естественный метаязык выполняет две базовые функции: информационно-исследовательскую и моделирующую. Каждая из функций являет собой своеобразную ипостась метаязыковой рефлексии, а их системное представление позволяет увидеть целостную картину реализации метаязыкового начала в дискурсе.

Информационно-исследовательская функция опирается на ориентировочно-исследовательские механизмы психики субъекта, открытые для науки П.Я. Гальпериным (Гальперин, 2017) (о развитии представлений об ориентировке и ориентировочной деятельности в концепции П.Я. Гальперина см. в (Лидерс, Фролов, 2012)). Она обеспечивает возможность обращения субъектов коммуникации к языковому коду в ходе речевой деятельности с целью концентрации на нем дополнительного внимания, осуществления разного рода исследовательских процедур (как наивного, так и профессионального характера), а также извлечения из него необходимой информации, важной для поддержания эффективной коммуникации. Однако при этом она характеризуется содержательной неоднородностью, что делает целесообразным выделение в её родовом таксономическом пространстве перечня видовых функций. Каждая из видовых функций занимает в системе свою содержательную нишу и «работает» на раскрытие объема родового понятия. К такого рода видовым функциям мы относим: метафатическую, пояснительную, характеризующую, оценочную, поисковую, связующую и категоризирующую функции. Ниже мы дадим краткую характеристику указанным функциям.

Метафатическая функция содержательно близка фатической функции, которую в своей модели выделил Р. Якобсон. Она также связана с установлением контакта, но контакта не между отправителем и получателем сообщения, а контакта между воспринимающим сознанием субъекта и частью языкового кода (как правило, словом). Метафатическая функция призвана поместить тот или иной отрезок текста (дискурса) в фокус сознания, тем самым «настаивая» на его дополнительном осмыслении. Данная функция манифестируется в тексте разнообразными способами, наиболее частотными из которых являются использование лексико-семантического повтора, формирование специального метаязыкового комментария и применение параграфемных средств (иногда в сочетании с нестандартной графикой и орфографией): *На одной их чаше покоилось*

светлое будущее с крепкой, добела отмытой карьерной лестницей, … с гарантированной месткомовской путевкой в ***летние (летние!)*** *Гагры* (М. Степнова «Женщины Лазаря» // БД № 2026620743); *Мы помчались в «Ремонт аквариумов», куда-то на Электродный проезд*. ***Бывают же названия!*** (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *Через кукол можно передать* ***ме-та-фо-ру*** (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743).

Пояснительная функция направлена на поддержание коммуникативной ясности кода. Пояснение семантики единиц кода в большинстве случаев преследует цель преодоления агнонимичности языковых структур. Последняя обычно вызвана употреблением в речи слов иноязычного происхождения, историзмов, архаизмов, диалектизмов, а также лексико-фразеологических элементов разного рода социальных и профессиональных жаргонов: *Он очень интересно рассказывал про жизнь эвенков. Они себя называют* ***«чавчыв»*** *–* ***оленьи люди*** (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743); *Но избитый, как на грех, оказался младшим братом печально знаменитого Гвоздя – Мишки Гвоздева, недавно* ***откинувшегося, что значит – вернувшегося из тюрьмы*** (Ю. Поляков «Совдетство 2. Пионерская ночь» // БД № 2026620743).

Характеризующая функция, в отличие от одноименной функции в модели Е.А. Андрусенко и характерологической функции в модели Т.А. Кравцовой, направлена не на характеристику языковой личности персонажа художественного произведения, а на характеристику элементов языкового кода. Данная функция является в определенной степени продолжением пояснительной функции. Исследовательские процедуры в ней идут дальше и глубже. Результаты этого исследования кода представлены в виде его разнообразных характеристик. Эти характеристики могут иметь семантический, семантико-стилистический, функциональный, коммуникативный, нормативный характер: *Кто-то будет строить алюминиевый завод неподалеку, кто-то переедет ниже по реке воздвигать*

новую станцию, ***новую «гидру», как у них говорят*** (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743); *И все-таки я патриот – я люблю наше жестокое несправедливое общество живущее в условиях вечной мерзлоты.* ***После слова «общество» должна была стоять запятая*** (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743).

В **оценочной функции** реализуются другие возможности исследования кода. Если пояснение и характеристика кода связаны с исследованием его дескриптивных сущностей, то теперь исследование переходит в область оценочных сущностей. В метаязыковых комментариях дается оценка элементу кода: *«Посмотрим. В любом случае – мы с рыбой.» «Мы, – повторил про себя Топкин и потом еще долго повторял: «Мы … мы.» «Мы» – это она, Ольга, и он, Андрей.* ***«Мы» – какое хорошее, надежное слово*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); *О нем говорили* ***страшное слово – залечили*** (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743).

Поисковая функция реализуется в случаях, когда денотативная отнесенность отправителем сообщения определена, но он испытывает затруднения с облечением её в знаковую форму. В отличие от вышеописанных функций, поисковая функция осуществляется по отношению к семиозису не post factum, а ante factum, т.е. непосредственно в процессе кодирования. В процессе поиска адресант осуществляет выбор необходимого элемента кода: *Наша культура была в то время****, я бы сказал, э-э-э … Довольно пугающей. Героически-насильственной, так сказать*** (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743); *Настоящего удивления* ***(даже, пожалуй, восхищения)*** *заслуживало только одно…* (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743).

Связующая функция, или функция связности, способствует формальному и смысловому единству текста (дискурса). В процессе реализации данной функции текст насыщается специальными метаязыковыми (метатекстовыми) элементами, которые фиксируют внутритекстовые связи.

Связующие элементы представляют информацию, указывающую на смысловую эквивалентность, причинно-следственные отношения отрезков текста, на направление хода мыслей адресанта, на их резюмирование, а также обеспечивают навигацию внутри текста: *А второй закон звучал так: «Творящая воля человека не должна создавать радикально новых форм». **Другими словами**, отныне медиумам разрешалось лишь воспроизводить существующее* (В. Пелевин «Смотритель» // БД № 2026620743); *А я хотел, чтобы она сама посидела над меню, выбрала, отвергла что-то и снова выбрала, **короче** – вступила в контакт с окружающим миром…* (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743).

Категоризирующая функция заключается в таком осмыслении знака (последовательности знаков), которое открывает возможность обнаруживать в нем признаки, позволяющие причислить его к некоторым категориям. Эти слова-категории фигурируют в качестве семантических ниш, в которые можно заключить исходные единицы кода. Категоризирующая функция реализуется в метаязыковых отрезках двух типов. В отрезках первого типа слово-категория в тексте следует за фрагментом кода, подвергшимся категоризации (т.е. находится в постпозиции): ***Леклер ликовал (красивая аллитерация)*** (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743)*; **«Кто не с нами – тот против нас».** Помните этот **лозунг?*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743). В отрезках второго типа слово-категория предшествует категоризируемому элементу (т.е. находится в препозиции): *Прибегая к **оксюморону**, я бы сказал, что **кладбище должно быть живым*** (Е. Водолазкин «Какие разные похороны» // БД № 2026620743); ***Стертая метафора «жизненный путь»** хороша тем, что передает некую устремленность пережитого, не делает его механической суммой событий* (Е. Водолазкин «Эпоха Лихачева» // БД № 2026620743).

Следует отметить, что категоризирующая функция в системе информационно-исследовательских функций естественного метаязыка занимает промежуточное положение между характеризующей функцией и

связующей функцией. С характеризующей функцией её сближает то, что сам факт категоризации предполагает внутреннюю характеристику объекта. Со связующей функцией её роднит способность содействовать связности текста. При этом связность текста поддерживается на денотативном уровне: категоризирующий и категоризируемый элементы кода образуют единое поле денотативной отнесенности.

Второй базовой функцией естественного неспециализированного метаязыка является **моделирующая функция**. Она отличается от информационно-исследовательской функции онтологически, структурно и содержательно. Так, моделирующая функция опирается на творческие механизмы психики субъекта. В отличие от информационно-исследовательской функции, она не образует сложной структуры в виде подфункций. Содержательно она направлена не на извлечение информации о коде, а на его творческое осмысление с целью последующей переработки и креативного использования в речевой деятельности, с целью нового моделирования действительности. Моделирующая функция широко задействует потенциал языковой игры. В этом смысле она может называться также игровой функцией. Основными предпосылками языковой игры выступают глубокое знание и тонкое умение оперировать элементами кода, что невозможно вне метаязыковой рефлексии. Поэтому языковую игру, в результате которой интенционально генерируются лудические конструкции, мы относим к метаязыковым категориям (подробнее об этом см. в параграфе 5.3.2.).

Еще одной отличительной чертой моделирующей функции является имплицитность её реализации в тексте. В отличие от информационно-исследовательской функции, которая, как правило, манифестируется эксплицитно в форме специального более или менее развернутого метаязыкового комментария, метаязыковое моделирование осуществляется в свернутом виде. Распространенной формой реализации моделирующей функции естественного метаязыка выступают фрагменты кода, в которых смоделированы аллюзии, апеллирующие к прецедентным феноменам,

семантике и внутренней форме отдельных знаков: *Если Италии нет* ***– о вкусах спорят. Деньги пахнут. О мертвых можно всё. Все дороги ведут в пустоту*** (Т. Толстая «Без» // БД № 2026620743); *В декабре роту расквартировали в колхозе* ***«Восьмое марта», но теплее от этого не стало*** (Е. Водолазкин «Близкие друзья» // БД № 2026620743); *Билеты выглядели красиво – осенние* ***кленовые*** *листья с замысловатой флуоресцентной печатью. Иван подумал, что уместно будет фривольно пошутить, и положил один билет на другой. –* ***Клен кленом вышибают****, – сказал он* (В. Пелевин «Transhumanism Inc» // БД № 2026620743).

Таким образом, система контекстуально обусловленных метаязыковых ролей, обладающих информационно-исследовательской и моделирующей спецификой, образуют содержание феномена, который в лингвистике принято называть метаязыковой функцией языка или функциями естественного метаязыка.

2.1.4. Единицы обыденного метаязыка

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в зарубежной и отечественной лингвистике отсутствует кодифицированная система терминов для номинации и описания единиц, в которых воплощаются результаты метаязыковой рефлексии. Понятийное содержание и специфика употребления терминов, обозначающих единицы обыденного метаязыка, существенно варьируются в зависимости от методологического подхода, а иногда и от принадлежности ученого к определенной исследовательской школе. Так, термины *метаязык*, *метатекст*, *метадискурс*, *рефлексив*, *метаграмматика*, *металексика*, *метаимя*, *метапредикат*, *метасмысл* и многие другие с приставкой «мета» не имеют в науке о языке

общепризнанных дефиниций и могут употребляться в разных значениях, что в значительной степени осложняет решение задачи построения общей теории обыденного метаязыка.

Решение вопроса о выделении базовой единицы анализа имеет важное значение для настоящей работы. Установление такой единицы фактически определит специфику объекта исследования. Сразу оговоримся, что проблема определения базовой единицы вызвана свойством полиморфности обыденного метаязыка, которое было нами подробно охарактеризовано в одном из предыдущих параграфов (см. прараф 2.1.2.). Несмотря на свою консубстанциональность, единицы языка и метаязыка не совпадают. Более того, метаязыковые конструкции зачастую не укладываются в структуру традиционных уровней языка: слово, словосочетание, предложение, текст. Поэтому имеются все основания для разграничения единиц языка и метаязыка.

Выделение базовой единицы метаязыка существенно осложняется отсутствием явных структурных признаков у конструкций, обладающих метаязыковым статусом. Эмпирическое многообразие структур с внутренней референцией способствовало вариативности подходов к определению единиц метаязыка.

Изучение метаязыка как проявления обыденной метаязыковой рефлексии, как способности к выполнению операций перефразирования требует обращения к категориям функциональной грамматики и семантики, а также исследовательского выхода на уровень текста. Поэтому долгое время «бремя» основной единицы метаязыка несло понятие метатекста, введенное в 70-е годы XX века А. Вежбицкой (Вежбицка, 1978). Внутренняя форма термина отсылает к деятельностной природе и речевой, текстовой имплементации обозначаемого явления.

Целесообразность выделения метатекста в тексте обоснована наблюдениями А. Вежбицкой над гетерогенными компонентами в структуре текста. Польский ученый отмечала, что высказывания о предмете зачастую переплетаются нитями высказываний о самом высказывании. Метатекстовые

нити развиваются параллельно с «основным» текстом (Ibid., с. 404). Тем самым метатекст в понимании А. Вежбицкой и ее многочисленных последователей – это, прежде всего, «высказывание о высказывании».

Тем не менее объем понятия «метатекст» значительно расширился в сравнении с объемом понятия «метаязык». Уже А. Вежбицка не сводила метатекст к полноценным высказываниям, содержащим комментарии метаязыкового характера. Под категорию метатекста ею также подводились так называемые «метаорганизаторы высказывания», разного рода маркеры субъективной модальности и оценки (Ibid., с. 409-420). В дальнейшем объем понятия «метатекст» продолжил пополняться разноструктурными единицами: от таких обособленных от основного текста образований, как авторские (редакторские и др.) предисловия, авторские ремарки к репликам персонажей пьес до глубоко инкорпорированных в ткань текста дискурсивных слов. Постепенно «метатекст» стал пониматься учеными как разноструктурная единица метаязыка, как воплощение метаязыка-способности в дискурсивной практике.

Знаменитое исследование А. Вежбицкой имело значительный кумулятивный эффект в развитии лингвистической науки и во многом способствовало отнесению темы метаязыка (метатекста) к числу важнейших проблем современного языкознания. Вместе с тем сама А. Вежбицка не дала четкого определения термину, что заложило фундамент процесса его семантической дифференциации и в итоге привело к многозначности (Witosz, 2017, с. 107). Большинство современных ученых сходятся во мнении, что в лингвистике отсутствует единый подход к пониманию метатекста (Перфильева, 2005; Гилева, 2009; Иванников, 2017; Пластинина, 2017; Кузнецова, 2021). Общепринятой также является точка зрения, согласно которой к пониманию и исследованию метатекста может быть применим как «широкий», так и «узкий» подход или, выражаясь словами А.В. Кузнецовой, метатекст может рассматриваться как «текст в тексте» или «текст о тексте» (Кузнецова, 2021, с. 278). При этом широкий подход («текст в тексте»)

«позволяет рассматривать метатекст как значимую структурно-семантическую единицу в составе целостного текста…», тогда как узкий подход («текст о тексте») «ориентирован на выявление метатекстовых операторов (маркеров) в составе высказывания» (Ibid.).

Инвариантом содержания узкого и широкого «взгляда» на метатекст является рассмотрение последнего в качестве определенного структурно-семантического образования, ориентированного на осмысление, пояснение и описание языкового кода, используемого в процессе порождения текстов различного происхождения и назначения.

Многозначность термина *метатекст* создала предпосылки для возникновения конкурентной среды, в которой альтернативные термины значительно потеснили *метатекст*. Речь в первую очередь идет о термине *рефлексив*, введенном в научный оборот И.Т. Вепревой. *Рефлексив* определяется автором как «относительно законченное метаязыковое высказывание, содержащее комментарий к употребленному слову или выражению» (Вепрева, 2005, с. 8). Сразу заметим, что данное определение, на наш взгляд, несколько «обедняет» потенциальный состав рефлексивов. Считаем, что метаязыковой контекст может проступать не только через вербализованный комментарий к слову или выражению, но может также носить латентный характер и присутствовать в тексте в свернутом виде. В этой связи мы причисляем к рефлексивам любые конструкции (отрезки текста), содержащие информацию метаязыкового характера, выраженную эксплицитно или имплицитно.

Широкое распространение термина *рефлексив* используется некоторыми учеными в качестве аргумента в пользу рассмотрения перспектив развития теории обыденного метаязыка как динамики от метатекста к рефлексиву (Иванников, 2017). При этом была сделана попытка разграничить употребление терминов *метатекст* и *рефлексив* по критерию исследуемого материала. Так, «влияние» термина *метатекст* Е.Б. Иванников распространяет на изучение метаязыковой рефлексии в

научных и художественных текстах. Термину же *рефлексив* отдается предпочтение при исследовании публицистических текстов (Ibid., с. 338). Указанная дифференциация нам кажется априорной и искусственной, не имеющей отношения к онтологическим или структурным характеристикам различных типов текста. По нашему мнению, она спровоцирована тем фактом, что первые исследования (в том числе работы И.Т. Вепревой), в которых начал употребляться термин *рефлексив*, проводились на материале именно публицистических текстов.

Преимущества и недостатки терминов *рефлексив* и *метатекст*, используемых для обозначения единиц обыденного метаязыка, во многом определяются семантическим потенциалом, заложенным в их внутренней форме. Внутренняя форма термина *метатекст* предполагает, что метаязыковой комментарий является структурной единицей уровня текста. На практике мы имеем дело с относительно небольшим количеством текстов или крупных фрагментов текста, содержание которых полностью ориентировано на языковой код. Метаязыковой комментарий, как правило, воплощается на уровне предложения или даже словосочетания. Поэтому считаем, что термин *рефлексив*, внутренняя форма которого не отсылает нас к конкретному уровню языка (речевой деятельности), выглядит в этом смысле предпочтительнее. Его дополнительным преимуществом становится отсылка через внутреннюю форму знака к факту (результату) метаязыковой рефлексии, выступающей в качестве его психического субстрата.

В дальнейшем в настоящем исследовании именно термин *рефлексив* будет использован для обозначения единиц обыденного метаязыка. В нашем понимании *рефлексив* обладает максимально широким объемом понятия, позволяющим ему служить номинацией для самых разнообразных метаязыковых субстанций и проявлений метаязыковой рефлексии. Он de facto берет на себя роль родового термина, своеобразного гиперонима по отношению к видовым обозначениям единиц метаязыка. Последние используются нами для акцентирования внимания на внутренней

дифференциации единиц обыденного метаязыка. Так, для обозначения единиц метаязыка, относящихся к разным семиотическим измерениям, мы используем различные термины. Их семантизация, а также аргументация по поводу выбора подробно представлены уже в соответствующих главах диссертации, в которых рассматриваются особенности семантического, синтаксического и прагматического измерений метаязыка.

2.2. Картинирование метаязыка и метаязыковой деятельности

2.2.1. Дифференциация подходов и предметного поля в исследованиях обыденного метаязыка

Признание обыденного метаязыка в качестве имманентной части самого языка обусловливает возможность экстраполяции на него важнейшей языковой антиномии, позволяющей одновременно видеть в метаязыке систему и деятельность. Действительно, обыденный метаязык обладает признаками как системно-структурного образования, так и признаками динамической конструкции, реализующей себя в форме специфической деятельности. Данный факт предопределил существование двух исследовательских подходов к изучению феномена метаязыка. Они различаются взглядами на его онтологическую природу. Первый отталкивается от понимания метаязыка как системы и базируется на идеях о глубоком метаязыковом потенциале языка, сформулированных в фундаментальных трудах Р. Якобсона и Э. Бенвениста. Второй формируется вокруг представлений о метаязыке как о деятельности, тесно связывая сам метаязык с его пользователем – языковой личностью. Тем

самым целесообразно говорить о существовании системного и деятельностного подходов к изучению обыденного метаязыка.

Следует признать, что системный подход к изучению метаязыка до настоящего времени получил в языкознании гораздо более узкое распространение. Объяснение этому мы видим в том, что пик интереса к метаязыку пришелся на время доминирования антропоцентрической парадигмы в лингвистике, которая в значительной степени ориентирована на интерпретацию и описание деятельностных механизмов языка. Тем не менее можно констатировать, что как в зарубежной, так и отечественной лингвистике традиция изучения обыденного метаязыка как системы фактически никогда не прерывалась. В части зарубежного языкознания об этом свидетельствуют фундаментальные труды о метаязыке, опубликованные во второй половине XX и начале XXI веков (Rey-Debove, 1997; Jaworski, Coupland, Galasinski, 2004). В их содержании отчетливо прослеживается влияние идей Р. Якобсона.

В отечественной лингвистике обращения к проблематике обыденного метаязыка с позиций системного подхода носили скорее спорадический, фрагментарный характер. Работы, относимые нами к этой предметной области (Немец, 1999; Рябцева, 2005; Репринцева, 2010; Шарафутдинова, 2010; Демьянков, 2011; Кравченко, 2024 в; 2024 з; 2024 к; 2025 а; Бредихин, Кравченко, 2026 а; Кравченко, 2026 б), не вылились в отдельное научное направление с отчётливо выраженной преемственностью идей, а представляют собой отдельные попытки (подчас весьма успешные) описания системных черт неспециализированного метаязыка. В русле системоцентрической парадигмы научные исследования, как правило, ограничивались изучением профессионального метаязыка, в первую очередь метаязыка лингвистики. Их цели и задачи фокусировались на описании терминосистем отдельных наук и выработке лексикографических принципов презентации (мета)языковых фактов.

Гораздо более объемную и многостороннюю картину исследований обыденного метаязыка представляют работы, относящиеся к деятельностному подходу. Они ориентированы на изучение метаязыковых субстанций, порождаемых говорящим в ходе речевой деятельности. При этом метаязыковой материал рассматривается не сам по себе, а как отражение деятельности метаязыкового сознания продуцента, чем определяются направленность, технологии и процедуры проводимого лингвистического анализа.

Родоначальником указанного подхода, по всей видимости, следует считать американского ученого Генри (Генриха) Хенигсвальда, который в 60-70 гг. XX в. активно продвигал в академическом сообществе идею специального изучения непрофессиональных высказываний о языке, широко распространенных в речевой практике его рядовых носителей. Основные положения своей концепции Г. Хенигсвальд сформулировал в программной статье «A proposal for the study of folk-linguistics» (Hoeningswald, 1971). Называя научное направление «фольк-лингвистикой», американский лингвист ставил во главу угла принцип осознанности как самой метаязыковой деятельности, так и ее результатов, опредмеченных в тексте. «Фольк-лингвистика» нашла прочную методологическую опору в науке о языке. Её достижения связаны со становлением в языкознании антропологической парадигмы исследований. Антропоцентризм с его интересом к проявлению в языке и через язык интеллектуального потенциала человека и аксиологических доминант личности и общества увидел в анализе метаязыковой рефлексии говорящего (пишущего) эффективный инструмент установления и фиксации культурных смыслов. Тем самым идеи Г. Хенигсвальда прочно укоренились на лингвистической почве и обрели многочисленных последователей, что в итоге привело к рождению отдельного научного направления (Preston, 1993; 1994; Niedzielski, Preston, 2003). Последнее в англоязычном лингвистическом дискурсе именуется вслед за Г. Хенигсвальдом «folk linguistics», в немецкоязычном – «Volkliguistik», во франкоязычном – «linguistique populaire».

В отечественной науке о языке для обозначения данного направления параллельно употребляются несколько терминов. Его называют «наивной лингвистикой», «народной лингвистикой», «стихийной лингвистикой», «лингвистикой обыденного сознания», «теорией обыденной лингвистики». По нашему мнению, последний из указанных терминов (он был предложен М.Р. Шумариной) в наибольшей мере отражает суть данной научной практики. Не в последнюю очередь это происходит благодаря четкому разграничению исследуемого материала («обыденная лингвистика») и результатов его системного научного изучения («теория»).

Насколько нам удалось установить, первой отечественной работой, которую в полной мере можно причислить к теории обыденной лингвистики, стало диссертационное исследование Б.С. Шварцкопфа, посвященное изучению оценок говорящими фактов речи (Шварцкопф, 1971). Расцвет теории обыденной лингвистики пришелся на период, объединяющий последнее десятилетие XX века и первое десятилетие XXI века. Успехи научного направления обеспечивались фундаментальными и прикладными исследованиями Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева (Булыгина, Шмелев, 1999; 2000; 2003), Т.В. Шмелевой (Шмелева, 1999), Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 2000); А.Н. Ростовой (Ростова, 2000); В.Б. Кашкина (Кашкин, 2009); Н.Д. Голева (Голев, 2009); Э.Л. Трикоз (Трикоз, 2010); М.Р. Шумариной (Шумарина, 2011) И.Т. Вепревой (Вепрева, 2014 а) и др. Об интенсивности разработки в указанный период проблем теории обыденной лингвистики свидетельствуют многочисленные публикации тематических сборников трудов и коллективных монографий (Логический анализ языка: язык речевых действий, 1994; Язык о языке, 2000; Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика, 2008; Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография (в двух частях), 2009 и др.).

Стоит отметить, что методологические и научно-методические основания, заложенные работами, опубликованными на рубеже тысячелетий,

продолжают оказывать существенное влияние на современные исследования нативного неспециализированного метаязыка, во многом определяя их понятийный аппарат и направленность. Вместе с тем необходимо обозначить наличие тенденции к постоянному расширению эмпирической базы и предметного поля в исследованиях метаязыка.

Традиционным источником эмпирического материала продолжают выступать тексты художественных произведений. Их востребованность в качестве источника для составления конкорданса, на наш взгляд, объясняется двумя основными причинами. Первая связана с «универсальностью» языка художественной литературы в том смысле, что текст литературного произведения, как правило, представляет собой яркий образец смешения самых разных дискурсов. Вторая причина кроется в относительно высокой частотности и нетривиальности метаязыковых контекстов, развернутых в пространстве художественных текстов (внимание писателя к коду как средству выражения своих мыслей является его профессиональным качеством). Поэтому многочисленные исследования обыденного метаязыка проводятся именно на базе примеров, извлеченных из произведений художественной литературы (Фатина, 1998; Батюкова, 2009; Шумарина, 2011; Андрусенко, 2012; Кравцова, 2014 а; Николина, 2020; Сигал, 2021; Родионова, 2021, Романов, Кучерова, 2022; Кравченко, 2023 ж; 2023 к; 2024 е).

В последнее десятилетие художественные тексты как основной источник сведений о результатах метаязыковой рефлексии испытывают серьезную конкуренцию со стороны публицистики. Исследователи обыденного метаязыка все чаще обращаются к анализу текстов газет и иных периодических изданий (Уздинская, 2014; Лю Сюецзюань, 2019; Пирвердиева, 2019; Высоцкая, Марьянчик, 2020). Это происходит ввиду того, что в публицистическом дискурсе находят непосредственное отражение актуальные тенденции современной коммуникативной практики, к числу которых относится высокий уровень рефлексивности речевой деятельности.

В исследованиях обыденного метаязыка широко используется также материал, представляемый разговорной речью. Данный материал особенно релевантен при изучении таких характеристик метаязыковой деятельности, как спонтанность и автоматизм (Кормилицына, 2000; Пигрова, 2001; Богданова-Бегларян, 2012; 2017; 2019; Цесарская, Шестопалова, 2017; Цесарская, 2020; Зайдес, 2020; Галушко, 2021).

В последние несколько лет теория обыденной лингвистики в свой исследовательский контур все чаще привлекает принципиально новый пласт языкового материала, который она черпает из интернет-коммуникации. Язык интернет-коммуникации имеет целый ряд особенностей, в том числе связанных с проявлением метаязыковой способности продуцента (Рябцева, 2017). Данный факт способствует бурному росту исследований, использующих интернет-коммуникацию в качестве эмпирической базы (Мечковская, 2006 а; Плотникова, 2012; Геккина, 2016; Басалаева, Шпильман, 2019; Гридина, Талашманов, 2019; Иванников, 2020; Богачанова, 2021; Герасимчик, 2021; Карасик, 2023).

В поле зрения исследователей метаязыка находятся материалы, извлекаемые из текстов научного дискурса. Научные тексты в силу реализации в них требования обеспечения максимальной однозначности, а подчас даже информационной избыточности характеризуются строгостью употребления элементов кода. С этой целью в их структуру нередко включаются высказывания с внутренней референцией, способствующие экспликации их содержания. В этом смысле особенности обыденного метаязыка научных текстов противостоят особенностям, фиксируемым при изучении разговорной речи, что нашло подтверждение в целом ряде работ (Шаймиев, 1999; Шилова, 2005; Смирнова, 2011; Сюй Хун, 2011; Нефедов, 2013; Виноградов, 2017; Гаврилова, 2017; Czoska, 2018).

В качестве демонстрации разнообразия привлекаемого языкового материала для изучения метаязыковой рефлексии отметим, что лингвисты в исследовательской практике обращаются к самым разным эмпирическим

данным: от текстов фольклорного происхождения (Александров, 2020) и диалектного материала (Бондаренко, 2016; Пилипенко, 2017) до телевизионного (Васильев, 2000), философского (Бредихин, 2010) и политического (Шейгал, 2002; Голев, 2013 а; Богачанова, 2020; Батулина, 2021) дискурсов.

Отдельную группу исследований образуют работы, авторы которых в своих изысканиях опираются на данные «метацентрических» дискурсов. К такого рода дискурсам мы относим коммуникативные практики, активно использующие потенциал метаязыковой функции языка. В этом смысле наибольший научный интерес, пожалуй, вызывают рекламный, юридический и энигматический дискурсы.

Рекламный дискурс, как известно, нацелен на передачу суггестивных сообщений. В рекламном полимодальном тексте центр тяжести смещен с содержания сообщения в сторону способа его оформления. Таким образом, своеобразие языка рекламы определяется ориентацией продуцента на код. Рекламист пропускает через фильтры сознания не только содержание сообщения, но (в первую очередь) его форму; осознанно и тщательно подбирает способ кодирования. Поэтому создание рекламного текста происходит в процессе глубокой метаязыковой рефлексии. Высокая концентрация высказываний с внутренней референцией является одним из основных признаков рекламного дискурса, что объясняет интерес к нему со стороны исследователей обыденного метаязыка (Балахонская, 2010; Кравченко, 2023 з; 2025 б).

Значительная часть коммуникативной практики в области права связана с толкованием текстов разного рода нормативно-правовых актов, что дает лингвистам основания говорить о метаязыковой сущности юридического дискурсивного пространства (Пантелеева, Ахеджакова, 2015). На стыке лингвистики и юриспруденции сложилось междисциплинарное научное направление, названное «юрислингвистикой», в рамках которого обсуждается проблематика обыденного метаязыкового сознания и обыденного метаязыка

(Лебедева, 2000; Барабаш, 2014). Структурные и содержательные особенности юридического дискурса формируют необходимые предпосылки использования текстов юридического профиля в качестве эмпирической базы для исследований метаязыка (Лебедева, 2009; Голев, 2014; Голев, Иркова, 2023).

Энигматический (от лат. *aenigma* – «загадка») дискурс напрямую связан с реализацией метаязыковой функции языка. Данная разновидность дискурса манифестируется в форме загадок, кроссвордов и иных интеллектуальных игр, включающих в себя элементы кодирования и дешифровки языковых знаков. Структурно загадки и кроссворды образуют гипертекст, в котором энигматы кодируются через энигматоры (Денисова, 2008; Селиванова, 2013; Кравченко, 2023 б). Текст вербализованной части кроссворда или загадки, оформленный в виде дескрипции, фактически представляет собой метаязыковой комментарий, лишенный свойств внешней референции, синтезирующий компоненты значения зашифрованного слова. Поэтому язык кроссвордов (загадок) по своей сути является обыденным метаязыком. Установление характеристик энигматического дискурса параллельно вносит значительный вклад в исследование метаязыковой деятельности носителей языка (Захаренко, Красных, 1998; Кравченко, 2005 а, 2006 а; 2006 б; 2006 в; 2022 а; Волкова, 2011; Абрамец, 2012; Абдрашитова, 2012; Смольников, 2013; Твердохлеб, 2016; Кондрашова, 2017; Орлова, 2020; Никитина, Гейко, 2021).

В контексте развития в последние десятилетия инструментов корпусной лингвистики необходимо заметить, что в целях изучения проблем обыденного метаязыка лингвистами все чаще привлекаются эмпирические данные национальных корпусов языков (Taylor, 2015; Шилихина, 2015 а; Кравченко, 2023 в; Кравченко, 2024 и). Более того, зарубежными учеными предпринимаются достаточно успешные попытки создания специальных корпусов обыденного метаязыка (Wilson, 2012; Bogetić, 2021).

Дифференциация предметного поля исследований обыденного метаязыка определяется многообразием объектов метаязыковой рефлексии,

которая обращается к разноструктурным единицам в диапозоне от слова (Вепрева, 2006) до текста (Ким, 2010). Анализ специальной литературы, посвященной проблематике обыденного метаязыка, показал, что в фокус внимания обыденной метаязыковой рефлексии, как правило, попадают языковые и речевые явления, характеризующиеся структурной сложностью или семантической глубиной, узуальной или нормативной нестандартностью, социокультурной или прагматической значимостью в текущем контексте. Употребление указанных элементов кода зачастую выходит за рамки речемыслительного автоматизма и требует от говорящего дополнительных усилий по их интеграции в дискурсивное пространство. При этом результаты метаязыковой рефлексии обнаруживаются на поверхности текста и становятся предметом изучения профессиональных лингвистов.

Среди значимых объектов метаязыковой рефлексии выделяются имена собственные. В сравнении с апеллятивами, они чаще выступают источником метаязыкового напряжения (Кравченко, 2023 е, с. 148). Интерес носителей языка к осмыслению имен собственных и следующая за ним метаязыковая рефлексия имеют глубокие корни.

Во-первых, активность процессов метаязыковой рефлексии над онимами вызвана представлениями об уникальности имен собственных. Если апеллятивы, призванные называть целый класс предметов, явлений или качеств, представляют собой обобщенные, стандартизированные имена, то онимы «претендуют» на яркость и неповторимость имени. Этот факт рождает у продуцента стремление к формулированию характеристик и оценок имен собственных, выраженных с помощью метаязыковых комментариев.

Во-вторых, имена собственные проявляют четко выраженную тенденцию к мотивированности. В большинстве случаев они сохраняют мотивированную связь имени и денотата. Онимы являются одним из немногих классов слов, восприятие которых создает у рядовых носителей языка стойкое представление о единстве сущности имени и обозначенного

предмета. Подобные представления являются отправной точкой для развития так называемой «наивной ономастики», особенности которой активно изучаются лингвистами (Шумарина, 2010; Крюкова, 2012; Лабунец, Кочнева, 2019; Кравченко, 2023 г). При этом в центре внимания ученых оказываются разные семантические группы имен собственных: антропонимы (Свирина, 2006; Бойкова, 2017), топонимы (Геккина, 2016 б; Кравченко, Кравченко, 2022 б), эргонимы (Трапезникова, 2010), катойконимы (Ахметова, 2019) и др.

Предметное поле исследований обыденного метаязыка формируется вокруг изучения результатов рефлексии над лексическими единицами, воспринимаемыми говорящим в качестве необычных, экспрессивных, а иногда даже «непонятных» ему слов. Поэтому исследовательская повестка представлена работами, в которых изучаются метаязыковые комментарии в отношении иноязычной лексики (Сарамотина, 2010; 2011), заимствований (Козлова, 2012; Кузнецова, 2021), разного рода неологизмов (Черняк, 2014; Мартынова, 2019; Захарова Ю.Г., 2023) и окказионализмов (Устинова, 2023 б).

В предметное поле научных работ попадают результаты осмысления рядовыми носителями языка различных социокультурных процессов и явлений, находящих отражение в коммуникативной практике. В частности, специальному лингвистическому анализу и описанию подвергаются метаязыковые конструкции, сопровождающие и интерпретирующие употребление в речи (тексте) эвфемизмов (дисфемизмов) (Прядильникова, 2007; Гурина, 2011; Кравченко, 2024 д), феминитивов (Пугачева, 2020), номинаций гендерно-родовых отношений (Горбацкая, 2013).

Обширный спектр метаязыковых исследований составляют работы, в которых изучаются результаты рефлексии над формой слова. Обычно в них четко прослеживается деление на два предметных направления: исследования рефлексии над внутренней формой знака (Резанова, 2008; Соснина, 2009; Кравченко, 2023 и; Устинова, 2023 а; Кравченко, 2026 г) и исследования рефлексии над внешней формой знака, отдельно

характеризующей фонетический облик (Свешникова, 2019; Кравченко, 2026 г), орфографическое воплощение (Булгакова, Денисова, Чабаненко, 2016; Бреусова, 2021) и пунктуацию (Лаппо, 2024; Сигал, 2024).

Исследованиям метаязыковых комментариев формы слова предметно близки работы, в которых анализируются результаты рефлексии над аббревиатурами (Шумарин, Шумарина, 2009; Ильясова, 2016; Кравченко, 2023 а). Широкое распространение в коммуникативной практике рефлексивов данного вида обусловлено рядом причин. Первая из них связана с агнонимичным статусом многих аббревиатур и необходимостью обеспечения их адекватной семантизации. Во-вторых, высокая частотность случаев метаязыковой рефлексии над аббревиатурами объясняется творческим характером этих знаков. Большинство аббревиатур родились не в глубине веков, а зачастую продолжают рождаться здесь и сейчас, сохраняя в восприятии коммуникантов идею новизны знака. При этом у носителя языка возникает естественная потребность дополнительно осмыслить и оценить форму и содержание нового знака, которая находит свое выражение в актах метаязыковой рефлексии. Наконец, в-третьих, аббревиатуры выступают в качестве типичного объекта метаязыковой рефлексии ввиду своей тесной связи с внеязыковой действительностью. Известно, что образование новых аббревиатур целиком обусловлено внешними социальными, политическими, культурными факторами, их создание происходит «на злобу дня». Поэтому имеет смысл говорить об экстралингвистической актуальности аббревиатур. Результатом последней является перенос познавательного интереса с объекта или факта внеязыковой действительности на языковой знак, которым он обозначен.

2.2.2. Дифференциация аспектов изучения обыденного метаязыка

Помимо разнообразия подходов и предметного поля, в изучении обыденного метаязыка и метаязыковой деятельности наблюдается дифференциация аспектов исследования материала. Анализ метаязыка и метаязыковой деятельности может протекать в русле различных научно-исследовательских направлений и с использованием широкого спектра научно-методических инструментов. На сегодняшний день можно констатировать выделение следующих аспектов в исследовании обыденного метаязыка: лексико-семантический, функционально-семантический, функционально-стилистический, социолингвистический, психолингвистический, онтолингвистический, когнитивно-дискурсивный и лексикографический. Ниже мы кратко охарактеризуем особенности каждого из указанных аспектов (систематические обзоры разноаспектных исследований метаязыка и метаязыковой рефлексии см. Борботько, 2007; Шумарина, 2011, 15-39; Кравченко, 2023 л; Кравченко, 2024 ж).

Лексико-семантический аспект следует отнести к числу традиционных при изучении естественного метаязыка. В исследовании метаязыка он выделился одним из первых. Авторы лексико-семантических исследований концентрируют свое внимание на анализе лексической и фразеологической семантики языковых средств, выступающих в качестве метаязыковых обозначений. Иными словами, в данного рода исследованиях изучается семантика прямых метаоператоров, представляющих собой лексические и фразеологические единицы, относящиеся к лексико-семантическим и фразеосемантическим полям «Язык», «Речь», «Речевая деятельность», «Слово» и др. (Кобозева, 1991; Кобозева, 2000; Вилкова, 2001; Падучева, 2003; Piekarczyk, 2015; Лескина, Меньшикова, 2017; Баженов, 2018; Гутовская, 2019; Кобякова, 2024).

Обзор аспектов изучения обыденного метаязыка продолжим представлением работ, выполненных в функционально-семантическом аспекте. Следует отметить, что функциональный подход к описанию метаязыковых конструкций в той или иной степени присутствует практически во всех работах, выполненных в рамках теории обыденной лингвистики. Несколько обобщая, можно утверждать, что все работы данной категории направлены на установление и описание метаязыковых функций определенных единиц языка. В них может рассматриваться метаязыковой функционал отдельных лексико-грамматических классов слов: предлогов (Блинова, Нестерова, 1987), частиц (Лосева, 2004), глаголов (Одекова, 2007), существительных (Одекова, 2009; Кравченко, 2026 в), местоимений (Виноградов, 2021; Корешкова, 2022); а также специальных синтаксических единиц: вводных и парентетических конструкций (Онишко, 1997; Родионова, 2021; Кравченко, 2022 б), метакоммуникативных конструкций (Воробьева, 2006; Перфильева, 2018).

Целый ряд работ этого типа имеют формальную точку отсчета: от формального маркера (метаоператора) лингвист переходит к поиску и фиксации его метаязыковых функций и семантических ролей. Так, в отечественном языкознании накоплен значительный опыт описания функциональных характеристик различных метаоператоров: *так сказать* (Шмелева, 1987; Богданова-Бегларян, 2021), *скажем так* (Подлесская, 2024; Кравченко, 2024 л), *как говорится* (Шмелева, 1987), *собственно говоря*, *строго говоря*, *в сущности* (Шилихина, 2020), *так называемый* (Розина, 2009), *не побоюсь этого слова* (Шилихина, 2015 б), *это самое* (Горбунова, 2021; Сунь, Богданова-Бегларян, 2022), *грубо говоря* (Лю, 2022), *если угодно* (Кравченко, 2023 в), *буквально* (Сюй, 2023), *дословно* (Кравченко, 2024 и), *в таком тоне* (Белошицкая, 2024), *называть вещи своими именами* (Кравченко, 2025 в), *в «N-ом» смысле* (Кравченко, 2026 а)и др.

Функционально-стилистические исследования фокус внимания переносят в сторону изучения той особой роли, которую единицы нативного метаязыка играют в организации содержательной структуры текста (прежде

всего, художественного текста). Важной особенностью работ, выполненных в данном аспекте, является рассмотрение метаязыковых комментариев не как изолированных единиц, но как содержательных компонентов целостного текста, несущих значимую смысловую нагрузку. Зачастую именно в метаязыковых контекстах закодированы узловые смыслы, раскрывающие художественные интенции автора произведения. «Метатекстовый узор», накладываемый автором на «поверхность» текста, является своеобразным сигналом для читателя к дешифровке глубинных структур смысла. По мнению А.В. Кузнецовой, «именно благодаря метатексту читатель получает возможность корректно построить интерпретацию художественного текста, выявить композиционные, стилистические, понятийные связи, на которые опирается автор при создании целостного текста» (Кузнецова, 2020, с. 265).

Функционально-стилистические исследования метаязыка вносят вклад в описание художественных систем литературного творчества. Подобные исследования проводились в отношении литературных произведений русского авангарда (Черняков, 2007), литературных произведений абсурдистской эстетики (Кравченко, Кравченко, 2012; 2022 а), поэтических текстов (Устинова, 2017), текстов массовой литературы (Батулина, 2017).

Проявления метаязыковой рефлексии на поверхности художественного текста могут также рассматриваться в качестве маркеров идиостиля писателя. К подобным выводам лингвисты приходили в процессе изучения метаязыковых конструкций в языке произведений В. Астафьева (Андрусенко, 2012), Б. Эндрюса (Устинова, 2013), А. Драгомощенко (Ibid.), С. Кинга (Кравцова, 2014 а), Р. Гренье (Устинова, 2014), А. Кутилова (Устинова, 2015 а), М. Салтыкова-Щедрина (Николина, 2016); Н. Гоголя (Шумарина, 2019); А. Солженицына (Черняк, 2019), И. Бунина (Николина, 2020), Е. Водолазкина (Бабенко, Корешкова, 2021; Кравченко, 2022 б), Р. Сенчина (Кравченко, 2024 е), Д. Остин (Серебрякова, Протопопов, 2025), В. Пелевина (Кравченко, 2025 а).

Отдельный аспект изучения обыденного метаязыка образуют его социолингвистические исследования. В них результаты метаязыковой рефлексии рассматриваются как показатель социальных изменений, как конденсатор важной социокультурной информации. Авторы работ социолингвистической направленности приходят к выводу, что рефлексивы являются важным источником информации об изменениях в языковой картине мира (Вепрева, 2000), представляют собой реакцию на словесное обновление эпохи (Вепрева, 2003). Анализ результатов метаязыковой рефлексии позволяет установить базовые национальные ценности (Рассоха, 2016; Вепрева, Мальцева, 2017), а также выявлять социальные настроения в виде оценочных свидетельств об актуальных процессах и явлениях, происходящих в жизни человека и общества (Вепрева, 2020; Vepreva, Kuprina, 2021).

Ввиду того, что метаязыковая деятельность обеспечивается психическим субстратом, в роли которого выступает метаязыковое сознание, в изучении обыденного метаязыка важное место занимают работы, подходящие к предмету исследования с позиций психолингвистики. Психолингвистический аспект исследований проявляется при установлении ядра ментального лексикона носителей языка, которое рассматривается как потенциальный естественный метаязык (Золотова, 2005; Бредихин, 2014; Захарова, 2014; Белов, 2020; Bredikhin, Babayants, Pelevina, 2021). В современных научных работах делаются попытки установить и описать психолингвистические основы и механизмы метаязыковой деятельности носителей языка, которая проявляется в различных коммуникативных практиках (Drożdżowicz, 2018; Горбунова, 2021; Сатучина, 2021; Кунщикова, 2021; Фролова, 2021; Zaides, Gorbunova, Popova, Bogdanova-Beglaryan, 2022; Бредихин, 2023; Zaides, Gorbunova, Bogdanova-Beglaryan, 2023).

Особую группу работ о метаязыковой деятельности составляют исследования процессов метаязыковой активности у детей. Эти работы выполнены в русле подходов, сформированных в онтолингвистике. Онтолингвистический аспект исследования предполагает изучение

метаязыковой рефлексии детей в тесной связи с развитием их когнитивных процессов и интеллектуальных способностей, а также с учетом протекания речемыслительной деятельности, что во многом сближает эти работы с работами по психолингвистической проблематике. Еще Р. Якобсон наметил перспективы междисциплинарного изучения метаязыковой деятельности. Он обозначил ключевую роль метаязыковой компетенции в онтогенезе, ссылаясь на то, что «первичное усвоение ребенком языка обеспечивается параллельным развитием метаязыковой функции, позволяющей размежевывать приобретенные словесные знаки и уяснить себе их семантическую применимость» (Якобсон, 1996 б, 21). Развитие идей знаменитого лингвиста за рубежом привело к созданию междисциплинарного направления на стыке лингвистики, психологии и нейрофизиологии (Gombert, 1990; Edwards, Kirkpatrick, 1999). В отечественной науке предметное поле данного направления активно расширяется и углубляется в современных исследованиях (Гридина, 2016; Ушакова, Лаврентьева, 2019; Воробьева, 2019; 2020; Трифонова, 2025).

Изучение естественного неспециализированного метаязыка протекает в русле актуальных лингвистических подходов и направлений. Так, когнитивно-дискурсивные инструменты и процедуры убедительно доказывают свою релевантность в отношении исследования метаязыковой деятельности рядовых носителей языка. Когнитивно-дискурсивный аспект исследований акцентирует внимание на том, что метаязыковая деятельность по своей сути носит интерпретационный характер, а интерпретация всегда опирается на эксплицитное пропозициональное знание и потенциал инференций, извлекаемых из когнитивной базы и анализа дискурсивной ситуации. Поэтому вопросы воплощения в тексте обыденной метаязыковой рефлексии зачастую получают истолкование именно в когнитивно-дискурсивном ключе (Бредихин, 2015; Селиванова, 2015; Бредихин, Алиханов, 2016; Пластинина, 2018; Мартынова, 2019; Чаплин, 2020; Никитина, Гейко, 2021; Устинова, 2023 б).

Наконец, стоит отметить попытки некоторых исследователей систематизировать и кодифицировать разнородный метаязыковой материал. В подобных работах на первый план выходит прикладной аспект исследования. В большинстве случаев он ориентирован на лексикографическую практику. В такого рода работах решаются задачи, связанные с отражением в словарях разного рода результатов обыденной метаязыковой рефлексии (Богданова-Бегларян, 2012; Голев, 2013 б; Кузнецова, 2013; Левенталь, 2014; Черняк, 2016; Перфильева, 2017 а; Красильникова, 2021).

2.3. Антиномии метаязыка и границы исследования

Метаязык представляет собой сложное, многоаспектное и многогранное явление. Исследование его природы и характеристик обнаруживает, помимо фундаментальной антиномии «система vs деятельность», целый ряд антиномий, носящих более «частный» характер и свидетельствующих о неоднородности, а подчас противоречивости данного феномена. Вместе с тем диапазон этих качеств во многом обеспечивает его многофункциональность и широкое использование в коммуникативной практике.

Детальное рассмотрение «частных» антиномий метаязыка приобретает важность по двум причинам. Во-первых, только изучение метаязыка в единстве всех его противоположностей способно установить подлинную природу этого явления и построить его адекватную модель. Во-вторых, учитывая факт консубстанциональности языка и метаязыка, анализ антиномий позволяет прояснить вопрос о границах самого обыденного метаязыка как объекта исследования в настоящей работе.

Первая из указанных антиномий связана с наличием в его составе элементов, относящихся к деятельности рефлексивных механизмов как

обыденного, так и профессионального метаязыкового сознания. При этом зачастую «обыденное» и «профессиональное» в метаязыке имеют относительно зыбкие границы.

Вторая из «частных» антиномий метаязыка заключается в его одновременной способности воплощаться как в модусной, так и диктумной части высказываний. Тем самым рефлексивы могут формировать как пропозициональную установку высказывания, так и собственно его пропозицию.

Третья антиномия определяется референциальной непрозрачностью многих метаязыковых конструкций, совмещающих в себе признаки высказываний с внешней и внутренней референцией.

Ниже мы последовательно рассмотрим каждую из названных антиномий с привлечением соответствующих эмпирических данных.

2.3.1. Обыденный (неспециализированный) vs профессиональный (специализированный) метаязык

Субъектом метаязыкового сознания может быть как ученый, профессионал в свой области, так и рядовой носитель языка. По ряду понятных причин их цели и подходы в осмыслении языка могут существенно отличаться, в связи с чем принято говорить о существовании разных уровней метаязыкового сознания. Его уровневая стратификация стала предметом многочисленных исследований (Ростова, 2008; Голев, 2009; Лебедева, 2009; Шумарина, 2011; Колясева, 2014 а; Иванников, 2018).

Относительно незыблемо выглядит практика разделения метаязыкового сознания на два плана (две формы): профессиональный и обыденный. Их особенности формируют профессиональную и обыденную

разновидности метаязыка. Релевантным признаком профессионального метаязыка является использование в нем широкого пласта терминологической лексики (Колясева, 2014 б, с. 152). В последние несколько десятилетий профессиональное сознание выделилось в отдельный объект изучения (Антонова, 2010; Колясева, 2014 а; Мыскин, 2015; Харченко, Клочкова, 2017; Serebryakova, Bredikhin, Plokhaya, 2021; Bredikhin, Marchenko, Burov, 2023).

Вместе с тем следует отметить, что в семантике термина отражаются закономерности как научного, так и обыденного познания (Алимурадов, Лату, 2010). Существует целый ряд аргументов теоретического и практического характера, свидетельствующих о том, что профессиональный и обыденный метаязык нельзя рассматривать как однородные и замкнутые структуры.

Во-первых, субъектом профессиональной и обыденной рефлексии нередко выступает одна языковая личность. В её сознании рефлексия может проходить в двух формах, перетекая из одной в другую (Мечковская, 2006 б). При этом исходной формой рефлексии выступает обыденная разновидность. В определенном смысле путь к профессиональной рефлексии лежит через обыденную.

Во-вторых, смешение контекстов обыденной и профессиональной коммуникации и вызванная этим междискурсивная миграция слов обыденного и профессионального метаязыка вписываются в общую тенденцию гибридизации дискурсов. Высокая динамика социальных процессов в современном мире, ускорение темпов внедрения достижений науки в повседневную жизнь, ориентация большинства актуальных образовательных стандартов на передачу инновационных знаний способствуют достаточно быстрому переходу профессионализмов в категорию общеупотребительных слов. Еще в начале третьего тысячелетия В.З. Демьянков, обращаясь к проблеме функционирования лингвистических терминов в повседневном общении, сделал обоснованное заключение о том, что контексты употребления обыденного языка и лингвистического

метаязыка будут сближаться (Демьянков, 2002, с. 154). Полагаем, что данный вывод в полной мере может быть экстраполирован на функционирование иных нелингвистических терминологических систем.

В настоящий момент можно констатировать, что лингвистами создана обширная литература, посвященная изучению неспециализированных контекстов употребления различных групп терминов. В частности, исследовались результаты обыденной метаязыковой рефлексии над терминами медицинской сферы (Новодранова, 2009; Колясева, 2014 а; Балобанова, 2017; Байбуз, 2025), сферы информационных технологий (Ефремова, 2021), юриспруденции (Воробьева, 2014; Голев, Иркова, 2021). Наибольшую группу работ составляют исследования вопросов непрофессионального употребления метаязыка лингвистики. Эти работы выполнены с привлечением разнообразного эмпирического материала: текстов художественной литературы (Баринова, 2011; Самохина, 2012; Немыка, 2019; Раевская, 2021), данных национального корпуса русского языка (Сичинава, 2014; Куликова, Салмина, 2019), текстов энигматического дискурса (кроссвордов) (Кравченко, Кравченко, 2023).

Менее многочисленны работы, посвященные изучению обыденной рефлексии и функционированию общеупотребительной лексики в профессиональных дискурсах. Такие исследования проведены в отношении математического и литературоведческого дискурсов (Силантьев, 2011), а также медицинского дискурса (Полякова, 2011). В них нашли подтверждение наблюдения о том, что «научная терминология, составляющая специфику научного знания, не может обойтись без лексики общеизвестной…» (Чернейко, 2016, с. 197).

Сказанное выше образует теоретическую платформу для рассмотрения обыденной и профессиональной рефлексии не как изолированных уровней метаязыкового сознания, но как дополняющих друг друга способов познания, обеспечивающих многоаспектность и целостность когнитивных процедур. Ниже мы перенесем обсуждение вопроса в плоскость эмпирических данных.

Взаимодействие «обыденного» и «профессионального» в содержании рефлексивов мы продемонстрируем на примере функционирования лексемы *смысл* в ненаучных контекстах. Выбор в пользу данного слова предопределило то обстоятельство, что в лексической системе языка оно обладает двойственным статусом: общеупотребительного слова и термина (осознавая полинаучный характер этой терминологической единицы (философия, психология, педагогика и др.), мы тем не менее ограничиваемся рассмотрением его как лингвистического понятия).

Слово *смысл* имеет долгую историю миграции между обыденной и профессиональной сферами употребления. По свидетельству И.М. Кобозевой, *смысл* был заимствован учеными из обыденного языка и превратился в один из основных терминов семантики (Кобозева, 1991, с. 183). В настоящий момент он подвержен активной терминологизации в рамках развития понятийной системы когнитивной лингвистики (Романова, Колчина, 2023, с. 194). Одновременно слово *смысл* продолжает широко использоваться в обыденной речи (прежде всего, в его так называемом «семиотическом значении»). При этом оно способно привносить в обыденную коммуникацию содержательные нюансы, обретенные им в лингвистическом дискурсе. *Смысл* является компонентом большого количества метаоператоров, выполняющих роль маркеров выхода результатов метаязыковой рефлексии на поверхность текста (Кравченко, 2025 е). Модель метаоператоров с компонентом *смысл* отличается высокой продуктивностью и частотностью употребления.

Для проводимого нами анализа релевантными оказываются определения, сочетающиеся со словом *смысл* в его «семиотическом» значении. Как показывает эмпирический материал, синтагматический потенциал лексемы *смысл* практически безграничен. О неисчерпаемости определений к смыслу ранее заявляла И.М. Кобозева (Кобозева, 2000, с. 348). Анализируемые нами метаязыковые контексты отмечены присутствием метаоператоров, построенных по модели «в N-ом смысле (слова, фразы,

выражения)». Именно в определении к *смыслу* лежит ключ к установлению факта обыденной или профессиональной метаязыковой рефлексии. Ниже, рассматривая конструкции с названными метаоператорами, извлеченные из текстов нелингвистической направленности, в представлении результатов исследования мы будем следовать от контекстов с элементами профессиональной рефлексии к контекстам обыденной рефлексии. Поэтому по мере изложения материала доля «профессионального» в рефлексивах будет уменьшаться, а доля «обыденного», наоборот, возрастать.

Для начала отметим, что в собранном нами корпусе примеров количество метаязыковых контекстов, имеющих прямое отношение к профессиональной метаязыковой рефлексии (в них присутствует указание на терминологическое употребление слова), невелико. В абсолютном исчислении речь идет о 109 единицах, что составляет менее 10 % от конкорданса в 1200 единиц.

На первый взгляд, сугубо профессиональной рамкой рефлексии отмечены конструкции, в которых определения к лексеме «смысл» имеют научное, лингвистическое происхождение. К таковым, в частности, стоит отнести определения *этимологический* и *синтаксический* в нижеприведенных высказываниях: *Глубокая поэзия законов общежития (политики **в этимологическом смысле этого слова**), непреступаемых, неперетолкуемых, служащих свободе личности, но, – как бы сказать? – родившихся раньше её, – эта красота труднодоступна отечественной мысли* (О. Седакова «Путешествие в Тарту и обратно. Запоздалая хроника» // НКРЯ, ОПК); *Не желая быть голословным, я считаю достаточным сослаться на знаменитую и довольно каверзную **в синтаксическом смысле** речь Цицерона против Катилины* (Г. Газданов «История одного путешествия» // НКРЯ, ОПК).

Однако, несмотря на всю очевидность принадлежности данных определений к лингвистическому знанию, содержательно результаты рефлексии не лишены некоторых признаков обыденной интерпретации

элементов кода. Во-первых, сами словосочетания *этимологический смысл* и *синтаксический смысл* не обладают кодифицированным научным содержанием и не имеют выраженного узуса в лингвистическом дискурсе. Во-вторых, использование этих определений в обозначенных контекстах не преследует каких-либо профессиональных целей, а решает задачи пояснения и преодоления двусмысленности.

Метаоператоры с компонентом *смысл* способны фиксировать терминологическое употребление слов в речевой цепи. Для выполнения этой функции, как правило, задействуется конструкция, переменным компонентом которой выступают определения, производные от номинаций научных областей (*математический, психологический, биологический, исторический, экологический, химический* и др.): *А среда обитания человека – не только* ***в экологическом смысле*** *среда – это проблема* (Р. Сенчин «Немужик» // БД № 2026620743); *В этом смысле он был не русский и, уж конечно, не интеллигент. Просто крепко стоящий на земле гений* ***в самом биологическом смысле этого слова****. Классическая патология головного мозга* (М. Степнова «Женщины Лазаря» // БД № 2026620743). В приведенных примерах метаязыковая рефлексия направлена скорее на управление пониманием сказанного в обыденном дискурсе, чем на демонстрацию результатов научного познания.

Содержательно и функционально близки описанным конструкциям рефлексивы, в которых определения к смыслу соотносятся с названиями сфер деятельности: *Само слово «рай» Циолковскому не понравилось, потому что он верил в науку, но всё-таки оно отражало суть его учения, в определённом человеческом, а* ***не в религиозном смысле*** (С. Бондарчук «Желание чуда» // НКРЯ, ОПК); *Латвия, Эстония уже не наши, а Питер – не порт* ***в военном смысле*** («Пломбированный вагон» / Известия // НКРЯ, ГПК).

Зачастую метаоператоры со словом *смысл* актуализируют не терминологическое значение знака, а один из его лексико-семантических вариантов, или стремятся донести до реципиента отдельные дискурсивные

смыслы, возникающие в контексте. Особый интерес представляют случаи метаязыковой рефлексии, свидетельствующие о высоком уровне коммуникативной компетенции говорящего, в том числе в части владения иностранным языком. Знания адресанта позволяют ориентироваться в национально-культурных нюансах смысла, содержащихся в единицах языка: *Лихачев был не просто образцом интеллигентности – он был еще и джентльменом* ***в самом английском смысле этого слова*** (Е. Водолазкин «Эпоха Лихачева» // БД № 2026620743); *Менеджер – это официальное название его должности, но на самом деле он является хозяином. Хозяином* ***в русском смысле этого слова****, т.е. тем человеком, который принимает гостей* (А. Журбин «Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки» // НКРЯ, ГПК).

В качестве функциональной разновидности этого метапоказателя могут использоваться конструкции с инкорпорированными иноязычными словами и выражениями, к содержанию которых апеллирует говорящий: *– Глеб, дорогой, меньше всего я хотел бы, чтобы моя книга была историей успеха. Успеха* ***в смысле success*** (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); *Он был одним из умнейших людей – в смысле французского* ***homme d'esprit****...* (Н. Берберова «Курсив мой» // НКРЯ, ОПК). Авторство подобных комментариев потенциально может принадлежать как профессиональному лингвисту, так и просто высокообразованному человеку. Однозначно подтвердить или опровергнуть их профессиональный или любительский статус достаточно сложно.

Целый ряд определений *смысла*, относящихся в актуальный момент к проявлениям обыденной рефлексии, в то же самое время не теряют связей с профессиональным взглядом на язык. К таковым, прежде всего, стоит отнести определения *прямой* и *переносный*. Их внутренняя форма, в основе которой лежит «геометрическая» («пространственная») метафора, говорит о глубокой истории становления. Однако они оказались востребованы лингвистической наукой в её разделе лексикологии для обозначения

вариантов значения слов. Считаем, что высокая частотность использования в речи метаоператоров с этими определениями во многом объясняется процессами интерференции со стороны профессиональных знаний, широко проникающих в образовательные программы разных уровней. В замене *значения* на *смысл* наблюдается отступление от «канонического», строго научного употребления этих терминов. Вместе с тем для обыденного сознания важнее оказывается общая сема терминов – ‘элемент содержания’- , а не семы, в которых фиксируются их дифференциальные признаки. Поэтому для актуализации содержания высказывания используются метаоператоры в «прямом смысле (слова)»: *Ваня вернулся к матери. И покатился.* ***В прямом смысле*** *– в черную вонючую яму* (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743); *Кроме того, кружок был* ***в прямом смысле*** *кружком, потому что его участники сидели за круглым столом под абажуром* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); и «в переносном смысле (слова)»: *Она* ***в переносном смысле*** *привела тебя к порогу этой школы* (А. Алексин «Раздел имущества» // НКРЯ, ОПК); *Но «сцена»,* ***в переносном смысле****, будет терзать его всю жизнь* (В. Недошивин «Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург» // НКРЯ, ОПК).

Отдельно следует упомянуть об определениях *буквальный* / *фигуральный*, являющихся эквивалентами паре *прямой / переносный*. Сквозь внутреннюю форму определения *буквальный* формируется представление о тесной связи кода и смысла: *Они* ***в буквальном смысле слова*** *лезли на пули и в итоге победили…* (Р. Сенчин «Петля» // БД № 2026620743); *Это была черная лестница дома – черная* ***в буквальном смысле****: на первых трех этажах не было ни окон, ни электрического освещения* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743). Геометрический образ определения *фигуральный* не противоречит семиотическим представлениям за счет ассоциативной связи с термином риторики и теории коммуникации *фигуры речи*. Тем самым в сравнении с «в переносном смысле (слова)» метаоператор «в фигуральном смысле (слова)» характеризуется

более «лингвистическим звучанием»: *Но нерпы не было, а керосином запахло **в фигуральном смысле** – нюх у моего начальника был не хуже, чем у добермана* (Г. Жженов «Прожитое» // НКРЯ, ОПК); *Вот так делались дела в Москве: за мелкую взятку можно было получить хоть звезду с неба, пусть и **в фигуральном смысле*** (Д. Вронская «Другая жизнь графа» // НКРЯ, ОПК).

Зачастую в пределах одного высказывания фиксируется двойное использование рассмотренных метаопероторов. При этом, как правило, соблюдается следующая парность употребления: «в прямом / переносном смысле» и «буквальном / фигуральном смысле». Таким образом подчеркивается идеи полноты, цельности смысла: *Предполагалось, что если найдется потенциальный покупатель, то на выручку – **в прямом и переносном смысле** – приедет отец, чтобы все проконтролировать и не дать нас обмануть* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743); *Наверное, каждый человек был одинаково виновен в той грязи, которая **и в буквальном, и в фигуральном смысле** затопила страну* (Н. Леонов «Лекарство от жизни» // НКРЯ, ОПК).

Для естественного языка как семиотической системы характерна тенденция к регулярному использованию знаковых средств. Поэтому для языкознания, преследующего цель всестороннего описания языковой системы, к числу базовых и фундаментальных относятся понятия нормы и узуса. Нормативность / узуальность употребления знаков фиксируется также обыденным метаязыковым сознанием. Так, для констатации использования слова в нормативном (узуальном) значении задействуются такие определения *смысла*, как *нормальный* и *стандартный*: *Странствуя по свету, я наблюдал разные посольские коллективы. И видел, что их всегда приходится сплачивать. И **в нормальном смысле этого слова**, и в смысле разборки интриг всяких, склок, конфликтных ситуаций* (А. Бовин «Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства» // НКРЯ, ОПК); *Просим Вас, господин президент, дать ответ на вопрос, являются ли Московская Хельсинкская группа и движение «За права человека» агентами*

США ***в стандартном смысле этого слова****…* («В парламенте назвали «истерикой» обращение российских правозащитников к президенту США по поводу закона об НКО» / «Парламентская газета» // НКРЯ, ГПК).

Указанным метаоператорам функционально близки метаоператоры с определениями *точный, строгий, подлинный и др.*: *Это и не была мечта* ***в точном смысле слова*** (А. Уткин «Крепость сомнения» // БД № 2026620743); *Это не была биография* ***в строгом смысле слова****. Скорее уж фантастический рассказ…* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Но настоящую писательскую жену –* ***в самом подлинном смысле этого слова*** *– я встречал только один раз в жизни* (Ю. Поляков «Козленок в молоке» // БД № 2026620743).

Отступления от нормы (узуса) передаются метапоказателями с компонентами *неправильный*, *неверный* и др.: *Посреди сачка довлел Бодуэн. Он довлел во всех смыслах этого слова: и в правильных****, и в неправильных****. Ему довлело самого себя, но при этом он любил довлеть над другими…* (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743); *Несчастие только в том, что с самого же начала в эти верные слова был вложен* ***неверный смысл****…* (В. Ходасевич «Литература в изгнании» // НКРЯ, ОПК).

Показателями обыденной метаязыковой рефлексии являются многочисленные определения *смысла,* во внутренней форме которых отражается пространственная метафора. Так, наивные представления об объеме понятия концептуализируются на горизонтальной оси пространства и воплощаются в определениях *узкий*: *Обвесы –* ***в узком смысле*** *декоративные пороги между нижней кромкой дверей и землёй* (В. Авченко «Правый руль» // НКРЯ, ОПК); *Полагаю, дело не в том, что мы не ахти умеем сочинять (****в узком смысле слова****) – хотя тут и правда наше слабое место* (М. Бутов «Отчуждение славой» // НКРЯ, ОПК); и *широкий*: *Ведь речь идет теперь о культуре* ***в широком смысле****, системе ценностей* (М. Блант «Система ценностей и ценность системы» / «Еженедельный журнал» // НКРЯ, ОПК); *Впрочем, и «технари», «физики»* ***в широком смысле слова*** *отнюдь не такие*

посвящённые, какими они кажутся нам и сами себе (В. Авченко «Кристалл в прозрачной оправе. Рассказы о воде и камнях» // НКРЯ, ОПК).

Представления о сложности (важности) содержания слова разворачиваются на вертикальной оси пространства, укладываясь в дихотомию «глубина/поверхность». Идея глубины передает такие качественные признаки содержания слова, как «сложность», «скрытость», «труднодостижимость»: *Украина была частью его родины* ***в самом глубоком смысле этого слова*** (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); *Иными словами, все та же трагическая двусмыслица «религии», плата за ликвидацию «богословия»* ***в глубоком смысле этого слова*** (А. Шмеман «Дневники» // НКРЯ, ОПК).

Идея поверхности связана с «доступностью», «простотой» и «понятностью» кода: *В этих ножницах и прячется вся прелесть той части пришвинского литературного наследия, что была равнодушна к идеологии* ***в поверхностном смысле слова****…* (А. Варламов «Пришвин или Гений жизни» // НКРЯ, ОПК); *И сейчас – относись он ко всему проще и легче, не проявляй он так своей ревности (****не в поверхностном смысле****, а глубже) – мы бы оставались просто «хорошими знакомыми», и тоже бы, в конце концов, остыли бы* (И. Кнорринг «Дневник» // НКРЯ, ОПК).

К этим определениям *смысла* содержательно близки прилагательные, которые передают уровень когнитивных усилий, необходимый с точки зрения говорящего для адекватного восприятия сказанного: *простой / сложный*, *явный / тайный* и др.: *Саша вообще очень часто встречал среди «союзников» ребят душевных, добрых* ***в самом простом смысле этого слова*** (З. Прилепин «Санька» // БД № 2026620743); *А когда он пытался говорить витиевато и заумно, вкладывать в слова какой-то* ***тайный смысл****, то выходило только скучней* (Д. Шляпентох «Конец Истории: благословенный Иов» // НКРЯ, ОПК).

Темпоральные определения *смысла* (*современный, актуальный, старый, прежний* и др.) по сравнению с пространственными отличаются

значительно меньшей частотностью. Через них особенно наглядно проступает «культуроцентричность» *смысла*. Они ориентированы на передачу признака культурно-исторической эпохи, к которой относится формирование содержания знака: *Впрочем, водки* ***в современном смысле слова*** *в России не существовало до конца XIX столетия…* (Ю. Демиденко «Что пили в старом Петербурге» // НКРЯ, ОПК); *Но победа эта все-таки немного запоздала: после работ Томсона и Резерфорда понятие «атом» потеряло свой* ***прежний смысл*** (Л. Пономарев «Атомы, лучи, кванты» // НКРЯ, ОПК).

Для обыденной рефлексии характерна оценка смысла знака с точки зрения его полноты (целостности). Обыденное сознание, с одной стороны, видит в смысле объект, способный к членению, делению на части. С другой, *смысл* предстает как интегральное содержание. Маркерами такого рода оценки выступают кванторные определения смысла. Через них *смысл* может сегментироваться (трактоваться как часть): *Честно говоря, его реакция была,* ***в каком-то смысле****, самой естественной* (В. Белоусова «Второй выстрел» // НКРЯ, ОПК); суммироваться (трактоваться как сумма смыслов)*: Нева – некупальная,* ***во всех смыслах*** *холодная* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); и генерализироваться (трактоваться как интегральное образование): *Но «чуждый» человек тоже является человеком* ***в полном смысле слова*** (митрополит Антоний (Блум) «О Церкви» // НКРЯ, ОПК).

Отдаляясь все дальше от потенциальных признаков профессиональной рефлексии, констатируем, что типичными для обыденной рефлексии являются определения с общеоценочной семантикой, в основе которых лежит разделение смысла по шкале «хороший / плохой»: *– Вы русский? – спросил меня Курт, и я кивнул. Он улыбнулся: – Я ведь* ***в хорошем смысле*** *спрашиваю. Предполагался, оказывается, и* ***плохой*** (Е. Водолазкин «Служба попутчика» // БД № 2026620743); *Личность примечательная – хотя и* ***не в лучшем смысле слова*** (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743).

Наконец, в ряде метапоказателей лексема *смысл* может сопровождаться определениями, выражающими эмоции, которые ассоциируются у говорящего со смыслом употребляемого слова (*страшный, веселый, ужасный* и др.): *Он был настолько великолепен, что прокурорша, баба холодная, светская* ***в самом страшном смысле слова*** *… при первом взгляде на Мака сбросила лет двадцать и вела себя чертовски естественно…* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Обитаемый остров» // НКРЯ, ОПК); *Оттого, что батарея недавно отбила танки, а сам заряжающий был шире и здоровей пехотинца, слова его имели* ***особый веселый смысл*** (Г. Бакланов «Южнее главного удара» // НКРЯ, ОПК); *Это и есть «социальный эксперимент»* ***в самом ужасном смысле слова*** (В. Бейсуг «Пятилетка у нас» // НКРЯ, ОПК).

Приведенный иллюстративный материал, по нашему мнению, говорит о том, что профессиональная или обыденная направленность рефлексии определяется целевыми установками коммуникантов и заданными параметрами дискурса. В этой связи важно уточнить, что характеристики «обыденное» / «профессиональное» не подлежат упрощению до нормативной оценки, выраженной в категориях «правильного» / «неправильного». Отношения между ними носят гораздо более глубокий и сложный характер.

2.3.2. Метаязыковые конструкции: между модусом и диктумом

Следует отметить, что понятие метаязыка (метатекста) в лингвистической науке зачастую рассматривается в русле проблематики языкового (речевого) модуса. Сразу оговоримся, что в текущем параграфе мы используем термин *метатекст*, следуя исследовательской традиции, сложившейся в результате изучения соотношения указанных понятий. Проблематика, связанная с изучением явлений модуса и метатекста, лежит на

пересечении интересов лингвистики языка и лингвистики речи, что предопределяет междисциплинарность и комплексность исследовательских подходов в данной области.

Заимствовав у средневековых схоластов понятия диктума и модуса, знаменитый французский ученый Ш. Балли создал учение о двухчастном строении высказывания. Условно его первая часть, называемая «диктумом», включает в себя денотативный контур или пропозицию высказывания; вторая – определяемая термином «модус» – фиксирует отношение говорящего к сказанному и тем самым содержит пропозициональную установку высказывания. Причем именно модус (модальность) Ш. Балли считал «душой предложения», которая «образуется … в результате активной операции говорящего субъекта» (Балли, 1955, с. 44). Во избежание двусмысленности и терминологической путаницы оговоримся, что в нашей работе мы сознательно предпочитаем термин «модус» термину «модальность», основываясь на широко разделяемой среди лингвистов позиции Т.В. Шмелевой, согласно которой она трактует модус как более широкую категорию, закрепляя за модальностью значение грамматикализованной части модуса (Шмелева, 2008, с. 142-143). Тем самым термин «модальность» востребован скорее в области грамматики, а термин «модус» задействован при изучении семантического измерения языка.

В конкретных высказываниях модусная и диктумная части, как правило, не противостоят друг другу (более того, само определение их границ иногда оказывается весьма затруднительно), а взаимодействуют для раскрытия целостного смысла речевого отрезка. При этом основная функция модуса сводится к тому, чтобы «воплотить отношение субъекта к диктуму, придать ему необходимую эпистемическую определенность» (Рябцева, 2005, с. 484). Последние достижения лингвистической науки позволяют утверждать, что «модус» представляет собой родовое понятие, чье содержание формируется видовыми функционально-семантическими категориями, образующими пучок пересекающихся смыслов, в центре

которых находится говорящий субъект. Так, к числу модусных категорий принято относить авторизацию, персуазивность, эвиденциальность, искренность, осторожность и целый ряд иных категорий.

Смещение в последние десятилетия фокуса исследовательского внимания от «малых» в сторону «крупных» синтаксических форм способствовало формированию теоретической базы для восприятия модуса как текстовой категории. Приоритетное развитие получило изучение модусных смыслов на уровне текста (Перфильева, 2006; Гричин, 2010; Копытов, 2012). Пространство реализации модуса и метаязыка (метатекста) смыкается, а в некоторых случаях пересекается, ставя перед лингвистами важный вопрос о соотношении указанных феноменов. Очевидно, что модусные категории и метаязык близки по своей природе и образуют ряд гомогенных явлений. Их онтологической основой выступает действие рефлексивного механизма сознания. Они представляют собой яркий пример проявления в сообщении субъектного начала.

В результате проведенного анализа авторитетных лингвистических источников по исследуемой проблематике удалось установить, что в настоящий момент существует две научно обоснованные точки зрения на соотношение понятий модуса и метатекста. Доминирующей следует считать точку зрения, в которой *модус* трактуется как родовое понятие, а *метатекст* определяется как одна из многочисленных модусных категорий. Таким образом, понятия *модуса* и *метатекста* находятся в гиперо-гипонимических отношениях. В частности, подобная позиция высказывалась в работах Н.К. Рябцевой (Рябцева, 2005, с. 380-381), Н.П. Перфильевой (Перфильева, 2006, с. 48-50), Т.В. Шмелевой (Шмелева, 2008, с. 7), А.В. Кузнецовой (Kuznetsova, 2013, с. 1452). Особо отметим тот факт, что Н.П. Перфильева относит метатекст к числу обязательных модусных категорий (Перфильева, 2006, с. 50), а Т.В. Шмелева свое представление о сущности модуса характеризует как «речецентрическое» в том смысле, что его ядро составляют так называемые метакатегории,

отражающие рефлексию говорящих по поводу собственной речевой деятельности (Шмелева, 2008, с. 145).

Альтернативная позиция в рассматриваемом вопросе отличается меньшей категоричностью по поводу подчиненности и инклюзивности метатекста по отношению к модусу. Несмотря на признак эгоцентричности, конститутивный для обоих феноменов, модус и метатекст не подводят под одну категорию. Сторонники данной позиции, разделяя представленное выше мнение об онтологической близости изучаемых явлений, все же не «растворяют» метатекст в модусе. За метатекстом сохраняется статус лингвистически уникального феномена. Так, в семантической типологии модусных категорий, разработанной Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1999, с. 411-440), метатекст как отдельная категория не представлен ни в одном из выделенных макротипов: перцептивный (сенсорный), ментальный (когнитивный, эпистемический), эмотивный и волитивный модусы. Е.В. Падучева предлагает разграничивать метатекстовые показатели (в частности, маркеры чужой речи) и показатели эвиденциальности или эпистемической модальности (Падучева, 2011 а). Ниже перейдем к анализу аргументно-доказательной базы обозначенных точек зрения.

Необходимо отметить, что взгляд на метатекст как одну из модусных категорий в основном опирается на теоретические аргументы. Альтернативная точка зрения базируется скорее на эмпирическом подходе, который позволяет увидеть и оценить всё разнообразие метаязыковых конструкций (рефлексивов), далеко не всегда укладывающихся в стройную таксономию модусных категорий.

Для начала рассмотрим предпосылки, способствующие определению метатекста как модусной категории. Всё их разнообразие считаем возможным свести к трем базовым факторам. Первый из них назовем онтологическим. Он основан на гомогенности изучаемых явлений. Мы уже упоминали о том, что модус и метатекст являются отражением субъективного компонента в языке (тексте), который транслирует позицию

продуцента. Оба феномена представляют собой результаты рефлексии над диктумом. Кроме того, модус и метатекст имеют еще один сближающий их онтологический признак. Они не обладают синтаксической самостоятельностью, вплетены в речевой континуум и манифестируются исключительно в пространстве высказывания или текста. В концепции Ш. Балли модус не замещает высказывание целиком, а является лишь его частью. Аналогичная ситуация наблюдается с выделением категории метатекста. Лингвисты признают, что метатекст «существует только в тексте и не может быть автономным: изъятый из текста, он становится непонятным, рассыпается на отдельные дискретные единицы» (Перфильева, 2006, с. 40). Зависимость от текста выступает в качестве онтологического признака метатекста (Kuznetsova, 2013, с. 1450).

Второй фактор определяется нами как функционально-семантический. Сближение понятий модуса и метатекста происходит ввиду схожести функций, выполняемых данными явлениями. Они передают различные виды субъективной квалификации сообщаемого, формирующие содержание самого модуса: эмоциональную или истинностную оценку переданных фактов; уверенность / неуверенность продуцента в сказанном; способ получения или интерпретации представленной информации; связь излагаемого с волевыми интенциями адресанта и многие другие. Метатекст, с позиций сторонников рассматриваемой точки зрения, трактуется как своеобразный речевой модус, содержательная специфика которого представлена в виде разноаспектной оценки адресатом собственного речевого поведения.

Третий фактор обозначен нами как формально-грамматический. Он опирается на формальные показатели модусных категорий и метатекста. В большинстве случаев реализация модуса и метатекста маркируется при помощи разного рода модальных слов и частиц. В этом отношении показательной является классификация модальных слов русского языка, предложенная академиком В.В. Виноградовым в рамках концепции

грамматического учения о слове (Виноградов, 1986, с. 603-607). Из двенадцати выделенных В.В. Виноградовым разрядов модальных слов пять (первый, второй, третий, шестой и седьмой – в соответствии с установленным автором порядком представления разрядов) напрямую связаны с выполнением функций метаоператоров: они передают оценку речи, указывают на способ или стиль изложения, обозначают характер речевой экспрессии, а также устанавливают связи между отрезками речевой цепи. Тем самым единообразие формы выражения метатекста и модуса экстраполируется на содержание и категориальные свойства этих явлений.

Перейдем к рассмотрению аргументно-доказательной базы альтернативной точки зрения на проблему соотношения понятий модуса и метатекста, в соответствии с которой указанные явления, несмотря на их онтологическую, функционально-семантическую и формально-грамматическую близость, обладают дистинктивными признаками. Заметим, что наша собственная оценка соотношения изучаемых понятий соответствует содержательным контурам именно этой теоретической позиции (Кравченко, 2026 к).

Существенное расширение эмпирической базы анализа единиц метаязыка, обусловленное в том числе увеличением объемов национальных корпусов, а также распространением в последние годы в лингвистической среде принципов датацентризма, обеспечило возможность установления значительного количества контекстов употребления метаязыковых конструкций, выходящих за традиционные рамки модуса. В связи с этим вновь обострился вопрос о статусе метатекста среди модусных категорий. Взгляд на метатекст как на часть модуса порождает целый ряд нестыковок и противоречий, которые подлежат специальному рассмотрению.

Во-первых, дискуссионным остается вопрос о том, наделен ли метатекст в пространстве модуса признаками объекта или инструмента. Иными словами, существуют основания считать метатекст не отдельной модусной категорией, а специальным средством выражения модуса.

Действительно, конструкции ментального модуса, модуса истинностной оценки, модуса авторизации зачастую содержат метаязыковые компоненты. При этом возникает дилемма: нужно либо относить названные случаи к явлениям модусного синкретизма, либо признавать за метатекстом инструментальные функции. Выбор в пользу второго варианта оказывается практически очевиден, если обратиться к отрезкам текста, образованным на пересечении модуса иронии и метатекста.

Ирония представляет собой содержательно аморфную категорию, лишенную регулярных лексико-семантических средств выражения. Поэтому именно метаязыковым средствам отводится роль актуализатора вербальной иронии (несколько по-иному данная мысль была сформулирована А.В. Кузнецовой, отмечавшей, что «ирония организует метатекст, детерминируя компоненты лингвориторического сценария текста» (Kuznetsova, 2013, с. 1450)). Проиллюстрируем высказанное положение следующими примерами: – *Что ж, давайте освежуем вашего «Трубача»! – Освежим? – поправил Кокотов. – Ну, это уж как получится* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743); *У них забрало всегда открыто – все, что можно, они уже забрали* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.» // БД № 2026620743). В них модус иронии передается средствами языковой игры (в первом примере игра реализуется через паронимическую аттракцию в глагольной паре *освежить / освежевать*; во втором примере паронимическая аттракция «усилена» народной этимологией в паре слов *забрало / забрать*), сформированной в результате действия механизма метаязыковой рефлексии. Конструкции языковой игры обладают метаязыковым статусом (подробнее о действии механизмов внутренней референции в процессе создания языковой игры см. в параграфе 5.3.2.). Установленный факт инструментальности метатекста по отношению к модусу свидетельствует, по нашему мнению, о том, что исследуемые категории лежат в разных понятийных плоскостях.

Второе противоречие относится к области референциальной отнесенности конструкций модуса и метаязыка (метатекста). В изучаемых

явлениях содержится оценка разной действительности: в модусных категориях – внешнего мира, в метатексте – самого языкового кода. Тем самым модус нацелен на внешнюю референцию, а метатекст – на внутреннюю. С целью подтверждения тезиса обратимся к примерам. Для наглядности проанализируем те из них, в которых наблюдается потенциально тесное переплетение содержания модуса и метатекста. Таковыми мы считаем конструкции с семантикой авторизации и истинностной оценки. Начнем с первых. Авторизационный метатекст маркирует элементы кода сквозь призму дихотомии «свое / чужое». При этом в высказывании авторство слова (слов) может быть как определено: *...я чувствую себя, **как говорит Озеров**, «витязем ледовой арены»* («Совдетство 3. Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743); так и не определено: *Жоржик, узнав, что мы с ребятами бегаем без спросу в Старые Селищи, строго предупредил меня, что переходить Ручий надо очень осторожно, так как глубина там посередине не меньше двух метров, **как говорится, с ручками**, и на его памяти не один шустрый, непослушный малец утонул в пучине* (Ю. Поляков «Совдетство 2. Пионерская ночь» // БД № 2026620743). В приведенных выше примерах метатекст апеллирует собственно к языковому коду, точнее к конкретным его элементам.

Модус авторизации, напротив, отсылает к действительности, лежащей за пределами знаков. В высказывании устанавливается авторство не на уровне слов, а на уровне смыслов, относящихся к внеязыковой действительности. Модус авторизации не буквально воспроизводит сказанное, а всего лишь передает общее содержание (даже несмотря на то, что он может вводиться с помощью метаоператоров *по словам…*, *по предложению…*, *согласно…* и др.): ***По словам Марычевой**, пострадавший внезапно выскочил на проезжую часть, поэтому водитель не смог избежать столкновения* («Подросток угодил под колеса иномарки» / «Московский комсомолец» в Саранске // НКРЯ, ГПК); ***По мнению Сергея Кирюшкина**, технического директора санкт-петербургской*

компании «Удостоверяющий центр», лидируют «Крипто-Про» и «Верба» (В. Кулаков «Нотариусы электронной коммерции» // НКРЯ, ОПК).

Обратная картина имеет место в конструкциях со значением истинностной оценки. В них не наблюдается «конкуренции» модуса и метатекста. Сказанное всегда интерпретируется не с позиций особенностей кода, а с позиций отношения его содержания к действительности. Внешняя референция высказывания сигнализирует о том, что в нем транслируются модусные смыслы: ***Честно говоря****, я не верил, что у этой истории будет какое-то продолжение* (Г. Тарасевич «О науке без звериной серьёзности» // НКРЯ, ОПК); ***По правде сказать****, я давно уже не пишу песен* (И. Вирабов «Андрей Вознесенский» // НКРЯ, ОПК). Таким образом, дифференциация конструкций модуса и метаязыка может быть проведена по оси их референциальной отнесенности: внешней – для модуса, внутренней – для метатекста.

Наконец, третьим существенным препятствием в рассмотрении метатекста в качестве модусной категории выступает многообразие контекстов его употребления. Эмпирический материал свидетельствует о том, что функции метатекста не исчерпываются передачей модусных смыслов. Нередко рефлексивы обнаруживаются в пространстве диктума. Иногда целые фрагменты текста содержат не отдельные субъектные (субъективные) оценки элементов кода, а представляют собой разноаспектную интерпретацию знаков. Слова о коде, о языке образуют пропозициональную часть (диктум) следующих высказываний: *Бюст Аристотеля был единственным, что сохранила моя память, когда я пришел в себя. Впрочем, я не уверен, что выражение «пришел в себя» вполне подходит. Я с детства ощущал в нем какую-то стыдливую двусмысленность: кто именно пришел? куда пришел? и, что самое занимательное, откуда? …* (В. Пелевин «Чапаев и Пустота» // БД № 2026620743); *Акулы покрупнее презрительно называли таких, как он, «карманниками» – конечно, имея в виду не карманное воровство, а «карманный банк»* (В. Пелевин «Числа» // БД № 2026620743).

Считаем, что приведенные аргументы убедительно свидетельствуют в пользу преодоления одностороннего взгляда на метатекст как на одну из модусных категорий. С одной стороны, нами не ставится под сомнение тот факт, что понятия модуса и метатекста пересекаются, и в содержательном плане явления имеют много общего; с другой стороны, необходимо констатировать, что различия между ними носят весьма существенный характер.

2.3.3. Референциальная синкретичность метаязыковых конструкций: между кодом и денотатом

Необходимо отметить, что разграничение высказываний о мире и высказываний о языке далеко не всегда является тривиальной задачей. В речи (тексте) могут встречаться «непрозрачные» контексты, не позволяющие сделать однозначный вывод о принадлежности речевого отрезка (фрагмента текста) к высказываниям о мире или высказываниям о языке. Такого рода контексты вызывают особый интерес лингвистов. Так, Н.Г. Бабенко и Е.К. Корешкова констатируют семантическую амбивалентность подобных высказываний, отмечая, «что объектом рефлексии может быть собственно слово или его денотат, но следует учитывать, что не во всех случаях возможно доказательно развести отношение к реалии внеязыковой действительности и к её номинации» (Бабенко, Корешкова, 2021, с. 26). Такого рода контексты с непрозрачной денотативной отнесенностью мы будем называть синкретичными высказываниями или синкретичными конструкциями.

В качестве иллюстрации сложности отнесения определенных высказываний к языковым или метаязыковым контекстам приведем следующие пространные примеры:

Пример 1. *… пьют они коньяк и чай по-адмиральски (а чай по-адмиральски – это так: берется тонкий чайный стакан в серебряном подстаканнике, наливается крепчайшим горячим свежезаваренным чаем, бросается ломтик лимона и сыплется три ложечки сахара; а рядом становится бутылка коньяка. Отхлебывается чай, и доливается доверху коньяком. Еще отхлебывается – и еще доливается. И вот когда стакан еще полный, а бутылка уже пустая – это и есть настоящий адмиральский чай)* (М. Веллер «Океан» // БД № 2026620743).

Пример 2. *А слепень и овод – это все-таки разные насекомые? У нас слепень – это такая большая муха. Серая. Летает почти бесшумно и потому кусает неожиданно. А оводы мельче, цветастые, с острыми крыльями. Жужжат жалобно, вьются над головой. Скорость у них невысокая, можно ловить на лету в кулак…* (Р. Сенчин «В залипе» // БД № 2026620743).

Первый пример можно одновременно рассматривать как высказывание о мире (осуществляется описание внеязыковой реалии, происходит погружение вглубь денотата) и как высказывание о языке (осуществляется семантизация словосочетания *адмиральский чай*). Во втором примере, с одной стороны, описываются насекомые как часть окружающей действительности, с другой, уточняются значения слов *слепень* и *овод*. Чего в приведенных примерах больше – погружения в действительность или в языковую семантику – установить сложно.

Описание критериев разграничения высказываний о мире и высказываний о языке имеет важное научно-практическое значение. Оно позволит на научно обоснованных основаниях формировать эмпирическую базу исследований обыденного метаязыка, включая в неё исключительно соответствующие объекту исследования языковые факты, что особенно важно в условиях структурного и семантического разнообразия рефлексивов.

В процессе установления дифференциальных признаков конструкций с внешней и внутренней референцией мы позволим себе ограничить область

анализа синкретичными конструкциями с семантикой метаязыкового поиска. Именно в них особенно ярко, по нашему мнению, проявляется потенциальный синкретизм суждений о мире и языке. Конструкции метаязыкового поиска зачастую оставляют открытым вопрос о том, осуществляется ли поиск слова или денотата. Свою задачу на актуальном этапе исследования мы видим в определении формально-семантических маркеров принадлежности синкретичных конструкций к высказываниям с внешней референцией (поиск денотата) или к высказываниям с внутренней референцией (поиск слова).

Вербализация метаязыкового поиска может осуществляться с помощью механизма авторедактирования (термин М.Р. Шумариной) или автокоррекции (термин А.Е. Цесарской). В процессе авторедактирования (автокоррекции) продуцент, находясь в поиске лучшего средства выражения мысли, прибегает к осознанной замене одного слова другим. По мнению А.Е. Цесарской, «переход от первой вербализации ко второй отражает движение мысли говорящего, что свидетельствует о динамическом характере анализируемого явления: автокоррекция – способ поэтапного формирования мысли в процессе говорения» (Цесарская, 2020, с. 24).

Синтаксически авторедактирование реализуется в рамках так называемых «коррекционных конструкций», включающих в себя корректируемый и корректирующий компоненты, а также метакорректор, который выполняет функции связующего элемента конструкции. Метакорректоры следует рассматривать как разновидность метаоператоров. Последние, как известно, являются языковым следом метаязыковой рефлексии. Зачастую именно наличие метаоператора позволяет квалифицировать отрезок текста в качестве рефлексива.

Нами были рассмотрены коррекционные конструкции с метакорректорами *вернее, точнее, скорее*. С грамматической точки зрения названные метакорректоры должны быть отнесены к вводным словам. Обычно они используются в тексте в своей простой форме, значительно реже эта

форма распространяется глаголом лексико-семантической группы говорения (как правило, глаголом *сказать*). С функционально-семантической точки зрения мы рассматриваем указанные метакорректоры как полные синонимы.

В результате детального анализа эмпирической базы удалось прийти к заключению о том, что синкретичные высказывания следует разделить на две группы. К первой группе относятся коррекционные конструкции, семантический синкретизм которых не может быть преодолен исходя из данных контекста. В них можно видеть результат как внешней, так и внутренней референции: *Крепость* ***веры, а точнее традиций****, у староверов стала слабеть…* (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); *Но Аркадию в тот раз город* ***понравился. Вернее, не так ошеломил и придавил*** (Р. Сенчин «Немужик» // БД № 2026620743); *Была* ***комната,*** *назначения которой я не смог понять –* ***даже не комната, а скорее большой чулан****, пол которого покрывали толстые мягкие подушки* (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743). Такие конструкции мы предлагаем называть собственно синкретичными.

Вторую группу образуют коррекционные конструкции, обладающие релевантными признаками, позволяющими преодолеть синкретизм и обоснованно отнести их либо к высказываниям о мире, либо к высказываниям о языке. Такого рода конструкции мы предлагаем называть псевдосинкретичными. Они, в свою очередь, делятся на высказывания с внешней референцией и высказывания с внутренней референцией.

Сигналами о принадлежности синкретичных конструкций к высказываниям с внутренней или внешней референцией являются специальные маркеры, фиксируемые либо в пределах коррекционной конструкции, либо в её ближайшем синтаксическом окружении. Как правило, указанные маркеры имеют не формальную, а семантическую природу, что затрудняет процесс их установления и последующей дифференциации псевдосинкретичных конструкций. Однако с помощью анализа обширного

корпуса примеров удалось выявить систему маркеров, позволяющих разграничивать высказывания о мире и высказывания о языке.

Коррекционные конструкции с внешней референцией и коррекционные конструкции с внутренней референцией обладают собственным перечнем маркеров. Начнем с описания признаков высказываний, характеризующихся внешней референцией. В последних осуществляется поиск денотата. Такого рода высказывания отражают движение мысли, которое сопровождается изменением (уточнением) восприятия и оценки действительности. Ярким признаком высказываний с внешней референцией является трансформация денотативной отнесенности, происходящая в пределах коррекционной конструкции. При этом трансформация денотата может принимать разнообразные формы. Наиболее распространенными из них являются сужение, расширение и углубление денотата.

Сужение денотата имеет место в коррекционных конструкциях, описывающих замену целого на его часть: *Это был один из немногих анекдотов, которые Чагин любил.* ***Точнее, последнюю фразу*** *– о памяти. – Память подводит!* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Последний куплет,* ***вернее, три последние строки*** *казались ему нелогичными, не соответствующими предыдущим куплетам* (Р. Сенчин «Немужик» // БД № 2026620743).

Расширение денотата представляет собой обратный процесс. Данный семантический признак может проявляться в коррекционных конструкциях через указание на дополнительный (определенный или неопределенный в высказывании) объект действительности: *Не пробежки –* ***вернее, не только пробежки*** *– оздоровят, а обновленная душа* (Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743); *Но дело было, конечно, не в болях.* ***Точнее, не только в болях****. Была Михаилу Афанасьевичу свойственна жажда риска – та самая пушкинская …* (Л. Яновская «Главы из новой книги о Михаиле Булгакове» // НКРЯ, ОПК).

Если примеры сужения и расширения денотата отражают движение мысли по горизонтали, то углубление денотата связано с движением мысли по вертикали, её движением вглубь. Такого рода коррекционные конструкции фиксируют глубокий и всесторонний процесс мыслительного поиска, результатом которого является конкретизация денотата: *Работать не было сил.* ***Вернее, не сил, а ощущения, что работа нужна*** (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743); *Прошлой зимой, когда ей было невыносимо, Ирина привела её к отцу Алексею.* ***Привезла, вернее, в маленькую церковь на самой окраине города****…* (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743).

К числу маркеров внешней референции высказывания следует также отнести семантические признаки дискретности восприятия действительности, отраженные в коррекционной конструкции. Они свидетельствуют о наличии этапов восприятия (осмысления) продуцентом действительности, что указывает не на поиск слова, а на поиск денотата. Коррекция вербальных средств сигнализирует об изменениях, происходящих в восприятии и оценке действительности: *Свет фар со стороны Михайловки. Хоть бы автобус. Скорее уехать. Отрезать этот кусочек жизни. Нет, легковушка.* ***Вернее, кроссовер*** (Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743); *Идея, которая в голове, бесполезна; идея, выраженная в слове, музыке, красках, живых картинках – действенна. Часто бывает действенна.* ***Или, вернее, зачастую****. Ну ладно – иногда* (Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743).

О внешней референции высказывания говорит оценка истинности (подлинности) внеязыковой реалии, оценка её соответствия общепринятому эталону, содержащаяся в коррекционной конструкции. Коррекция производится не в отношении слова, а в отношении модуса восприятия и осознания реальности. В результате продуцент ищет не новую номинацию для реалии, а скорее выражает сомнение в правильности обозначения фрагмента действительности: *И сейчас процесс обыска,* ***вернее, его имитация****, составление протокола происходили предельно обыденно*

(Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743); *Люди на экране все время попадали в тяжелые и неловкие ситуации. Они испытывали* ***(вернее, изображали)*** *унижение, неловкость и страх* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.» // БД № 2026620743).

Коррекционные конструкции с внутренней референцией характеризуются направленностью на поиск адекватного языкового выражения уже сформированной мысли. В такого рода высказываниях коррекция связана именно с поиском наиболее подходящего слова. При этом денотативная отнесенность высказывания остается неизменной. В отличие от коррекционных конструкций с внешней референцией, признаки которых имеют исключительно семантическую природу, коррекционные конструкции с внутренней референцией обладают более вещественными и осязаемыми маркерами. К их числу прежде всего необходимо отнести употребление в ближайшем семантическом и синтаксическом окружении коррекционной конструкции специальных метаоператоров – лексических единиц, представляющих коррекцию именно как замену знака, а не смысла: *Вельский зачитывал какую-то работу, – вспомнил я, – где говорилось, что Шлиман был патологически лжив. Палец Данилова медленно скользнул по ручке чашки. –* ***Я бы избегал жестких формулировок. Скорее, он не был патологически правдив*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *И неужели царица не понимала всей этой искусственности,* ***если не сказать точнее, романтической иронии****?* (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743).

Маркеры высказываний с внутренней референцией могут иметь и вовсе эксплицитную природу. К таковым следует отнести экспликацию выбора номинации, размещенную в постпозиции (препозиции) коррекционной конструкции. Аргументация выбора слова представляет собой полноценный рефлексив, инкорпорированный в пространство текста. Метаязыковой поиск объясняется стремлением максимально полно и достоверно передать признаки денотата: *На Петроградской стороне, между улицами Красного*

Курсанта и Красной Конницы, есть маленькая площадь. ***Скорее даже сквер. Кругом деревья и скамейки – наверное, сквер*** (М. Веллер «Лаокоон» // БД № 2026620743); *Руки стихии … Не совсем точно.* ***Стихия – это нечто неуправляемое, спонтанное, неподвластное человеку. Но эта стихия была управляемой, направляемой. Скорее не стихия, а политика*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743).

Признаки метаязыковых высказываний могут носить более скрытый, латентный характер. Так, признак конструкций с внутренней референцией можно увидеть в том, что корректируемое слово и корректирующее слово находятся в синонимических отношениях. Именно замена одного слова на его синоним позволяет сделать акцент на языковом выражении мысли, без переформулирования денотативного содержания. Синонимическая замена наделяет высказывание метаязыковым статусом: *И потом, не сразу, приходила* ***легкость, вернее, облегчение****…* (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); *Накатила* ***усталость. Опустошение, скорее*** (Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743).

Иногда в синтаксическом окружении коррекционной конструкции наблюдается формальное доказательство метаязыковой функции употребления синонимов. Данное доказательство реализуется в виде одновременного употребления слов-синонимов в постпозиции коррекционной конструкции. При этом вербальное удвоение не приводит к денотативному сдвигу: *Сначала, в детстве, появилось увлечение, а скорее, подражание родителям, а потом* ***увлечение-подражание*** *стало профессией* (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743).

В процессе вербализации метаязыкового поиска на поверхности текста оказываются не только языковые синонимы, но также слова, чье «семантическое родство» устанавливается в конкретной речевой ситуации и продиктовано когнитивно-прагматическими факторами. Использование контекстных синонимов в коррекционных конструкциях является типичным признаком высказываний с внутренней референцией: *В Москве даже*

короткие ***юбки, топики, легкие платья****, это наряд,* ***а вернее – доспехи*** (Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743); *Прикинув будущий* ***счет, точнее, «приговор»****, я решил, что, если оставлю свои «командирские» часы в экспортном исполнении под залог, уйти удастся без скандала* (Ю. Поляков «Козленок в молоке» // БД № 2026620743).

Особенно ярко метаязыковой поиск проявляется при употреблении в коррекционных конструкциях целых синонимических рядов. Наличие последних удостоверяет тот факт, что поиск ведется не в денотативной, а в языковой плоскости: *Вдали невысокие,* ***но всё-таки горы. Хребет. Или, точнее, отроги. Короче, цепь возвышенностей*** (Р. Сенчин «В залипе» // БД № 2026620743); *Если и встречались* ***статьи, вернее, заметки, информашки о проблемах****, то проблемы эти подавались как небольшие просчеты…* (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743).

К высказываниям с внутренней референцией следует также относить коррекционные конструкции, корректирующий компонент которых направлен на исправление лексических, грамматических, стилистических ошибок или неточностей, допущенных говорящим. В таких случаях коррекции подвергается исключительно языковой уровень высказывания: *Оказалось, Жека теперь работает* ***в одной газовой компании, вернее, в компании по транспортировке газа*** (Р. Сенчин «Ты меня помнишь?» // БД № 2026620743); *Здесь многие* ***меняют имена, фамилии … Изменяют, вернее*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743).

Таким образом, проведенный анализ коррекционных конструкций, вводимых с помощью метакорректоров *вернее, точнее, скорее*, позволяет говорить о существовании двух типов синкретичных конструкций, т.е. конструкций, совмещающих признаки высказываний с внешней и внутренней референцией. К первому типу относятся собственно синкретичные конструкции, синтаксический и семантический контекст которых не позволяет определить их принадлежность к высказываниям о мире или высказываниям о языке. Ко второму типу принадлежат

конструкции, чей синкретизм преодолевается исходя из ряда формально-семантических признаков. Такого рода конструкции трактуются нами как псевдосинкретичные. Из их числа могут быть выделены конструкции с внешней референцией и конструкции с внутренней референцией.

Считаем необходимым подчеркнуть, что в нашем исследовании обыденного метаязыка мы самое пристальное внимание уделили отбору эмпирической базы. Учитывая описанную в данном параграфе потенциальную референциальную синкретичность высказываний, мы намеренно включали в корпус примеров либо «прозрачные» конструкции с внутренней референцией, либо псевдосинкретичные конструкции, обладающие формально-семантическими признаками, позволяющими с уверенностью их классифицировать в качестве рефлексивов.

2.4. Обыденный метаязык в контексте дискурсивных практик: метадискурс и метацентрические дискурсы

Проводимый в данной главе диссертационного исследования анализ системных и деятельностных признаков метаязыка оказался бы неполным без обращения к вопросу об особенностях дискурсивной реализации системы обыденного метаязыка. Определение и описание модели интеграции неспециализированного метаязыка в поликультурное, полисемантическое и полимодальное дискурсивное пространство, безусловно, относится к числу важнейших отправных точек исследования.

Очевидно, что потенциал обыденного метаязыка приобретает осязаемые контуры, манифестируясь в речи, в разного рода дискурсивных практиках. Рефлексивы, будучи единицами плана выражения метаязыка, образуют

автосемантические отрезки текста, отсылающие не к внешней реальности, а к элементам кода, и соответственно характеризующиеся внутренней референцией. В дискурсе наблюдается чередование высказываний с внешней и внутренней референцией. Их количественное и качественное соотношение зависит от коммуникативной цели и задач дискурса, социокультурных и когнитивно-прагматических условий его развертывания, его жанровой и стилистической специфики, а также от ряда других параметров.

Рефлексивы, инкорпорируясь в вербализованную часть дискурса, создают в ней отдельное содержательное пространство. Для его выделения и обозначения привлекательным видится использование термина с формантом «мета». И подобный термин – *метадискурс* – появился и закрепился в трудах по языкознанию уже несколько десятилетий назад. Следует отметить, что понятие метадискурса было сформулировано в зарубежной лингвистике. Первенство в использовании указанного термина принято отдавать американскому семиотику и лингвисту З. Харрису, который видел в метадискурсе «способ понимания языка в использовании, представляющий попытки автора, создающего текст, помочь читателю лучше понять текст» (Цит. по: Золотухин, 2022, с. 36). В отечественной лингвистике термин *метадискурс* получил распространение на рубеже тысячелетий. В актуальный момент можно констатировать, что исследования метадискурса выделились в отдельное лингвистическое направление.

Вместе с тем, несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных изучению содержания и релевантности использования указанного понятия (Федотова, 2012; Шаймиев, 2012; Беляевская, 2016; Hyland, 2017; Зайцева, 2020; Золотухин, 2022; Кравченко, 2024 б), проблема кодификации значения термина *метадискурс* далека от своего разрешения. Проведенный нами анализ работ, посвященных исследованию метадискурса, позволяет утверждать, что за термином закрепилось два основных значения. Причем подходы к пониманию метадискурса оказались содержательно очень близки подходам к определению метатекста (данный факт кажется нам

вполне естественным в силу того, что термины *метатекст* и *метадискурс*, невзирая на их принадлежность к различным рамкам исследования, описывают с разных сторон близкие категории языка).

Сторонники первого подхода рассматривают метадискурс как «дискурс в дискурсе». Лингвисты, развивающие в своих работах идеи второго подхода, видят в нем «дискурс о дискурсе». Отметим, что в лингвистической литературе существуют также альтернативные определения для указанных подходов. В частности, они обозначаются как *интерактивный* и *рефлексивный* подходы (Белошицкая, Пак, 2019, с. 117-118). При этом интерактивный подход соответствует пониманию метадискурса как «дискурса в дискурсе», а рефлексивный подход нацелен на осмысление феномена «дискурс о дискурсе». Далее мы кратко охарактеризуем сущность названных исследовательских подходов.

Необходимо заметить, что идеи З. Харриса, имевшие ярко выраженную прагмалингвистическую направленность, получили глубокое осмысление и развитие в трудах зарубежных лингвистов (Gaulmyn, 1987; Vande Koople, 1988; Crismore, 1989; Hyland, 2005; Ifantidou, 2005; Vande Koople, 2012; Man Zhang, 2016). Поэтому значительный этап на пути своего становления термин *метадискурс* преодолел в русле прагмалингвистики, что наложило отпечаток на его содержательные особенности. Большинство исследователей метадискурса связывают его не с трансляцией фактуальной информации, а с передачей прагматических смыслов, порождаемых субъектами коммуникации. Иными словами, метадискурс является не дискурсом о диктуме, а дискурсом о модусе. Ввиду того, что модусная информация не всегда в эксплицитном, развернутом виде представлена в дискурсе, метадискурс позиционируется как дополнительный уровень коммуникации, который взаимодействует и переплетается с базовым уровнем – собственно дискурсом (Clark, 1996, p. 241).

Способность метаязыковой рефлексии формировать модусные категории и в целом актуализировать прагматическую сторону высказываний объясняется тем фактом, что «…рефлексия над языком обязательно

оборачивается рефлексией над субъектом его использования, говорящим…» (Рябцева, 2005, с. 454). Тем самым в рамках данного подхода, преобладающего в современной лингвистике, метадискурс – это «дискурс в дискурсе». В метадискурсе сосредоточена, разворачивается и манифестируется информация прагматического характера, которая включается в поток смыслов статусно-ориентированного (институционального) или личностно-ориентированного дискурса. Метадискурс «программирует» и описывает своеобразный диалог адресанта и адресата, происходящий на метауровне. Благодаря метадискурсу коммуникация трансформируется в метакоммуникацию.

Структурные и содержательные параметры метадискурса отличаются динамизмом. Они существенно варьируются в зависимости от базового (фактуального) дискурса, в рамках которого функционирует метадискурс: научного, публицистического, разговорного и др. Действительно, субъекты коммуникации по-разному проявляют себя в каждом из перечисленных дискурсов. Поэтому в исследовании метадискурса сформировалась традиция отдельного изучения метадискурсивных особенностей базовых типов и видов дискурса. При этом наиболее полное освещение в лингвистической литературе получили «научный метадискурс» (Шаймиев, 1999; Нефедов, 2013; Золотухин, 2022; Богинская, 2023 а; 2023 б; Лю, 2025), «метадискурс масс-медиа» (Сусская, 2018; Лю, 2019) и «разговорный метадискурс» (Пигрова, 2001; Плотникова, Шавалиева, 2017).

Однако подход к пониманию метадискурса как «дискурса в дискурсе», как было отмечено выше, не является единственным в современной лингвистике. Альтернативный подход строится на том, что метадискурс рассматривается как средство реализации метаязыкового и экспрессивного потенциала языка. Последовательным сторонником данного подхода в зарубежной лингвистике является А. Эдель (Ädel, 2006; 2017).

Количество сторонников этого подхода в последние годы неуклонно растет. Указанную тенденцию мы объясняем тем фактом, что эволюция

средств и каналов коммуникации приводит к трансформации дискурсивных практик, к появлению новых форм общения. Особенно показательна в этом отношении коммуникационная революция, вызванная использованием технологических возможностей сети Интернет и порожденных ею социальных сетей. Коммуникация в сети Интернет имеет многочисленные структурные и содержательные особенности. Одна из них состоит в широком употреблении метаязыковых высказываний. Ярким примером являются разного рода комментарии – своеобразные реплики-реакции на исходный текст.

Деятельность по созданию комментариев может быть квалифицирована как метадискурс. Так, Б.Я. Мисонжников рассматривает комментарий в структуре медиапубликации как субъект формирования метадискурса (Мисонжников, 2020). Он считает, что понятие метадискурса значительно шире, чем то, что отведено ему в прагмалингвистике, «оно охватывает глубинные области социальной, научно-познавательной, духовной, культурологической и многих других практик … метадискурс – порождение человека и предмет его познавательной методологии» (Ibid., с. 268-269). При таком подходе метадискурс мыслится как «дискурс о дискурсе».

В качестве примеров функционирования метадискурса могут рассматриваться не только тексты интернет-комментариев. Комментарии как тексты, создаваемые для решения специальных задач, имеют многовековую историю бытования и не ограничиваются сферой интернет-коммуникации. Как правило, текст комментария образует с исходным (комментируемым) текстом единый текстовый комплекс. Текст-комментарий ориентирован на текст-оригинал и апеллирует к его формальным и содержательным компонентам.

Высокая значимость комментариев отмечается в переводческой деятельности. Это связано с тем, что интегральный перевод текстов с языка на язык в силу разных причин далеко не всегда является достижимой задачей. Текст перевода может не передать всех смысловых нюансов текста-оригинала. В таких случаях роль семантического компенсатора отводится переводческим комментариям. Последние становятся объектом

метадискурсивных исследований (Козлова, 2013; Остапенко, 2015; Пластинина, 2018; Остапенко, 2019).

Специальные тексты-комментарии востребованы также в академическом дискурсе. Они предназначены для глубокого адекватного изучения и познания текстов-оригиналов, имеющих существенную прагматическую и социокультурную значимость. Такого рода тексты-комментарии, как правило, принимают форму разного рода учебных пособий и методических указаний, природа которых укладывается в формулу «дискурс о дискурсе» (Пластинина, Плеханова, 2018). Приведенные примеры показывают, что, опираясь на разнообразие эмпирических данных, исследования «дискурса о дискурсе» обладают потенциалом к дальнейшему расширению.

Завершив представление подходов к пониманию метадискурса, считаем нужным отметить, что потенциально термин «метадискурс» может иметь еще одну область употребления. Им может быть обозначен дискурс, функционирование которого напрямую связано с метаязыковыми (метатекстовыми) трансформациями. Действительно, при внимательном изучении особенностей дискурсивных практик не вызывает больших затруднений идентифицировать те из них, в которых наблюдается широкое использование конструкций с метаязыковым статусом, и чье дискурсивное пространство в значительной степени заполнено рефлексивами. Во избежание расширения многозначности термина *метадискурс* мы предлагаем называть такого рода дискурсивные практики *метацентрическими дискурсами*. Данный термин указывает на первостепенную роль, которую конструкции с внутренней референцией (и соответственно естественный метаязык) играют в процессе развертывания дискурса.

Ярким примером метацентрического дискурса является энигматический дискурс, представленный текстами кроссвордов, загадок и иных лингвосемантических игр. Тексты энигматического (от лат. *aenigma* – «загадка») дискурса (в первую очередь – кроссворды) имеют исключительно метаязыковую природу. Базовой структурной единицей кроссворда является

кроссвордная ячейка, которая формируется единством дескрипции (энигматора, кроссвордного ключа) и зашифрованной номинации (энигмата, отгадки). При этом дескрипция, содержащая информацию о закодированном слове, образует поверхностную (вербализованную) часть кроссвордной ячейки, а кодируемая номинация – глубинную (невербализованную) часть. Последняя, по условиям игры, подлежит расшифровке в результате интерпретации дескрипции. Кодирование и декодирование знака выступают как два компонента, образующих диалогическое единство акта непрямой коммуникации между составителем кроссворда и его интерпретатором.

Принцип построения кроссвордной ячейки основан на кардинальном свойстве знака, которое можно определить как интерпретируемость. Действительно, семиотики и лингвисты давно заметили, что объяснение значения знака реализуется через процедуру интерпретации. Интерпретация знака представляет собой «операцию, достигаемую при замене исходного знака другим знаком или – более обычно – набором знаков» (Лебедев, 1998, с. 36). Текст вербализованной части кроссворда, оформленный в виде дескрипции, представляет собой рефлексив, элементы которого лишены свойства внешней референции, и их значения синтезируют компоненты значения зашифрованного слова. Поэтому язык кроссвордов по своей сути является естественным метаязыком, что неоднократно отмечалось учеными (Красных, 2000; Кравченко, 2005 б; 2005 в; 2006 г; 2022 в; 2023; Нечаева, 2007; Денисова, 2008; Волкова, 2011; Селиванова, 2013).

Метаязыковая рефлексия является атрибутом деятельности переводчика. В последние несколько десятилетий в русле дискурсивной лингвистики активно разрабатывается проблематика «переводческого» («переводного») дискурса (Гарбовский, 2012; Власенко, 2015) и «переводческой рецепции» как важнейшей его составляющей (Алимурадов, Щербаков, 2024). Процесс перевода протекает на мета-уровне языковой способности. Представляя собой один из видов герменевтической практики (Серебрякова, Милостивая, 2023), переводческий дискурс определяется

современными учеными как сложный конструкт, формируемый с помощью «метадискурсивной переводческой эпистемы» (Власенко, 2015, с. 138). Текст перевода является продуктом метаязыковых трансформаций. Такого рода тексты – примеры рефлексивов per se.

Особенность переводческих рефлексивов заключается в их межъязыковой природе. Фактически переводчик оперирует средствами двух (или более) кодов. Поверхностный взгляд на деятельность переводчика видит в ней просто механическую перекодировку сообщения и тем самым ставит под сомнение наличие глубоких рефлексивных оснований у этого дискурса. Эвристический потенциал обыденного метаязыка, обладающего внутриязыковой сущностью, при таком понимании процесса переводчиком по сути не используется. Однако когнитивные механизмы, задействованные в переводческом дискурсе, оказываются гораздо более глубокими и сложными, чем может показаться обывателю. Перевод требует повышенного уровня метаязыковой рефлексии как в отношении элементов кода исходного текста, так и в отношении элементов преобразующего кода. Особую интенсивность метаязыковая рефлексия приобретает в контексте поэтического перевода. Это связано с тем, что поэтический перевод «представляет собой результат конструирования неконвенционального значения воспринимающей стороной (переводчиком)» (Устинова, 2016 а, с. 196). Поэтический перевод порождает динамическое смыслообразование ввиду того, что «конструирование значения поэтического высказывания и его трансляция средствами языка перевода предполагает преобразование семантических потенциалов концептов, взаимосвязанных с неконвенционально употребленными или преобразованными языковыми единицами оригинала» (Ibid.).

Ориентация переводческого дискурса на метацентризм имеет глубокие лингвофилософские и лингвокультурологические корни (Мишкуров, 2012) и проявляется в разнообразных внутридискурсивных форматах, жанрах и трендах (Новикова, Наумова, 2021).

К числу метацентрических дискурсов мы также относим учебный (академический) дискурс. Последний в сравнении с энигматическим дискурсом, безусловно, в меньшей степени ориентирован на естественный метаязык. Вместе с тем он характеризуется высокой концентрацией конструкций с метаязыковым статусом. Это объясняется коммуникативными установками и направленностью данного институционального типа дискурса. Он стремится к созданию условий для максимально эксплицитного выражения смыслов, к недопущению разного рода двусмысленностей и преодолению терминологической и иной агнонимичности. Достижение указанной коммуникативной ясности требует постоянной рефлексии над языковым кодом, результаты которой, в свою очередь, манифестируются в поверхностном слое дискурса в виде многочисленных рефлексивов. Метацентричность учебного дискурса проявляется в обилии дефиниционных конструкций, направленных на объяснение изучаемых понятий; в регулярном перефразировании наиболее значимых положений с целью их непротиворечивого изложения; в широком привлечении моделей экземплификации, направленных на подтверждение и демонстрацию сказанного; в системном использовании средств внутритекстовой навигации и др. В этой связи вполне оправданным выглядит мнение многих исследователей, считавших метатекстовую организацию наиболее характерной чертой учебного дискурса (Турунен, 1999; Кравченко, 2010; Рытикова, 2010; Губарева, 2011; Устинова, 2015 б; Белошицкая, Пак, 2019; Уткина, Костарева, 2021).

Определение перечня метацентрических дискурсов с демонстрацией их особенностей может быть продолжено. Однако мы ограничимся приведенными примерами. Считаем, что изучение метацентричности в разрезе дискурсивных практик должно стать предметом специального исследования. Анализ «на метацентричность» представляется важным шагом в решении перспективной задачи построения непротиворечивой и исчерпывающей типологии дискурсов. При этом метацентричность рассматривается как признак, дополняющий параметры модуса, жанра,

функционального стиля и формальности, предложенные А.А. Кибриком в качестве рамок таксономизации дискурсивного пространства (Кибрик, 2009).

Проведенный нами обзор теоретических подходов к пониманию метадискурса, а также обоснование выделения метацентричности как одной из характеристик дискурсов преследовали цель способствовать проявлению специфики настоящего исследования. Последняя заключается среди прочего в том, что в дальнейшем мы сознательно не употребляем в работе термин *метадискурс*. Наша позиция в этом отношении объясняется не только и не столько многозначностью самого термина. Мы не считаем *метадискурс*, взятый как в первом («дискурс в дискурсе»), так и втором («дискурс о дискурсе») его значениях, пригодным для выявления и демонстрации системных черт обыденного метаязыка. В первом случае метадискурс не является дискурсом в собственном смысле слова. Он – вспомогательная часть дискурса и сводится к набору прагматических маркеров, через которые осуществляется взаимодействие отправителя и получателя сообщения. При этом многие из этих маркеров не имеют к реализации метаязыковой функции языка никакого отношения. Во втором случае *метадискурс* фиксирует лишь частное проявление метаязыковой способности. Метаязыковая деятельность не ограничивается созданием специальных текстов-комментариев, отделенных от исходного текста (более того: пространные комментарии зачастую могут терять непосредственную связь с объектом рефлексии, а отдельные высказывания не иметь признака внутренней референции). В коммуникативной практике мы чаще наблюдаем иную картину: высказывания о мире и языке переплетаются в рамках одного текста.

Мы не видим достаточных оснований для того, чтобы перенести изучение рефлексивов на почву отдельного институционального дискурса. В своем исследовании мы придерживаемся понимания дискурса как альтернационного пространства, в котором конструкции внешней и внутренней референции чередуются и сосуществуют. Альтернационная модель дискурса предполагает, что в рамках практически любой

разновидности дискурса говорящий способен апеллировать как ко внеязыковой реальности, так и к коду.

В нашей работе мы также целенаправленно не ориентируемся на метацентрические дискурсы. Считаем, что изучать обыденный метаязык как систему и как деятельность нужно только по тем его проявлениям, которые реализуются вне зависимости от особенностей дискурсивной практики. Поэтому основу привлекаемых нами эмпирических данных составляют материалы основного подкорпуса Национального корпуса русского языка и конкорданс примеров, извлеченных из художественных и публицистических текстов произведений современных русских писателей, в которых, с одной стороны, наблюдается смешение дискурсов, а с другой – нейтрализуются многие уникальные признаки институциональных дискурсов.

Выводы

Обыденный метаязык представляет собой сложное, многомерное и многоаспектное явление, синтезирующее в себе признаки деятельности и продукта деятельности, обладающего чертами системного образования. Фундаментальная антиномия «деятельность / система» находит отражение как в специфическом наборе онтологических, функциональных и структурных признаков метаязыка, так и в дифференциации подходов к их лингвистическому изучению и описанию.

Психическим субстратом метаязыковой деятельности и метаязыка как ее продукта выступает метаязыковое сознание коммуникантов. Будучи динамическим образованием, метаязыковое сознание активно задействует механизм рефлексии в целях осмысления и интерпретации языкового кода.

Результаты рефлексии фиксируются на поверхностном уровне дискурса в конструкциях, обладающих метаязыковым статусом.

Обыденный метаязык обладает рядом конститутивных признаков (свойств), которые определяют его онтологическую, функциональную и структурную сущность. К числу такого рода свойств относятся рефлексивность, интерпретативность, полифункциональность, дискурсивность и полиморфность. Рефлексивность метаязыка проявляется в его опоре на рефлексивные механизмы метаязыкового сознания. Свойство интерпретативности заключается в направленности на осмысление, интерпретацию и объяснение элементов языкового кода. По сути, метаязыковая конструкция представляет собой интерпретанту знака или последовательности знаков. Полифункциональность метаязыка раскрывается как на «макроуровне», так и на «микроуровне». Макроуровневая полифункциональность метаязыка проявляется в многообразии семантических и коммуникативно-прагматических ролей, свойственных метаязыковой функции языка. Микроуровневая полифункциональность заключается в способности отдельных единиц метаязыка в зависимости от контекста выполнять различные метаязыковые роли. Дискурсивность метаязыка определяется тем фактом, что он фактически не способен существовать в «парадигматической реальности», вне дискурса. Метаязыковой статус языковые конструкции обретают в дискурсе в результате их автореферентного использования. Наконец, полиморфность метаязыка определяется разнообразием структурных форм, в которых могут воплощаться результаты метаязыковой рефлексии (рис. 2). Системный и регулярный характер проявления перечисленных конститутивных признаков позволяет построить следующую модель свойств обыденного метаязыка:

Рисунок 2 – Модель конститутивных признаков (свойств) обыденного языка

Метаязыковая функция языка представлена системой контекстуально обусловленных метаязыковых ролей, обладающих информационно-исследовательской и моделирующей спецификой. Их установление и описание позволило существенно расширить классическую модель функций естественного языка, дополнив ее моделью функций обыденного метаязыка (см. рис. 3). Информационно-исследовательская функция метаязыка связана с извлечением информации о коде. В качестве ее психического субстрата выступают ориентировочно-исследовательские механизмы психики субъекта. Информационно-исследовательская функция может реализовываться в тексте (дискурсе) в виде одной из своих подфункций (эпифункций), образующих нижний уровень таксономии. Такими вариантами реализации информационно-исследовательской функции выступают метафатическая, пояснительная, характеризующая, оценочная, поисковая, связующая и категоризирующая функции.

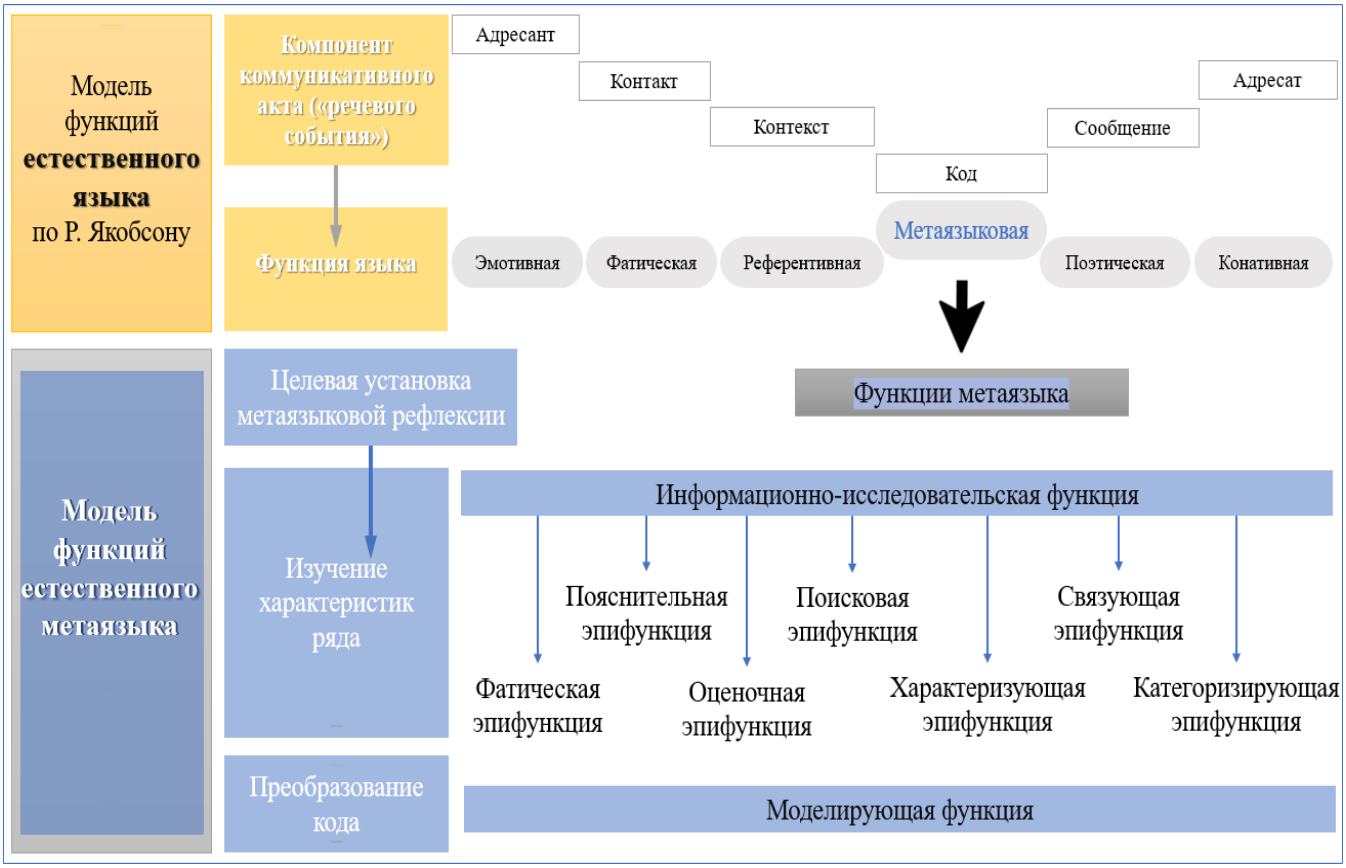

Рисунок 3 – Модель функций обыденного метаязыка

Метафатическая эпифункция позволяет поместить языковую единицу в фокус метаязыковой рефлексии, привлечь к ней дополнительное внимание коммуникантов. Пояснительная эпифункция, как правило, связана с трактовкой семантики языковых единиц. Характеризующая эпифункция направлена на фиксацию свойств и признаков элементов языкового кода. Оценочная эпифункция обеспечивает восприятие и экспликацию языковых фактов в аксиологических терминах. Поисковая эпифункция определяет выбор элементов кода, соответствующих денотату. Связующая эпифункция направлена на формирование связей между элементами кода. Категоризирующая эпифункция дает возможность описать элементы кода посредством их категоризации, то есть отнесения к определенным семантическим категориям.

Моделирующая функция обыденного метаязыка направлена на преобразование кода, а не на извлечение информации о нем. Данная функция базируется на творческих механизмах психики рефлексирующего субъекта. Релевантными признаками моделирующей функции выступает использование механизмов языковой игры, а также имплицитный характер реализации в дискурсе.

Определение базовой единицы естественного неспециализированного метаязыка осложняется отсутствием релевантных структурных признаков у метаязыковых конструкций. Автонимное употребление единиц языка может принимать самые разнообразные формы и занимать знаковое пространство от отдельного слова до целого текста. Поэтому наиболее подходящим родовым термином для обозначения единицы метаязыка видится *рефлексив*, внутренняя форма которого отсылает к факту метаязыковой рефлексии, а также допускает разнообразие объема и коммуникативной направленности метаязыковой конструкции. Тем самым преодолевается отсутствие изоморфизма между единицами языка и метаязыка и задается подвижность границ единиц метаязыка.

Фундаментальная антиномия системы и деятельности оставила свой отпечаток на картине лингвистических исследований обыденного метаязыка. В изучении последнего выделились два подхода: системный и деятельностный. Первый базируется на понимании метаязыка как системы, воплощающей в себе одну из наиболее значимых потенций естественного языка, во многом имеет структуралистскую направленность и опирается на исследования крупнейших лингвистов XX века Р. Якобсона и Э. Бенвениста. Второй отличается тем, что видит в метаязыковых субстанциях проявления деятельности носителей языка и опирается на антропологическую по своей сути концепцию «фольк-лингвистики» американского ученого Г. Хенигсвальда, призывавшего изучать особенности «непрофессионального» взгляда коммуникантов на язык.

Анализ научных работ, посвященных изучению феномена обыденного метаязыка, свидетельствует о постоянном расширении эмпирической базы и предметного поля исследований. На актуальном этапе развития лингвистики особенности нативного метаязыка рассматриваются на материале художественных, публицистических, научных текстов, а также разговорной речи и текстов, относящихся к разнообразным жанрам интернет-коммуникации. В последние годы активно привлекаются данные «метацентрических» дискурсов, к которым относятся коммуникативные практики, широко использующие потенциал метаязыковой функции языка: рекламный, юридический, энигматический дискурсы.

Предметное поле исследований обыденного метаязыка образуют языковые реалии, которые отличаются семантической глубиной и «непрозрачностью», нормативной и (или) узуальной нестандартностью, а также социокультурной или прагматической значимостью в контексте, иными словами, элементы кода, выходящие за пределы речемыслительного автоматизма и требующие от говорящего дополнительных усилий по их инкорпорированию в дискурсивное пространство (имена собственные, аббревиатуры, неологизмы, заимствования, эвфемизмы, дисфемизмы и др.).

О значимости и перспективности исследований обыденного метаязыка говорит глубокая дифференциация аспектов его изучения. Широкий спектр привлекаемых научно-методических инструментов позволил лингвистам обеспечить реализацию лексико-семантического, функционально-семантического, функционально-стилистического, социолингвистического, психолингвистического, онтолингвистического, когнитивно-дискурсивного и лексикографического аспектов исследования метаязыка.

Обыденный метаязык представляет собой феномен с зыбкими границами. Сложность установления его границ определяется действием трех антиномий, сочетающих в метаязыке признаки: 1) «обыденного» vs «профессионального»; 2) модуса и диктума; 3) высказываний «о мире» и высказываний «о языке».

В результате деятельности метаязыкового сознания фиксируются содержательно гетерогенные структуры, разделение которых осуществляется по шкале «профессиональное» / «обыденное», что становится поводом для выделения соответствующих форм сознания. Однако в ходе исследования было установлено, что указанные формы не характеризуются замкнутостью. Метаязыковое сознание не сводимо к совокупности отдельных модулей, а является целостным образованием. Профессиональная или обыденная направленность рефлексии определяется целевыми установками коммуникантов и заданными параметрами дискурса. Проведенный анализ функционирования лексемы *смысл* в составе метаоператоров в нелингвистических текстах в полной мере свидетельствуют о том, что «научное» и «наивное», «профессиональное» и «обыденное» в метаязыковом сознании, а затем и в метаязыке зачастую переплетаются.

Единство онтологического субстрата метаязыка (метатекста) и модуса – рефлексивной деятельности сознания говорящего – породило в лингвистике идею об их лингвистической идентичности. В научной среде сформировалась позиция, в соответствии с которой метатекст представляет собой одну из модусных категорий, т.е. является разновидностью модуса. Однако в настоящей работе отстаивается альтернативный взгляд на вопрос соотношения понятий модуса и метатекста. В соответствии с ним многоаспектные проявления метаязыка не укладываются в объем понятия модусной категории. На это указывают следующие факты: способность метатекста выступать в качестве средств выражения целого ряда модусных категорий (т.е. факт инструментальности метатекста по отношению к модусу); различия в референциальной отнесенности (для модуса характерны контексты с внешней референцией, для метатекста – с внутренней); способность метатекста выступать в позиции диктума.

На примере коррекционных конструкций (в частности, конструкций, вводимых с помощью метакорректоров *точнее, вернее, скорее*) показана потенциальная референциальная синкретичность высказываний, вызванная

фактом консубстанциональности языка и метаязыка. Референциальная синкретичность высказываний проявляется в том, что в них переплетаются признаки суждений о мире и языке. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о существовании двух типов синкретичных конструкций. К первому типу относятся собственно синкретичные конструкции, синтаксический и семантический контекст которых не позволяет определить их принадлежность к высказываниям о мире или высказываниям о языке. Ко второму типу принадлежат конструкции, чей синкретизм преодолевается исходя из ряда формально-семантических признаков. Такого рода конструкции трактуются как псевдосинкретичные. Из их числа могут быть выделены конструкции с внешней референцией и конструкции с внутренней референцией. Маркеры высказываний с внешней референцией базируются на семантических признаках, к числу которых относятся: признаки изменения денотативной отнесенности, проявляющееся в формах сужения, расширения и углубления денотата; признаки дискретности восприятия действительности; признаки оценки истинности (подлинности) внеязыковой реалии. Маркеры высказываний с внутренней референцией имеют формально-семантическую природу. Данную группу маркеров образуют специальные метаоператоры лексического уровня; специальные метаоператоры (эксплицитные конструкции) синтаксического уровня; принцип синонимических замен (в том числе с использованием контекстных синонимов) элементов корректируемой и корректирующей частей конструкции; восстановление лексической (грамматической, стилистической и др.) нормы, нарушенной в корректируемой части конструкции.

Потенциал обыденного метаязыка используется в различных дискурсивных практиках. Как правило, дискурс представляет собой альтернационное пространство, в котором высказывания с внешней и внутренней референцией чередуются, семантически и синтаксически сочетаются, образуя динамично разворачивающийся смысловой комплекс. Отдельные дискурсивные практики, в которых наблюдается широкое

употребление высказываний с метаязыковым статусом, квалифицируются в качестве метацентрических дискурсов. В метацентрических дискурсах (например, энигматический, переводческий, академический дискурсы) метаязыковые конструкции играют ведущую роль в процессе развертывания дискурса.

Глава 3. СЕМАНТИКА ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА

3.1. Общая характеристика предметного поля семантики обыденного метаязыка

Построение и описание трехмерной модели обыденного метаязыка мы начинаем с обращения к его семантическому измерению, образующему ядро семиотической триады.

Важно подчеркнуть, что развитие идей и инструментов познания в русле семиотики интерпретации вносит коррективы в понимание традиционных семиотических сущностей. Так, определение семантики метаязыка вовсе не тождественно определению семантики языка. Семантика рефлексива не может быть сведена просто к сумме значений языковых единиц его составляющих. Предметное поле семантики метаязыка формируется разного рода интерпретантами знаков.

Семантикой обыденного метаязыка мы называем результаты интерпретации и описания языковых знаков или их последовательностей. При этом интерпретации могут быть подвергнуты как означаемые знаков, так и их означающие. Вне зависимости от объекта рефлексии (форма или содержание знака) такого рода рефлексивы мы относим к семантическому измерению метаязыка. Таким образом, предметное поле семантики обыденного метаязыка образуют конструкции, в которых объективированы результаты рефлексии в отношении самых разных сторон и аспектов знака как автономной сущности.

Приведенная характеристика семантического измерения метаязыка близка тем изначальным представлениям о метаязыке, которые во второй половине XX века закрепились в лингвистике благодаря научной

деятельности Р. Якобсона. Обогащая понятие метаязыка собственно лингвистическим содержанием, Р. Якобсон, полемизируя с учеными, стоявшими на позициях формальной логики и моррисовской семиотики, а также теми, кто видел в нем исключительно научный конструкт, впервые прямо указал на то, что «способность говорить на каком-то языке подразумевает также способность говорить об этом языке. Такая «метаязыковая» процедура позволяет пересматривать и заново описывать используемую языком лексику» (Якобсон, 1985 г, с. 363). Тем самым Р. Якобсон перенес центр тяжести определения значения знака в область метаязыковых операций. Поэтому Р. Якобсона принято называть автором «операциональной» концепции значения, суть которой заключается в использовании операций перефразирования с целью экспликации значения знака. Указанная концепция, по мнению Ю.М. Лотмана, наиболее полно определяет понятие значения (Лотман, 2023, с. 53).

Важно отметить, что представления о метаязыке, сформированные в работах Р. Якобсона, ни в коей мере не противоречат достижениям так называемой «когнитивной революции» в семантике. Так, к числу важнейших идей, высказанных Р. Якобсоном, следует отнести его мысль о наличии тесной связи между метаязыковой и когнитивной функциями языка. Ученый утверждал, что «в своей когнитивной функции язык в наименьшей степени зависит от грамматических моделей, потому что определение нашего опыта находится в комплементарном отношении к метаязыковым операциям; когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует перекодирующей интерпретации, то есть перевода» (Якобсон, 1985 г, с. 366). Взаимосвязь и взаимодействие указанных функций открывает двери для когнитивных исследований метаязыка. Таким образом, современные исследования, избирающие своим предметом метаязыковую семантику, в теоретическом плане опираются на концепцию метаязыка, разработанную Р. Якобсоном.

Несмотря на многолетнее существование теоретического фундамента, проблема поиска и определения оснований для семантической типологии рефлексивов остается в числе актуальных задач современной лингвистики. Важно понимать, что установление таксономических характеристик рефлексивов является очень сложной задачей ввиду того, что последние напрямую не соотносимы ни с одной из единиц языка или речи. Они, как правило, не имеют четко выделенных границ внутри текста и образуют его отдельный семантический слой. Если контуры структурных, формальных, функциональных и дискурсивных признаков оказались различимы даже на фоне большого объема эмпирических данных, то многообразие семантики рефлексивов выступило серьезным барьером на пути отбора релевантных признаков, необходимых для построения типологии.

Очевидно, что семантика рефлексивов отличается почти неисчерпаемым разнообразием. Фактически каждый объект рефлексии задает особые семантические параметры, которые находят свое воплощение в метаязыковых комментариях. На наш взгляд, даже те немногочисленные существующие семантические классификации рефлексивов требуют дополнительного осмысления и нуждаются в коррективах. Главный их недостаток заключается в отсутствии универсальности: разработанные классификационные матрицы не вмещают в себя все богатство эмпирического материала.

Попытки преодолеть барьер эмпирического многообразия осуществлялись лингвистами, главным образом, через опору на метапоказатель. При этом изучение семантики метаязыка превращалось в описание функциональных особенностей метаоператоров (см., например, (Розина, 2009; Богданова-Бегларян, 2015; 2021; Перфильева, 2017 б; Лю, 2022, Кравченко, 2023 в; 2023 д; 2024 и; 2025 в; Подлесская, 2024)). Фактически в указанных работах исследуются метаязыковые контексты употребления отдельных слов и выражений без поиска их места в семантической матрице.

Научные работы, в которых рассматриваются вопросы обобщения и систематизации метаязыковой семантики (даже в качестве второстепенного, сопутствующего вопроса), носят спорадический характер. Среди единичных примеров выделим попытку Н.А. Батюковой обобщить семантику корпуса рефлексивов, собранных для решения задач диссертационного исследования. Рефлексивы были классифицированы по наличию общего семантического компонента значения опорного слова. В результате автором было выделено восемь семантических групп рефлексивов: «Выражать словесно», «Передавать голосом», «Производить впечатление, восприниматься», «Иметь смысл / значение», «Давать толкование», «Постичь», «Называть, быть словесным обозначением», «Выражать в определенной форме» (Батюкова, 2009, с. 11-12).

Понимая актуальность задачи, некоторые ученые стремятся к расширению рамок семантических исследований, направленных на обобщение и систематизацию семантики рефлексивов. Так, Н.В. Лукина решала амбициозную задачу определения смысловой структуры метатекста (заметим, что указанный автор предпочитает термин *метатекст* термину *рефлексив*) с последующим построением соответствующей семантической типологии (Лукина, 2011). Однако, по нашему мнению, исследователю не удалось выйти за пределы circulus vitiosus. Семантика рефлексивов определяется в работе исключительно через значения компонентов метаязыковых конструкций. Утверждение автора о том, что «смысловая структура метатекста представляет собой многоуровневую организацию содержания метатекстовых единиц, компонентами которой являются смыслы, формируемые языковым значением составляющих метатекст единиц, ситуацией их употребления, а также их коннотативным и коммуникативно-прагматическим потенциалом» (Ibid., с. 13), можно трактовать так, что семантика рефлексива не имеет собственного измерения и полностью определяется семантикой его компонентов. Тем самым Н.В. Лукина фактически растворяет семантику рефлексива в семантике его составляющих, а вопрос создания семантической типологии сам по себе теряет смысл.

В этом отношении мы придерживаемся принципиально иного мнения. Считаем, что рефлексивы обладают семантикой, не сводимой к сумме значений компонентов. Определение параметров семантики станет отправной точкой для составления семантической типологии рефлексивов.

В ходе многоаспектного анализа эмпирического материала нами было установлено, что все рефлексивы, с точки зрения происхождения, делятся на две семантические категории. К условно первой категории относятся рефлексивы, полученные в ходе метаязыковой рефлексии над «готовой» языковой единицей (последовательностью единиц). Ко второй категории относятся рефлексивы, порождаемые в ходе акта номинации, в процессе обозначения денотата. Применяя в описании данной ситуации известную терминологию семантической теории, можно сказать, что порождение рефлексивов обеспечивается действием двух факторов: семасиологического и ономасиологического. При семасиологическом подходе метаязыковое напряжение возникает в пространстве от слова к его характеристикам. При ономасиологическом подходе метаязыковое напряжение фиксируется между предметно-понятийной областью и её обозначением.

Противопоставление двух названных факторов образует фундаментальное основание для разделения семантики метаязыка на семасиологию метаязыка и ономасиологию метаязыка, а также выступает релевантным признаком при построении семантической типологии рефлексивов. Рефлексивы семасиологического типа мы будем называть рецептивными ввиду того, что они ориентированы на восприятие и осмысление заданной единицы речи. Рефлексивы ономасиологического типа, принимая во внимание их связь с рождением знака непосредственно в акте семиозиса, обозначим как продуктивные.

Перейдем к решению задачи, связанной с описанием дистинктивных признаков (свойств) выявленных типов рефлексивов. Первый и по сути системообразующий дистинктивный признак, по которому отличаются рецептивные рефлексивы от продуктивных, определяется с помощью

дихотомии «статика / динамика». Для иллюстрации данного положения воспользуемся высказыванием Е.С. Кубряковой о том, что «…переход от значения или смысла к формам его выражения соответствует деятельности говорящего, а переход от формы к значению – деятельности слушающего», на основании чего делается вывод о том, «…что ономасиология имеет динамический характер, семасиология же статична, так как исходит из готовой, имеющейся формы» (Кубрякова, 1998, с. 346). Поэтому можно утверждать, что рецептивные рефлексивы онтологически статичны, а продуктивные онтологически динамичны.

Отправной точкой для порождения рецептивного рефлексива является готовый знак (последовательность знаков), который попадает в фокус метаязыковой рефлексии. В приведенных ниже примерах таковыми выступают словосочетания *летальный исход* и *левер понч*: *… само слово* ***«летальный исход»*** *… не испугало, а утешило его. Он понял все очень просто и буквально: «летальный» – от слова «летать». Наверное, так оно и было: когда человек умирает, он улетает* (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743); ***Левер понч*** (подзаголовок рассказа – М.К.). *Был когда-то в профессиональном боксе такой жаргонный термин, обозначавший сокрушительный вдребезги неожиданный удар; в буквальном переводе это удар ломом* (М. Веллер «Марина» // БД № 2026620743).

Продуктивный рефлексив рождается непосредственно в процессе семиозиса. Выбор номинации сопровождается рефлексией, «говорящие творят акт ономасиологии, номинации в каждом акте речи, так как они должны обозначить, наименовать предмет, действие, качество, представленные в данном отрезке ситуации» (Гак, 1998, с. 203). При этом обычно рефлексия протекает в свернутом виде на уровне автоматического проявления языковой способности, и только в особых случаях она выводится в «светлое поле» сознания, что собственно и фиксируется продуктивными рефлексивами. В фокусе метаязыковой рефлексии оказывается процесс выбора номинации для обозначения некоторого фрагмента реальности. Как правило, наличие

продуктивного рефлексива в тексте свидетельствует о трудностях выбора слова, о возникновении «нештатной ситуации» в акте именования. В тексте место метаязыкового напряжения может маркироваться как графическими средствами, обозначающими паузы в речи говорящего, которые свидетельствуют о поиске им подходящего знака: *И несколько последующих лет можно считать счастливыми,* ***но … но пустоватыми*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); *И вы действительно очень похожи внешне на Максима Даниловича, и ребята вас уже* ***… ну, полюбили…*** (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743); так и собственно лингвистическими средствами, передающими идею коммуникативного затруднения: *Какова же была моя радость, когда вслед за моим ответом лицо собеседника –* ***не могу найти другого слова*** *– озарилось улыбкой* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Дидим смотрел на Шашу с полуулыбкой, которую* ***я назвал бы ироничной*** (Ю. Буйда «Дар речи» // БД № 2026620743).

Второй дистинктивный признак проявляется на оси «линейность / нелинейность» протекания семиозиса. Рецептивные рефлексивы характеризуются семиотической нелинейностью в том смысле, что рефлексия воплощается в специальном семиотическом акте, разворачивающимся параллельно основной линии текста. Для наглядной иллюстрации данного положения мы намеренно используем примеры, в которых рефлексив помещен в рамки парентетической конструкции, что подчеркивает автономию метаязыкового комментария относительно основной линии повествования: *И как будто морок рассеялся – обыкновенная молодая женщина, секретарша* ***(новомодного слова «ресепшионистка» Огарев не выносил – тьфу, дрянь, как будто полный рот шерсти набили, честное слово)*** (М. Степнова «Безбожный переулок» // БД № 2026620743); *Так, позвольте… (****Чукин растянул второе о****)* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743).

Продуктивные рефлексивы, наоборот, не выходят за рамки основной линии семиозиса. Рефлексия не формирует семантического ответвления в

ткани текста даже в случаях возможной коррекции (автокоррекции) речи: *Он уже столько уроков пропустил, и сейчас ему надо было прийти в незнакомую группу, которая уже сложилась, почти два месяца занимается и ушла вперед,* ***и учителя – или нет, теперь они называются «преподаватели»*** *– будут недовольны…* (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743); *– Вот как? Какие же могут быть мотивы, чтобы сидеть у кровати раненого, кроме искренней* ***… ну, не знаю – заботы****?* (В. Пелевин «Чапаев и Пустота» // БД № 2026620743).

Наконец, третий дистинктивный признак лежит в области «открытости / закрытости» метаязыкового комментария. Данная область определяется фактом наличия / отсутствия объекта рефлексии в структуре рефлексива. Метаязыковые комментарии открытого типа характерны для рефлексивов семасиологического типа (объектом рефлексии выступают знаковые средства эксплицитно обозначенные в тексте): *Если под ногами попадался плоский кругляш,* ***я «пек блины», пускал камень таким образом, чтобы он прыгал по воде*** (Ю. Поляков «Совдетство 2. Пионерская ночь» // БД № 2026620743); *Оказывается,* ***саркофаг – это название породы камня, который добывали в Троаде и который имеет свойство уничтожать без остатка тело и даже кости мертвеца, поэтому из него строили гробницы*** (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743).

Рефлексивы ономасиологического типа представляют собой метаязыковые контексты закрытого типа. Они реализуются в тексте в условиях невербализованного объекта рефлексии, в качестве которого выступает семиотическая связь знака и денотата (фрагмента внеязыковой действительности), который остается «за кадром»: *Трудно не признать, что глубокоуважаемый дипломат избрал весьма,* ***э-э, убедительную форму защиты своих научных взглядов****…* (М. Веллер «Оружейник Тарасюк» // БД № 2026620743); *– Вадим, тебе не кажется, что вы* ***как-то … перестарались, что ли****?..* (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens» // БД № 2026620743).

Таким образом, нами было установлено, что рефлексивы, относящиеся к области семантики обыденного метаязыка, классифицируются в зависимости от особенностей порождения метаязыкового комментария: семасиологического или ономасиологического. Действие семасиологического фактора лежит в основе создания рецептивных рефлексивов, действие ономасиологического фактора приводит к созданию продуктивных рефлексивов. Дистинктивные признаки обоих типов рефлексивов определяются через понятийные дихотомии «статика / динамика», «нелинейность / линейность», «открытость / закрытость». При этом рецептивные рефлексивы носят статичный, нелинейный и открытый характер, продуктивные рефлексивы – динамичный, линейный и закрытый.

Появление в тексте семантических рефлексивов связано с реализацией информационно-исследовательской функции метаязыка. Последняя, как нами отмечалось выше, нацелена на извлечение информации о языковом коде или его элементах (подробнее о функциях метаязыка см. в праграфе 2.1.3.). В рефлексивах семасиологического типа воплощаются следующие ее функциональные варианты: метафатический (направлен на установление и поддержание контакта между воспринимающим сознанием субъекта и частью языкового кода), пояснительный (направлен на преодоление потенциальной агнонимичности языковых единиц), характеризующий (направлен на характеристику элементов языкового кода) и оценочный (направлен на формулирование оценок элементам языкового кода). В рефлексивах ономасиологического типа манифестируется поисковый вариант информационно-исследовательской функции метаязыка, особенность которого заключается в ориентации на выбор номинации, в полной мере отвечающей сложившейся денотативной ситуации.

Понятие рефлексива используется нами в настоящей работе как родовое понятие, объединяющее в себе все разновидности метаязыковых единиц. Рефлексивы, относящиеся к предметному полю семантики метаязыка, имеют свои особенности и обладают устойчивым набором

признаков. Так, все рефлексивы семасиологического типа отражают результаты разноаспектной интерпретации представленных в тексте знаков. Тем самым подобные рефлексивы по своей природе и функциям оказываются близки тем сущностям, которые в семиотике принято обозначать термином *интерпретанта*. С одной стороны, избегая терминологической омонимии, с другой – демонстрируя функциональное родство указанных сущностей, рефлексивы семасиологического типа мы будем называть *интерпретативами*. Рефлексивы ономасиологического типа ввиду их поисково-исследовательской сущности определяются нами как *инвестигативы* (от лат. investigatio – «поиск»).

Наметив общие контуры предметного поля семантики обыденного метаязыка, а также сформулировав базовый принцип, положенный в основу типологии семантических рефлексивов, мы переходим к последовательному изложению характеристик семасиологии и ономасиологии метаязыка и связанных с ними разновидностей интерпретативов и инвестигативов.

3.2. Семасиология обыденного метаязыка

3.2.1. Дескриптивная / оценочная семантика интерпретативов

Детальную характеристику предметного поля метаязыковой семантики начнем с области семасиологии метаязыка. К ней относятся рецептивные рефлексивы (интерпретативы), обладающие признаками статичности, нелинейности и открытости структуры.

В ходе исследования нами было установлено, что семантика интерпретативов соответствует базовым категориям языковой семантики. Так, в ней отражается «фундаментальное противопоставление оценочных значений дескриптивным. Если последние фиксируют отношение высказывания к действительному миру, то первые характеризуют отношение между действительным миром и его идеализированной моделью…» (Арутюнова, 1999, с. 182). Достижения современной когнитивной лингвистики позволяют утверждать, что описанное разграничение имеет под собой онтологический базис: два типа знания (дескриптивное и оценочное) «соотносятся с двумя типами категоризации – естественной и оценочной…» (Столяр, 2019, с. 41). Поэтому все рецептивные рефлексивы, по нашему мнению, целесообразно разделить на интерпретативы с дескриптивной семантикой и интерпретативы с оценочной семантикой.

Первые фиксируют результаты рефлексии над семиотическими характеристиками единиц языка, такими как их внешняя и (или) внутренняя форма, семантическая структура, этимология, собственно-языковое и когнитивно-прагматическое содержание и др. Типичным примером интерпретатива с дескриптивной семантикой является метаязыковой контекст, в котором раскрывается значение потенциально непонятного слова: *…потом* ***«эспланада» – попросту говоря, бетонная набережная с кофейными, сувенирными, пляжными лавками****…* (Т. Толстая «Нехоженая Греция» // БД № 2026620743); *–* ***Вегетация – это период развития растений*** (А. Иванов «Вегетация» // БД № 2026620743).

Вторые представляют собой оценочные комментарии к языковым единицам. Содержание метаязыкового отрезка лежит не в семиотическом, а в аксиологическом поле. Характерным примером рефлексива с оценочной семантикой может служить метаязыковой контекст, в котором выражаются эстетические характеристики слов: *Вынося утром мусор, заметил человека, рывшегося в* ***контейнере****. Несмотря на* ***красивое название****, помойка остается помойкой…* (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743); *… у*

него сегодня очень важный день в жизни, его праздник, его первый день в ***университете*** *– ах, какое протяжное и* ***прекрасное слово*** (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743).

Описание рецептивных рефлексивов начнем с интерпретативов с дескриптивной семантикой.

3.2.2. Интерпретативы с дескриптивной семантикой: от объекта рефлексии к типологии интерпретативов

Как известно, отправной точкой для появления рефлексива является наличие объекта рефлексии. На первый взгляд ситуация кажется очевидной: объектом метаязыковой рефлексии выступает знак или последовательность знаков. Однако при более детальном рассмотрении вопроса появляются аргументы в пользу уточнения и дифференциации объекта рефлексии. Анализ собранного корпуса интерпретативов с дескриптивной семантикой показал, что в качестве объекта рефлексии, как правило, выступают либо форма знака, либо его содержание. При этом семантика рефлексива во многом определяется особенностями объекта рефлексии. Поэтому считаем обоснованным положить признак объекта рефлексии в основу таксономии интерпретативов. При этом верхний ярус типологии составят интерпретативы, представляющие собой метаязыковые комментарии к форме знака, и интерпретативы, образованные метаязыковыми высказываниями о значении знака.

Интерпретативы, комментирующие признаки формы слова, в свою очередь, подразделяются на интерпретативы внешней формы и интерпретативы внутренней формы, образуя следующий ярус типологии. Интерпретативы внешней формы представляют собой метаязыковые

высказывания, характеризующие материальную оболочку знака в её фонетическом или графическом исполнении: *Девушка, удивительно похожая на* ***Арину. Только в имени ее было на одну букву больше. Марина*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Некоторое время он колебался, какой юнит выбрать –* ***Нюську*** *или* ***Нютку –*** *и остановился на втором варианте* ***из-за отсутствия свистящего звука в имени*** (В. Пелевин «Transhumanism Inc.» // БД № 2026620743).

Выделение в отдельную группу интерпретативов внутренней формы обусловлено спецификой объекта рефлексии. Внутренняя форма знака сочетает в себе признаки означающего и означаемого, занимая промежуточное положение между знаконосителем и его содержанием. Фактически внутренняя форма слова представляет собой морфосемантическую структуру языковой единицы. Она эксплицирует связь звучания и значения слова. Именно через внутреннюю форму реализуется свойство мотивированности языкового знака. Внутренняя форма знака выступает как одна из узловых точек метаязыковой рефлексии носителей языка. Научная метаязыковая рефлексия создает базу для этимологических исследований в лингвистике. Рядовые носители языка также проявляют интерес к осмыслению внутренней формы слова, который, в частности, находит выражение в феномене наивной этимологии. Изучению особенностей обыденной метаязыковой рефлексии, объектом которой является внутренняя форма слова, посвящен ряд специальных исследований (Резанова, 2008; Соснина, 2009).

Интерпретативы внутренней формы отражают результаты метаязыковой рефлексии над внутренней формой знака. В такого рода рефлексивах актуализируется («проговаривается») морфосемантическая структура знака: *Вот именно –* ***малознакомый. Знакомый, но мало*** (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743); *Порой ошибочно считают, что есть бесспорные истины.* ***Бесспорные*** *они по той простой причине, что* ***о них не спорили*** (Е. Водолазкин «Информация и деформация» // БД №

2026620743). Нередко рефлексия над внутренней формой слова приводит к установлению этимологии знака: *Он опустил голову и принялся разглядывать отдельные растения: белый* ***донник – донной в Древней Руси называли подагру, настоями этих цветов её и лечили…*** (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743); *… слово* ***врач происходит от слова врати – заговаривать.*** *Такое родство подразумевает, что в процессе лечения существенную роль играло слово* (Е. Водолазкин «Лавр» // БД № 2026620743).

Однако гораздо чаще результатом метаязыковой рефлексии становятся случаи «ложной этимологии» (на наш взгляд, это связано в большей степени не с недостатком образованности рядовых носителей языка, а с экспрессивностью такого рода конструкций и их востребованностью для решения конкретных коммуникативных задач): *На набережной было людно, курортники вышли на вечерний* ***променад, это от слова «промяться»*** (Ю. Поляков «Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743); *В лето двадцатое Парфения и Ксении начались* ***демонстрации,*** *нечто, прежде невиданное. Поскольку в названии события островитянам* ***ясно слышалось демон****, собрать сколько-нибудь значительное количество участников первоначально не удалось* (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743).

Метаязыковая рефлексия над внутренней формой знаков позволяет увидеть в них результат произвольной или непроизвольной контаминации слов: *– Люди должны* ***трепещать****. – Николай Иванович поднял правую руку и сжал кулак. –* ***Трепетать и пищать*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Каким образом в моей голове* ***«делегат» и «аллигатор» слились в «делегатора»****, не понятно* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743).

Интерпретация внутренней формы знака может давать импульс порождению морфосемантических ассоциаций: *Название этого французского городка –* ***Châteauroux – звучит как русский электронный***

адрес (Е. Водолазкин «Шато.ру» // БД № 2026620743); *Попутчик слушал музыку так громко, что можно было узнать песню –* ***«Besa me mucho».*** *Она показалась Степе малоросской* ***жалобой на мучающих душу чертей****…* (В. Пелевин «Числа» // БД № 2026620743).

От интерпретативов, описывающих формальные стороны знака, перейдем к рассмотрению интерпретативов, образованных в результате рефлексии над означаемыми слов. Данная группа рефлексивов также не является однородной ввиду того, что метаязыковая рефлексия может быть направлена на осмысление разных пластов семантической информации. Метаязыковой поиск может осуществляться как в пределах тех сущностей, которые принято называть языковыми (лексическими или грамматическими) значениями, так и выходить за их пределы, погружаясь во внеязыковое семантическое пространство. Тем самым рефлексивы способны комментировать то, что в лингвистической литературе вслед за А.А. Потебней называют «ближним» и «дальним» или «языковым» и «энциклопедическим» значениями слова. Поэтому предлагаем называть их «интерпретативами ближнего значения» и «интерпретативами дальнего значения» соответственно.

Интерпретативы ближнего значения выполняют функцию пояснения лексического значения употребляемого слова. Следует отметить, что акцент при этом зачастую делается не на значении знака, которое он имеет в системе языка, а на его значении в текущем контексте. В отдельных случаях они могут не совпадать. Поэтому целесообразно говорить о том, что интерпретативы могут транслировать как объективные системные значения знаков, так и их субъективные контекстуальные варианты (Кравченко, 2026 ж). Первые мы будем называть интерпретативами объективного значения, вторые – интерпретативами субъективного значения.

Интерпретативы объективного значения представляют собой комментарии метаязыкового характера, которые используются в дискурсе с целью пояснения лексического значения слов, обладающих потенциально высокой агнонимичностью. В качестве знаков-агнонимов для реципиента

могут выступать лексические единицы ограниченного употребления. В частности, к ним относится лексика многочисленных профессиональных жаргонов, восприятие которой, несмотря на тенденцию к широкому распространению научных дисциплинарных знаний, может вызывать трудности у рядового носителя языка. Поэтому употребление соответствующих терминов за пределами специального институционального дискурса нередко требует их семантизации. Так, в приведенных ниже примерах объем интерпретативов ближнего значения заполнен дефинициями значений терминов, относящихся к предметным областям психологии, архитектуры и религии (православного культа): *Это была* ***синестезия – явление, при котором ощущение в одной области чувств рождало ощущение в другой области*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); ***«Фонарь» – это верхняя часть храма, служившая прежде маяком*** (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743); *Еще нужно испечь* ***артосы – особые большие пасхальные хлебы****…* (Митрополит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые» // БД № 2026620743).

Наряду с профессионализмами потенциально нуждаются в семантизации элементы разного рода социальных жаргонов, которые настойчиво проникают в дискурс повседневного общения. Именно этим объясняются многочисленные факты метаязыковой рефлексии над значениями слов, происхождение которых связано с определенной социальной средой: ***Перо – это очень тонкий бандитский нож*** (Ю. Поляков «Совдетство 2. Пионерская ночь» // БД № 2026620743); *Один-два таких промаха, и пожалуйте* ***бриться, то есть заново точить гарпун*** (Ю. Поляков «Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743).

Объектом метаязыковой рефлексии становятся значения слов, составляющих пласт устаревшей лексики. Ввиду их вытеснения из состава общеупотребительной лексики они теряют свойство семантической транспорентности для многих рядовых носителей языка, что объясняет вхождение историзмов и архаизмов в состав интерпретативов: ***Алтын***

(алтынник) – старинная денежная единица, равная 6 деньгам (Е. Водолазкин «Люди на своем месте» // БД № 2026620743); *Начался* ***антонов огонь – по-нашему, заражение крови*** (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743).

Еще одной группой слов, значение которых способно вызвать метаязыковое напряжение в дискурсе, являются знаки, обозначающие уникальные национально-культурные сущности. Даже «ближнее» значение этих знаков, как правило, скрыто от представителей иных культурных сообществ, что обусловливает необходимость их интерпретации: *– Зимой в отпуск приедет … – хмуро ответила вдова, проходя мимо с блюдом* ***долмы, это такие маленькие голубцы, завернутые не в капустные, а в виноградные листья*** (Ю. Поляков «Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743); *Еще самолично поднес ему* ***хадаг – желтый шелковый платок****…* (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743).

Интерпретативы объективного значения не сводятся исключительно к примерам семантизации слов-агнонимов. Пояснительная функция естественного метаязыка может быть востребована при актуализации варианта значения многозначного слова. Как показывает эмпирический материал, далеко не во всех контекстах в достаточной мере для прозрачности коммуникации преодолевается эффект многозначности знака. В отдельных случаях говорящий усматривает необходимость в привлечении дополнительных средств к актуализации значения, что является стимулом для метаязыковой рефлексии и появления в ткани текста соответствующего интерпретатива: *Особенно если вспомнить, как, доходчиво и убедительно излагая причины развода, она восклицала: «Я говорила тебе –* ***защищайся!»*** ***(Произносилось сие не в дуэльном, конечно, смысле: в диссертационном****.)* (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743); *Затем обстоятельства* ***приводят*** *субъекта симуляции* ***на край бездны*** *… –* ***В фигуральном смысле****? – Нет,* ***в самом прямом*** (В. Пелевин «Transhumanism Inc.» // БД № 2026620743).

Перейдем к характеристике интерпретативов субъективного значения. Последние призваны сигнализировать о семантических особенностях употребления знака в определенном контексте. Так, интерпретативы могут указывать на факты, когда знак несет в себе смысл, далекий от того значения, которое закреплено за ним в системе языка. Правильное декодирование смыслов в такого рода ситуациях требует повышенной метаязыковой рефлексии: *– У нас ничего не теряется… Приобретая билет, вы принимаете условия перевозчика. Поэтому, пожалуйста… – Это* ***«пожалуйста» прозвучало как «ну-ка немедленно сдала в багаж»*** (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743); *Как быстро мой любимый согласился* ***жить за счет СССР – в данном случае это означало за счет моей матери****, зависеть от которой мне хотелось меньше всего* (А. Браво «Комендантский час для ласточек» // НКРЯ, ОПК).

В отдельных интерпретативах фиксируется индивидуальное (личностное) восприятие субъектом коммуникации значения того или иного знака. Говорящий наполняет слово субъективным смыслом, видит в нем то, что никак не представлено в его словарной дефиниции: *«Спасибо, – ответил без восклицательного знака, – постараюсь». –* ***Постараюсь****… – Она ненавидела это слово,* ***за ним ей всегда слышалось нежелание*** (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743); *И звал я ее почему-то* ***Инной… В этом имени была некая проникновенная таинственность*** (Ю. Поляков «Козленок в молоке» // БД № 2026620743).

Дальнейшее усиление индивидуального начала в восприятии и осмыслении семантики знака приводит к порождению специфических смысловых ассоциаций. При этом слово превращается в своеобразный стимул, программирующий психосемантические реакции. Их содержание отражается в пространстве интерпретатива: *Я подумал и согласился на политехнический институт и* ***«твердую профессию»****. Это словосочетание и по сей день* ***напоминает мне нечто прямоугольное и тяжелое, похожее одновременно на силикатный кирпич и железобетонную опору***

(М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743); *Например, при слове* ***агрессия Исидор представлял себе танки, при слове религия – облака*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743).

Перейдем к описанию интерпретативов дальнего значения. В них отражается семантическая информация, относящаяся к периферии лексического значения, или информация, вовсе лежащая за пределами плана содержания знака, актуализация которой в фокусе рефлексии становится возможна благодаря встроенности языковой единицы в когнитивно-дискурсивное поле текста. Зачастую в интерпретативах дальнего значения находит отражение информация энциклопедического характера, связанная с денотатом знака: ***Лес – это дрова,*** *– откровенничал захмелевший на старые дрожжи Мурыгин* (А. Иванов «Псоглавцы» // НКРЯ, ОПК); *У всех почему-то сложилось убеждение: если* ***свобода – значит, конец войне****, и с этим прочно укоренившимся убеждением трудно стало бороться офицерам, утверждавшим, что воевать Россия обязана до конца* (М. Шолохов «Тихий Дон» // НКРЯ, ОПК).

К интерпретативам дальнего значения мы также относим сентенции, в которых даются глубокие, подчас нетривиальные, определения достаточно известным понятиям: ***Море – это пот земли и такое же связующее звено между воздухом и землею, как кровь между телом и духом у живых существ*** (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743); **–** ***Экспертиза есть нейролингвистическое программирование на службе анонимной диктатуры*** (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743).

Таким образом, релевантным признаком для классификации интерпретативов с дескриптивной семантикой выступает специфика объекта метаязыковой рефлексии. Как правило, в фокусе внимания метаязыкового сознания оказывается не знак в целом, а одна из его сторон. В этой связи рефлексивы с дескриптивной семантикой делятся на интерпретативы, комментирующие особенности формы знака, и интерпретативы, описывающие значение знака. Интерпретативы формы знака, в свою очередь,

подразделяются на интерпретативы внешней и внутренней формы. В интерпретативах значения знака выделяются интерпретативы «ближнего» и «дальнего» значения.

3.2.3. Интерпретативы с оценочной семантикой: от объекта рефлексии к типологии интерпретативов

Рассмотрение предметного поля семасиологии обыденного метаязыка продолжим анализом интерпретативов с оценочной семантикой. Изучение названного материала требует привлечения данных лингвистической аксиологии. Исследование семантики оценки в отечественной и зарубежной лингвистике имеет глубокие традиции. С полным основанием можно говорить о том, что лингвистическая (филологическая) аксиология сформировалась как отдельное направление науки о языке. Её главная особенность заключается в том, что феномен оценки не специфичен для лингвистики (Мечковская, 2019, с. 42), и его рассмотрение затруднительно без привлечения данных других наук, в первую очередь – психологии. Именно этим фактом объясняется междисциплинарный характер лингвистической аксиологии.

Теоретические основы лингвистической аксиологии заложены в исследованиях прошлого столетия (Вольф, 1985; Арутюнова, 1999; Thompson, Hunston, 2000 и др.). Несмотря на значительный «исследовательский возраст» данной научной проблематики, в настоящее время лингвистическая аксиология является одной из самых динамично развивающихся областей филологического знания, о чем свидетельствуют публикации фундаментальных монографических исследований (Обыденная коммуникация: дискурсы, аксиология, жанры, 2021; Общая и русская

лингвоаксиология, 2022; Карасик, 2025) и выполнение значимых диссертационных исследований (Чернышева, 2019).

Лингвоаксиология развивается в тесном взаимодействии с когнитивной лингвистикой (Милованова, 2024). Современные работы по оценочной семантике посвящены исследованию разноуровневых единиц языка: от слова до текста (дискурса). Поэтому в рамках лингвистической аксиологии наметилось выделение лексической аксиологии, грамматической аксиологии и аксиологии текста (дискурса). Одним из самых актуальных предметов изучения лексической аксиологии является динамика изменений оценочной семантики слов и фразеологизмов (Чернышева, 2019; Гамзатова, 2021; Булыгина, Трипольская, 2022). Грамматическая аксиология изучает проявления оценочной семантики в морфологических и синтаксических структурах (Дымарский, 2022; Кобозева, 2022). В русле аксиологии текста (дискурса) исследуются оценочные параметры классического текста, рекламного дискурса, религиозного дискурса, дискурса блогосферы (Боженкова и др., 2022), новостного дискурса (Martin, White, 2005; Bednarek, 2006), бытового дискурса межличностной коммуникации (Englebretson, 2007; Боженкова и др., 2022). Отдельную категорию образуют корпусные исследования оценочной семантики (Hunston, 2008; Hunston, 2011; Добровольский, Зализняк, 2022), традиции которых сформировались в зарубежной лингвистике (подробнее о предмете и методах исследования оценочной семантики в зарубежной лингвистике см. Саитова, 2020).

В последние несколько десятилетий в русле лингвистической аксиологии наметился определенный интерес к проблематике метаязыковых оценок. Особенность последних заключается в том, что объектом оценки выступает слово с точки зрения его семиотических свойств. Эту область лингвистической аксиологии вслед за Л.О. Чернейко принято называть «метаоценкой» (Чернейко, 1990). По свидетельству Н.А. Купиной и Т.В. Ицкович, металингвистический подход доказывает свою эффективность в работах по семантике оценки (Купина, Ицкович, 2019, с. 1205). Метаоценка

активно изучалась на материале интернет-комментариев, которые рассматриваются в качестве вторичных текстов (Пасечная, Щербина, 2020; Богачанова, 2021), на материале данных наивной ортологии (Геккина, 2016 а), на материале антропонимов (Бондаренко, 2016; Бойкова, 2017), а также в рамках изучения функционирования отдельных метаоператоров (Вепрева, 2015).

Следует отметить, что с формальной точки зрения интерпретативы с семантикой оценки не отличаются единообразием. В зависимости от ряда формальных критериев они делятся на отдельные группы. Так, важным признаком для формальной дифференциации оценочных интерпретативов выступает характер структуры языковой единицы, которая непосредственно попадает в поле деятельности метаязыкового сознания и подвергается процедуре оценивания. Процедура оценивания может затрагивать как отдельные знаки, так и синтаксические конструкции. Поэтому метаязыковой комментарий, содержащий оценку, может относиться как к отдельному знаку, так и к последовательности знаков.

В первом случае оценку, как правило, получают полнозначные слова: *Хочу еще водки! – произнес Павлушин голос и – **хорошее** какое слово – **безапелляционно*** (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743); *Однажды Тимофеич явился с завода не в духе … и раскритиковал новую блузку с большим вырезом, сказав одно **короткое слово: – Срам!*** (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743).

Во втором случае рефлексив представляет собой результат метаязыковой оценки словосочетания*: Писавшие о Генрихе Шлимане порой отмечали его **«патологическую лживость»**. Под этим **беспощадным словосочетанием** понимались определенные расхождения между тем, что Шлиман рассказывал о себе, и «объективной реальностью»* (Е. Водолазкин «Правда о Шлимане» // БД № 2026620743); *Вонь горелого мяса напомнила ему о чем-то таинственном и давно забытом (даже пришло в голову **странное словосочетание – «гиена огненная»***) (В. Пелевин «Числа» // БД

№ 2026620743) или целого высказывания: ***Как-то раз с группой немецких богословов я приехал в Женеву*** *(для начала путевых заметок* ***фраза****, по-моему,* ***подходящая)*** (Е. Водолазкин «Пристрастие к Броделю» // БД № 2026620743); ***… – В будущее, о котором вы говорите, надо еще суметь попасть. Быть может, вы попадете в такое будущее, где никакого Фурманова не будет. А может быть, вы попадете в такое будущее, где не будет вас.*** *…Я промолчал, не зная, что ответить на его* ***странные слова*** (В. Пелевин «Чапаев и Пустота» // БД № 2026620743).

Еще одним формальным признаком интерпретативов, создающим основание для их таксономии, является объем оценочного комментария. На этом основании мы выделяем простые и сложные оценочные интерпретативы. Оценка в простых интерпретативах, как правило, ограничивается одним словом: *Теперь не так, все тяп-ляп или* ***сайдингом*** *причешут. Мальцов улыбнулся* ***новомодному*** *слову…* (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743); *Не хочется говорить это* ***скверное*** *слово, но его нужно произнести, как диагноз болезни, которую надо лечить. Это слово* ***«эгоизм»*** (**«**Большая родня» **/** «Сельская новь» // НКРЯ, ГПК).

Оценка в сложных интерпретативах реализуется в форме пространных метаязыковых комментариев: *В мое время это называли пульверизатором, а сейчас – спреем.* ***Спрей****, конечно, короче. В английском много таких словечек –* ***маленьких, звонких, как шарик для пинг-понга, – удобных, в общем, и экономных*** (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743); *–* ***Привет****, – сказал Сергеев, и это слово показалось ему* ***неуместным, глупым, лживым каким-то****…* (Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743).

Принцип таксономии от объекта рефлексии, использованный нами при классификации интерпретативов с дескриптивной семантикой, может быть также распространен на интерпретативы с оценочной семантикой. Действительно, оценку знак зачастую получает в соответствии с характеристиками, которыми наделена одна из его сторон – означающее или означаемое.

Анализ корпуса собранных примеров свидетельствует о том, что особенно «привлекательным» объектом для метаязыковых оценок является внешняя форма знаков. Носители языка подвергают оценке её количественные характеристики (протяженность, объем), акустические особенности, наделяют её эстетическими свойствами и др.: *Взять, к примеру, заголовок: «Приказ главнокомандующего».* ***«Главнокомандующий»*** *– такое* ***длинное*** *слово, шестнадцать букв* (С. Довлатов «Наши» // НКРЯ, ОПК); *... в начале девятнадцатого года, специально для Жуковского открыли институтик с* ***лязгающей*** *аббревиатурой* ***ЦАГИ****…* (М. Степнова «Женщины Лазаря» // БД № 2026620743); *Когда девочке двадцать с небольшим, она хороша* ***априори*** ***(красивое слово****, от Галы подцепил)* (Ю. Бунина «Женщина слева от него» // НКРЯ, ОПК).

Значительно более редки случаи метаязыковых оценок внутренней формы слов, морфосемантической структуры знака: *Это было в последний год жизни великого писателя, но нужно сказать, что и Андреев в это время был на вершине своей славы, а вершина славы – это такое положение, которое весьма часто приводит к потере под ногами почвы, к маниакальности, к* ***«чертмненебратству»****, если допустить такое* ***сложное*** *слово* (С. Сергеев-Ценский «Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким» // НКРЯ, ОПК); *Мейтнер предложила несколько* ***громоздкое название «протоактиний»****, которое потом редуцировалось до привычного протактиния* (А. Курамшин «Элементы. Замечательный сон профессора Менделеева» // НКРЯ, ОПК).

В отличие от классификации интерпретативов с дескриптивной семантикой, в которой «ближнее» и «дальнее» значения слова обладали способностью выступать в качестве отдельных объектов рефлексии, интерпретативы с оценочной семантикой не фиксируют такого рода дифференциации. Для них означаемое знака, если и не является целостным объектом рефлексии, то по крайней мере не содержит признаков отдельного осмысления собственно языкового и экстралингвистического знания, к

которому потенциально отсылает форма знака. Метаоценка относится ко всему пространству означаемого знака: *Например, почему люди занимаются наукой или культурой, если это не приносит им больших денег. На Руси есть* ***хорошее*** *слово:* ***призвание.*** *Это когда человек решает, что ему надо заниматься только любимым делом, несмотря на то, сколько ему за это платят* (В. Воскресенский «Помутнение разума когда-нибудь да рванет» // НКРЯ, ОПК); ***Самоубийство… Отвратительное*** *слово! От него веет чем-то отжившим, чужим, враждебным* (Н. Шпанов «Ученик чародея» // НКРЯ, ОПК).

Но еще в большей степени сужает границы применения таксономического принципа «от объекта рефлексии к типологии рефлексивов» тот факт, что метаоценки могут вообще не соотноситься с «узким» объектом рефлексии. Они, с одной стороны, могут представлять собой результат рефлексии над знаком в целом без разделения на его формальную или содержательную составляющую: *Обстановка кладбища не позволяла ему употребить* ***обычное*** *слово* ***«любовник»*** (А. Маринина «Стечение обстоятельств» // НКРЯ, ОПК); *Хлебников, которому этот эксперимент тоже был не чужд, сумел оставить* ***прекрасное*** *слово –* ***«лётчик»*** (Г. Елин «Товарищеский суд (Уроки Бориса Слуцкого)» // НКРЯ, ОПК).

С другой стороны, они могут одновременно апеллировать как к признакам означающего, так и признакам означаемого знаков: *Вот начальные медицинские заключения и характеристика ее состояния, везде* ***ужасное*** *слово* ***«канцер»*** *– латинское название онкологического заболевания* (В. Барашенков «Экстрасенсорика по гамбургскому счету» // НКРЯ, ОПК); *Эх, эх, друг! до чего* ***приятное*** *слово –* ***«друг»****. Как хорошо его кричать* (Р. Грачев «Адамчик» // НКРЯ, ОПК). В первом примере определение *ужасное* может каузироваться как формальной стороной знака – чуждостью иноязычной оболочки слова, так и его значением – обозначением тяжелой, практически неизлечимой болезни. Во втором примере метаоценка, выраженная

прилагательным *приятное*, сочетается с позитивной семантикой слова *друг*, вместе с тем неоднократное повторение последнего в рамках короткого отрезка текста воспринимается как аллюзия на благозвучность знака.

Тем самым мы вынуждены констатировать наличие большого количества непрозрачных контекстов, не позволяющих напрямую связать метаоценку с узкоспецифичным объектом рефлексии. Поэтому построенная на формальных принципах классификация метаоценок «от объекта рефлексии к типологии интерпретативов» содержит целый ряд таксономических лакун, существенного уменьшающих ее объяснительную силу. Принимая во внимание данный вывод, обратимся к поиску дополнительных оснований для классификации интерпретативов с семантикой оценки. Параметры указанного поиска сместим в сторону содержания метаоценок.

3.2.4. Интерпретативы с общеоценочной и частнооценочной семантикой

В основе содержательной дифференциации интерпретативов с семантикой оценки лежат семантические признаки самого оценочного комментария. На данном основании оценочные рефлексивы разделяются на два обширных семантических класса. К условно первому классу относятся интерпретативы, выражающие общеоценочные значения. Условно второй класс образуют интерпретативы с частнооценочными значениями.

Для общеоценочных интерпретативов прототипическими выступают значения, выражаемые прилагательными *хороший / плохой*. Прилагательное *хороший* и его семантические эквиваленты употребляются в рефлексивах с позитивной общеоценочной семантикой: ***Слово хорошее – трепанги***

(Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743); *– М-да, – вздохнул Андрей Львович. –* ***Влюбляются физические лица, а разводятся юридические****… –* ***Неплохо сказано*** (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743). Общеоценочная позитивная семантика интерпретативов может также передаваться с помощью контекстуальных синонимов слова *хороший*: ***Анфиса*** *была хороша! (****Имя****, кстати, тоже* ***отличное****…)* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743); *– Да, – охотно согласился я, – стараюсь, пока не могу, но* ***терпенье и труд все перетрут… – Золотые слова!*** (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743).

Негативная общеоценочная семантика интерпретативов формируется употреблением в метаязыковом комментарии прилагательного *плохой* или его семантическими эквивалентами: *И как сейчас, война между теми и другими называлась* ***политикой. Плохое слово****!* (С. Залыгин «Уроки правнука Вовки» // НКРЯ, ОПК); *– А почему* ***Жидовский двор*** *так называется? – Что-о?! – вскинулась Лида. – Сынок, это* ***нехорошее слово****, его употребляют некультурные люди!* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743). Негативная семантика рефлексива опирается также на контекстуальные эквиваленты прилагательного *плохой*: *Есть еще слово* ***«скоммуниздил»****, но оно* ***неприличное*** (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *– А вам можно, что ли, говорить* ***нечеловеческие слова****? –* ***Какие нечеловеческие****? – Эти* ***Богэс, Вов****…* (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743).

Частнооценочные интерпретативы в содержательном плане гораздо менее однородны. Они дифференцируются на основании выражаемых ими частных оценочных значений. Корпус собранных языковых примеров свидетельствует о многообразии потенциальных оценок, которыми носители языка могут наделять отдельные языковые явления и факты. В ходе анализа эмпирического материала нами был установлен базовый перечень частнооценочных категорий, определяющих содержание метаязыковых комментариев. Частнооценочные интерпретативы могут быть разделены на

три семантические группы: 1) сенсорно-оценочную; 2) психолого-оценочную и 3) прагма-оценочную. Ниже мы определим особенности семантики каждой из выделенных групп.

Сенсорно-оценочные интерпретативы отражают оценки языковых единиц, полученные под влиянием особенностей их восприятия органами чувств. Сенсорная оценка, как правило, передается прилагательными, употребляемыми в тексте в прямом или переносном значении. Виды сенсорных оценок связаны с чувственными анализаторами, с помощью которых происходит восприятие знаков. Необходимо отметить, что слово носителями языка воспринимается, прежде всего, как своеобразный акустический комплекс. Об этом свидетельствует обилие в конкордансе сенсорно-оценочных рефлексивов, отсылающих к действию слухового анализатора: *Потом комнату заполняет кипящий мотив нашей Родины – страны с* ***ритмичным именем СССР****…* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *Допустим, название привлекает –* ***Гиссарлык, очень даже музыкально…*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743).

Отдельную группу сенсорно-оценочных рефлексивов образуют метаязыковые комментарии, содержащие оценки, сформированные под воздействием тактильного анализатора: *И тогда впервые прозвучало* ***холодное слово оружие*** (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743); *Заскрипит это перо несмазанной осью, заелозит по бумаге, споткнется почуявшем волка конем и предпочтет казенщине* ***теплое слово отец*** (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743).

Помимо слухового и тактильного анализаторов, сенсорная оценка языковых единиц может опираться на другие анализаторы. В частности, интерпретативы способны передавать визуальную оценку: *Вдохновленный вниманием соратников, Председатель подарил им и более* ***яркое высказывание****, вызвавшее новый взрыв одобрения:* ***история должна отражать не только прошлое*** (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743); *… уже здесь начинаются сложности… – почему он,*

Двигубский, позволит себе просто повторить ***блеклое слово автор****…* (А. Макушинский «Город в долине» // НКРЯ, ОПК).

Частнооценочные рефлексивы могут также строиться на данных вкусового и ольфакторного анализаторов: *Если любовь, значит прощай свобода? Свобода… Это* ***сладкое слово – свобода!*** (П. Бессонов «Славик с Гавани» // НКРЯ, ОПК); ***Вкусное слово «факс». Вкусное слово «Тчк»*** (Л. Левинзон «Дождь» // НКРЯ, ОПК); *… она трагически приближалась к тому возрасту, когда* ***душистое слово «девушка»*** *заменяется убийственным ярлыком «старая дева»…* (Л. Соболев «Капитальный ремонт» // НКРЯ, ОПК); *Деревянный мосточек, с которого мы умывались, называется* ***лавинка*** *– нежное,* ***ароматное слово*** (В. Санин «Мы – псковские!» // НКРЯ, ОПК).

Следующей обширной семантической группой частнооценочных интерпретативов являются психолого-оценочные интерпретативы. Их оценочные значения опираются на результаты действия механизмов психического восприятия и осмысления действительности языковой личностью. Указанные механизмы, как известно, затрагивают интеллектуальную и эмоциональную сферы личности. По всей видимости, этим фактом объясняется наличие таких семантических разновидностей интерпретативов, как интерпретативы интеллектуальной оценки и интерпретативы эмоциональной оценки.

В интепретативых интеллектуальной оценки фиксируется информация о размерах интеллектуальных усилий, необходимых для осмысления языковой единицы. Значения данной группы интерпретативов варьируются в рамках семантической шкалы «простой / сложный»: *Это очень* ***простое слово: свобода*** (В. Ершов «Дневник» // НКРЯ, ОПК); *Недавно наша научная общественность зачитывалась статьей в издании с* ***непритязательным названием «Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов»*** (Е. Водолазкин «Ошибка рецензента» // БД № 2026620743); *Ну, пожалей ты мое больное сердце! – и он дрожащими руками из маленькой пробирочки*

стал вытряхивать на бугристую ладонь крохотные белые таблетки ***нитроглицерина****. Я запомнил это* ***трудное название****…* (Ю. Поляков «Совдетство»); *Он знал Петербург как мало кто другой и относился к нему с той особой заботливой любовью, которую народная речь облекает в* ***емкое слово «жалеть»*** (Е. Водолазкин «Эпоха Лихачева» // БД № 2026620743).

Интерпретативы эмоциональной оценки передают информацию об эмоциях, испытываемых носителями языка при восприятии той или иной языковой единицы. При этом слово, выступающее объектом рефлексии, может быть связано как с положительными, так и с отрицательными эмоциями: *А потом почти забылось* ***радостное слово «бабушка» …*** (протоиерей Георгий Чистяков «Старушки моего детства» // НКРЯ, ОПК); *…Серафима Николаевна на кухне в маленьком серебряном кувшинчике с деревянной ручкой (у него* ***смешное название «турка»****) варит себе кофе по-турецки* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *– Все так. Только ни о старости, ни о болезни не говорят, что они* ***неизлечимы. Слово совершенно безнадежное!*** (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); ***…оптимизация – страшное слово*** *для рабочих…* (Р. Сенчин «Немужик» // БД № 2026620743).

К семантической группе психолого-оценочных интерпретативов следует также отнести многочисленные метаязыковые комментарии, передающие эстетические и этические оценки. Данные разновидности оценок характеризуют вкусы субъекта оценки и во многом определяются психологическими особенностями его личности.

Рефлексивы эстетической оценки воспринимают и интерпретируют слово в категориях «прекрасного / безобразного»: *… срабатывает то, что Башашкин называет* ***красивым словом «интуиция»*** (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *Если лодка шла вверх по течению, он представлял себе её конечную цель – никогда не виденную, но любимую им* ***Россию****. Эту землю с* ***прекрасным*** *женственным* ***именем****…* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); *…Кусок торопливо (он улетал на гастроли в*

Венгрию) рассказывал, как задыхается в этой стране с ***уродливым названием СССР*** (Ю. Поляков «Любовь в эпоху перемен» // БД № 2026620743).

Отдельный интерес представляет собой вопрос о критериях красоты знака (Кравченко, 2024 н). В большинстве случаев красивым признается слово, звуковая форма которого в восприятии носителя языка не является привычной, банальной. Необычность или вовсе уникальность формы слова создает предпосылки для положительной эстетической оценки знака. Поэтому в качестве «красивых слов» метаязыковым сознанием зачастую позиционируются лексемы иноязычного происхождения, фонетическая и лексическая чужеродность которых ощущается носителями языка: *Почему именно* ***красивое слово «менестрель»*** *значится на обложке журнала?* (В. Вайнерман «”Менестрель” шагает по планете» // НКРЯ, ОПК); *Мне очень понравилось это звучное и красивое слово – «геморроидальный»* (В. Вересаев «Воспоминания» // НКРЯ, ОПК); *Какие* ***красивые слова – «планиметрия», «стереометрия» ...*** (Г. Возу-Грук «Страна геометрия» // НКРЯ, ОПК).

Вместе с тем было бы ошибкой видеть в описанных критериях красоты формы слова факт пренебрежения к родному языку или доказательство преклонения перед иноязычной культурой. Как показывает собранный материал, метаязыковое сознание в подавляющем большинстве случаев не воспринимает «красивые слова» как элементы иностранного языка. В трактовке категории «прекрасного» главным является не концептуальная оппозиция «свой / чужой», а противопоставление особенного и уникального обыденному и рядовому. Поэтому положительная оценка знака не распространяется исключительно на заимствованные слова, чьи акустические образы остаются в сознании носителей языка не в полной мере русифицированными и привычными.

Отношение формы знака к категории прекрасного может определяться индивидуальным восприятием и личным вкусом субъекта оценки. В таких случаях положительная метаоценка становится результатом действия психологического механизма фоносемантической аттракции. Аттрактивность

отдельных знаков трансформируется в их положительные эстетические характеристики. Аттрактивность формы знака формируется под влиянием личностного опыта говорящего, сопровождается комплексом смысловых связей и ассоциаций, которые могут как не получать специального выражения в оценочном метаязыковом комментарии, так и разворачиваться в интерпретатив, эксплицитно мотивирующий метаоценку: *А сейчас небрежно произносят такие слова, как «земля», «человек». Слышите, какое* ***красивое слово: «че-ло-век»!*** (П. Сиркес «Труба исхода» // НКРЯ, ОПК); ***Сумерки. Замечательно красивое слово су-мерки.*** *Си-рень.* (Л. Гурченко «Аплодисменты» // БД № 2026620743); *Меня завораживало само слово –* ***авиатор.*** *Его звучание соединяло в себе красоту полета и рев мотора, свободу и мощь. Это было* ***прекрасное слово*** (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743).

Рефлексивы этической оценки отражают восприятие языковых знаков с точки зрения морально-нравственных категорий: ***Ход ноги****. Это словосочетание он повторял, идя по ночной Зверинской. Оно казалось ему* ***пошлым, каким-то даже вульгарным****…* (Е. Водолазкин «Русские спешат на помощь «Титанику» // БД № 2026620743); *Итак, в Таю влюблен еще один вожатый. Назовем его Станиславом…* ***Стасик… Подловатое такое имя*** (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743).

Третью группу частнооценочных интерпретативов составляют интерпретативы с прагма-оценочной семантикой. Данный вид оценок опирается на осмысление практической деятельности носителей языка. Прагма-оценочные интерпретативы подразделяются на интерпретативы нормативной оценки и интерпретативы утилитарной оценки.

Оценка первых строится на восприятии объекта рефлексии с позиций нормы. В метаязыковом комментарии приводится оценка того, насколько объект рефлексии соответствует (не соответствует) нормативным критериям, установленным в языковом коллективе. Необходимо заметить, что аналогично тому, как в фокус внимания личности попадают необычные,

неординарные объекты и предметы, так в поле метаязыковой рефлексии оказываются нестандартные (с точки зрения носителей языка) знаки. Этим объясняется тот факт, что подавляющее большинство прагма-оценочных интерпретативов с нормативным значением отражают ситуацию отклонения от нормы: *По-русски название записывалось одним – **и странным – словом «ХайТризон»*** (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743); *То же действие приписывалось траве с **необычным названием воронье сало**…* (Е. Водолазкин «Лавр» // БД № 2026620743); *Ника. Зато название на пять звезд – **«У крокодила».** Ипполит. Там, в холле, мумия крокодила за стеклом – не видела, что ли? Ника. Да видела, видела… Всё равно **название диковатое*** (Е. Водолазкин «Микрополь» // БД № 2026620743).

Интерпретативы утилитарной оценки связаны с осознанием наличия выгоды, пользы от объекта рефлексии. В такого рода рефлексивах дается оценка значимости языковой единицы в конкретной коммуникативной ситуации или оценка её практическому использованию: *Он по-французски выписал на шпаргалку три **ключевые слова – «бонжур», «пардон» и «мерси»*** (М. Веллер «Легенда о стажере» // БД № 2026620743); *Он зачитывался романами финалистов «Большой книги», «Ясной Поляны», а также **«НОСа», название** которого ему казалось на редкость **удачным*** (Е. Водолазкин «Далеко-далеко…» // БД № 2026620743).

В заключение отметим, что представленная классификация общеоценочных и частнооценочных интерпретативов носит рамочный характер. При проведении специальных исследований таксономическая структура метаоценок может расширяться и усложняться. Этому способствует сама природа оценочной семантики, которая строится на категориальных принципах многомерности и субъективности.

3.2.5. Глубина метаязыковой рефлексии и градуальные признаки интерпретативов

Область семасиологии метаязыка отличается особым разнообразием относящихся к ней высказываний. Многообразие метаязыковых контекстов рецептивного типа не укладывается в рамки разделения рефликсивов на интерпретативы с дескриптивной и оценочной семантикой и их последующего распределения на следующем уровне таксономии в зависимости от объекта рефлексии и специфики метаязыковой оценки. Результаты сравнительного анализа рефлексивов, относящихся к различным таксономическим группам интерпретативов семасиологического типа, свидетельствуют об их неоднородности. Эта гетерогенность объясняется уже не свойствами объекта рефлексии, а связана с особенностями функционирования механизма самой метаязыковой рефлексии. При этом манифестируется второй системный признак, определяющий таксономию интепретативов, – признак глубины метаязыковой рефлексии.

Проведенное нами исследование интерпретативов позволяет прийти к заключению о том, что метаязыковая рефлексия обладает качественными характеристиками. Иными словами, она может носить как поверхностный, так и глубинный характер (оговоримся, что в данном контексте прилагательные *поверхностный* и *глубинный* имеют не оценочный, а исключительно дескриптивный смысл). Тем самым интерпретативы, отражающие результаты глубинной или поверхностной рефлексии, обретают градуальные признаки, в соответствии с которыми они могут дифференцироваться.

Под поверхностной рефлексией мы понимаем такие случаи деятельности метаязыкового сознания, при которых фокус рефлексии остается в границах буквального восприятия объекта. Иными словами, такой метаязыковой комментарий повторяет, констатирует или в определенных

целях подчеркивает объективные характеристики той или иной стороны знака. Такого рода интерпретативы мы будем называть *констатирующими*.

Глубинной метаязыковая рефлексия становится в результате своего перехода на операциональный уровень. При этом её функция трансформируется от констатирующей к исследовательской. Поиск знания осуществляется через когнитивные операции, связанные с оценкой, сравнением, классификацией объекта рефлексии, а также с его помещением в разного рода ассоциативные ряды. Рефлексивы, отражающие результаты глубинной метаязыковой рефлексии, мы будем называть *операциональными*.

Следует отметить, что градуальная таксономия интерпретативов не только не противоречит их объектной классификации, но вполне успешно с ней сочетается. Качественные градуальные признаки и формальные объектные признаки интерпретативов дополняют друг друга. В этой связи ниже мы попытаемся объединить два таксономических подхода в одну типологию.

Начнем с интерпретативов, комментирующих особенности внешней формы знаков. Примерами констатирующих интерпретативов являются метаязыковые высказывания, референциально соотносимые с объективными фонетическими (графическими) характеристиками знаков или их отрезков: *...Глеб осознал, что смерть не просто прекращала прекрасную жизнь: она делала бессмысленным уже прожитое и достигнутое.* ***Бес-смыс-лен-ным: целых три с, плюс к тому два е, два ы, два н и два м*** *– даже такое богатое слово в конечном счете уходило в небытие* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); *...и все там было прекрасно: и чистые линии стен и проемов ... и общее ощущение* ***пустоты, простора, прохлады, покоя и еще многих понятий на букву «п»*** (Т. Толстая «Прожиточный минимализм» // БД № 2026620743).

К интерпретативам операционального уровня следует относить метаязыковые комментарии, содержащие оценку внешней формы знака (появление метаоценки всегда указывает на глубину рефлексии): *Первым делом Галина Петровна повезла Лидочку к врачу. В длинной белой машине с*

плавным названием «Волга» (М. Степнова «Женщины Лазаря» // БД № 2026620743); *Даже в том возрасте, когда все мамы – сказочные принцессы, Огарев знал, что его мама –* ***некрасивая. Черствое слово. Очень черствое*** (М. Степнова «Безбожный переулок» // БД № 2026620743).

Глубинная рефлексия над формой слова может порождать фоносемантические ассоциации. В рефлексиве раскрывается неконвенциональная связь между оболочкой знака и потенциальным денотатом. В большинстве случаев выведенные на поверхность текста ассоциативные ряды носят сугубо индивидуальный характер: *Жили у бабушкиных друзей в Кооперативном переулке.* ***Два кооперативных о в восприятии Глеба соединялись с гулкостью парадного. И с прохладой, когда входишь с раскаленной улицы*** (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); ***В слове «БЛО» чувствовались неиссякаемые запасы жизненной силы и одновременно что-то негуманоидное…*** (В. Пелевин «Generation “П”» // БД № 2026620743).

Отдельную группу операциональных интерпретативов составляют метаязыковые комментарии формы знака, в которых фиксируется обращение к пластам лингвистического знания. Глубина рефлексии проявляется в факте выхода за пределы уровня обыденного сознания и заимствовании в процессе интерпретации элементов профессионального знания. Содержание такого рода интерпретативов свидетельствует о переплетении обыденной и профессиональной рефлексии. В частности, звуковой облик единиц языка поясняется с привлечением лингвистической терминологии: *У Чагина были любимые буквы. Так он не упускал случая лишний раз произнести б или п. Остальные буквы в памяти группировались вокруг них. При этом сами* ***губные*** *были неравноценны: эффект, производимый* ***звонкой согласной б****, достигался двукратным повторением* ***глухой п*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *«Черт побери, где же Косицкий?! … Эту фразу повторял Петя, стоя у окна нашей квартиры на бульваре Шевченко. Не могу передать, до чего же эта фраза мне нравилась…* ***Меня завораживал ее***

звуковой облик, удивительное такое «побери», сохранившееся, как муха в янтаре, в одной лишь этой идиоме (Е. Водолазкин «День рождения Коли» // БД № 2026620743).

Констатирующие интерпретативы внутренней формы знака фиксируют, выводят на поверхность, представляют в эксплицитной форме морфосинтаксическую структуру слова: ***Столпотворение – это столп и творение.*** *Творение столпа, причем не строительство, а именно творение* (В. Пелевин «Generation “П”» // БД № 2026620743); ***Тотьма – то тьма****, говорила Даша о своей малой родине* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743).

В отличие от констатирующих операциональные интерпретативы идут дальше и в осмыслении внутренней формы слова. Так, они могут содержать информацию оценочного характера о внутренней форме знака. В приведенных ниже примерах прилагательные *громоздкий* и *дикий* представляют собой оценку, данную носителем языка не внешней форме знака, а его внутренней структуре: – ***Слово громоздкое****, – сказал я Гейгеру о* ***телевизоре*** (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743); *Для этого страха был даже специальный греческий термин – «****triskaidekaphobia****». Это* ***дикое слово*** *было производным от греческого «тринадцать», но Степа слышал в нем что-то вроде иррационального страха отравиться треской в буфете Дома культуры* (В. Пелевин «Числа» // БД № 2026620743).

Разновидностью операциональных интерпретативов являются метаязыковые высказывания, в которых находят выражение обыденные представления об этимологии слов (зачастую – ложные с точки зрения научной картины мира): *– Ха-ха! Не море, а Русский Океан. Схлынул. Остались только реки.* ***Ока… Океан.*** *Улавливаешь, откуда* ***название****?* (Ю. Поляков «Любовь в эпоху перемен» // БД № 2026620743); *На Западе по-другому думают? На то они и* ***Запад. От слова «западня»!*** (Ю. Поляков «Козленок в молоке» // БД № 2026620743).

Приведенным выше интерпретативам содержательно близки комментарии происхождения знаков, сделанные с опорой на объективное лингвистическое знание. Отдельным маркером «научности» метаязыкового высказывания выступают слова, относящиеся к профессиональному жаргону лингвистов (лексема *корень* – в первом примере; словосочетание *производное слово* – во втором): – *А ты знаешь, Булатик, … что* ***слово «работать» того же корня, что и «раб»?*** (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743); *Затем поднял с пола жестяную заслонку, закрыл печное устье, подумав, что* ***слово «устье» – производное от «уста»*** (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743).

Семантические рефлексивы (аналогично формальным) различаются по признаку глубины рефлексии. Так, констатирующие интерпаретативы ближнего значения представляют собой примеры обыденных толкований значений слов. Как правило, такого рода толкования обусловлены собственно коммуникативными причинами и выполняют функцию пояснения значений слов, не относящихся к ядру словарного состава языка: *Кошмарик стал жужжать про кредитные ставки и плохую работу группы* ***коллекторов, проще говоря, выбивальщиков долгов*** (Ю. Поляков «Любовь в эпоху перемен» // БД № 2026620743); *… он уже успел приложиться, теперь* ***закусывал «курятиной» – смолил едкую сигарету****…* (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743).

Операциональные интерпретативы способны передавать информацию оценочного характера. При этом в приведенных ниже примерах оценка формируется в результате рефлексии не над внешней или внутренней формой слова, а в результате осмысления его семантических признаков. Определение слов как *страшного* и *сладостного*, *вечнозеленого* объясняется особенностями их лексического значения и субъективным их восприятием носителями языка: *Дирекция по подготовке к затоплению останки взять разрешила, но для этого нужно было присутствие при* ***эксгумации (страшное слово****, которое в деревне произносили шепотом) родных*

покойного (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743); *...уже очнулось и распустилось* ***сладостное, вечнозеленое слово «любовь»*** (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743).

Операции рефлексии над ближней семантикой слова могут порождать образы, смежные значению знака, и вызывать семантические ассоциации, которые отражаются в интерпретативах: *Я не люблю слова* ***долг. Оно представляется мне в виде скорбного отсчитывания купюр*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Из временных указаний все чаще ему приходило на ум* ***слово однажды. Это слово нравилось ему тем, что преодолевало проклятие временем. И утверждало единственность и неповторимость всего произошедшего – однажды*** (Е. Водолазкин «Лавр» // БД № 2026620743).

Разновидностью операциональных интерпретативов ближнего значения являются комментарии лексических или грамматических значений слова, в которых содержатся свидетельства перехода рефлексии на профессиональный уровень: ***Ностальгия не может быть по чему-то. Она просто ностальгия, и точка. Тоска по родине. Иначе плеоназм получается*** (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743); ***Машинистка – одно из редких обозначений профессий, которые существуют только в женском роде…*** (Е. Водолазкин «Памяти пишущей машинки» // БД № 2026620743).

Констатирующие интерпретативы дальнего значения, как правило, расширяют информацию, данную в предметно-понятийном поле ядра лексического значения за счет комментариев внеязыкового, энциклопедического характера. Обычно функциональное назначение такого рода интерпретативов связано с уточнением значений слов за счет расширения данных об их денотативной отнесенности: *...Я летом этим был на Белом море и там увидел литораль. Ты знаешь, что такое* ***литораль****? – Ну так.* ***Полоса грязи во время отлива, на вид довольно неприятная и дурно пахнущая*** (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743); *...у*

него до сих пор нет ни жены, ни герлфренд. (Его, кстати, поначалу коробило это ***«герлфренд»,*** *а потом понял, что для девушек* ***такой статус куда круче жены: жена – что-то такое в халате у плиты, а герлфренд – совсем другое, но такое же близкое и дорогое, как жена)*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже») // БД № 2026620743).

Глубинная метаязыковая рефлексия над дальним значением слова задействует механизмы инференции. Операциональный интерпретатив представляет собой результат вывода знания, произведенного на основании глубокого анализа когнитивно-дискурсивной ситуации, в которой употребляется слово. Так, в приведенных ниже примерах определения *вороватый* и *волшебный*, используемые в отношении слов *ваучер* и *последний*, эксплицируются только на фоне внеязыкового контекста. Определение *вороватый* базируется на распространённых в массовом сознании представлениях о коррупционной природе приватизации в России и накладывается как «ярлык» на слово *ваучер*; ироничное восприятие прилагательного *последний* как *волшебного слова* продиктовано представлениями об экономических реалиях, имевших место в советском государстве: *Замелькало* ***вороватое словечко «ваучер»*** (Ю. Поляков «Как я построил «Демгородок» // БД № 2026620743); *Но есть одно* ***волшебное слово****, которое заставляет Лиду мгновенно выхватить кошелек и метнуться в кассу. Это* ***слово – «последний»*** (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743).

В отдельных случаях глубина инференции, вокруг которой формируется операциональный интерпретатив, достигается в результате деятельности механизмов профессионального метаязыкового сознания, использующего элементы историко-филологического, этимологического, собственно лингвистического, когнитивно-дискурсивного и других видов анализа единиц языка и речи (заметим, что оценка истинности и адекватности получаемых при этом выводов остается за пределами нашего внимания): *– Великий народ! Великий язык! – воскликнул Жарынин, и на его*

*глазах выступили слезы благоговения. – Нет, вы вслушайтесь только****: цвет-ни-на! В одном слове, как в капле, отразилась вся катастрофа русского саморазрушения. Вся! – Вы что имеете в виду? – Эх, вы, писатель, неужели не понимаете? Цвет-ни-на! Пуш-ни-на! Воровство цветных металлов в эти проклятые годы стало у простых людей промыслом, способом существования, как у их предков – добыча пушного зверя. В одном лишь слове – весь кошмар бездарных реформ и весь каннибализм дикого капитализма! В одном слове!*** (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743); *Д.С. Лихачев родился в 1906 году в семье* ***петербургского инженера. В ту пору профессия его отца еще не заключала в себе удручающего (120 рублей в месяц) советского оттенка и никоим образом не являлась синонимом карьерной неудачи*** (Е. Водолазкин «Постижение свободы» // БД № 2026620743).

Таким образом, рефлексивы семасиологического типа имеют как объектные признаки, так и градуальные признаки. Последние определяются качественными характеристиками метаязыковой рефлексии, которая может носить поверхностный или глубинный характер. Поверхностная метаязыковая рефлексия порождает констатирующие интерпретативы, в которых фиксируются наблюдаемые характеристики знака. Глубинная метаязыковая рефлексия приводит к образованию операциональных интерпретативов, в которых отражаются результаты разноаспектного осмысления знака.

3.3. Ономасиология обыденного метаязыка

3.3.1. Принципы классификации инвестигативов

В текущей части исследования остановимся на характеристиках рефлексивов ономасиологического типа. Последние являются воплощением поисковой подфункции метаязыка, обеспечивающей осознанность механизмов выбора языковых средств для обозначения экстралингвистической реальности. Сразу оговоримся, что выбор элементов кода в процессе речевой деятельности, как правило, осуществляется говорящим «автоматически», т.е. на подсознательном уровне, без привлечения инструментов метаязыкового сознания. Однако в отдельных случаях, обусловленных разного рода социокультурными и прагматическими факторами, продуцент, испытывая затруднения при формулировании мысли, вынужден перевести процесс выбора знаков в светлое поле психики и задействовать ресурсы метаязыкового сознания. Это отражается в вербализованной части дискурса в виде отрезков метаязыкового содержания.

Рефлексивы данного типа отражают процесс и результаты поиска говорящим знаков, подходящих для реализации коммуникативного намерения. Принимая во внимание «поисковую» природу этих метаязыковых контекстов, мы будем называть их *инвестигативами* (от лат. *investigatio* – «поиск»). Последнее понятие используется нами как родовое и охватывает все разновидности ономасиологических рефлексивов. Обоснование терминов, используемых для номинации отдельных видов инвестигативов, будет осуществляться нами по ходу представления результатов исследования.

Следует отметить, что рассмотрение в качестве ономасиологических рефлексивов фрагментов текста, в которых отражаются стратегии, тактики и

результаты поиска элементов кода, проводится впервые. Однако научный интерес к примерам речевой деятельности, отражающим (описывающим) усилия говорящего, направленные на поиск слова, имеет глубоко сформированную традицию. Рефлексия по поводу выбора номинации становилась предметом специальных исследований в области метаязыка и обыденного метаязыкового сознания. В зависимости от целей, задач и привлекаемого к анализу эмпирического материала можно выделить несколько направлений в изучении конструкций метаязыкового поиска.

Во-первых, конструкции, определяемые нами как инвестигативы, изучались с точки зрения формы их языкового воплощения. В работах данного содержания явления диалогической цитации, переспроса, вербальной хезитации, авторедактирования и некоторые другие квалифицировались исследователями в качестве метаязыковых операторов, или метапоказателей. Так, в монографическом исследовании М.Р. Шумариной конструкции, определяемые нами как инвестигативы, рассматриваются в качестве косвенных сигналов метаязыковой рефлексии. Формой их материального выражения выступают «аналоги метаоператоров» (Шумарина, 2011, с. 89-100). Вопросы изучения системы средств выражения метаязыковой семантики, в том числе конструкций, в которых вербализуются факты коммуникативного затруднения, сохраняют свою актуальность и в новейших исследованиях (Цесарская, 2020; Чжан, 2021; Гаврилова, Дикушина, 2021; Лю, 2022).

Во-вторых, конструкции метаязыкового поиска привлекали внимание исследователей, разрабатывающих теорию нечеткой номинации (Подлесская, 2013; Подлесская, Стародубцева, 2013; Байдуж, 2017). Инвестигативы и маркеры-аппроксиматоры, свидетельствующие о нечеткой (неточной) номинации в тексте, по сути, представляют собой однородные явления. Близость указанных понятий связана с тем, что, по мнению В.И. Подлесской, «потребность в нечеткой номинации возникает у говорящего в проблемных точках порождения дискурса…» (Подлесская, 2013, с. 630). Фактически в

теории нечетких номинаций обращение к метаязыковой проблематике происходит сквозь призму изучения семантической категории аппроксимации.

В-третьих, значительное внимание рефлексивам ономасиологического типа уделяется в исследованиях прагматики устной речи (Богданова-Бегларян, 2013; 2015; 2021; Богданова-Бегларян, Кутруева, 2013; Шилихина, 2013). В указанных работах анализируются дискурсивные единицы, употребляемые в метаязыковой функции, в частности, единицы, маркирующие дискурсивную ситуацию поиска номинации.

Переходя к решению задачи описания ономасиологических рефлексивов отметим, что анализ обширного корпуса примеров позволил прийти к заключению об их содержательной неоднородности. Указанный факт определяет целесообразность их дифференциации с выделением отдельных семантических групп. В основе этого разделения лежит специфика протекания процесса нетривиального лексического выбора.

С некоторой долей условности данный процесс можно разделить на несколько этапов. Первый из них мы назовем собственно этапом поиска адекватной номинации. Свое материальное выражение в тексте он находит в маркировании хезитации продуцента с помощью лингвистических или паралингвистических средств. Второй этап связан с оценкой выбранной номинации. В ходе него говорящий как бы задается вопросом об адекватности найденных средств, формирует метаязыковую оценку сказанному и помещает её в синтагматической цепи. Наконец, третий этап представляет собой коррекцию выбора. Как правило, само наличие корректирующего этапа является следствием негативной оценки продуцентом выбранного слова. При этом осуществляется перезапуск метаязыкового поиска, высказывание корректируется, одни знаки заменяются другими, по мнению говорящего, более подходящими и соответствующими описываемому предмету или явлению.

Содержательно инвестигативы отражают один из перечисленных этапов метаязыкового поиска. Основываясь на существующей связи инвестигатива с этапом метаязыкового поиска, мы предлагаем разделить все

рефлексивы ономасиологического типа на три классификационные группы: инвестигативы-хезитации, инвестигативы-оценки и инвестигативы-коррекции. Ниже мы последовательно рассмотрим содержательные особенности и способы дискурсивной реализации каждой из выделенных таксономических групп.

3.3.2. Инвестигативы-хезитации и способы их маркирования в дискурсе

Инвестигатив-хезитация является наиболее распространенным видом ономасиологических рефлексивов. Квантитативный анализ показал, что их доля в общем объеме рефлексивов исследуемого типа составляет более 70 %. Рефлексивы этой семантической группы фиксируют метаязыковую рефлексию через колебания продуцента, которые свидетельствуют о трудностях в процессе выбора номинации.

Следует отметить, что хезитация говорящего в процессе речевой деятельности маркируется как с помощью средств лингвистической происхождения, так и средств нелингвистического (паралингвистического) происхождения. Использование указанных средств получает разнообразные формы воплощения в дискурсе. Последние мы рассматриваем в качестве способов маркирования метаязыковой рефлексии и образования инвестигативов.

Изложение материала начнем с представления инвестигативов, материальными сигналами которых выступают паралингвистические средства. Наблюдения над речевым поведением коммуникантов свидетельствуют о том, что хезитация говорящего в отношении выбора знака зачастую сопровождается паузой (паузами), не мотивированной с точки зрения просодических характеристик высказывания. В такого рода случаях

пауза указывает на активизацию рефлексивных процессов метаязыкового сознания. При этом высказывание предстает в сегментированном виде. В тексте паузы, как правило, заполняются пунктуационными знаками. Обычно отображение пауз хезитации на письме предполагает пунктуационное деление текста на отрезки посредством использования многоточий, что нарушает монолитность высказывания. В приведенных ниже примерах пунктуационное маркирование пауз иллюстрирует ономасиологическую рефлексию говорящего: *Въехали на горку, он попросил водителя остановиться, пояснил: – Тут всегда останавливались, когда в армию провожали или гроб везли на погост, прощались с деревней. Место такое* ***… специальное*** (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743); *– И давно ты* ***это… веруешь****? – спросила я. – Уже лет пять как* (В. Пелевин «Священная книга оборотня» // БД № 2026620743).

К несобственно лингвистическим средствам относятся также паралингвистические сигналы (э-э*; а-а; хм; кхм* и др.), заполняющие в речевой цепи паузы, вызванные затруднениями при выборе языковых знаков: *– Сегодня будет своего рода концерт – знаешь, бойцы будут показывать друг другу всякие* ***э-ээ*** *… штуки, кто что умеет* (В. Пелевин «Чапаев и Пустота» // БД № 2026620743); *Сын лет с восьми перестал задавать ему вопросы, спрашивать совета, просить почитать на ночь книжку или что-нибудь рассказать – зажил как-то отдельно. В плане,* ***хм,*** *так называемого* ***внутреннего мира*** (Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743).

Однако ввиду важности выведения в вербализованную часть дискурса результатов метаязыковой рефлексии как с целью организации понимания реципиентом сказанного, так и с целью развертывания сюжета в случаях художественной коммуникации авторы нередко прибегают к эксплицитным комментариям речевых пауз, которые по сути дублируют паралингвистические средства выражения хезитации: *– Почему? Ты же теперь* ***…*** *–* ***он не знал, какое слово подобрать****, чтобы её случайно не обидеть, –* ***…*** *свободная* (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД

№ 2026620743); *К маю территория вашего сельсовета должна быть готова к …* ***– Молодой человек в цветастой рубашке запнулся. – Кхм,*** *должна соответствовать санитарным нормам* (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743).

Приведенные выше примеры показывают, что фиксация пауз в процессе речевой деятельности помогает обнаруживать метаязыковые контексты. Однако далеко не всегда инвестигатив-хезитация сопровождается паузой. Следует отметить, что использование собственно лингвистических средств для маркирования хезитаций при поиске слова отличается большим разнообразием способов дискурсивной реализации.

Во-первых, в целом ряде случаев коммуникативные затруднения, связанные с выбором номинации, получают прямое, эксплицитное выражение в тексте. Для этого формулируется специальное высказывание метаязыкового характера, в котором отражается сам процесс и нюансы выбора знака: *Сейчас увы не помню его; оно какое-то абстрактное, да и трудно найти слово, чтобы определить его качества* (С. Рихтер «Дневник» // НКРЯ, ОПК); *Осознаю историческое значение встречи, – ответил Данилин, тщательно подбирая слова* (А. Мацанов «Мастер и подмастерье» // НКРЯ, ОПК).

Нередко инвестигатив-хезитация может принимать форму специального вопроса, непосредственно обращенного к результатам метаязыкового поиска: *Но большинство не заглядывает в причину – большинство ругает следствие коренной ошибки.* ***Или как это назвать? Как назвать уничтожение части страны?*** (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743); *Голень обхватывает тонкий ремешок; каблук небольшой, напоминающий ножку коньячного фужера. Или бокала.* ***Как правильно?*** (Р. Сенчин «Полчаса» // БД № 2026620743).

К эксплицитным способам выражения хезитации целесообразно отнести употребление придаточных предложений образа действия (ослабление признаков самостоятельности постепенно переводит их в разряд

специальных вводных конструкций с метаязыковым значением), напрямую указывающих на наличие трудностей в подборе адекватных номинаций: *Моя сеструха всегда была такой экспансивной… или импульсивной, не знаю даже,* ***как правильно сказать****, – Ольга кокетливо повела плечами и заглянула Стасу в глаза* (Н. Леонов, А. Макеев «Эхо дефолта» // НКРЯ, ОПК); *В этой стране все настолько благополучно, что люди там,* ***как бы это точнее выразиться****, зажирели* (Э. Савкина «Хотелось бы посмотреть вживую на Била Гейтса» // НКРЯ, ОПК).

Близкими им по значению и выполняемой в дискурсе метаязыковой функции являются вводные конструкции, образованные сочетанием метаязыкового глагола (*сказать, говорить, выразиться* и др.) и модальной частицы *бы: Лица Вероники и Светланы были спокойными и****, я бы сказал, одухотворенными*** (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743); *– И снова с вами не соглашусь, – сказала я. – Это предельно мужская картина мироздания.* ***Я бы даже сказала, шовинистическая*** (В. Пелевин «Священная книга оборотня» // БД № 2026620743).

В качестве сигнала присутствия на поверхности текста инвестигатива-хезитации способен выступать метаоператор *скажем так*. Несмотря на то, что указанный вводный оборот обладает широким набором семантических и прагматических ролей метаязыкового характера, в определенных контекстах он прямо указывает на нетривиальность выбора знака (слова). При этом *скажем так* передает метаязыковое значение неуверенности, сомнения в процессе выбора знака, выступает в качестве хезитатива: *Ну, может, не ключ, может, ключ – это слишком сильно...* ***скажем так: подступ*** (В. Белоусова «Второй выстрел» // НКРЯ, ОПК); *У него не было снисхождения ко мне в мои почти юношеские лета, когда я сделал одну… ну…* ***скажем так… вполне простительную ошибку*** (Ю. Домбровский «Обезьяна приходит за своим черепом» // НКРЯ, ОПК).

Метаязыковое напряжение, вызванное выбором номинации, может маркироваться с помощью вводного оборота *чтобы не сказать*. В отличие от

скажем так, он в контекстах ономасиологического напряжения обладает дополнительным прагмасемантическим потенциалом, привнося в содержание инвестигатива оттенок смягчения, эвфемизации. Особенность употребления данного оборота заключается также в том, что хезитация фиксируется на фоне авторедактирования: *А чудеса с давних пор настраивают меня на* ***ироничный***, ***чтобы не сказать презрительный*** *лад* (В. Пелевин «Священная книга оборотня» // БД № 2026620743); *Из темного коридора навстречу мне, откуда ни возьмись, появился Саша и быстро* ***прошел – чтобы не сказать прошмыгнул*** *– мимо, не говоря ни слова* (В. Белоусова «Второй выстрел» // НКРЯ, ОПК).

Оборотам *скажем так* и *чтобы не сказать* функционально близки вводные конструкции *если угодно* и *если хотите*. Последние образованы в результате функциональной транспозиции предикативных единиц с модальным значением. Ранее нам в ходе диахронического анализа, проведенного на базе данных Национального корпуса русского языка, удалось установить, что конструкция *если угодно* в подавляющем большинстве контекстов, относящихся к XIX веку, выступала в качестве предикативной единицы (Кравченко, 2023 в, с. 61). В контекстах же конца XX и XXI веков функциональная дистрибуция конструкции кардинально изменилась в сторону выполнения служебных ролей. Поэтому в современной коммуникативной практике названные вводные обороты нередко используются при образовании инвестигативов-хезитаций, сигнализируя о трудностях ономасиологического выбора: *Всегда же мечтала не просто о муже, а о настоящем спутнике жизни,* ***соратнике, если угодно*** (Ю. Андреева «Многоточие сборки» // НКРЯ, ОПК); *Обращение на «вы» – не дистанция, а бережное отношение к собеседнику,* ***если хотите, резиновые перчатки*** *– чтобы не занести инфекцию в дружбу…* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743). Несмотря на функциональное родство оборотов *скажем так* и *чтобы не сказать* с конструкциями *если угодно и если хотите*, последние нельзя причислить к прямым сигналам хезитации. В

отличие от оборотов *скажем так* и *чтобы не сказать,* в состав которых напрямую входит элемент метаязыкового содержания («скажем», «сказать»), *если угодно* и *если хотите* не обладают «внешними» метаязыковыми признаками. Они обретают метаязыковую роль в специальных контекстах. Поэтому их использование следует скорее связывать с непрямыми, имплицитными способами выражения хезитации.

Открыв примерами с оборотами *если угодно* и *если хотите* демонстрацию непрямых способов выражения хезитации в дискурсе, продолжим ее случаями образования инвестигативов при помощи вводных слов *может, наверное, пожалуй* и др. Они передают идею неуверенности в правильности выбора слова, что в отдельных контекстах может говорить о неполном референциальном соответствии выбранной номинации: *В этот день он принял душ пять раз. Не помогало. Через некоторое время тело вновь* ***покрывалось, омывалось, может бальзамировалось*** *густым и едким* (Р. Сенчин «Петля» // БД № 2026620743); *И там, в полутьме, за играющими в домино, среди перегородок и арматуры запрыгало, задвоилось в пятнах света и тьмы лицо* ***(морда, наверное,*** *нужно сказать) Гены Белеева, алюминиевого моего человека* (С. Юрский «Бумажник Хофманна» // НКРЯ, ОПК); *В нем происходило движение теплоты, переливы какого-то качества, которое она не умела правильно назвать: «Живой воздух, и этот воздух ко мне не безразличен.* ***Пожалуй, благосклонен****…»* (Л. Улицкая «Казус Кукоцкого» // БД № 2026620743).

К числу имплицитных способов выражения хезитации в дискурсе относится специальное использование коннекторов между «конкурирующими» знаками. В роли такого рода коннекторов выступают союзы и союзные слова. Среди них следует выделить употребление целого ряда сочинительных и подчинительных союзов (например, союзы *или; не то чтобы…, а; если не …, то* и др.), с помощью которых создаются конструкции с метаязыковым содержанием. При этом следует отметить, что данная функция союзов не является для них первичной. Свой метаязыковой статус

они приобретают в контексте. Указанные союзы, употребляясь в метаязыковых контекстах, не разделяют денотаты или понятия, не противопоставляют их и не передают значение условия выполнения действия, а маркируют процесс поиска означающего: *Вместо солнца – багровая полоса на горизонте.* ***Или багряная****…* (Р. Сенчин «В залипе» // БД № 2026620743); *Об этом Сергей часто* ***не то чтобы спорил, а разговаривал*** *с друзьями – Славкой и Юлькой Седых* (Р. Сенчин «Ты меня помнишь?» // БД № 2026620743); *А тут – события трёхтысячелетней давности можно проследить чуть ли не помесячно …* ***Ну, или если не проследить, то представить*** (Р. Сенчин «Сюжеты» // БД № 2026620743).

Типичным способом непрямого маркирования хезитации в дискурсе является использование неопределенного наречия *как-то* в сочетании со словом, выбор которого для говорящего не совсем очевиден: *У нас все* ***как-то цивилизованнее****, право слово* («Команда на вылет. У сборной России по футболу отныне нет ни жен, ни самолетов» / «Известия» // НКРЯ, ОПК); *Ирина продолжала сгребать листья. Звонок звучал настырно и* ***как-то радостно****. Настаивал* (В. Токарева «Своя правда» // НКРЯ, ОПК).

О появлении в пространстве текста инвестигативов-хезитаций могут также сигнализировать отдельные частицы. В частности, этой функцией обладают частицы *что ли* и *как бы*. Они не просто передают колебания продуцента в процессе выбора слова, но также транслируют идею неуверенности говорящего в правильности сделанного выбора, осознания им спорности номинативного решения: *Русский был* ***более, что ли, престижным*** *языком. Все понимали, что без него ничего не добиться* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); *Он* ***как бы парализует*** *читающую личность* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743).

Наконец, колебания говорящего при выборе слов могут фиксироваться на поверхности дискурса с помощью таких одновременно асемантичных и полифункциональных дискурсивных элементов, свойственных в первую очередь устной разговорной речи, как *ну (ну, как его)* и *это самое*: *Там этот*

прилетел, ***ну, как его… целитель****…* (П. Волошина, Е. Кульков «Маруся» // НКРЯ, ОПК); *Нет, ну они совсем,* ***это самое, офигели*** (А. Волос «Недвижимость» // НКРЯ, ОПК). Дискурсивы *ну (ну, как его)* и *это самое* не передают каких-либо определенных значений, а фактически заполняют собой паузы в производстве речи, возникающие вследствие метаязыкового напряжения. Тем самым они сближаются с паралингвистическими сигналами, а достаточно широкий круг способов выражения вербальной хезитации в дискурсе «замыкается».

3.3.3. Инвестигативы-оценки и способы их маркирования в дискурсе

Отдельной семантической группой ономасиологических рефлексивов являются инвестигативы-оценки. Они отражают результаты метаязыковой рефлексии на предмет соответствия денотативно-понятийного содержания, которое хотел передать носитель языка, значению подобранной им номинации. Оценка должна давать ответ на вопрос об успешности проведенного метаязыкового поиска. Несколько обобщая данные, полученные в результате анализа эмпирического материала, позволим себе утверждать, что семантика инвестигативов данной группы имеет градуальный характер и воспроизводит три класса оценок.

Во-первых, содержание инвестигатива может устанавливать полное соответствие между экстралингвистической реальностью и семантикой слова, что свидетельствует об успешном выборе номинации.

Результаты подобной метаязыковой оценки могут получать в дискурсе эксплицитное выражение. При этом оценка образует пропозицию высказывания. Целое высказывание или фрагмент текста получают исключительно «метаязыковое звучание»: *Этот детский сад*

соответствовал своему названию в полной мере, потому что дети там гуляли в самом настоящем саду (Е. Водолазкин «Детский сад» // БД № 2026620743); *...по замечанию одного нашего западного коллеги, все в Дмитрии Сергеевиче было gentlemanlike. Наш коллега и не подозревал, насколько точно он попадал в цель своим определением* (Е. Водолазкин «Эпоха Лихачева» // БД № 2026620743).

Положительная оценка соответствия знака и денотата маркируется лексическим повтором избранной номинации. Если первое появление знака в речевой цепи отражает изначальный выбор говорящего, то повтор знаменует факт имевшей место рефлексии в отношении его утилитарной ценности и демонстрирует вывод об адекватности употребления в данной коммуникативной ситуации. Зачастую повтор сопровождается утвердительной частицей, что подчеркивает и усиливает констатацию номинативной эффективности: *Во сне я догадался, почему Павел* ***по-птичьи*** *крутил головой.* ***Да, да – именно по-птичьи: то туда посмотрит, то сюда… и так резко, рывками: да, да, точь-в-точь курица над зерном – тырк вправо, тырк влево***... (А. Волос «Недвижимость» // НКРЯ, ОПК); *Стала* ***накатывать*** *паника.* ***Именно накатывать – как-то волнами*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743).

Положительная оценка соответствия знака его денотату вводится при помощи метаоператора *одно слово*. Он сигнализирует о точной передаче экстралингвистического содержания. Как правило, данный оборот предваряет обобщения, сделанные продуцентом. Эти обобщения укладываются в один знак, подчеркивая, что в выбранном говорящим знаке сосредоточена вся суть передаваемого факта, события, явления: *... Ирма умывалась неторопливо, осторожно, словно лаская свое лицо.* ***Одно слово: девочка!*** (Ю. Поляков «Совдетство 2. Пионерская ночь» // БД № 2026620743); *Для нас пришло прекрасное время новых впечатлений, надежд.* ***Одно слово – молодость***... (И. Архипова «Музыка жизни» // НКРЯ, ОПК).

Метаязыковая рамка выражения оценок соответствия знака денотату может формировать при помощи оборота *называть вещи своими именами*. Последний выполняет ряд функций в системе обыденного метаязыка. Пожалуй, основной для него является функция маркера дисфемизации, которая реализуется в измерении метаязыковой прагматики (см. параграф 5.2.3). Однако названный оборот способен играть значимую роль в организации ономасиологии метаязыка. В инвестигативах-оценках он прямо указывает на корреляцию «вещи» и «имени»: *Согласно международному праву,* ***агрессоры (назовём вещи своими именами: речь идёт именно об агрессии)****, то есть США и Великобритания, несут полную ответственность за финансирование восстановления Ирака* (К. Крылов «Наш страх» // НКРЯ, ОПК); *Не догадываясь, что спасение близко,* ***сова (назовем вещи своими именами)*** *взмахнула крыльями и в сопровождении ворон улетела куда-то в глубь двора* (Е. Водолазкин «Ждановская набережная между литературой и жизнью» // БД № 2026620743).

Во-вторых, содержание инвестигатива может фиксировать частичное соответствие между экстралингвистической реальностью и значением слова. В подобных случаях субъект рефлексии в целом допускает использование выбранной номинации для обозначения внеязыковых реалий, хотя в целом и признает ее «номинативные дефекты».

Указанная оценка может находить развернутое, эксплицитное, выражение в пропозиции высказываний: *Одна из дорожек, петлявших сквозь Битцевский лес, выходила к стоящему на опушке деревянному дому, в котором жил лесник (****не уверена, что это правильный термин, но этот человек точно имел к парку какое-то служебное отношение****)* (В. Пелевин «Священная книга оборотня» // БД № 2026620743); *А естественная растерянность (****пусть это не совсем подходящее слово****) должна была бы рождать желание вдуматься, вчувствоваться в материал* (А. Эфрос «Профессия: режиссер» // НКРЯ, ОПК).

К типичным способам выражения рассматриваемого типа метаязыковых оценок следует отнести использование таких вводных конструкций, как *так сказать, скажем так, если угодно, если хотите* и др. Как было сказано выше, их употребление характерно, в первую очередь, для передачи метаязыкового значения хезитации. Однако, как показывает когнитивно-дискурсивный анализ соответствующих контекстов, названные конструкции отличаются многофункциональностью и способны выполнять роль метаязыковой рамки, вводящей в текст оценки, говорящие о частичном соответствии между словом и денотатом.

Особенность данной функционально-семантической роли перечисленных выше вводных оборотов заключается в том, что акцент переносится с осмысления процесса выбора номинации на осмысление результата этого выбора. В фокусе внимания метаязыковой рефлексии оказывается статус выбранного знака. Метаоператоры формируют сигнал о наличии в вербализованной части дискурса нечеткой номинации, сигнал о неполном референциальном соответствии избранного способа номинации. Использованный знак представляется продуценту как не совсем точный, приблизительный. Поэтому названные вводные конструкции выполняют функцию аппроксиматоров: *А вот финансовой поддержки от государства действительно не было, хотя общественная,* ***скажем так, имелась*** («Зависимы – отчего и почему?» / «64 – Шахматное обозрение», // НКРЯ, ГПК); *Нет, японцы не азиаты. Это совершенно отдельная,* ***если угодно, раса*** (А. Сокуров «Письма на родину» // НКРЯ, ОПК).

Сигнал нечёткой номинации усиливается, если объект рефлексии, помимо перечисленных вводных конструкций, сопровождается дополнительным метапоказателем со значением возможности, неточности, допустимости: *В математической реальности существуют различные числовые системы (****если угодно, можно называть числовыми осями****) …* (В. Успенский «Нестандартный анализ» // НКРЯ, ОПК); *Мне четыре*

бутылки выдал – нам с тобой на опохмел. ***Завещал, можно и так сказать!*** (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743).

В-третьих, содержание инвестигатива может говорить о полном несоответствии между экстралингвистической реальностью и значением слова. Тем самым манифестируется ситуация неудачного выбора номинации. Система обыденного метаязыка располагает набором специальных способов маркирования номинативных неудач.

Прямым способом констатации номинативной неудачи является ее осмысление и описание в рамках отдельного высказывания (последовательности высказываний) с четко выраженной внутренней референцией: *В любом случае «искажать» и «дурманить» – это слишком оценочный язык, который переводит вопрос в эмоциональную плоскость и не дает понять существо дела* (В. Пелевин «Священная книга оборотня» // БД № 2026620743); *Вообще, пережитое ощущение сложно назвать памятью или воспоминанием. Сон, видение, галлюцинация – все эти слова тоже не отражают сути того комплексного состояния, в которое погружала Книга* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743).

Негативная оценка выбора номинации может проявляться в «отказе» от знака прямо в процессе семиозиса. В результате рефлексии говорящий делает вывод о том, что подобрал «не то слово», о чем немедленно заявляет, переключая высказывания с внешней референции на внутреннюю: *Она всю жизнь проработала учительницей, была законопослушной, покорной любой власти… Нет,* ***«покорной» – не то слово*** (Р. Сенчин «Петля» // БД № 2026620743); *Хотя* ***танцевал – это, наверное, не то слово****. С прямой правой ногой он толокся почти на месте, чуть отступая и наступая, точно примерялся, как половчее поддеть партнёршу прямой своей ногой* (В. Шапко «Синдром веселья Плуготаренко» // НКРЯ, ОПК).

Наблюдения за употреблением метапоказателя *не то слово* и его функционально-семантическими эквивалентами (*не то*; *не то выражение* и др.) свидетельствуют о наличии как минимум двух вариантов негативной оценки

номинации. Первый из них был представлен нами выше и заключается в констатации явного несоответствия, по мнению говорящего, означаемого знака обозначаемому предмету, явлению или отношению. Второй вариант негативной оценки (он, прежде всего, актуален для метаоператора *не то слово*) связан не с денотативным несоответствием, а с недостаточной экспрессивностью знака, не способного, по мнению продуцента, выразить исключительность черт или качеств обозначаемого предмета (явления): *Показал амбары, где хлебеда хранится, садки рыбные показал, огороды. Хозяйство* ***крепкое – не то слово*** (Т. Толстая «Кысь» // БД № 2026620743); *Пистолет был в кобуре.* ***Силища, не то слово****! Хочешь – казни, хочешь – милуй, прямо как Бог для других* (О. Павлов «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» // НКРЯ, ОПК).

В ходе изучения эмпирического материала нами было установлено, что отдельные конструкции, маркирующие в дискурсе метаязыковые оценки, несмотря на семантическую близость образующих их компонентов, способны выполнять противоположные функции. Так, метапоказатели *одно слово* и *одно название* образуют метаязыковую рамку разных оценок соответствия знака его денотату. Как было показано выше, *одно слово* вводит положительную оценку, сигнализирует о точной передаче экстралингвистического содержания. *Одно название*, наоборот, выражает негативную оценку глубины и полноты соответствия использованных в тексте элементов языкового кода обозначенному фрагменту внеязыковой действительности. Данный метапоказатель указывает на фактическое отсутствие предмета, признака или свойства, к которым отсылает выбранное слово: ***Кирпичного завода****, по сути, не было,* ***одно название*** (С. Каледин «Шабашка Глеба Богдышева» // НКРЯ, ОПК); *… Нет тут* ***власти*** *никакой,* ***одно название*** («Я и лошадь, я и бык» / «Русский репортер» // НКРЯ, ГПК).

Сам по себе интересен также тот факт, что в конкордансе употреблений названных метаоператоров нами не обнаружены случаи их функциональной субституции. Иными словами, их функции четко разграничены: один не способен взять на себя роль другого. Позволим себе высказать предположение

о том, что указанная функциональная дифференциация обусловлена влиянием культурных императивов, опредмеченных в языковой материи. Изучаемые метапоказатели ориентированы на разные культурные представления о сущности знака. Так, в конструкции *одно слово* зафиксированы фидеистические представления о сущности слова-знака, согласно которым слово и обозначаемый предмет обладают единой природой и неразрывно связаны между собой. В конструкции *одно название*, напротив, проявляется взгляд на знак как на оболочку, оторванную от означаемого, а потому знак потенциально способен на «семиотический произвол» и денотативное несоответствие.

Отдельный способ выражения негативной оценки соответствия знака обозначенной им внеязыковой реальности представляет собой использование в метаязыковых контекстах частицы *вот тебе и…* Слово (последовательность слов), выступающее в качестве переменного в указанной конструкции, находится в фокусе рефлексии, определяющей (не)адекватность его использования в текущей дискурсивной ситуации: *Перед тем как уйти в мир грез, Жена последний раз косилась на Мужа и толкала его локтем в бок – **вот тебе и совместный просмотр** хороших фильмов* (В. Богданов «Жизнь не должна закончиться» // НКРЯ, ОПК); *Соседки уже знали, какую девушку привез Азамат (**вот тебе и теленок**!), и завидовали старухе* (А. Генатулин «Золото Колчака» // НКРЯ, ОПК).

Основная функция названной частицы, как известно, состоит в передаче разнообразных смысловых оттенков неожиданности и удивления. Однако если установить изначальную роль, которую выполняла эта конструкция еще до ее грамматикализации и превращения в частицу, то окажется, что она представляла собой вводный компонент прямой (остенсивной) референции, позволяющей определять интенсионал имени через прямое указание на обозначаемый предмет внеязыковой действительности (ср.: вот (тебе) стол (стул, собака, шарф и т.д.)). Считаем, что присущая ей актуальная метаязыковая роль является продолжением функции интродукции остенсивной референции. Причем метаязыковая роль

данной частицы детерминируется фактом нарушения базового принципа остенсивной референции. Так, именно прямое несоответствие используемых знаков обозначаемой ими денотативной ситуации (употребление выражения *совместный просмотр фильма* в ситуации сна одного из субъектов – в первом примере; употребление слова *теленок* в отношении молодого человека, привезшего девушку в родное село, – во втором примере) порождает негативную оценку результатов номинативного поиска.

К периферии способов воплощения негативной оценки результатов метаязыкового поиска стоит отнести инвестигативы, образованные при помощи частицы *да что там …* Указанная частица предшествует знаку, в отношении употребления которого осуществляется рефлексия. Она сигнализирует о том, что слово не в полной мере передает глубину признака денотата (в этом отношении данный метапоказатель близок «экспрессивному» варианту использования оборота *не то слово*): *В отделе спортивного инвентаря меня ждал жестокий удар,* ***да что там удар*** *– нокаут!* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *Евангельские события представляются многим чудесной, но несбыточной сказкой. Возвышенной, красивой, делающей человека,* ***да что там человека*** *– человечество! – лучше* (Митрополит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые» // БД № 2026620743). Особенность инвестигативов данного типа заключается в том, что негативная оценка избранной номинации автоматически запускает новый метаязыковой поиск, завершающийся коррекцией высказывания в виде замены одного из его элементов. Тем самым приведенные примеры можно одновременно рассматривать как инвестигативы-оценки, так и инвестигативы-коррекции.

3.3.4. Инвестигативы-коррекции и способы их маркирования в дискурсе

Следствием ономасиологической рефлексии, выявившей несоответствие знака и денотата, является запуск повторного поиска номинации. Инвестигатив-коррекция представляет собой конструкцию, состоящую из двух компонентов – корректируемого и корректирующего языковых знаков. В синтагматической цепи корректирующая часть следует за корректируемой, тем самым на иконическом уровне воспроизводится ход и результаты метаязыковой рефлексии.

Считаем важным подчеркнуть, что в качестве инвестигатива-коррекции нами рассматриваются исключительно метаязыковые образования, иными словами, те фрагменты текста, которые представляют собой не результат дополнительного осмысления (переосмысления) внеязыковой реалии, а случаи так называемого «лингвистического редактирования», отражающего факт выбора более подходящих описываемой ситуации языковых знаков.

Типичным способом маркирования ономасиологической коррекции в дискурсе является использование отрицательных частиц в сочетании со знаками, выступающими объектом рефлексии. Вследствие негативной оценки акта номинации говорящий отказывается от своего изначального выбора, ищет замену знаку и предъявляет её в речи: *«Гремела музыка ...»* ***Нет, музыка не гремела,*** *какие бы мощные ни качали звук колонки.* ***Музыка лилась. Та музыка – лилась*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); ***Особенно удивил – нет, поразил –*** *Андрея ведущий этого марафона…* (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743).

Зачастую в инвестигативах-коррекциях отрицание исходного знака выделяется и усиливается с помощью частицы *даже*. Вместе с тем использование названной частицы обогащает инвестигатив следующим смысловым нюансом: исходный знак представляется не как абсолютно непригодный для выражения определенного содержания, но как требующий

уточнения: ***Даже не ошибка*** *– меньше. Просто* ***погрешность*** *в тысячной после запятой* (М. Степнова «Женщины Лазаря» // БД № 2026620743); *–* ***Даже не цинизм****, – сказал он, останавливаясь. –* ***Легкомыслие*** (В. Пелевин «Священная книга оборотня» // БД № 2026620743).

В большинстве случаев содержание инвестигатива-коррекции связано с уточнением передаваемых смыслов. Говорящий ищет лучшие способы выражения своей мысли, что находит прямое отражение в используемых метапоказателях коррекции (*лучше сказать*, *правильнее сказать*, *уместнее сказать* и др.): *С уборкой не помогали, только* ***наблюдали или, лучше сказать, надзирали*** (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743); *Но он* ***разглядел. А правильнее сказать – узнал.*** *Не сомневался ни секунды: лодка шла за ним* (Г. Яхина «Дети мои» // НКРЯ, ОПК); *Можно прийти и остаться один на один с экспонатами. Хорошо если это Эрмитаж, когда* ***уместнее сказать не «пришел», а «вернулся».*** *Но когда находишься в незнакомом городе и хочешь о нем узнать, как обойтись без того, кто поможет приоткрыть новый мир?* (В. Писигин «Письма с Чукотки» // НКРЯ, ОПК).

Направление в сторону уточнения продуцентом сообщаемого содержания задается в инвестигативах-коррекциях также при помощи метапоказателей *точнее, вернее, скорее*: *Там же жил Валерик – продавец* ***дешевой самопальной водки****, а* ***точнее адского пойла*** *с устойчивым запахом ацетона, которое употребляли местные алкаши* (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743); *Тогда я не без трепета* ***пошел – вернее, полез*** *вверх по огромным ступеням* (В. Пелевин «Смотритель» // БД № 2026620743); *Во дворе вихрило непривычное, в первый момент испугавшее Сергеева* ***оживление. Суматоха, скорее*** (Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743).

В некоторых случаях границы инвестигатива-коррекции могут расширяться. В его объем включаются отрезки текста, специально поясняющие мотивы имеющей место коррекции: *То, что я увидел, было*

подобием светящегося всеми цветами радуги потока, неизмеримо широкой реки, начинавшейся где-то в бесконечности и уходящей в такую же бесконечность. Она простиралась вокруг нашего острова во все стороны насколько хватало зрения, но все же это было не море, ***а именно река, поток, потому что у него было явственно заметное течение*** (В. Пелевин «Чапаев и Пустота» // БД № 2026620743); *А с другой стороны горницы ещё одна дверь отворилась, и* ***входит теща. Али сказать, вплывает: баба толщины необъятной, половина уж в горнице, здоровается, а другая половина ещё и в двери не взошла, ждать надо*** (Т. Толстая «Кысь» // БД № 2026620743).

Необходимо отметить, что деление ономасиологических рефлексивов на указанные семантические группы становится возможным при глубоком и детальном рассмотрении языкового материала. Через построение этой классификационной матрицы решается задача комплексного описания рефлексивов ономасиологического типа. Вместе с тем не стоит забывать, что инвестигативы каждой из выделенных семантических групп являются продуктом целостного процесса метаязыковой рефлексии. Об этом, в частности, говорит тот факт, что иногда все стадии ономасиологической рефлексии «выходят на поверхность» в одном инвестигативе, совмещая в себе хезитацию, оценку и коррекцию: *Но главред отреагировала* ***удивительно… Нет, не спокойно, а как-то мужественно*** (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743); *Подняла лицо на секунду – вообще! Я такой прибалдел.* ***Лунарики … не, глаза – глаза у неё, настоящие – темные, яркие такие, большие…*** (Р. Сенчин «Сюжеты» // БД № 2026620743).

Данное замечание и иллюстрирующие его языковые примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на всю свою эвристическую ценность, типологический метод имеет свои ограничения, которые скрывать целостную картину изучаемого явления.

Выводы

Обыденный метаязык представляет собой интерпретирующую систему, направленную на описание языка и реализующую себя в границах семиотических измерений. Под семантикой метаязыка понимаются результаты интерпретации и описания языковых знаков или их последовательностей. При этом метаязыковой рефлексии могут подвергаться как означающие знака, так и его означаемые. Предметное поле семантики метаязыка образовано метаязыковыми конструкциями (рефлексивами), в которых зафиксированы результаты рефлексии над различными характеристиками языковых знаков.

Ввиду содержательного многообразия семантических рефлексивов ключевая задача при изучении семантики метаязыка заключается в построении их типологии. Релевантным признаком, определяющим основание для классификации семантических рефлексивов, выступает направленность метаязыковой рефлексии. Она может опираться как на семасиологический принцип, т.е. протекать от заданного знака к его характеристикам, так и на ономасиологический принцип, т.е. осуществляться в процессе выбора знака, занимая пространство от предметно-понятийной области к ее обозначению. Действие указанных принципов обеспечивает разделение семантики метаязыка на семасиологию и ономасиологию метаязыка. Рефлексивы семасиологического типа определяются как рецептивные ввиду того, что в них происходит восприятие и осмысление заданного элемента кода. Рефлексивы ономасиологического типа характеризуются как продуктивные ввиду того, что их рождение напрямую связано с актом семиозиса.

Выявленные типы обладают набором дистинктивных признаков, которые устанавливаются путем сопоставления рефлексивов в рамках следующих

дихотомий: 1) «статика / динамика»; 2) «линейность / нелинейность»; 3) «открытость / закрытость структуры». Первая дихотомия позволяет определить объект рефлексии как статичную единицу или динамичное явление (процесс). Вторая дихотомия раскрывает положение рефлексива относительно основной линии семиозиса разворачивающегося дискурса, при этом либо относя рефлексив к основной линии повествования (признак линейности), либо выводя его за пределы данной линии (признак нелинейности). Третья дихотомия разделяет рефлексивы по наличию или отсутствию объекта рефлексии в структуре самого метаязыкового комментария. В рефлексивах открытого типа объект рефлексии получает эксплицитное выражение. В рефлексивах закрытого типа объект рефлексии невербализован, им выступает семиотическая связь знака и денотата.

В ходе исследования установлено, что рефлексивы семасиологического типа характеризуются статичностью, нелинейностью и открытостью структуры, а рефлексивы ономасиологического типа – динамичностью, линейностью и закрытостью структуры.

Семантическое измерение является проекцией информационно-исследовательской функции метаязыка. Рефлексивы семасиологического типа формируются под действием метафатической, пояснительной, характеризующей и оценочной эпифункций. Рефлексивы ономасиологического типа реализуют в себе потенциал поисковой эпифункции.

Для обозначения семасиологических рефлексивов обосновывается введение термина *интерпретативы*, для ономасиологических рефлексивов – термина *инвестигативы* (от лат. *Investigation* – «поиск»).

Семантика интерпретативов соответствует базовым категориям языковой семантики, отражающим фундаментальное противопоставление дескриптивных значений оценочным значениям. Интерпретативы с дескриптивной семантикой передают результаты рефлексии над разного рода семиотическими характеристиками языковых единиц: особенностями внешней и внутренней формы, собственно-языкового и когнитивно-

прагматичекого содержания, происхождения, узуального и нормативного употребления и т.д. Интерпретативы с оценочной семантикой представляют собой оценочные комментарии к элементам языкового кода.

В качестве релевантного признака, положенного в основание типологии интерпретативов с дискрептивной семантикой, выступает объект метаязыковой рефлексии. Верхний ярус типологии образуют группы интерпретативов, описывающих 1) форму знаков и 2) содержание знаков. Следующий ярус типологии формируется выделением интерпретативов внешней формы (характеризуют материальную оболочку знака в ее фонетическом или графическом исполнении) и интерпретативов внутренней формы (актуализируют морфосемантическую структуру знака). Интерпретативы, описывающие содержательные характеристики элементов языкового кода, в свою очередь, подразделяются на *интерпретативы ближнего значения* и *интерпретативы дальнего значения*.

Первые интерпретируют собственно языковую семантику знака включая объективные системные значения знаков и субъективные контекстуальные смыслы, транслирующие индивидуальное восприятие говорящими семантики языковых единиц. Вторые представляют собой комментарии, в которых находит отражение информация энциклопедического характера, актуализация которой в пространстве рефлексива обеспечивается обращением говорящего к когнитивно-дискурсивному полю текста.

Анализ эмпирического материала позволил прийти к выводу, что для создания типологии интерпретативов с оценочной семантикой принцип таксономии от объекта рефлексии также оказывается релевантным. Как правило, метаоценка формируется под влиянием тех характеристик, которыми обладает одна из сторон знака – означающее или означаемое. Среди метаоценок, относящихся к форме знака, наблюдается дифференциация на интерпретативы внешней и внутренней формы знака с явным количественным преобладанием первых. Вместе с тем в ходе

изучения метаоценок содержания знаков не были обнаружены признаки сегментирования объекта рефлексии и соответственно основания для их дальнейшего деления на интерпретативы «ближнего» и «дальнего значения» по аналогии с интерпретативами дескриптивной семантики. Как правило, метаоценка относится к целостному нерасчлененному содержательному пространству, актуализированному с помощью знака.

При таксономии метаоценок наряду с формальным признаком «объекта рефлексии» в работе использовался семантический признак, что позволило выделить два обширных класса метаоценок (рис. 4): 1) интерпретативы, выражающие общеоценочные значения, и 2) интерпретативы, выражающие частнооценочные значения. Интерпретативы с общеоценочной позитивной или негативной семантикой отличаются относительной однородностью и транслируют метаоценки, которые обладают прототипическим значением, выражаемым прилагательными *хороший / плохой*. Интерпретативы с частнооценочной семантикой гораздо менее однородны и подразделяются на следующие группы: 1) сенсорно-оценочные; 2) психолого-оценочные и 3) прагма-оценочные.

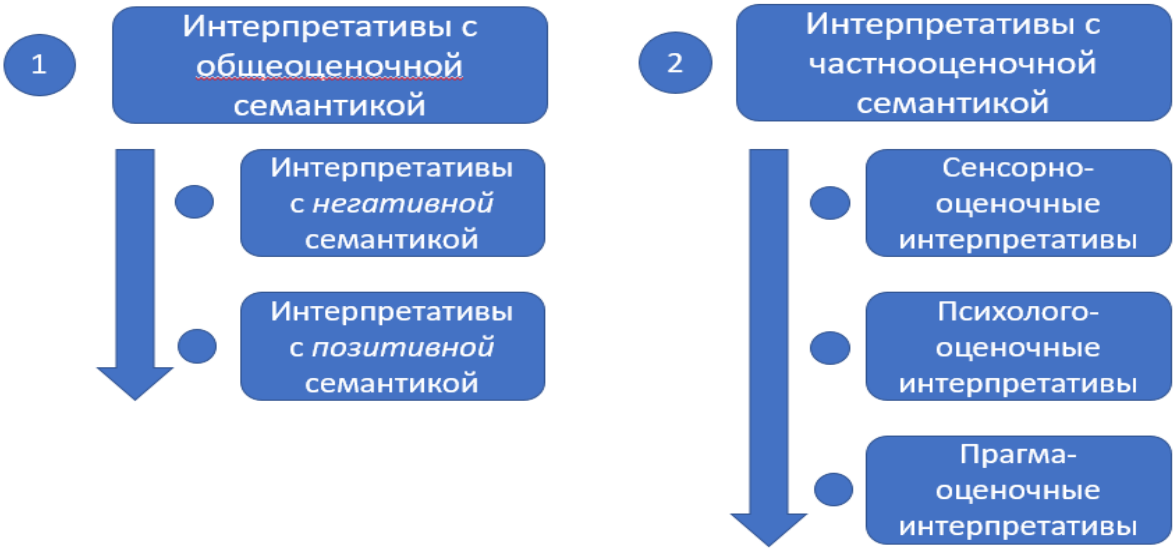

Рисунок 4 – Типология интерпретативов с оценочной семантикой

Сенсорно-оценочные интерпретативы отражают оценки языковых единиц, полученные под действием чувственных анализаторов (визуального, слухового, тактильного и др.). Психолого-оценочные интерпретативы опираются на психологические механизмы восприятия и осмысления знака, действующие в сознании языковой личности. Они затрагивают как область интеллектуальной оценки, так и область эмоциональной оценки знака. Прагма-оценочные интерпретативы формируются в результате осмысления практической деятельности носителей языка. В передаваемых оценках они выдвигают на первый план качества нормативности и утилитарности языковых единиц.

Типология рефлексивов семасиологического типа имеет многоярусную структуру. Она строится не только на базе общесемантических показателей (деление на интерпретативы дескриптивного и оценочного значения) и формальных показателей (деление на интерпретативы в соответствии с признаком объекта рефлексии). Еще один системный признак, определяющий таксономию интерпретативов, имеет самое непосредственное отношение к природе феномена обыденного метаязыка. Им выступает признак глубины метаязыковой рефлексии. Последняя может носить как поверхностный, так и глубинный характер, что каузирует возможность наличия у интерпретативов качественных градуальных признаков.

Фокус поверхностной метаязыковой рефлексии остается в границах буквального восприятия объекта, а в самом рефлексиве номинируются (констатируются) объективные характеристики знака. Такого рода интерпретативы в работе получили название *констатирующих*. В них, как правило, в эксплицитной форме декларируются формальные и содержательные особенности элементов языкового кода.

Фокус глубинной метаязыковой рефлексии выходит за рамки буквального восприятия объекта. Рефлексия трансформируется из констатирующей в исследовательскую, а поиск знания осуществляется через когнитивные операции, связанные с оценкой, сравнением, категоризацией

объекта рефлексии, помещением его в разного рода ассоциативные ряды. Интерпретативы, образованные в результате действия глубинной метаязыковой рефлексии, в работе определены как *операциональные*. К их числу относятся интерпретативы, содержащие элементы оценки знака; интерпретативы, использующие ассоциативный потенциал знаков; интерпретативы, фиксирующие обращение к элементам профессионального (лингвистического) знания; интерпретативы, построенные на действии когнитивных механизмов инференции и др.

В ходе исследования было установлено, что градуальная таксономия интерпретативов не вступает в противоречие с их объектной классификацией, качественные градуальные признаки и формальные объектные признаки интерпретативов дополняют друг друга, формируя разноуровневую и многоаспектную картину семасиологии метаязыка (табл. 1).

Таблица 1 – Пересечение качественных градуальных признаков и формальных объектных признаков интерпретативов

		Признак объекта рефлексии			
		Форма знака		Содержание знака	
		Внешняя форма	Внутренняя форма	Ближнее значение	Дальнее значение
Признак глубины рефлексии	Поверхностная	Констатирующие рефлексивы			
		Констатирующие рефлексивы внешней формы	Констатирующие рефлексивы внутренней формы	Констатирующие рефлексивы ближнего значения	Констатирующие рефлексивы дальнего значения
	Глубинная	Операциональные рефлексивы			
		Операциональные рефлексивы внешней формы	Операциональные рефлексивы внутренней формы	Операциональные рефлексивы ближнего значения	Операциональные рефлексивы дальнего значения

Анализ рефлексивов ономасиологического типа (инвестигативов) позволил прийти к выводу об их содержательной неоднородности. Дифференциация инвестигативов на отдельные таксономические группы связана с особенностями протекания процесса нетривиального выбора знака, в ходе которого реализуется рефлексия ономасиологической (поисковой) направленности. Данный процесс сегментируется на несколько этапов: 1) собственно этап поиска адекватной номинации; 2) этап оценки выбранной номинации; 3) этап коррекции выбора. На каждом из указанных этапов рефлексии рождается соответствующий рефлексив: 1) инвестигатив-хезитация; 2) инвестигатив-оценка; 3) инвестигатив-коррекция.

Инвестигатив-хезитация маркирует метаязыковое напряжение в дискурсе в виде хезитаций (колебаний) коммуниканта, которые свидетельствуют о трудностях в процессе выбора номинации. На поверхности текста хезитация выражается как с помощью нелингвистических (паралингвистических) средств (паузы хезитации и паралингвистические сигналы), так и с помощью собственно лингвистических средств. К числу последних, помимо развернутых высказываний, эксплицитно описывающих затруднения при выборе знака, относятся многочисленные метаоператоры, грамматически восходящие к различным классам слов (вводные слова и обороты, союзы и союзные слова, неопределённые наречения, частицы).

Инвестигатив-оценка отражает результаты метаязыковой рефлексии на предмет соответствия денотативно-понятийного содержания значению выбранной номинации. Оценка, представленная в метаязыковом комментарии, дает заключение об успешности / неуспешности проведенного метаязыкового поиска. Семантика инвестигативов данной группы носит градуальный характер и воспроизводит три класса оценок. Во-первых, инвестигативы с помощью комплекса метаоператоров выражают положительную оценку, что свидетельствует об успешном выборе номинации. Во-вторых, благодаря употреблению соответствующих

метаоператоров в содержании инвестигатива может фиксироваться частичное соответствие между экстралингвистической реальностью и значением знака. В-третьих, инвестигатив может содержать негативную оценку выбора номинации. При этом факт номинативной неудачи маркируется с помощью специального набора метаязыковых средств.

Инвестигатив-коррекция является реакцией на негативную оценку продуцентом выбранного знака, приводящей к перезапуску процедуры метаязыкового поиска. Он представляет собой конструкцию, состоящую из следующих компонентов: 1) корректируемого знака; 2) корректирующего знака; 3) специального метапоказателя коррекции (лингвистического редактирования).

Общая типологическая картина семантических рефлексивов обретает следующий вид (рис. 5).

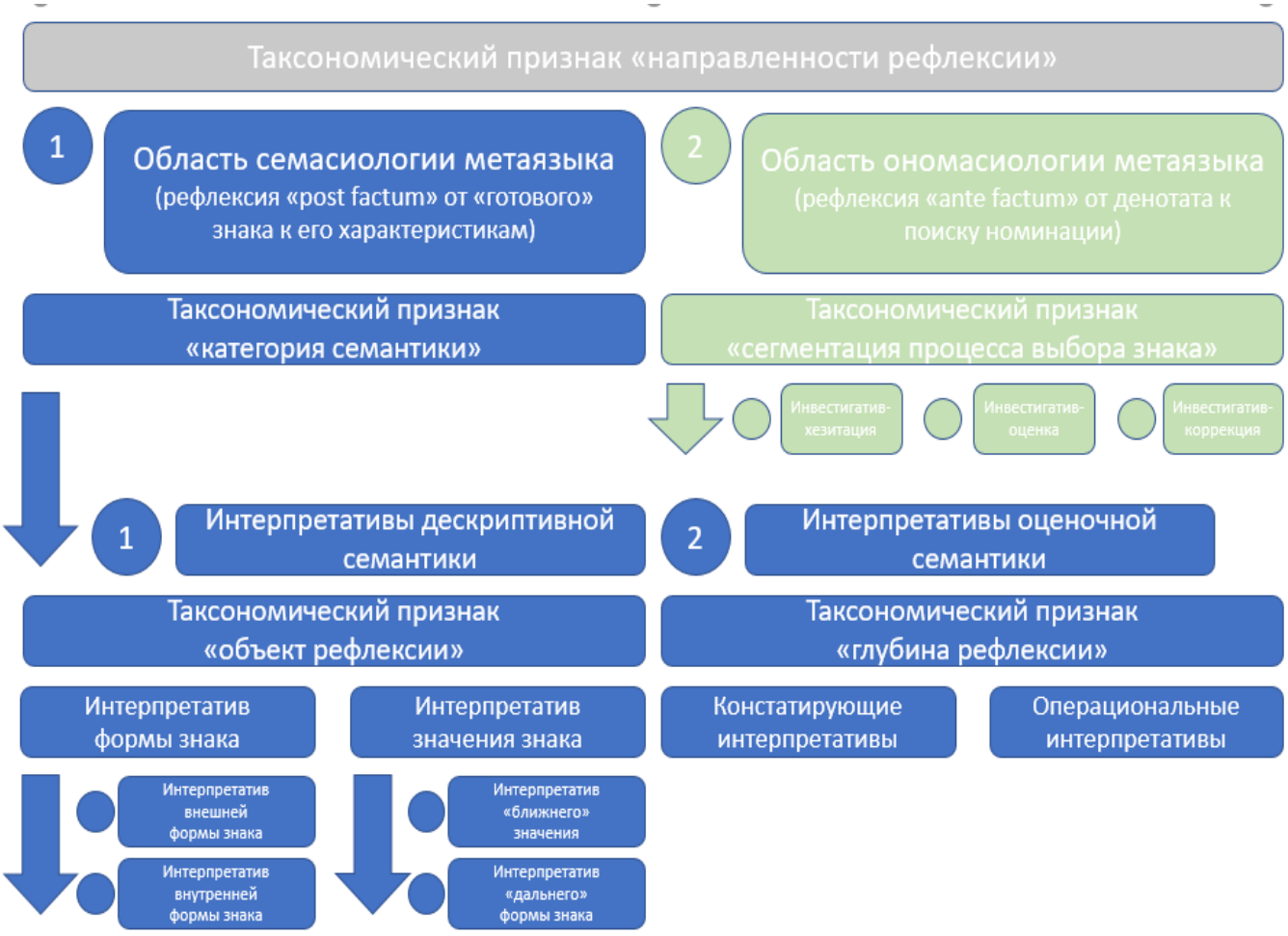

Рисунок 5 – Типология семантических рефлексивов

Глава 4. СИНТАКТИКА ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА

4.1. Общая характеристика предметного поля синтактики обыденного метаязыка

Синтактика представляет собой внутрисистемное измерение семиотической триады обыденного метаязыка. Это значит, что её предметное поле локализуется в пространстве между знаками – элементами кода. Действительно, если семантика и прагматика (несмотря на всю их системность), апеллируя соответственно к континууму смысла и к субъективному миру коммуникантов, обладают внесистемными расширениями, то синтактика смотрит исключительно «внутрь системы».

Как было отмечено выше, в семиотике метаязыка мы видим не традиционную семиотику объекта, а семиотику интерпретации объекта. Поэтому синтактика метаязыка выходит за рамки объектных отношений «знака к знаку». Поднявшись на метауровень, она обретает способность фиксировать, интерпретировать и эксплицировать вышеназванные отношения. Иными словами, синтактика обыденного метаязыка определяется как семиотическое измерение, формирующееся вокруг интерпретации отношений между знаками (их последовательностями), расположенными в синтагматической цепи (в тексте).

Если интерес к проблеме метаязыковой семантики был подготовлен фундаментальными исследованиями Р. Якобсона, перенесшего центр тяжести определения значения знака в область метаязыковых операций и видевшего в метаязыке «решающий внутриязыковой фактор» (Якобсон, 1985 в, с. 382), то вниманием к проблемам синтактики метаязыка

лингвистика в полной мере обязана А. Вежбицкой. Именно её статья, озаглавленная «Метатекст в тексте» (Вежбицка, 1978), стала отправной точкой для глубокого и скрупулезного анализа вопроса, а также переноса его обсуждения на страницы многочисленных лингвистических работ. В связи со сказанным следует отметить тот факт, что в отечественной науке о языке первые исследования обыденного метаязыка были посвящены именно синтаксической проблематике, т.е. метатексту (Андрющенко, 1981; Николаева, 1987; Виноградова, 1991), что свидетельствует о бесспорном влиянии концепции А. Вежбицкой.

Принимая во внимание всю сложность и противоречивость терминологического выбора при определении единиц метаязыка, считаем именно *метатекст,* введенный в широкий научный оборот А. Вежбицкой, наиболее подходящим термином для обозначения рефлексивов, интерпретирующих синтаксические отношения. Сама внутренняя форма термина предполагает, что референтом метаязыкового комментария выступают внутритекстовые отношения. Тем самым в метатексте содержится информация о конструктивном каркасе текста. «Терминологическая уязвимость» *метатекста* связана исключительно с попытками его экстраполяции на все единицы метаязыка. В нашей работе сфера его использования ограничена измерением синтактики. В дальнейшем все рефлексивы, отражающие особенности синтаксических отношений между знаками, мы будем квалифицировать как метатекст.

В представлении А. Вежбицкой текст является гетерогенной структурой, соединяя в себе высказывания о мире и высказывания о высказывании. При этом последние «проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» (Вежбицка, 1978, с. 421). Исследователи текстовых категорий отмечают, что важнейшие из них, такие как связность, целостность, автосемантия и некоторые другие нередко манифестируются именно в метатекстовой форме (Гальперин, 2005; Перфильева, 2006). Подобная роль

метатекста дает основания видеть в нем «своего рода коммуникативный «дейксис», указывающий на тему сообщения, организацию текста, его структурированность и связность» (Рябцева, 1994, с. 90).

Степень «нагруженности» текста метаязыковыми контекстами, раскрывающими его синтаксические связи, во многом определяется функциональной направленностью самого текста (впрочем, данное замечание можно распространить и на другие измерения естественного метаязыка). Тем самым метатекст превращается в один из параметров, в соответствии с которыми осуществляется анализ и характеристика текста. Так, А. Вежбицка считала возможным дифференцировать тексты в зависимости от «количественного и качественного “вклада” метатекста в текст» (Вежбицка, 1978, с. 421).

Опираясь на данный принцип, констатируем, что метатекст играет заметную роль в организации так называемых «интерпретирующих речевых актов». Под последними принято понимать реактивные реплики-реакции, выражающие интерпретацию пропозиционального содержания предшествующих реплик собеседника (Кобозева, Лауфер, 1994, с. 64). Исследователи интерпретирующих речевых актов установили, что значительное место в формировании их конструктивных элементов принадлежит именно метатекстовым средствам (Кобозева, Лауфер, 1994; Вилкова, 2003; Абреу-Фамлюк, 2022; Ахметова, 2024).

Рефлексия над структурной организацией текста особенно востребована в письменной коммуникации самых различных жанров (Рябцева, 2005, с. 386) ввиду её ориентации на логическую и грамматическую упорядоченность, информативную избыточность и подчеркнутую нормативность. Полагаем, что этим объясняется явный крен в сторону изучения метатекста в специальных текстах, среди которых приоритет отдается текстам научного (Кириллова, 1993; Шаймиев, 1996; Губарева, 2011; Сюй Хун, 2011; Виноградов, 2017; Гаврилова, 2017; Екимов, 2022) и учебного (Турунен, 1999; Рытикова, 2010; Губарева, 2011; Никитина, 2021)

содержания. Необходимо заметить, что исследования проблем метатекста не обходят стороной тексты художественного (Бокарева, 1999; Арсеньева, 2008; Лукина, 2009; Федотова, 2019; Карпухина, Смирнова, 2020; Абраменко, 2021; Байгарина, 2022; Осьмухина, Марьюшкина, 2022; Кравченко, 2024 а) и разговорного дискурсов (Плотникова, Шавалиева, 2017; Шавалиева, 2019).

Трудности анализа предметного поля синтактики метаязыка в первую очередь связаны с синкретизмом входящих в него метаязыковых конструкций. В отличие от семантики и прагматики метаязыка, где объектом метаязыковой рефлексии становятся со структурной точки зрения относительно простые и регулярные элементы языкового кода, синтактика метаязыка имеет дело с протяженными, объемными единицами, развернутыми в текстовом пространстве. Зачастую элементы кода, объединенные в коммуникативно оформленные микро- и макроструктуры, обрастают новыми свойствами и признаками, проходя разные стадии феноменологической трансформации. Так, на уровне текста (дискурса) сочетание знаков преобразуется в *просьбу*, *обвинение*, *комплимент*, отражает *ход мыслей и переживаний говорящего,* в результате чего границы между собственно метатекстом и ментальным (коммуникативным) модусом высказывания фактически стираются.

Если в главах, посвященных анализу семантики и прагматики метаязыка, мы последовательно избегаем обращений к синкретичному материалу, соблюдая «чистоту» эмпирических данных (проблема разграничения метаязыковых контекстов со смежными явлениями получила специальное изложение в параграфах 2.3.1. – 2.3.3.), то распространить эту практику на поле синтактики представляется a priori затруднительным. На синтаксическом уровне языковые и ментальные единицы вступают в своеобразный коммуникативный резонанс. Использование в текущей части исследования (в главе о синтактике метаязыка) синкретичного языкового материала, с одной стороны, не позволяет в полной мере добиться однозначности и целостности

полученных результатов, с другой – раздвигает рамки работы, обеспечивая реализацию в ней принципов междисциплинарности.

Рефлексия на уровне синтаксического измерения характеризуется высоким уровнем абстракции. Поэтому её результаты далеко не всегда удается воплотить в простейших исконных средствах языка. Для этого в его системе потребовалось разработать специальную номенклатуру синтаксических метапоказателей. Последние отчетливо разделяются на две гетерогенные части: структуры эксплицитного метатекста и структуры имплицитного метатекста. Первые формируются за счет лексикализации денотативных особенностей языкового кода и номинализации разного рода коммуникативных намерений говорящих. Они маркируют автонимное употребление знаков в тексте, обеспечивают трансляцию идеи кореферентности между знаками, употребленными в метаязыковой функции. Поэтому подобные метаязыковые средства целесообразно относить к категории металексики.

Структуры имплицитного метатекста образуются в результате грамматикализации разнообразных вводных слов и оборотов. Значительная их часть строится на базе так называемых «глаголов речевых действий», ядром которых являются глаголы *говорить* и *сказать*. Грамматикализуясь, метаоператоры «короче говоря», «иначе говоря», «кстати говоря», «что называется» и многие другие (определение их исчерпывающего списка должно стать предметом специального исследования) выступают в роли коммуникативных сигналов, свидетельствующих об имевшей место интерпретации синтаксических отношений.

Таким образом, поле синтактики обыденного метаязыка имеет четкое разделение на «лексическую» и «грамматическую» области. «Лексическая» область связана с маркированием автонимного употребления знака и выражением метаязыковой кореферентности. «Грамматическая» область нацелена на передачу результатов рефлексии над широким спектром синтаксических отношений.

Перед тем как приступить к описанию заявленных областей синтактики метаязыка, отметим, что феномен метатекста находит опору в связующей и категоризирующей функциях естественного неспециализированного метаязыка (подробнее о функциях метаязыка см. параграф 2.1.3.). Связующая функция обеспечивает осмысление и поддержание внутритекстовых связей, чем в итоге достигается формальная и смысловая связность текста. Категоризирующая функция через созданную семантическую нишу позволяет давать знаку метаоценку. При этом категоризирующий и категоризируемый элементы кода образуют единое поле денотативной отнесенности.

4.2. Лексикализация метатекста

4.2.1. Внутритекстовая актуализация автонимного употребления знаков средствами металексики

Представление о том, что содержательное пространство текста наполнено исключительно смыслом входящих в него слов и устойчивых выражений носит поверхностный характер. Понимание текста определяется не только знанием суммы значений его компонентов. Оно фактически невозможно без установления референции (денотативной отнесенности) именных групп, актуализированных в синтагматической цепи. Если значение способно существовать вне коммуникативного контекста и рассматриваться как изолированная сущность, то референция реализуется только в процессе реализации системы языка – в речи. Значения апеллируют к ментальным образам, а референция обеспечивает привязку знаков к внеязыковой

действительности. Тем самым содержательная сторона языка имеет внутреннюю и внешнюю ипостаси, что дало основание У.О. Куайну говорить о разделении семантики на две части – «слабую» (теория значения) и «сильную» (теория референции).

С помощью референции решается фундаментальная задача текстообразования, которая состоит в том, что «в тексте должна быть задана “эволюция”, преемственность, рекурсия предмета внимания, и наращивание смысла, прогрессия сообщения о нем» (Рябцева, 1994, с. 89). Указанный предмет внимания должен обладать определенной денотативной отнесенностью и возможностью её адекватного определения. Тем самым референция выступает непременным условием обеспечения связности и цельности текста.

Заметим, что изучение проблем метаязыка и теории референции протекало параллельно, а исследовательские контексты практически не пересекались. Вместе с тем, по-нашему мнению, метаязык и референция как лингвистические феномены имеют ряд явных научно обоснованных точек соприкосновения, что ниже будет нами продемонстрировано.

Во-первых, теория метаязыка и теория референции отличаются общностью происхождения. Как известно, они зародились в рамках логики. Более того, их секуляризация как отдельных научных направлений с междисциплинарным статусом пришлась на близкие временные периоды – 40-е – 60-е годы XX века. Вслед за уже упомянутыми работами А. Тарского и Р. Карнапа (Тарский, 1972; Carnap, 1964), создавшими импульс для введения в научный оборот термина *метаязык*, логические основания теории референции формулируются в исследованиях Г. Фреге (Фреге, 1997) и Б. Рассела (Рассел, 1982). Впоследствии узко логический подход названных ученых в сторону когнитивной интерпретации референции был скорректирован в работах П.Ф. Стросона (Стросон, 1982) и У.О. Куайна (Куайн, 1982), что обеспечило возможность приложения теории референции к анализу лингвистических данных (Арутюнова, 1982).

В отечественной лингвистике задача построения референциальной модели языка успешно решалась Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1976), Е.В. Падучевой (Падучева, 2010), Л.Б. Лебедевой (Лебедева, 1991). В дальнейшем их идеи успешно развивались в фундаментальных трудах А.Д. Шмелева (Шмелев, 1995), О.А. Алимурадова (Алимурадов, 2003; 2006; 2008), О.Е. Фроловой (Фролова, 2008). Не преследуя цели представления подробного обзора лингвистической литературы по теории референции, мы возвращаемся к главному вопросу текущего момента исследования – определению связей между явлениями референции и метаязыка.

Вторая точка соприкосновения референции и метаязыка имеет более глубокие корни и опирается на онтологическую природу рассматриваемых феноменов. Референция и метаязык напрямую связаны со сферой употребления языка. Они порождаются в процессе его использования. Действительно, вне речевого контекста можно говорить только о потенциальной референции именных групп, а в отношении метаязыка – о потенциальной способности знаков естественного языка к самоинтерпретации и самоописанию, закладывающей высокий уровень гибкости языкового кода, что, в свою очередь, позволяет адекватно отвечать на разнообразные коммуникативные вызовы. Метаязыковые контексты рождаются только в ходе речевой деятельности. Все сказанное позволяет квалифицировать референцию и метаязык как речецентричные (текстоцентричные) сущности.

Изучение метаязыка проходит в тесном взаимодействии с анализом референциальных признаков речи (текста). Релевантность разделения языка, используемого в объектной функции, и метаязыка определяется сугубо референциальными критериями. Внешняя референция свидетельствует об объектном употреблении знаков, внутренняя – маркирует трансформацию языка в метаязык. Таким образом, в основе выделения метаязыковых контекстов лежит тест на денотативную отнесенность используемых в тексте имен.

Ученые, занимавшиеся лингвистическими проблемами референции, обнаружили, что в тексте содержится не одно, а два референциальных поля. Насколько нам известно, впервые, отдельно от внешнего поля референции, «сфера вербальной реальности» была выделена и описана в диссертационном исследовании Л.Б. Лебедевой (Лебедева, 1991, с. 18-19). В нем автором изложена позиция, в соответствии с которой «… текст представляет собой еще и информационную структуру, которая имеет только вербальное воплощение, составляющие ее единицы – это информативные языковые произведения, которые сами обладают референциальным аспектом …» (Ibid., с. 18).

Развивая идею Л.Б. Лебедевой, Н.К. Рябцева говорит о наличии в тексте «вторичной референциальной среды» (Рябцева, 1994, с. 89). По её мнению, в последней осуществляется референция к вербальному пространству текста, его пропозициональной структуре. При этом развертывание текста происходит в форме метатекста (Ibid.).

Придерживаясь схожих взглядов, считаем, что область референции текста целесообразно разделить на поле внешней референции и поле внутренней референции. Мы отдаем предпочтение последнему термину (в сравнении с термином *вторичная референциальная среда*) ввиду отсутствия у него оценочного оттенка значения. Ниже он активно будет использоваться при описании вопросов синтактики обыденного метаязыка.

В высказываниях, относимых к полю внутренней референции, также должна обеспечиваться связность и преемственность содержания. Один из основных способов их достижения состоит в реализации принципа кореферентности знаковых средств. Применительно к метаязыку это означает, что в относительно близком окружении к слову, употребление которого характеризуется внутренней референцией, целесообразно использование его референциального дублера. Это создает предпосылки для лексикализации метатекста. В результате лексикализации в разряд метатекстовых средств попадают метапоказатели, с одной стороны, создающие кореферентную среду, с другой – дополнительно маркирующие автонимное употребления знака (т.е.

его референцию к самому себе). Лексикализация метатекста позволяет ему предстать в тексте в эксплицитной форме.

В ходе исследования нами было установлено, что субстантивы в определенных случаях способны выступать в качестве актуализаторов (маркеров) автонимного употребления знаков, т.е. фактически замещать ту функцию, которая в большинстве языков отводится местоимениям и артиклям. Эти субстантивы образуют открытую группу имен, способных в определенных контекстах к передаче метаязыковых значений. При этом они характеризуются семантическим разнообразием, а указанная группа формируется из слов, относящихся к разным лексико-семантическим классам. В нее входят лексемы, которые В.Г. Гак называл «речевыми словами» (Гак, 1994), а также широкий спектр имен, относимых Н.К. Рябцевой к маркерам коммуникативного модуса (Рябцева, 1994). Несколько позднее она же ввела понятие металексики. При этом автором отмечалось, что «металексика имеет валентность на “содержание”, причем её значение определяется тем референтом текущей ситуации общения, на который она “указывает”, который “цитирует”…» (Рябцева, 2005, с. 443). Для обозначения конструкций лексикализованного метатекста мы воспользуемся термином «металексика». Однако включение в его состав лексем предлагаем осуществлять не на семантических, а на функциональных основаниях. Иными словами, предлагается раздвинуть экстенсиональные рамки термина до тех пределов, которые позволят включить в его объем любые имена, участвующие в актуализации автонимных употреблений знаков.

Нужно понимать, что металексика в языке далеко не монофункциональна. Она может также широко использоваться вне метаязыковых контекстов, апеллируя к объектам внешнего мира. Её «объектное» употребление проиллюстрируем следующими примерами: *После нескольких дней, проведенных за тупым перечитыванием книги, в которой понятно каждое* ***слово*** *в отдельности, но непонятно, что они означают в комбинации, я не могу сказать, что я стала здорово*

разбираться в статистике, но по крайней мере я стала лучше разбираться в своем дипломе (benedicte. Запись LiveJournal // НКРЯ, ОПК); *Мне кажется важным, чтобы* ***высказывание*** *было искренним* (М. Маркер, К. Сафонова «”Мы все умрем, почему бы не повеселиться?”: Миша Маркер о питерском “билборде”» / «Афиша Daily» // НКРЯ, ОПК); *Пришлось сваливать на квип, что он, убогый, какие-то непонятные* ***сообщения*** *от моего имени посылает* (agd-ardin, Колючий друг. Переписка в ISQ // НКРЯ, ОПК).

Элементом метатекста знак становится, актуализируя автонимное употребление слова (последовательности слов) и обеспечивая единство референтов в поле внутренней референции. В зависимости от синтаксической позиции по отношению к знаку-автониму следует различать два типа актуализационных конструкций. В условно первом типе слово-актуализатор предшествует слову-автониму, т.е. выступает в роли антецедента. В этом случае говорящий в какой-то степени готовит слушающего к восприятию автонимного употребления слов. Такой тип актуализации мы будем называть *интродуктивным*: *Я понимаю, что* ***слова «в центре души»*** *звучат странно – у души ведь никакого центра нет* (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743); *...Вот есть* ***выражение – стадо баранов*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); *Перечитал и задал себе* ***вопрос: зачем я записываю все эти ужасы?*** (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743).

Второй тип отличается тем, что маркер актуализации расположен в вербальном пространстве, следующим за знаком-автонимом. Таким образом, актуализатор оказывается в позиции постцедента. Говорящий как бы возвращается к слову, подвергая его повторной, на этот раз более глубокой, метаязыковой рефлексии. Вместе с рефлексией переключаются референциальные планы. Такой тип актуализации мы будем называть *рекуррентным*: *Мой выбор –* ***сура****. Мне безумно нравится само это* ***слово*** (В. Пелевин «S.N.U.F.F.» // БД № 2026620743); *Мы тут с Иннокентием говорили о* ***высшей справедливости****. Он любит это* ***выражение***

(Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743); *После паузы он спросил: – **А как?** … Хороший был **вопрос*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743).

Как показывает анализ эмпирического материала, оба названных типа актуализации автонимного употребления слов вовсе не находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Иными словами, не исключается возможность их одновременного (параллельного) использования в тексте. В такого рода случаях считаем уместным говорить о смешанном типе актуализации: *Будущий генерал переступил порог дома уже в том возрасте, когда волшебные **слова art nouveau** … не были для него пустым звуком. Два французских **слова** многократно звучали еще в Петербурге* (Е. Водолазкин «Соловьев и Ларионов» // БД № 2026620743); *И все эти часы, чуть не до самой агонии, он только одну **фразу** и повторял: **«вереница огненноволосых женщин, в погоне за беременным идолом»** … Я удивляюсь: вот бред же, сущий бред, но откуда это и как он такую вычурную **фразу** выговаривает?* (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743); *Выходец из народной среды, он напомнил **пословицу: Немудрено голову снять, мудрено приставить**… К несчастью, **пословицы** никто не услышал* (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743).

Рассмотрев типы актуализации автонимного употребления знаков, обратимся к более детальному изучению металексики, выступающей в роли строительного материала для лексикализованных структур метатекста.

4.2.2. Металексика и ее синтаксическая роль. Классы и разряды металексики

Под металексикой мы понимаем совокупность лексических единиц, способных выступать в качестве актуализаторов автонимного употребления

знаков в дискурсе и находящихся с последними в отношениях кореферентности. Металексика представляет собой мощный ресурс, позволяющий говорящему эффективно и сообразно коммуникативному замыслу чередовать референциальные планы, переходя от внешнего поля референции к внутреннему. Именно металексика выступает одним из важнейших средств связности в метаязыковых высказываниях, т.е. с её помощью строится метатекст. Тем самым металексика играет важную роль в функционировании синтаксического измерения обыденного метаязыка. Возможность отнесения того или иного слова к металексике определяется его синтаксической ролью. Поэтому металексика представляет собой семантико-синтаксическую категорию.

Исследование больших массивов эмпирического материала дает основание сделать вывод о целесообразности разделения металексики на два лексико-семантических класса: лингвокоммуникативного и социокоммуникативного. Лексика каждого из указанных классов подразделяется на лексико-семантические разряды. Членение металексики на классы и разряды формирует ее типологическую картину.

Все слова, относящиеся к металексике, обладают общим функционально-семантическим свойством, которое заключается в способности обозначать единицы коммуникации, разнообразные «вместилища» и «переносчики» информации, а также, выражаясь языком Н.К. Рябцевой, «иметь валентность на содержание». В качестве основания для их деления на классы мы избрали признак первичности / вторичности указанного значения в лексико-семантической структуре слова.

В лингвокоммуникативный класс слов входят лексемы, для которых названное значение является фактически основным. Их содержание прямо или косвенно указывает на связи денотатов с выполнением знаковых функций. Лингвокоммуникативный класс образуют пять лексико-семнтических разрядов слов: лингвистический, семиотический, логико-коммуникативный, лингвориторический и текстуальный. В описании

разрядов мы будем двигаться от ядра к периферии лексико-семантического класса, т.е. в порядке убывания у лексем признака «знаковости».

Начнем с лингвистического разряда слов. В него входят лексемы, напрямую использующиеся для описания языка. Поэтому они в первую очередь востребованы в качестве актуализаторов автонимного употребления знаков. Значительная часть лексики данного разряда является общеупотребительной. При использовании в метатекстовых конструкциях её терминологический потенциал, как правило, не задействуется. Приведенные ниже примеры свидетельствуют о том, что в метаязыковых контекстах могут фигурировать лексемы, имеющие отношение к обозначению самых разных уровней языка: – ***Ну а что***, *– отозвался старший Мерзляков, –* ***лучше так, чем весной выкапывать… Что там с ей будет весной… Увезут, похоронят, а там и мы следом…*** *И эти* ***слова*** *погасили возмущение…* (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743); *Я всегда считал себя* ***настоящим мужчиной****. Так оно, видимо, и было, но раньше я не до конца понимал, что это* ***словосочетание*** *означает* (В. Пелевин «Смотритель» // БД № 2026620743); ***Смерть. Столько раз слышал это слово и сам произносил и записывал эти шесть букв, но теперь я не совсем уверен, понимал ли я по-настоящему, что оно значит…*** *Вот написал это* ***предложение*** *и задумался* (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743); ***Исидор Чагин, архивист*** *(1940–2018). Табличку для могильного креста заказывал я. По-моему, достойный* ***текст*** *– информативно и лаконично* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743).

Вместе с тем лингвистическая терминология также способна выступать частью метатекста. По понятным причинам особой востребованностью пользуются термины, обозначающие различные лексические, лексико-грамматические и словообразовательные явления: *… Дамиола сказал: –* ***У каждого в шкафу свой скелет****… Хлоя, видимо, не поняла* ***идиомы****…* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.) // БД № 2026620743; *Родом Николаич был из сельца под названием* ***Елбань*** *– и все, что вы могли вообразить, услышав этот звучный* ***топоним****, меркнет перед действительностью…* (М. Степнова

«Женщины Лазаря» // БД № 2026620743); – *И все там* ***кушал****? – Дурацкий* ***глагол*** *какой, – пробормотал Сыроед* (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743); *...это слово надо писать именно так:* ***«баррельеф».*** *Это такая* ***контаминация****, наложение двух слов – «баррель» и «рельеф». Рельеф мировой и российской экономики теперь отчетливо будет определяться стоимостью барреля нефти на мировых рынках* (С. Новопрудский «Баррельеф. Фишки. Что было» // НКРЯ, ОПК).

К ядру лингвокоммуникативного класса следует причислить также лексемы, относящиеся к семиотическому разряду слов. Их прямое назначение состоит в номинации объектов, обладающих знаковой функцией. Поэтому в структуре метатекста нередко появляются слова с общесемиотическим значением (*сообщение, обозначение, имя, выражение* и др.): *В четверг шведское информационное агентство ТТ передало сенсационное* ***сообщение: допинг-проба «А», взятая у лучшей на сегодняшний день российской биатлонистки Альбины Ахатовой на этапе Кубка мира в итальянской Антерсельве 22-26 января, дала положительный результат*** (А. Митьков «Она была на грани жизни и смерти...» // НКРЯ, ОПК); *На гражданской панихиде кто-то из просвещенного начальства назвал Лихачева главой Лаборатории древнерусской литературы. Несмотря на негуманитарный оттенок слова* ***«лаборатория»****, такое* ***обозначение*** *можно и принять* (Е. Водолазкин «Эпоха Лихачева» // БД № 2026620743); *Так гладила меня когда-то* ***Анастасия****. Надо же, всплыло вдруг* ***имя*** (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743); *Что такое «советская ментальность» или сакраментальный* ***«совок»****, Татарский понимал не до конца, хотя пользовался этим* ***выражением*** *часто и с удовольствием* (В. Пелевин «Generation “П”» // БД № 2026620743).

Отдельные лексемы этого разряда, обладающие более богатой внутренней формой, имплицируют даже способ передачи информации: с помощью акустических означающих (*название, изречение* и др.): *Поезд шел*

около двух часов, останавливался четыре раза – в ***Александровской****, в* ***Гатчине****, в* ***Суйде*** *и, конечно же, в нашей* ***Сиверской****. Это первые мои на свете* ***названия****, первые признаки обитаемого мира вне Петербурга* (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743); *Но помни, что во многой мудрости много печали… Миу знала это* ***изречение*** (В. Пелевин «Transhumanism Inc.» // БД № 2026620743); или графических означающих (*надпись*, *подпись* и др.): *На афишах, расклеенных по городу в большом количестве, красуется* ***надпись: «Патрик Суэйзи приглашает»*** (Е. Губайдуллина «Танцы по-голливудски. Московские гастроли американского шоу-балета» / «Известия» // НКРЯ, ОПК); *Ниже красовалась такая* ***подпись: Спасу нет от произвола: посреди нейтральных вод съел магнитную гондолу немагнитный кашалот*** (А. Городницкий «И жить еще надежде» // НКРЯ, ОПК).

Роль актуализаторов автонимного употребления знаков выполняют слова логико-коммуникативного разряда. Логические формулы, будучи тесно связаны с языком, также способны передавать идею «вместилища» содержания. Так, в метатекстовых конструкциях широко представлены общеупотребительные слова данного разряда: *вопрос, ответ, утверждение, отрицание* и др. Ввиду высокой частотности их употребления в разных дискурсах, в том числе в дискурсе бытового общения, «логический» оттенок значения названных лексем может даже не восприниматься рядовыми носителями языка. В повседневном общении они скорее передают этапы и форму коммуникативного взаимодействия: – ***Чё заросший такой и грязный, с охоты что ли****? …Этот, казалось бы, простейший* ***вопрос*** *ставит меня в тупик* (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens» // БД № 2026620743); – ***Это – Агдамыч. Последний русский крестьянин****! – был* ***ответ*** (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743); *Все переживалось с удесятеренной мощью. В этом, да простится мне подобное* ***утверждение, тоже было что-то от кукольного театра*** (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743); *А сам А. Лавуазье категорически отрицал возможность*

*существования метеоритов – **«камни не могут падать с неба»**. Но что означало такое **отрицание**? Не что иное, как зачисление вновь открытого явления в область чудесного – ненаучного, невозможного* (В. Мезенцев «Чудеса: Популярная энциклопедия» // НКРЯ, ОПК).

Однако специальные смыслы обнаруживаются при использовании в метатексте слов, имеющих достаточно узкую, «логическую» область применения: *– Откуда ты знаешь? – спросил я. – **Чувствую.** … Для меня это веский **аргумент*** (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743); *Понимаю, вам не совсем приятно или совсем неприятно. **А мне как раз приятно оттого, что вам неприятно**. Вот такая **тавтология*** (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens» // БД № 2026620743); *Есть четкая **дефиниция**, – сказал Морковин назидательно. – **Альтернативная музыка – это такая музыка, коммерческой эссенцией которой является ее предельно антикоммерческая направленность*** (В. Пелевин «Generation “П”» // БД № 2026620743); ***… вере для глубокого понимания себя иногда требуется безверие, как живущему на Рублевке полезно хоть изредка ощущать себя бездомным. Парадокс**? Да, пожалуй* (Е. Водолазкин «Время взросления» // БД № 2026620743).

Лингвориторический разряд слов образован лексемами – номинациями, раскрывающими художественную сторону словесности. В частности, в данную группу входят слова, обозначающие разнообразные приемы ораторского искусства и красноречия. Фигуры речи имеют вербальное наполнение, поэтому они могут выполнять синтаксическую роль, указывая на автонимное употребление знаков: *У нас в Орле служил замечательный владыка, архиепископ Серафим (Остроумов**), умнейший, добрейший, любвеобильнейший**, не счесть хвалебных **эпитетов**, что приличествуют ему* (Митрополит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые» // БД № 2026620743); *– Они хоть кого укатают, – поддержала мать. – **Мы-то люди, а они – механизьм**! Дмитрию понравилось это **сравнение*** (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743); *– Словосочетание **«Неусыпаемая***

Псалтырь» *мне ничего не проясняет! Случайный* ***оксюморон****…* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743); *Когда они ушли в прошлое, их место заняла Московия, которая расширялась несколько столетий, пока не стала огромнейшей в мире империей.* ***Подобно приливу, она растекалась сквозь леса и бесконечные степи, кое-где заселенные отсталыми кочевниками. Встречая сопротивление, она останавливалась, как это делает прилив, чтобы набрать сил, и затем продолжала свое неостановимое наступление*** *… Степа подумал, что* ***метафора*** *чем-то напоминает историю ваучерно-залоговой приватизации* (В. Пелевин «Числа» // БД № 2026620743).

Текстоцентричность современной культурной среды способствует формированию и распространению текстуального разряда металексики. Получение информации через текст (в узком смысле этого термина) на актуальном этапе развития человеческой цивилизации является нормой. Слова, обозначающие структурные компоненты текста (*заголовок, цитата, отрывок, абзац* и др.) способны принимать непосредственное участие в лексикализации метатекста: – ***Татарове, чистые татарове****, – пробормотал он любимую* ***цитату*** *из «Дней Турбиных»…* (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743); *Арина задала еще несколько вопросов и ушла разочарованной … Рассчитывала на яркий* ***заголовок****. Какой?* ***«Тайная жизнь мнемониста»****?* ***«Другой Чагин»****?* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); ***«Если сравнить страны с кораблями, то Советский Союз – это флагман мирового флота. Он ведет за собой другие корабли. Если сравнить страны с людьми, то Советский Союз – это могучий витязь, побеждающий врагов и помогающий в беде друзьям. Если сравнить страны со звездами, то наша страна – путеводная звезда. Советский Союз показывает всем народам мира путь к коммунизму.»*** *Сперва мне дали именно этот* ***отрывок****…* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743); *Дальше в статье такой* ***абзац****, которым я хочу подчеркнуть свою мысль:* ***«Кроме Славниковой явными фаворитами были Павел Крусанов с «Американской дыркой», Максим Кантор с романищем***

«Учебник рисования». Ну, вероятно, еще Слаповский… и Дина Рубина. Слаповского «прокатили» (жаль), Рубина вошла (хорошо). Крусанов не вошел – что ж, бывает…» (С. Есин «Дневник» // НКРЯ, ОПК).

Перейдем к характеристике социокоммуникативного класса металексики. В него входят лексемы, для которых значение вербальной единицы, транслирующей информацию, либо не является основным, либо вообще может рассматриваться как окказиональное, обусловленное исключительно контекстом. Сама возможность использования такого рода слов при лексикализации метатекста связана с действием социокультурных факторов, затрагивающих коммуникативные процессы. Во-первых, как отмечает В.З. Демьянков, метаязык и его проявления являются «конструктом культуры» (Демьянков, 2011, с. 62). Во-вторых, формирование и развитие металексики вписано в социальный и культурный контекст (Рябцева, 2005, с. 443). Коммуникативные действия социологизируются и получают культурную оценку (ср.: *просьба, совет, замечание, донос, сплетни* и др.).

Социокоммуникативный класс включает в себя следующие разряды металексики: коммуникативный, прагмакоммуникативный, ментальный, социокультурный и жанровый. Для лексем каждого разряда семантический признак знаковости является вторичным. Поэтому, в отличие от лингвокоммуникативного класса, выделение ядра и периферии внутри социокоммуникативного класса не имеет семантических и функциональных оснований. Характеристика разрядов будет проведена нами в свободном порядке.

К коммуникативному разряду мы относим слова, которые обозначают стандартные коммуникативные действия. Их использование в метатекстовой конструкции объясняется возможностью переноса самого коммуникативного действия на его знаковое содержание: – ***Беда нынешних монастырей в том, что люди приходят сюда со слабым произволением****… Теперь я все больше понимаю, насколько глубоко было это* ***замечание*** (Митрополит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые» // БД № 2026620743); *… а если девушка какая*

просеменит – еще и ***комментарии*** *себе позволяет: –* ***О, какой бабец объемистый!*** (Т. Толстая «Кысь» // БД № 2026620743); *– Там теперь* ***объявление*** *висит. – Какое еще* ***объявление****? –* ***«Жиртрест закрыт на учет»*** (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *Напоследок только хлопнуло в голове какое-то бредовое трехступенчатое* ***восклицание*** *вроде* ***«хлобысь хламида хакамада»****, и лампа музы угасла* (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743).

Лексике коммуникативного разряда семантически близка лексика прагмакоммуникативного разряда. Её отличительной чертой является ориентация семантики на прагматические компоненты коммуникации. Прагмакоммуникативный разряд образуют слова, передающие коммуникативную направленность высказываний, т.е. содержащие в себе так называемый «коммуникативный модус». Многогранность аспектов социальной коммуникации и, как следствие, большая вариативность модусных смыслов этого типа отражаются на объеме лексико-семантического разряда, превращая его в один из самых «представительных» (ср.: *совет, просьба, упрек, похвала, благодарность, порицание, оправдание, угроза, шантаж, жалоба, оскорбление* и мн. др.). В метатекстовых конструкциях слова прагмакоммуникативного разряда смещают акцент с определения коммуникативного модуса на особенности его вербального воплощения: ***Держи шляпу рукой****, – сказала она. – Сдует … Этот практичный женский* ***совет*** *окончательно вернул мне самообладание…* (В. Пелевин «Смотритель // БД № 2026620743); ***Ты ведь мне не каждый день пишешь****. Это не* ***упрек*** *…* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *…Нинон сурово спрашивала: «Шалопут, где твой чертов ингалятор?* ***Задохнешься – прибью!»*** *Эта* ***угроза*** *всегда приводила меня в недоумение…* (Ю. Поляков «Совдетство. Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743); ***Галина Петровна ведь слова ни разу не сказала, ни разу не попыталась его оттолкнуть****. Жалкое* ***оправдание****, конечно* (М. Степнова «Женщины Лазаря» // БД № 2026620743); *Посасывая душистые трубки, они хмуро разглядывают наши рисунки, изредка бросая:*

«Недурственно». *Это у них самая высокая* ***похвала*** (Ю. Поляков «Совдетство. Пионерская ночь» // БД № 2026620743).

Отдельный разряд социокоммуникативного класса составляет ментальная лексика. Сразу отметим, что название разряда не восходит к принятому в психолингвистике термину *ментальный лексикон*, характеризующему устройство понятийного пространства языкового мышления. Под ментальной лексикой мы понимаем слова, которыми обозначаются результаты мыслительной деятельности человека, т.е. относящиеся к семантическому полю «мышление». В отличие от слов логико-коммуникативного разряда лингвокоммуникативного класса, в значениях лексем ментального разряда отражаются не формально-логические процедуры когнитивной деятельности, а её психические корреляты.

За материальной оболочкой кода, с помощью которого передается сообщение, профессиональные лингвисты и рядовые пользователи языка видят психический конструкт – мысль. Идея переплетения и взаимопроникновения структур языка и мышления получает интересную трактовку на метаязыковом поле. В метаязыковых высказываниях фиксируется инверсия отношений языка (знаковой системы) и мысли: не мысль стоит за знаком, а за *мыслью* – знак. Таким образом, само слово *мысль* способно употребляться в метаязыковой функции. При этом пространство его денотата заполняется языковыми знаками: *Из желания рассказать о чем-то, что осталось за кадром «Воспоминаний», после смерти Лихачева родилась идея издать воспоминания о нем. Дерзкая* ***мысль*** *–* ***не является ли плюсквамперфект его мемуаров своего рода приглашением к продолжению****? – посещала, вероятно, многих* (Е. Водолазкин «Эпоха Лихачева» // БД № 2026620743); *Он согнулся в три погибели, первая* ***мысль*** *была:* ***«Меня убили»*** (С. Спивакова «Не всё» // НКРЯ, ОПК).

Использование ментальной лексики в метатексте демонстрирует «знаковую привязку» таких когнитивных сущностей, как знание и мнение: *Отшельник под шум водопада и пронзительные вопли обезьян очень пышно и*

*велеречиво ему отвечает, и в двух словах это выглядит примерно так**: мол, все эти поиски истины досужие и больные выдумки европейцев** (откуда такое **знание** европейцев, тоже остается загадкой)* (С. Шикера «Стень» // НКРЯ, ОПК); *– Антон, я говорю, попали мы по ходу пьесы. **Чую я, Никитос едет требовать бабки назад**… – Почему такое **мнение**? …* (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens» // БД № 2026620743); определяет когнитивные процессы рассуждения и формулирования как оперирование знаками: *– Никитос сказал, что хочет **поговорить о целесообразности инвестиций**. – О как! – вырывается у меня. – Нормальный оборот. С каждой встречей у Никитоса появляются все более отточенные **формулировки**…* (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens» // БД № 2026620743); ***Шайтан, если говорить на языке близкого вам учения, продал небо за сребреники. Поэтому лучший способ уязвить его темное сердце – это заставить рыдать, расставаясь с этими сребрениками**. – Безупречное **рассуждение**, – ответил кукуратор* (В. Пелевин «Transhumanism Inc.» // БД № 2026620743).

К социокультурному разряду мы относим лексику, референты которой связаны с определенными социальными установлениями и институтами, прошедшими значительный путь общественной «апробации» и развития. Примером такого рода лексики выступают слова – маркеры социального именования: от обращений к личности и института фамилий до самоназваний и социальных титулов: *К **милостивым государям** вскоре добавилась **душа моя** и **друг любезный**. Подобные **обращения** в вину ему никто не ставил* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *– Алло, – сказал незнакомый голос, – могу я поговорить с Татарским … э-э … **господином**? Татарский не обиделся – по запутавшейся интонации собеседника он понял, что тот по ошибке произнес сначала **фамилию**, а потом **социальный артикль*** (В. Пелевин «Generation “П”» // БД № 2026620743); *Я постепенно шел на поправку … учил кошку Масю ездить верхом на Рексе, мечтая о своем цирковом номере, придумывал себе звучный **псевдоним** – **Жорж Юрастов**…*

(Ю. Поляков «Совдетство. Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743); *…Влас принял новый* ***титул: Повелитель Пчел****. Это именование возвышало островитян… Но смысл нового* ***титула*** *был не только образным…* (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743).

Аналогичную функцию актуализации метаязыковых контекстов выполняют слова – маркеры трансляции социальных норм. Эти номинации происходят из различных культурных сфер: бытовой, научной, образовательной, религиозной, юридической и др. В тексте они указывают на вербальное воплощение нормы как на поле внутренней референции: *Запомни, сестренка, семнадцатое* ***правило*** *Фалеса Милетского:* ***лучше вызывай зависть, чем жалость!*** (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743); *А второй* ***закон*** *звучал так:* ***«Творящая воля человека не должна создавать радикально новых форм»*** (В. Пелевин «Смотритель» // БД № 2026620743); *Вот* ***заповедь*** *какая:* ***видишь грех какой за каким там монахом или иеромонахом или начальник неправильно что делает, твое дело – внимания не обращай. Отвернись и не гляди ни на кого!*** (Митрополит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые» // БД № 2026620743); *Постановлением Конституционного суда РФ от 11 апреля 2000 года по запросу Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ установлено, что* ***прокурор может обращаться в суд общей юрисдикции с требованием о признании закона субъекта Федерации не подлежащим применению*** *(такой* ***порядок*** *теперь предусмотрен ст. 251 ГПК РФ)* (И. Петрухин «Исторический очерк деятельности прокуратуры» // НКРЯ, ОПК).

Наконец, к жанровому разряду металексики мы относим номинации жанров коммуникации. В рамках развертывания внутреннего референциального поля текста они квалифицируют вербальные отрезки на принадлежность к тому или иному жанру. Так, автонимные употребления знаков могут иметь художественное (фольклорное или литературное) происхождение: *– **Хорошая бутылка – пустая бутылка**? Никогда не руководствовался этой* ***поговоркой*** (П. Алешковский «Крепость» // БД

№ 2026620743); *– А ты уверен, что тебя примут обратно? – усмехнулся Сергеев. –* ***Свято место пусто не бывает****. – И поморщился от этого банального* ***афоризма*** (Р. Сенчин «У моря» // БД № 2026620743); ***«А и Б сидели на трубе, А упало, Б пропало. Кто остался на трубе?»*** *– почему-то вспомнил я детский* ***стишок****...* (Ю. Поляков «Совдетство. Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743); *В ответ Филон тут же загадал инопланетянам* ***загадку: днем кусает, ночью плавает****. Несмотря на все усилия, отгадать* ***загадку*** *пришельцы не смогли. Когда же Филон объявил разгадку, они были поражены ее простотой: вставная челюсть* (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743).

Значительное место в разряде жанровой металексики занимают слова – обозначения профессиональных жанров коммуникации: *А Козловский и Зинаида Николаевна вернулись из больницы с* ***диагнозом****, который звучал примерно так:* ***«Воспаление кожного покрова головы с частичным выпадением волос из-за расчесывания места укуса кровососущего насекомого»*** (Ю. Поляков «Совдетство. Пионерская ночь» // БД № 2026620743); *Но хитрый Чемадуров, как Ленин в октябре, выбросил новый* ***слоган: К счастью путь прост – возьми гриб в рост!*** (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743); *У Владимира Ильича Ленина есть такая* ***резолюция*** *на одном документе:* ***«Немедленно по суду расстрелять»*** (Т. Морщакова «На пути к правосудию» // НКРЯ, ОПК); ***Дисквалификация и отстранение от подземных путешествий на три года – вердикт****, вынесенный ему компетентной комиссией, разбиравшей этот несчастный случай* (В. Марушин «По реке Белой к жемчужине Урала – пещере Шульган-Таш» // НКРЯ, ОПК).

Завершая обзор лексико-семантических характеристик металексики, считаем необходимым заметить, что одновременно в метаинтерпретации внутреннего референтного поля текста могут быть задействованы лексемы, относящиеся к разным классам и разрядам металексики: *Было еще словечко –* ***«выйдешь?»****. От него повышалось настроение. Не* ***призыв****, не* ***команда***

(«выходи во двор!»)**, а **вопрос**, точнее – **вопрос-команда (Е. Водолазкин «Совсем другое время» // БД № 2026620743); – ***Почему не в армии**? Я не стал отвечать на **вопрос**, решив, что это **шутка*** (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743); *...**вы, русские, – еще римляне или уже итальянцы**? Формально говоря, это был **вопрос**, но Пильц его произносил как **фразу**, потому что если так спрашивают, то понятно, что империя рухнула и что уже итальянцы* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743). Полагаем, что указанный факт свидетельствует о сложности и многомерности процессов метаязыковой рефлексии, приводящих к образованию метатекста.

4.3. Грамматикализация метатекста

4.3.1. Признаки и средства грамматикализации метатекста

Явлению грамматикализации, которое принято относить к числу языковых универсалий, посвящено большое количество специальных научных работ. В нашем исследовании мы не стремимся к существенному расширению накопленных в данной области знаний и не претендуем на то, чтобы внести значительный вклад в теорию грамматикализации. Последняя скорее выступит для нас теоретическим базисом, положения которого найдут применение на почве специализированного эмпирического материала – конструкций обыденного метаязыка.

По свидетельству А.А. Авагян, представленному в рамках обзорного исследования, сам термин *грамматикализация* характеризуется неоднозначностью, которая проистекает от разнообразия научных подходов

и связанных с ними научных школ (Авагян, 2021, с. 63). Однако, несмотря на это замечание, считаем, что указанный термин имеет сложившееся понятийное ядро, содержание которого не оспаривается большинством современных лингвистов. Так, в грамматикализации принято видеть процесс и результат трансформации лексического знака в грамматический. Типичным примером такого рода трансформации может служить превращение семантически полнозначных глаголов в глаголы вспомогательные, используемые в служебных функциях для выражения, в частности, грамматических категорий времени или залога, что характерно для многих индоевропейских языков.

Явление грамматикализации представляет очевидный интерес для изучения с обеих сторон соссюровской дихотомии: как со стороны диахронии, так и со стороны синхронии. В первом случае в центре внимания находится рассмотрение стадиальности процесса грамматикализации, в качестве отдельных этапов фиксируются промежуточные и финальный результаты трансформации лексического знака в грамматический. Во втором случае на первый план выходит актуальное состояние языка и функционирование в нем грамматикализованных субстанций. Отметим, что для решения задач настоящей работы мы будем обращаться к примерам грамматикализации, относящихся исключительно к синхронному срезу метаязыковых явлений.

Насколько нам удалось установить, сам термин *грамматикализация* впервые был употреблен выдающимся французским ученым А. Мейе в рамках исследования происхождения грамматических форм. Последние, по мнению известного лингвиста, возникают либо в результате действия процесса аналогии, либо в результате превращения слова в грамматический элемент (грамматикализации) (Meillet, 1965, p. 131). Теоретический фундамент изучения феномена грамматикализации сформировался в работах европейских и американских ученых (Diewald, 1997; Joseph, 2001; Heine, Kuteva, 2002; Hopper, Traugott, 2003; Kiparsky, 2011). Что касается

отечественного языкознания, то отправной точкой исследовательского интереса к проблеме грамматикализации послужила публикация на русском языке работы Е. Куриловича «О методах внутренней реконструкции» (Курилович, 1965). Полученный при этом импульс сохраняется в научной практике последних десятилетий при решении как общетеоретических (Шустова, 2015; Новоспасская, Авагян, 2021), так и прикладных (Майсак, 2005; Никифорова, 2012) задач теории грамматикализации.

Анализ теоретических трудов в данной области позволяет прийти к заключению о том, что грамматикализация как языковое явление обладает набором конститутивных признаков. К наиболее важным из них, на наш взгляд, относятся динамичность, градуальность, стадиальность, обратимость / необратимость. Все указанные свойства грамматикализации взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Так, сам процесс утраты словом лексического значения (десемантизация) и его переход в элемент грамматики языка носит динамический характер. Данный процесс протекает под действием как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов, то ускоряющих, то замедляющих его. Об относительной статичности грамматикализованных конструкций можно говорить только применительно к сжатым по времени синхронным срезам языковой системы.

Продолжением динамичности грамматикализации выступает ее градуальность. Данное свойство говорит о том, что степень трансформации лексического знака в грамматический может варьироваться. Различия в качестве и интенсивности признака могут проявляться как при сравнении разных групп знаков, так и при сравнении знаков одной группы, находящихся на различных ступенях эволюции языковой системы.

Градуальность грамматикализации каузирует членение процесса на отдельные отрезки. Это приводит к поиску и фиксации отдельных стадий грамматикализации. В современной лингвистике принято считать, что так называемый «цикл грамматичности» включает в себя четыре стадии:

знаменательная единица > грамматическое слово > клитика > флективный аффикс. При этом, как правило, признается тот факт, что далеко не все единицы проходят все его стадии (Новоспасская, Авагян, 2021, с. 92). В качестве показателей завершенности процесса грамматикализации ученые обычно указывают на следующие признаки слова: десемантизацию, утрату автономности, сужение синтагматической и парадигматической вариативности, возникновение грамматического значения и отнесенность к закрытому классу (Шустова, 2015, с. 22).

Наконец, грамматикализация обладает признаком направленности процесса. Необходимо признать, что в отношении данного свойства мнения лингвистов существенно расходятся. Одни ученые считают грамматикализацию однонаправленным и необратимым процессом, другие отстаивают идею ее обратимости (о проблеме однонаправленности vs обратимости грамматикализации подробнее см. в (Новоспасская, Авагян, 2015)). Не вдаваясь в подробности этой теоретической дискуссии, следует констатировать, что эмпирические данные свидетельствуют о способности языковых единиц быть охваченными как процессами грамматикализации, так и процессами деграмматикализации.

Представив краткую характеристику понятия грамматикализации, определив природу и основные признаки данного явления, перейдем к рассмотрению особенностей его воплощения при передаче метаязыковых значений. Необходимо отметить, что вопросы грамматикализации метаязыка как семантической категории попадали в сферу исследовательского внимания в различных научных контекстах, о чем свидетельствуют работы М.В. Ляпон, В.И. Подлесской, Н.К. Рябцевой (Ляпон, 1986; Подлесская, 1994; Рябцева, 2005). В указанных исследованиях описываются прежде всего случаи грамматикализации значений, которые в принятой нами классификационной матрице относятся к области синтактики метаязыка, т.е. передают информацию об отношениях между элементами структуры текста (дискурса).

С одной стороны, случаи грамматикализации могут иметь место в различных измерениях метаязыка. Так, например, с помощью вводной полифункциональной конструкции *скажем так (так сказать)*, играющей в дискурсе сугубо служебную роль, в определенных контекстах грамматикализуются ономасиологические рефлексивы со значениями хезитации при выборе знака и приблизительной (неполной) денотативной отнесенности знака (подобнее об этом см. в параграфе 3.3.2.). Эта же конструкция способна маркировать метапрагматические стратегии эвфемизациии/дисфемизации, а также метапрагматическую стратегию использования «чужой речи» (подробнее об этом см. в параграфах 5.2.3. и 5.2.1.). Однако наблюдения над языковым материалом показывают, что примерами грамматикализации, реализованной через инструменты служебных слов, особенно насыщено именно пространство синтактики метаязыка. Рефлексия по поводу отношений между элементами текста (дискурса) затрагивает семантически ограниченный круг параметров, что создает благоприятные условия для её грамматикализации в языке (метаязыке).

Наряду с вышеперечисленными конститутивными признаками грамматикализация метатекста обладает набором частных (видовых) признаков. Последние отражают семантические, формальные и функциональные особенности выражения метаязыковых значений.

Семантический признак состоит в генерализации значений, в которых фиксируется информация об отношениях между элементами текста (дискурса). Фактически грамматикализованные конструкции передают два основных типа метаязыковых значений. Первый тип содержательно сводится к интерпретации композиционной структуры текста (дискурса) и обеспечению внутритекстовой навигации (см. параграф 4.3.2.). Второй тип передает отношения тождества (псевдотождества) между синтаксическими единицами (см. параграф 4.3.3.).

Формальный признак заключается в незавершенности цикла грамматикализации метатекстовых конструкций. Используемые в этих целях

лишенные лексической полноценности слова, перешедшие в разряд грамматических знаков, тем не менее еще далеки от трансформации в клитики и тем более в формообразующие аффиксы.

Наконец, функциональный признак определяется стандартизацией средств выражения метатекста. Метатекстовые маркеры образуют специальный открытый класс грамматикализованных элементов, в функции которых входит передача сигналов метаязыковой рефлексии, нацеленной на интерпретацию отношений между элементами текста. Данный класс формируется на базе знаков с ярко выраженной служебной направленностью. Их объединение в указанный класс связано не с наличием унифицированных морфологических признаков, в частности с принадлежностью к определенной части речи, а со способностью выполнять в тексте метатекстовую функцию.

С позиций современной лингвистики метатекстовые операторы могут быть причислены к разряду так называемых «коннекторов», т.е. элементов, обеспечивающих связи в синтагматической цепи. На актуальном этапе развития теории синтаксиса представление о коннекторах вышли далеко за пределы той ограниченной роли, выполняемой в тексте союзами и союзными словами. К коннекторам принято относить любые конструкции, в той или иной форме обеспечивающие когезию в тексте. Исследователи коннекторов установили, что последние способны являться «металингвистическими средствами связи» (Голубева, Зуева, 2017, с. 23) и могут включать в свой состав метатекстовые операторы (Ким, 2022, с. 180). В этом отношении показателен тот факт, что учеными, занимавшимися созданием базы данных коннекторов, при осуществлении семантической разметки этой базы были выделены такие содержательные зоны, как «переформулирование», «композиция текста», «оговорка», которые прямо говорят об их метаязыковой природе (Кобозева и др., 2023, с. 40-41).

Однако в последние годы сформировалась тенденция рассматривать грамматикализованные конструкции метатекста в составе так называемых

«дискурсивных» или «дискурсных» единиц языка («дискурсивных слов», «дискурсных маркеров», «дискурсивов») (Богданова-Бегларян, 2015; Каменский, 2022; 2023). Лингвисты установили, что зачастую грамматикализация «сосредоточена в самых малых и «семантически опустошенных» единицах языка и речи, дискурсивных словах…» (Рябцева, 2005, с. 444). Грамматикализации способствует тот факт, что дискурсивные единицы занимают «промежуточное положение между неречевыми звуками ... и значимой лексикой…» (Богданова-Бегларян, 2012, с. 153). Дискурсивные слова создают вспомогательную систему, которая обеспечивает функционирование дискурса (Fraser, 1999; Borderia, 2006; Zarei, 2013; Викторова, 2015; Каменский, 2015). При этом метатекстовые операторы квалифицируются как важная и неотъемлемая часть дискурсивных маркеров (Викторова, 2014; Богданова-Бегларян, 2015; Вишневская, Загороднова, 2015).

Резюмируя сказанное, заметим, что вопрос о том, причислять ли средства грамматикализации метатекста к классу коннекторов, к классу дискурсивных слов или вообще квалифицировать их в качестве отдельного функционально автономного класса языковых единиц, на наш взгляд, с одной стороны, является дискуссионным, с другой – его решение не несет значительной эвристической ценности. Для достижения целей нашего исследования гораздо более релевантным является описание особенностей употребления грамматикализованных элементов в композиционно-содержательных и содержательных структурах метатекста.

4.3.2. Композиционно-содержательные структуры метатекста

Известно, что тексты (включая даже те, которые характеризуются небольшим объемом и несложным содержанием) обладают внутренней

структурой. Их адекватное восприятие и осмысление реципиентом требуют продуманной архитектоники композиции, обеспечивающей порядок и последовательность изложения событий и фактов, системное функционирование механизмов приращения смысла, выделение в континууме главного и второстепенного и т.д. Грамматикализованные конструкции широко используются при маркировании композиционно-смысловых отношений внутри текста. С их помощью образуются так называемые «композиционно-содержательные структуры» метатекста. Под последними мы понимаем содержательно автономные отрезки текста, характеризующиеся внутритекстовой референцией, направленные на раскрытие отношений между частями текста как элементами композиционной структуры. Иными словами, являясь частью текста, данные отрезки «работают» не на передачу внешних смыслов, лежащих за пределами знакового поля, но апеллируют к тексту per se, эксплицируя его композиционное строение.

По сути, композиционно-содержательные структуры выполняют в тексте роль своеобразного навигатора. С его помощью читатель (слушатель) получает дополнительные возможности ориентироваться в знаковом континууме. Тем самым за метатекстом в тексте закрепляется навигационная роль, которая представляет собой одну из реализаций метаязыковой функции связности (о функциях метаязыка см. параграф 2.1.3.).

Композиционно-содержательные структуры метатекста представлены в тексте в двух своих функциональных разновидностях. С помощью одних определяется порядок развертывания смысла, осуществляется указание на место фрагмента в общей структуре текста, маркируются отдельные этапы композиционного замысла и смысловые доминанты сообщения. Другие сигнализируют о нарушении данного порядка. Причем указанное нарушение носит интенциональный характер. Отступление от порядка изложения, обозначенное специальными средствами метатекста, формирует для реципиента область «упорядоченного хаоса». Последняя является значимой с

точки зрения достижения адекватности восприятия текста. Ниже мы последовательно рассмотрим обе названные разновидности композиционно-содержательных структур метатекста.

Сразу оговоримся, что мы не ставим перед собой задачу исчерпывающего описания полной номенклатуры грамматикализованных средств, используемых при создании композиционно-содержательных структур метатекста. Для её решения потребовалось бы существенно расширить рамки настоящего исследования, что подразумевало бы обеспечение поликорпусного охвата эмпирического материала с его скрупулёзным анализом и последующей классификацией в соответствии с лексикографическими принципами. Считаем, что уровень сложности обозначенной задачи говорит о необходимости организации специального исследования в этом направлении. Мы ограничиваемся демонстрацией типичных случаев использования такого рода метатекстовых средств.

Начнем со структур метатекста, в которых фиксируется порядок развертывания элементов континуума. Следует отметить, что грамматикализованное выражение композиционного порядка опирается на лексический фундамент. Грамматикализация лексических средств свидетельствует о важности метатекста в реализации связности как важнейшей текстовой категории. При этом в пространстве текста сохраняются случаи сугубо лексической трактовки (например, употребление словосочетаний со словом *порядок*) композиционно-содержательного метатекста. В них подчеркивается, что порядок развертывания знаковой ткани текста детерминирован экстралингвистическими причинами: ***Но обо всём по порядку*** *– начнём с лантана* (А. Курамшин «Элементы. Замечательный сон профессора Менделеева» // НКРЯ, ОПК); *Павел Иванович был мелким гуманитарным бесом. Но вот его крыша … Впрочем,* ***все по порядку*** (В. Пелевин «Священная книга оборотня» // БД № 2026620743).

Однако значительная часть лексических средств, используемых для отображения композиционного порядка, демонстрирует тенденцию к

постепенной утрате знаменательности и превращению в служебные метатекстовые показатели. В частности, данный процесс отмечается при употреблении слов, обозначающих начало, продолжение и завершение сообщения. Подобное трехчастное деление сообщения можно отнести к простейшим элементам его композиции. Грамматикализация затрагивает субстантивные и глагольные средства, маркирующие начало фрагмента текста: *В чем же тогда состоят отличительные особенности «провокации по-русски»? **Для начала** немного филологии и истории. Согласно доброму старому Фасмеру, термин «провокация» бытует в русском языке со времен Петра I и является заимствованием из польского (prowokacia) или немецкого* (provokation) («Подстрекатели истории» / «Культура» // НКРЯ, ОПК); ***Начнем** с того, что само уникальное здание Культурно-спортивного центра в Новом Уренгое замечательно подходит для проведения акции* («Северная сказка» / «Экран и сцена» // НКРЯ, ОПК).

Аналогичный семантический крен в сторону выражения реляционных компонентов значения наблюдается у знаков, маркирующих последовательное развитие смыслового континуума, обозначающих переход к новому этапу развертывания сообщения: ***В продолжение** разговора, Владимир Александрович, хотелось бы услышать о сдаточных объектах уходящего года?* (Н. Костяева «Мы строили, строим и будем строить!» // НКРЯ, ОПК); *Стакан стоял на зеленом сукне, и вода в нем качалась. **Продолжим** обсуждение, – сказал Гном. – Слово имеет…* (И. Грекова «Без улыбок» // НКРЯ, ОПК).

Служебную метатекстовую роль берут на себя также существительные и глаголы, передающие значение окончания (кульминации) сообщения: ***В завершение** отмечу, что эффект обратного результата – это, скорее, редкое явление* (Н. Непряхин «Анатомия заблуждений» // НКРЯ, ОПК); *И **завершая** эту тему, стоит отметить такое удобное средство, как смягчитель воды, жесткость которой, как известно, очень вредна для растений* (Т. Булгакова «Цветочная “косметичка”» // НКРЯ, ОПК).

Ярким примером грамматикализации метатекста является функционирование в тексте дискурсивов, которые В.В. Виноградов причислял к типу модальных слов, обозначающих порядок движения мыслей в числовой последовательности (Виноградов, 1986, с. 606): *во-первых, во-вторых, в-третьих* и т.д. Их употребление представляет собой типичный случай функционального синкретизма знаковых средств, относящихся одновременно к ментальному модусу и метатексту. С одной стороны, они отражают особенности мыслительного процесса и этапы развертывания мысли. В этой части справедливо замечание М.В. Ляпон о том, что «композиция сообщаемого (“первое-второе-третье”) может отражать дотекстовое состояние осмысления сообщаемого» (Ляпон, 1986, с. 43). На этом основании указанные слова вполне могут быть причислены к маркерам модусной категории. Однако, с другой стороны, выполняя роль разделителей знакового континуума, они «обнажают» структуру самого текста. Присущая им способность выделять «порции» сообщаемого, членить информативное пространство на отдельные фрагменты позволяет их квалифицировать в качестве единиц метатекста (Ibid.). Тем самым с помощью указанных модальных слов манифестируется идея композиционной упорядоченности: *Не знаю как для страны, а для меня последние успехи имели колоссальное значение.* ***Во-первых****, Вербицкий стал считать меня чуть ли не героем отечественной медиа. Ввел в ближний круг, намекал на скорый совместный визит в Лондон, а однажды даже пригласил на семейный ужин в «Царской охоте».* ***Во-вторых****, в глазах Вадима и его подчиненных я стал кем-то вроде гуру. На собраниях люди внимали моим речам подобно откровениям дельфийского оракула. Некоторые молодые сотрудники копировали мои жесты и манеру говорить. Что мне, конечно, импонировало.* ***В-третьих****, нам существенно увеличили финансирование* (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media sapiens» // БД № 2026620743); *...Желябьев посерьезнел и сообщил, что ... народное сознание не может переварить всей правды о гражданской войне. «****Во-первых****, – без тени улыбки*

возразила Надя, – народное сознание – не желудок, ***а во-вторых****, не нужно делать из народа дебила…»* (Ю. Поляков «Апофегей» // БД № 2026620743).

В отдельных случаях «квантирование» сообщаемого может дополняться указанием на содержательную значимость отрезков. При этом метатекст обретает форму градации: *Сегодня я решил собрать редакторов новостей всех департаментов, без руководителей. Знаете, это очень действенная форма в кризисной ситуации.* ***Во-первых****, ты получаешь информацию с полей напрямую, минуя редактуру менеджеров,* ***во-вторых****, четко понимаешь принципы и стиль работы на конкретных участках.* ***В-третьих*** *– сам спускаешься с небес, дабы пообщаться с народом.* ***А главное****, фактом своего появления ты показываешь масштаб кризиса в организации…* (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media sapiens» // БД № 2026620743).

Членение сообщаемого на отрезки может сопровождаться специальными ограничителями, обозначающими границы метатекста: *В документе выделяются три главные группы угроз для страны:* ***первая*** *представлена Россией и Китаем, которые бросают вызов США и однополярному миру;* ***вторая*** *включает в себя «государства-изгои» Иран и КНДР; и,* ***наконец****,* ***третья*** *группа угроз – это транснациональные террористические организации…* (А. Розанов, А. Широков, А. Баранова, Л. Ильичева, А. Папшева «Особенности развития иранского фактора во внешней политике США» // НКРЯ, ОПК)

Перейдем к описанию композиционно-содержательных структур метатекста, в которых фиксируется отступление от традиционного порядка развертывания смысла. В зависимости от особенностей нарушения указанного порядка мы выделяем три структурных типа конструкций, которые определяем как *метатекст-проспекция*, *метатекст-ретроспекция* и *метатекст-алиоспекция*. В основе этой типологии лежит пространственная модель восприятия текста. Метатекстовые конструкции отражают разнонаправленные перемещения в пространстве текста.

Метатекст-проспекция сигнализирует об отступлении от принципов упорядоченного изложения информации путем перемещения внимания реципиента на последующие смыслы. Такого рода конструкции фиксируют взгляд говорящего «вперед» в пространстве текста: ***Забегая вперед**, нужно сказать, что Совет не остановился на достигнутом и окончательно прижал вольницу* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743); ***Заглядывая вперед**, хочу добавить, что в ходе войны, после первых и страшных ее уроков, вся сила характера Сталина проявилась именно тогда, когда ему пришлось столкнуться с беспощадным противодействием противника и ломать его сопротивление, исходя из реальных возможностей борьбы, а не из предвзятых представлений о своем всесилии и всевластии* (К. Симонов Из комментария к книге «Сто суток войны» // НКРЯ, ОПК).

Метатекст-ретроспекция представляет собой конструкции обратной пространственной направленности. В них отражается взгляд продуцента «назад», возвращение к сказанному: *Однако мы замечаем, **возвращаясь** к сказанному молодым Леонтьевым об Обломове, что и «историческая отсталость» имеет для его художественной характеристики значение; только оно иное и «отсталость» иначе оценивается, нежели Григорьевым и Анненковым, не говоря уже, конечно, о Добролюбове* (С. Бочаров «Литературная теория Константина Леонтьева» // НКРЯ, ОПК); ***Как было отмечено выше**, для сравнительного анализа рукописей, выполненных полууставом, в арсенале палеографов не так много инструментов, и не все из них достаточно надежные* (О. Хоруженко «”Генеалогиа Корсаков-Римских” в рукописном наследии митрополита Игнатия» // НКРЯ, ОПК).

Анализ эмпирического материала показал, что перемещение в пространстве текста может быть не только возвратно-поступательным, т.е. возможно не только в двух направлениях («вперед» и «назад»). Говорящий способен отвлекаться от основной темы и смотреть «в сторону». В подобных случаях текстовая навигация обеспечивается с помощью грамматикализованных конструкций, относимых нами к метатексту-

алиоспекции. Вводные слова и выражения типа *кстати, кстати говоря, к слову, к слову сказать, между прочим* и некоторые другие маркируют отступления в сторону от основной коммуникативной программы, свидетельствуют о композиционных особенностях текста или его фрагмента: *Можно было, очевидно, предвидеть и то, что это учредительное собрание будет разогнано большевиками, что и случилось 5 (18) января 1918 г. в Таврическом дворце – знаменитым возгласом начальника караула, матроса Анатолия Железнякова «Караул устал!». **Кстати говоря**, этот Железняков – не тот «матрос Железняк, партизан», о котором пелась популярная песня* (И. Дьяконов «Книга воспоминаний» // НКРЯ, ОПК); *Быстрый автомобиль должен еще уметь хорошо тормозить – **к слову**, на всех «Корветах» рубежа 60-х колесные колпаки имели сдвоенные прорези не для красоты, а для лучшей вентиляции тормозов* (А. Новиков, Д. Гронский «Двое в лодке» // НКРЯ, ОПК).

Таким образом, композиционно-содержательные структуры метатекста, в образовании которых непосредственное участие принимают дискурсивные слова, выполняют в тексте роль своеобразного навигационного механизма. Они либо подчеркивают традиционный, лингвистически и экстралингвистически обусловленный порядок развертывания сообщения, либо сигнализируют о его нарушении и разнонаправленных перемещениях «курсора сознания» в пространстве сообщаемого, принимающих форму текстовой проспекции, ретроспекции и алиоспекции.

4.3.3. Содержательные структуры метатекста

Явление грамматикализации манифестируется не только в композиционно-содержательных структурах, но и в собственно

содержательных структурах метатекста. Под последними мы понимаем семантически автономные отрезки текста, характеризующиеся внутритекстовой референцией и направленные на раскрытие содержательных отношений между частями текста. Если композиционно-содержательные структуры эксплицируют структуру текста, указывают на элементы его композиции и поддерживают навигацию в пространстве знакового континуума, то содержательные структуры раскрывают смысловые отношения между элементами текста, обеспечивая связность и целостность сообщаемого.

Связность компонентов текста достигается за счет их содержательной «преемственности». Метатекстовые конструкции демонстрируют, что смысловая конгруэнтность фрагментов текста строится на отношениях семантического тождества (псевдотождества, квазитождества), существующих между ними. Именно тождество (псевдотождество, квазитождество) является одной из основных категорий синтактики метаязыка; той категорией, которая попадает в светлое поле метаязыковой рефлексии и воплощается в знаковом континууме. Её реализация в содержательных структурах метатекста имеет целый ряд формальных и семантических особенностей. Они манифестируются в функциональном потенциале метаоператоров, роль которых исполняют разного рода дискурсивные слова с выраженной тенденцией к грамматикализации.

Обзор эмпирического материала начнем с конструкций метатекста, представляющих собой примеры выражения родового понятия тождества, не осложненного дополнительными семантическими оттенками. Указанный семантический эффект достигается посредством употребления союза *то есть*, связывающего две последовательности знаков. Данный коннектор передает самую общую идею тождества между знаками: *В истории Трои они – лица совершенно случайные. Ну,* ***то есть****, вообще никак с ней не связаны и ни на какую особую связь, если разобраться, не претендуют* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Только вот загвоздка: чтобы прошлое не*

поблекло, его нужно постоянно подпитывать, ***то есть*** *перечитывать Книгу* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743).

Вышеописанным конструкциям содержательно близки высказывания с коннектором *значит*, который в целом ряде контекстов теряет свою лексическую полнозначность глагола с семиотическим значением, беря на себя служебную функцию метаоператора: *И по такому случаю у тех же древних было иное изречение: Вот что* ***значит*** *прожить жизнь: много мудрости скопилось, да мало лет осталось* (В. Бирюлин «Лирические этюды» // НКРЯ, ОПК); *Знаете, как мы отличаем, чьи окопы нащупали? Пола нет –* ***значит****, наши. У немчуры полы были из досок от зарядных ящиков…* (М. Карпов «Список Визенталя» // НКРЯ, ОПК).

Идею «чистого» тождества способен передавать метаоператор *дословно* (о его обширных семантических и прагматических возможностях см. в (Кравченко, 2024 и)). Это происходит в тех случаях, когда метаязыковой операции перевода (семантизации) подвергаются иноязычные выражения, понимание которых может вызывать трудности у адресата. С целью пояснения их значения говорящий обращается к переводу, в том числе дословному, о чем сообщает своему собеседнику. Подобные случаи метаязыковой рефлексии характеризуются синкретизмом. С одной стороны, такой рефлексив можно отнести к полю семантики метаязыка ввиду того, что de facto имеет место объяснение значение иноязычного знакового комплекса. С другой стороны, в рефлексиве с помощью метаоператора *дословно* подчеркивается полное содержательное тождество выражений, использующих означающие разных языков. Тем самым осуществляется погружение в предметное поле синтактики метаязыка: *Он получил название "farm-to fork", если* ***дословно****: «от фермы к вилке»* («Качество доверия» / «Поиск» // НКРЯ, ОПК); *В свою очередь, багет тоже бывает разный: крестьянский, из грубой муки, с зернышками, flûte (особенно тонкий багет,* ***дословно*** *«флейта»)* (А. Тарханов, А. Асланянц, Д. Бегляров «Париж» // НКРЯ, ОПК).

Как было отмечено выше, отношения тождества (псевдотождества, квазитождества) между компонентами текста могут обрастать дополнительными нюансами смысла, которые манифестируются в содержательных структурах метатекста. Эти нюансы могут иметь как формальную, так и семантическую природу. Рассмотрение указанных нюансов начнем с метатекстовых конструкций, указывающих на формальные различия между отрезками текста при сохранении их содержательного тождества.

Так, значительный объем такого рода конструкций составляют метатексты, в которых подчеркивается различие привлекаемых знаковых средств, используемых для выражения идентичного содержания. О том, что отличия между фрагментами текста проявляются исключительно на уровне означающих, сигнализируют такие вводные слова и выражения, как *иными словами, другими словами, иначе говоря, по-другому говоря, иначе сказать* и др.

Коммуникативная (внешняя) цель использования тождественных или близких по содержанию выражений заключается в стремлении говорящего быть правильно понятым. Второе высказывание, которое открывается метаоператором поясняет, дополняет, расшифровывает первое. Вместе с тем внутренняя (метаязыковая) цель состоит в фиксации их тождественности, обеспечивающей внутритекстовую связность: *Он запоминал образами. **Иначе говоря**: всякому явлению придумывал оболочку и эту оболочку запоминал…* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Существует четко прочерченный природой скрипт, по которому биологическое существо должно умереть, освободив жизненное пространство для других. Если брать организм в целом, то этот скрипт непобедим, – ваша смерть нужна миру точно так же, как ваше рождение, а может и больше. **Другими словами**, человеческая надежда вечно жить в бессмертном теле – безнадежна* (В. Пелевин «Transhumanism Inc.» // БД № 2026620743).

Метаоператоры типа *иначе говоря и другими словами* в общем виде свидетельствуют об изменении знаковой формы, не конкретизируя способа этой трансформации. Однако в дискурсивном пространстве востребованы

также метаоператоры, определяющие особенности и сущность этих изменений. Проведенные наблюдения показывают, что формальные трансформации в подавляющем большинстве случаев связаны с сокращением знакового континуума (ср.: *короче, короче говоря, одним словом, словом* и др.). В данном факте мы видим одно из проявлений закона экономии в речи сегментных средств. Известно, что краткость формы выражения мысли положительно воспринимается как в традиционной культуре (ср. пословицу «Коротко да ясно, оттого и прекрасно»), так и в профессиональной писательской среде (ср. чеховское «Краткость – сестра таланта»).

Зачастую «сокращенный вариант» передачи смысла несет в себе элементы его обобщения. Однако указанный семантический нюанс раскрывается в процессе целостного восприятия фрагмента текста и изначально не присутствует в значении или внутренней форме таких метаоператоров, как *короче* или *короче говоря*: *Кое-где чернела вода, но в основном поверхность была бурой и гнилой, с клочьями травы, с камышом и осокой. Из поганой жижи выставлялся склизкий и сучковатый валежник, облепленный тиной. На подтопленной и прокисшей опушке леса чахлые деревца покосились, готовые упасть. Пахло тухлятиной.* ***Короче****, гиблое место* (А. Иванов «Вегетация» // БД № 2026620743); *Очень быстро оно стало местом сбора разных творческих чудаков, открылся книжный магазин без Донцовой и Устиновой на полках, в лектории выступали известные и интересные люди, в кинотеатре проходили предпремьерные показы и встречи со съемочными группами… Здесь можно было просто потусоваться в каких-то отсеках, глухих уголках, даже выпить. Охрана не следила за каждым, да и попросту, кажется, отсутствовала …* ***Короче****, в Ельцин-центре царила свобода и творческая движуха* (Р. Сенчин «Русская зима» // БД № 2026620743).

Следует отметить, что дискурсивы *короче, короче говоря* в отдельных случаях способны маркировать переходы в режимах авторского повествования. В частности, с их помощью вводятся событийно насыщенные

отрезки текста, в которых «скорость повествования» увеличивается за счёт динамики, создаваемой контактным употреблением глаголов: ***Короче говоря**, он вылез на купол, дополз до креста и поправил* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); ***Короче**, спасла меня психология. Отошел я метров на двести, изматерил их от и до и бегом на правый берег…* (С. Довлатов «Солдаты на Невском» // НКРЯ, ОПК).

Отдельного внимания заслуживает функционирование метаоператоров *одном словом, словом,* сигнализирующих о сокращении знакового континуума при сохранении содержания сообщаемого. В соответствии с внутренней формой метаоператора автор стремится воплотить сообщение в одном слове, которое будет содержательно тождественно всему предшествующему фрагменту текста: *– Потому что продавец высшей категории так глупо ошибиться не мог, а значит, он сознательно ввел покупателя в заблуждение.* ***Одним словом**, об-ма-нул* (Ю. Поляков «Пионерская ночь» // БД № 2026620743); *– Николай человек особенный, грешит-грешит, зато как кается! Беда с ним, он и в монастыре нас мучил, но человек не пропащий, большой души. Странник,* ***одним словом**…* (П. Алешковский «Крепость» // БД № 2026620743).

Однако зачастую внутренняя форма метаоператора не служит препятствием для выхода альтернативного фрагмента текста за пределы одного знака: *Похоже, тут ничего не меняли с тридцатых годов прошлого века: старая темная мебель, ковры, бархатные диваны с деревянными резными спинками, уютные столы в окружении небольших изящных кресел. В углу под сценой притулилось старое фортепьяно с бронзовыми подсвечниками по обеим сторонам резного пюпитра.* ***Словом**, зал был с историей и «атмосферой»…* (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743); *Они толпятся по ту сторону экрана, подпрыгивают, растягивают рты, бьют в бубны, кривляются, корчат страшные рожи, встают на голову –* ***словом**, делают все, чтобы привлечь к себе внимание*

Даши посредством телекартинки (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media sapiens» // БД № 2026620743).

Близким по форме названным дискурсивам (*словом*, *одним словом*), но в целом далеким по выполняемой в тексте функции, является метаоператор *одно слово*. Его употребление релевантно для сферы семантики метаязыка, а точнее – для маркирования рефлексивов ономасиологического типа, а именно той их разновидности, в которой формируется метаязыковая оценка соответствия знака обозначаемому денотату: *Что делать?! Броситься вниз по дороге с криком «Караул!» Хотя какой тут «караул»? Никакого. Ближайший наряд прохлаждается в лучшем случае где-нибудь возле приморского парка, да и то не факт. Местная полиция, вялая, неторопливая, расслабленная, кочует со свадеб на именины, ей не до борьбы с преступностью.* ***Одно слово*** *– курорт* (Ю. Поляков «Совдетство. Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743); *Земля под ногами чавкает, глина непролазная, ни тебе в санях, ни тебе в телеге, а мурзы все равно ездить желают, пешочком нипочём не пройдутся – не по чину. Вот смотришь, перерожденцы валенками глину месят, сани тащучи; из сил выбиваются, матюгаются, а сани ни с места. Мурза их кнутом! да еще! А они его по-матерному! – такой, право, гвалт стоит,* ***одно слово****: весна!* (Т. Толстая «Кысь» // БД № 2026620743).

Однако нами были установлены контексты, в которых функциональные различия (семантическая (ономасиологическая) роль, свойственная для *одно слово* и синтаксическая роль, характерная для *одним словом*) нейтрализуются. В приведенных ниже примерах слова *бригадир* и *пруха* могут одновременно рассматриваться как знаки, адекватные обозначаемому денотату (семантическая роль), так и односложные фрагменты текста, составляющие содержательную альтернативу более протяженным отрезкам (синтаксическая роль): *Егор Лексеич, будто умелый картежник, рассказывал все так сноровисто и ловко, что ситуация прояснялась, как промытая, и нечего было возразить.* ***Одним словом*** *– бригадир!* (А. Иванов «Вегетация» // БД №

2026620743); – *У, тридцать четвертая, – проблеял Простислав. – Во мощщато прет. Пруха,* ***одним словом*** (В. Пелевин «Числа» // БД № 2026620743).

От конструкций, указывающих на формальные различия между тождественными отрезками текста, перейдем к рассмотрению метатекстовых структур, в которых передача идеи тождества фрагментов текста сопровождается дополнительными семантическими нюансами.

Так, зачастую понятие тождества фрагментов текста передается параллельно с идеей обобщения. В процессе текстообразования это принимает следующую форму: последующий отрезок, как правило, обобщает информацию, выраженную в предшествующем. С этой целью в тексте употребляется высокочастотный метаоператор *в общем*, одновременно разделяющий и объединяющий его компоненты. В значительном количестве контекстов он сигнализирует о выражении тождества через обобщение. При этом метатекстовая конструкция может включать в себя относительно короткие части текста, вплоть до последовательностей слов, находящихся друг с другом в родовидовых отношениях: *Вокруг березы, рябины, сосны, елки –* ***в общем****, лес* (А. Иванов «Вегетация» // БД № 2026620743); *В области формы тоже царит относительное согласие. Кровати и диваны продолжают распластываться и прижиматься к земле. При этом спальные места обрастают столиками, светильниками, спинками, полками – причем все двигается, регулируется и может существовать отдельно. Для любителей есть, читать, работать, общаться –* ***в общем****, жить в кровати целыми днями* (Ю. Пешкова «Ярмарка тщеславия» // НКРЯ, ОПК).

Вместе с тем метатекстовые структуры со значением обобщения могут также охватывать и связывать отношениями тождества пространные отрезки текста: *... светило яркое солнце, студенты пили пиво, девушки весело стрекотали по мобильным телефонам, бабушки степенно раскладывали на лотках газеты. Даже милиционеры были особенно расслаблены, увлеченно беседуя между собой.* ***В общем****, атмосфера абсолютно будничная* (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media sapiens» // БД

№ 2026620743); *В просторной светлой келье стояли с десяток кроватей, старинные шкафы с деревянной резьбой, тумбочки,* ***в общем****, все, чтобы отдохнуть и переночевать* (Митрополит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые» // БД № 2026620743).

Идея тождества в метатекстовых конструкциях способна проявляться на фоне семантики уточнения: *Береза подавляет другие виды деревьев и предпочитает гомогенные древесные сообщества …* ***Проще говоря****, березовые рощи – только для берез* (А. Иванов «Вегетация» // БД № 2026620743); *Но постепенно мы с удивлением обнаружили, что все великие деятели мировой и русской истории … кому мы доверяли, кого любили и уважали, мыслили о Боге совершенно по-другому.* ***Проще сказать****, оказались людьми верующими* (Митрополит Тихон (Шевкунов) «Несвятые святые» // БД № 2026620743).

К содержательным структурам метатекста мы относим также конструкции, не передающие отношения тождества между отрезками текста, но указывающие на их семантическую, структурно-семантическую, функциональную или тематическую однородность. Причем такого рода отношения однородности могут опираться как на внутрилингвистические, так и экстралингвистические факторы. Передача указанных отношений не столь глубоко охвачена процессами грамматикализации в сравнении с трансляцией отношений тождества между фрагментами текста. Лексические средства выражения только становятся на путь утраты знаменательности соответствующими знаками: *Он начал с крайне старомодных комплиментов – дескать, не верит в свою удачу, и я похожа на девушку его мечты из глубокого детского сна, так он и сказал.* ***И еще что-то в этом роде*** (В. Пелевин «Священная книга оборотня» // БД № 2026620743); *Степан знал, что практически все из того, что они привезли, бабушка обменяет у соседей на «промтовары», консервами и подсолнечным маслом заплатит за отремонтированный забор,* ***и все в таком духе*** (Д. Калмыков «Зов глубин» // НКРЯ, ОПК).

Однако, считаем, что к полноценным метаоператорам, обеспечивающим грамматикализацию выражения отношений однородности, стоит отнести словосочетания *и так далее, и тому подобное*. Полагаем, что они выступают в тексте не просто в качестве маркеров-заместителей опущенных элементов. Они не только замещают «не-сказанное», но и одновременно являются результатом рефлексии над «сказанным», представляя его как последовательность однородных элементов: *А Маня пришла вот к какому выводу: если посмотреть на жизнь под этим невеселым углом, то ведь и прежде мир был устроен так же. Рабы обслуживали фараонов, армии – королей, рабочие – заводчиков, удаленщики – сетевых лордов,* ***и так далее*** (В. Пелевин «Transhumanism Inc.» // БД № 2026620743); *Рядом с его же уцелевшими однокашниками, его приятелями по университету, ныне всеми уважаемыми, заслуженными, награжденными, цитируемыми, талантливыми, сделавшими вклад в науку* ***и тому подобное****, он казался диким…* (Д. Гранин «Зубр» // НКРЯ, ОПК). Тем самым указанные словосочетания включаются в номенклатуру средств обыденного метаязыка, а точнее – в пул специальных маркеров, относящихся к метаязыковой синтактике.

Выводы

Синтактика обыденного метаязыка характеризуется как внутрисистемное измерение семиотической триады. Являясь измерением семиотики интерпретации, синтактика метаязыка фиксирует и эксплицирует отношения, формирующиеся между элементами кода в синтагматической цепи (в тексте). Предметное поле синтактики метаязыка образовано разноструктурными метаязыковыми конструкциями, в которых

зафиксированы результаты рефлексии над внутритекстовым взаимодействием знаков.

Для обозначения рефлексивов, относящихся к синтаксическому измерению метаязыка, в работе обосновывается использование термина *метатекст* как наиболее подходящяго (ввиду его прозрачной внутренней формы и сложившейся под влиянием трудов А. Вежбицкой традиции разделения гетерогенной структуры текста на собственно текст и метатекст) для передачи особенностей внутритекстовых отношений, а также информации о конструктивном каркасе текста.

Область синтактики опирается на информационно-исследовательскую функцию обыденного метаязыка, представленную связующей и категоризирующей эпифункциями. Первая обеспечивает осмысление и интерпретацию внутритекстовых связей, поднимая вопрос о трансляции формальной и смысловой связности текста на метауровень. Вторая через процедуры категоризации объектов создает поле единой денотативной отнесенности знаков (кореферентности), тем самым способствуя поддержанию синтаксической связности.

Изучение синтактики метаязыка требует постоянного обращения к анализу референциальных признаков речи (текста) ввиду того, что внешняя референция свидетельствует об объектном употреблении знаков, а внутренняя – маркирует трансформацию языка в метаязык. При этом явления референции и метаязыка трактуются как речецентрические (текстоцентрические) сущности, находящие свою реализацию именно в речи (тексте). В данной главе получила теоретическое обоснование необходимость разделения целостного пространства текста на поле внешней референции и поле внутренней референции. В поле внутренней референции осуществляется осмысление внутренней знаковой реальности текста. В метатексте манифестируются результаты рефлексии, отражающие специфику отношений между элементами кода внутри дискурсивного пространства.

В ходе исследования разнообразных метатекстовых структур удалось прийти к выводу о целесообразности разделения области синтактики метаязыка на лексическую и грамматическую. Лексический метатекст ориентирован на эксплицитное выражение отношений между знаками и обеспечивает передачу идеи кореферентности за счет лексикализации предметных и реляционных особенностей языкового кода, а также номинализации коммуникативных намерений говорящих. Грамматический метатекст задействует имплицитные формы выражения внутритекстовых отношений. Он формируется посредством грамматикализации многочисленных вводных слов и оборотов, как правило, содержащих глаголы речевых действий в качестве одного из своих элементов («короче говоря», «кстати сказать», «что называется», «иначе говоря» и др.). Грамматикализуясь, указанные метаоператоры принимают на себя роль коммуникативных сигналов, свидетельствующих о факте интерпретации синтаксических отношений.

Лексический метатекст, с одной стороны, создает кореферентную среду в тексте, тем самым обеспечивая его когезию и когерентность, а с другой – актуализирует автонимное употребление знака. В зависимости от синтаксической позиции знака-актуализатора по отношению к знаку-автониму в работе различаются два типа метатекстовых актуализационных конструкций. Интродуктивный тип актуализации автонимного употребления знака реализуется в тех случаях, когда слово-актуализатор выступает в роли антецедента, т.е. предшествует в пространстве текст слову-автониму. Реккурентный тип актуализации имеет место в случаях, когда слово-актуализатор оказывается в позиции постцедента, тем самым сигнализируя о переключении референциальных планов с внешнего на внутренний.

Функционирование лексического метатекста обеспечивается средствами металексики, которая рассматривается как семантико-синтаксический феномен. Принадлежность к металексике определяется способностью слова обозначать различные единицы коммуникации,

выступать в функции «вместилища» для передачи определенных «квантов» информации.

В ходе исследования была представлена типологическая картина металексики (рис. 6). Ее особенность заключается в разделении металексики на два лексико-семантических класса слов: лингвокоммуникативного и социокоммуникативного.

Рисунок 6 – Типологическая картина металексики

Лингвокоммуникативный класс состоит из лексем, для которых семиотическое значение (т.е. значение «быть знаком чего-либо») фактически является основным. Данный класс образуют следующие лексико-семантические разряды слов: лингвистический, семиотический, логико-коммуникативный, лингвориторический и текстуальный. Социокоммуникативный класс образован лексемами, которые значение «знаковой субстанции», «вместилища информации», как правило, приобретают только в контексте. Сама возможность использования такого рода слов в процессе лексикализации метатекста объясняется действием многочисленных социокультурных факторов, влияющих на коммуникативные процессы. Социокоммуникативный класс

включает в себя следующие разряды лексики: коммуникативный, прагмакоммуникативный, ментальный, социокультурный и жанровый.

С помощью грамматического метатекста, как правило, оформляются конструкции метаязыкового характера, содержащие информацию об особенностях отношений между элементами кода, развернутыми в тексте. Грамматический метатекст реализуется через инструменты служебных слов, лексическая полнозначность которых была утрачена в процессе их грамматикализации.

Наряду с общими (конститутивными) признаками грамматикализации, состоящими в динамичности, градуальности, стадиальности и обратимости (необратимости) явления, грамматические конструкции метатекста обладают набором видовых признаков. Наличие этих признаков объясняется семантическими, формальными и функциональными особенностями выражения метаязыковых значений на уровне синтактики метаязыка.

Семантический признак заключается в генерализации метаязыковых значений, которые сводятся к двум основным типам. Значения первого типа формируются вокруг интерпретации композиционной структуры текста и обеспечения внутритекстовой навигации. В значениях второго типа фиксируются отношения тождества (квазитождества, псевдотождества) между синтаксическими единицами.

Формальный признак указывает на незавершенность цикла грамматикализации метатекстовых конструкций. Уровень грамматикализации метатекстовых средств ограничивается манифестацией специальной служебной роли знаков без признаков их трансформации в клитики и формообразующие аффиксы.

Функциональный признак заключается в стандартизации средств выражения метатекста. Указанные средства образуют открытый функциональный класс знаков – сигналов метаязыковой рефлексии. С точки зрения выполняемых ими функций они могут быть причислены как к разряду так называемых «коннекторов», т.е. элементов, обеспечивающих

синтагматические связи, так и отнесены к дискурсивным единицам языка (дискурсивам), обслуживающим вспомогательную систему передачи смысла в дискурсе.

Грамматикализованные конструкции используются при маркировании композиционно-содержательных и содержательных структур метатекста.

Композиционно-содержательными структурами метатекста в работе названы автономные отрезки текста, характеризующиеся внутренней референцией и определяющие отношения между частями текста как элементами его композиции. Композиционно-содержательные структуры метатекста представлены двумя своими функциональными вариантами.

В первом из них с помощью метатекста определяются порядок развертывания смысла, смысловые доминанты сообщения, место фрагмента в общей структуре текста, а также отмечаются отдельные этапы композиционного замысла. Типичными примерами данной функциональной разновидности метатекста выступают конструкции, маркирующие порядок подачи информации с выделением начала, продолжения (развития) и завершения сообщения, а также иными способами и формами «порционного» членения сообщаемого.

Второй вариант представляет собой фиксацию отступления от традиционного порядка изложения информации. Указанные нарушения композиционного порядка, обозначенные специальными средствами метатекста, формируют для реципиента область «упорядоченного хаоса», призванную обеспечить адекватность восприятия сообщения (текста). В зависимости от особенностей нарушения композиционного порядка выделяются три структурно-семантических типа метатекстовых конструкций, названия которых соотносятся с пространственной моделью восприятия текста: 1) метатекст-проспекция; 2) метатекст-ретроспекция и 3) метатекст-алиоспекция.

Метатекст сигнализирует о разнонаправленных перемещениях «курсора сознания» в текстовом пространстве. Метатекст-проспекция

фиксирует факт перемещения «вперед» относительно актуальной точки развертывания смысла. Метатекст-ретроспекция заставляет реципиента вернуться «назад» в пространстве знаковой ткани текста. Метатекст-алиоспекция указывает на отвлечение от основной темы сообщаемого, на перемещение «в сторону».

Содержательные структуры метатекста представляют собой автономные отрезки текста, характеризующиеся внутренней референцией и направленные на раскрытие смысловых отношений между элементами текста, тем самым обеспечивая связность и целостность сообщаемого. Такого рода метатекстовые конструкции передают либо отношения тождества, либо отношения квазитождества (псевдотождества) между синтаксическими единицами. Отношения тождества между компонентами текста маркируются метаоператорами, передающими идею формального и семантического единства (*то есть*; *значит*; *дословно* и др.).

Отношения квазитождества (псевдотождества) представляют собой разного рода содержательные расширения и усложнения семантики тождества, связанные с определенными формальными или семантическими показателями. Квазитождество (псевдотождество) реализуется через указание на формальные различия между фрагментами текста при полном сохранении их содержательного тождества, передаваемого метаоператорами *другими словами, иначе сказать, по-другому говоря* и др. Зачастую формальные несоответствия между частями текста связаны с сокращением знакового континуума одной из этих частей (ср.: *короче; короче говоря; одним словом; словом* и др.). Метатекстовые конструкции квазитождества (псевдотождества) реализуется также на фоне осложнения самой идеи тождества семантикой обобщения и уточнения.

Глава 5. ПРАГМАТИКА ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА

5.1. Общая характеристика предметного поля прагматики обыденного метаязыка

Прагматика выступает одним из трех семиотических измерений обыденного метаязыка. Вне прагматики картина метаязыка как системы носила бы фрагментарный характер. Именно прагматика позволяет обеспечить в метаязыковом высказывании присутствие субъекта речи, что в какой-то степени «очеловечивает» систему метаязыка. Если предметное поле семантики метаязыка (см. главу 3) сформировано метаязыковыми комментариями, транслирующими разного рода информацию о форме (внешней или внутренней) и (или) значении знака, поле его синтактики нацелено на интерпретацию отношений между знаками, расположенными в синтагматической цепи (см. главу 4), то поле метаязыковой прагматики образуют рефлексивы, содержание которых позволяет судить об отношениях, складывающихся между субъектом (субъектами) коммуникации и используемыми ими знаками. Иными словами, метаязыковая рефлексия направлена не собственно на знак (последовательность знаков) и не на особенности взаимодействия знаков, а на отношения, возникающие между знаками и их пользователями. Соответственно в рефлексивах прагматического измерения семиотики отражается информация о таком типе взаимоотношений.

В огромном массиве материала, исследуемого лингвистической прагматикой, ученые фокусируются на контекстах, ориентированных на отражение связей между субъектами коммуникации и используемыми словами. В них автором сообщения вербализуется акцент на отношении к слову, к языковому коду. В.В. Фещенко называет такие явления «интровертивной прагматикой» (Фещенко, 2021, с. 219). Мы их относим к прагматике метаязыка.

Известно, что классическая модель коммуникации предполагает участие в интеракции двух субъектов с установленными коммуникативными ролями: говорящего и слушающего (адресанта и адресата, продуцента и реципиента). Диалогичность коммуникации детерминирует принципиальное раздвоение прагматического поля на кластеры «знак ↔ продуцент» и «знак ↔ реципиент». Тем самым прагматика распадается на два достаточно автономных раздела: прагматика адресанта и прагматика адресата. В первом рассматриваются отношения между знаками и адресантом, во втором – между знаками и адресатом.

Осмысление отношений между знаком и адресантом осуществляется с помощью метаязыковой рефлексии, которая нацелена на поиск и определение специфики указанных отношений. В образуемых в результате этого рефлексивах проявляется информационно-исследовательская функция обыденного метаязыка. Она реализуется в виде характеризующей подфункции (о функциях метаязыка см. параграф 2.1.3), раскрывающей характер отношений между субъектом и кодом. Активная позиция говорящего в коммуникативном акте детерминирует разнообразие прагматических смыслов, возникающих в пространстве между знаком и адресантом. Параметры их содержания зависят от набора личностных и социокультурных факторов, которые определяют отношение говорящего к используемым знакам.

В ходе исследования в пространстве «знак ↔ продуцент» нами было установлено наличие трех типов контекстов, регулярно получающих метаязыковое оформление. В данных контекстах воплощаются специальные метапрагматические стратегии: авторизации кода, социокультурной локализации кода, а также эвфемизации / дисфемизации.

Следует понимать, что границы между прагматикой языка и метапрагматикой ввиду консубстанциональности языка и метаязыка зачастую размыты. Перечисленным метапрагматическим стратегиям функционально и содержательно близки контексты, в которых раскрываются отношения

говорящего к внеязыковому содержанию высказывания, в широком смысле «к сказанному». Такого рода отношения в лингвистике принято относить к проявлениям модальности, которая может быть представлена разнообразными модусными категориями (подробнее о разграничении метаязыка и модуса см. в параграфе 2.3.2). Названные языковые явления остаются за пределами нашего внимания. Метапрагматические стратегии не выходят за рамки отношений говорящего и знака.

Для обозначения рефлексивов, образованных в поле прагматики адресанта, мы будем употреблять термин *регулятив*. Данный термин уже имеет закрепленную область применения в лингвистической литературе (заслуги введения понятия и разработки теоретических основ регулятивности принадлежат Н.С. Болотновой и Н.Г. Петровой (Болотнова, 2011, Петрова, 2016)). Под регулятивами понимаются конструкции, призванные актуализировать скрытые смыслы и управлять восприятием и пониманием текста. Считаем возможным применить указанный термин в смежном контексте для обозначения прагматических рефлексивов ввиду того, что в дискурсе они выполняют функцию своеобразного регулятора и актуализатора регистра взаимодействия между знаком и продуценнтом.

Предметное поле прагматики адресата принципиально отличается от предметного поля прагматики адресанта. Оно заполнено скрытыми смыслами, которые предстоит декодировать реципиенту. Метаязыковая компонента кластера «знак ↔ реципиент» формируется вокруг суггестивности кода. С этой целью широко задействуется потенциал языковой игры. Основными предпосылками языковой игры выступают глубокое знание и тонкое умение оперировать элементами кода, что невозможно без участия метаязыковой рефлексии. В построении конструкций, включающих элементы языковой игры, в полной мере задействована моделирующая функция метаязыка.

Для обозначения рефлексивов, относящихся к полю прагматики адресата, нами используется термин *суггестив*, внутренняя форма которого

апеллирует к воздействующей направленности на реципиента результатов интенциональной трансформации языкового кода.

Следует отметить, что рефлексивы, относящиеся к измерению метаязыковой прагматики, как правило, носят латентный характер. В большинстве случаев их метаязыковой потенциал не раскрывается эксплицитно. В отдельных случаях только лингвист-профессионал способен уловить имеющий место в дискурсе прагматический метаязыковой контекст. Подобная метаязыковая латентность в целом характерна для реализации стратегии эвфемизации / дисфемизации и неизменно сопровождает процессы творческой трансформации языкового кода. Указанную особенность прагматических рефлексивов мы связываем с тем, что они отражают результаты рефлексии, направленной не на сам знак, а на отношения между знаком и субъектом коммуникации. Тем самым они, не являясь результатом полноценной семиотической операции «знак на знак», теряют глубину признака, по которому легко устанавливается метаязыковая природа высказывания. Если в семантических рефлексивах отражается интерпретация знака (его формальной или содержательной стороны), что позволяет классифицировать их как интерпретативы, то прагматические рефлексивы содержат в себе дополнительные смыслы, выполняя роль одного из инструментов полифонии в дискурсе.

5.2. В пространстве между знаком и адресантом

5.2.1. Метапрагматическая стратегия авторизации кода

В пространстве между знаком и адресантом в результате их взаимодействия формируется ряд метапрагматических стратегий.

Употребление нами термина *стратегия* призвано подчеркнуть активную позицию, занимаемую говорящим в отношении средств коммуникации – используемых им знаков. Известно, что речевая деятельность не мыслится вне субъекта речи. Именно с ним, его личностью, его вкладом в коммуникативное взаимодействие связан широкий спектр характеристик речи.

Одной из метапрагматических стратегий является стратегия авторизации кода. Ее сущность заключается в определении авторской принадлежности речевого отрезка. Говорящий может выступать как автором, креатором речевого отрезка, так и медиатором, посредником в передаче информации. Более того, в отдельных случаях продуцент даже намеренно дистанцируется от сказанного. Тем самым, в сознании говорящего, код, а также его отдельные элементы могут восприниматься либо как «свои», либо как «чужие». Дискурс представляет собой сложное переплетение отрезков «своей» и «чужой» речи, «своих слов» и «слов другого».

Онтологическим субстратом метапрагматической стратегии авторизации выступает концептуальная категория «Свои vs Чужие». Разделение универсума на два мира – «Свой» и «Чужой» – представляет собой один из фундаментальных семиотических принципов, известных с древних времен (Пеньковский, 1989, с. 54). В лингвистике и культурологии концепт «Свои vs Чужие» принято относить к числу базовых мировоззренческих категорий, носящих универсальный характер, получающий уникальное развитие и воплощение в национальном языке и культуре (Степанов, 2001, с. 126-143). Ментальная оппозиция «Свои vs Чужие» проникает в мир человека и влияет на восприятие краеугольных основ бытия. Так, сквозь призму данной оппозиции человек воспринимает окружающее пространство, межличностные и социальные отношения, разного рода культурные ценности и смысложизненные императивы. Язык (речь) как важнейший социальный и личностный инструмент не остался в стороне от этого влияния. Элементы языкового кода также распадаются на «свои» и «чужие».

Необходимо отметить, что исследовательский интерес к феномену авторизации кода возник довольно давно. В науке он развивался в русле осмысления проблемы «чужой речи». Последняя имеет глубокую традицию освещения в лингвистической литературе. Значительное место в своих исследованиях ей уделили классики языкознания Ш. Балли, Л.В. Щерба, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, А. Вежбицка, Н.Д. Арутюнова и др. Интерес к обозначенной проблеме во многом объясняется тем фактом, что она находится на «перекрестке» отраслей лингвистического знания. Комплексное познание и описание феномена чужой речи требует привлечение данных общей лингвистики, структурного синтаксиса, теории текста, коммуникативной лингвистики, стилистики и прагмалингвистики.

К категории «чужой речи» в современной лингвистике принято относить самые разнообразные явления и конструкции: цитирование, прямая, косвенная и несобственно-прямая речь, разного рода повторы и переспросы, литературные реминисценции, включение в речь прецедентных феноменов и др. (подробнее о том, какие формы способна принимать чужая речь см. Арутюнова, 1999, с. 669). В зарубежной лингвистике проблема изучения «чужой речи» смыкается с лингвистичекой проблематикой цитирования (Cappelen, 1997; Saka, 2003; Bolden, 2004).

В историческом плане лингвистические исследования «чужой речи» прошли эволюционный путь от описания структурно-грамматических характеристик феномена (см. Чумаков, 1975; Чой, 2001) к осмыслению его коммуникативной сущности (см. Арутюнова, 2000; Максимова, 2005; Кравченко, 2024 м). На актуальном этапе развития науки вектор исследований сместился в сторону когнитивно-дискурсивных процедур изучения семантики и прагматики чужой речи. При этом целесообразно говорить о формировании отдельных подходов, определяющих точки зрения на природу рассматриваемого феномена. Наиболее распространенным из них следует считать тот, в рамках которого чужая речь позиционируется как элемент субъективной модальности. Данный подход мы называем *модусным*.

Он реализуется в нескольких своих вариантах. Вариативность определяется тем, к какой из существующих модусных категорий авторы причисляют смысловой потенциал чужой речи. Так, последний может быть отнесен к проявлениям модусной категории авторизации, которая связана с идентификацией автора высказывания (Гричин, 2010; Етко, 2011). Другие ученые видят в чужой речи «отголоски» категории эвиденциальности, состоящей в указании на источник информации и отсылке к способу её получения (Wiemer, 2008; Daiber, 2010; Копотев, 2014; Козловский, 2023; Катышев, Ли, 2026). Распространено также мнение о том, что феномен чужой речи соотносим сразу с несколькими модусными категориями: авторизации и персуазивности (Боуфал, 2017); эвиденциальности и эпистемической модальности (Плунгян, 2008; Николаева, 2019).

Однако модусный подход к чужой речи разделяется не всеми лингвистами. Так, Е.В. Падучева не считает показатели цитирования одновременно маркерами эвиденциальности или эпистемической модальности (Падучева, 2011 а). В настоящем исследовании мы также представляем точку зрения на природу чужой речи, альтернативную модусному подходу. Считаем, что феномен авторизации кода или чужой речи обладает метаязыковой (метатекстовой) сущностью. Действительно, стратегия авторизации (передачи своей / чужой речи) отражает один из типов отношений, возникающих между говорящим и словом, и относится к области прагматики метаязыка. Один из наиболее авторитетных исследователей проблемы чужой речи М.М. Бахтин, публикуясь в силу ряда причин под фамилиями других ученых, ещё около ста лет назад усмотрел в явлении чужой речи метаязыковые корни. В частности, он утверждал, что «“Чужая речь” – это речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» (Волошинов, 2000, с. 445).

В изучаемой нами метапрагматической стратегии авторизации кода существует два полюса, в одном из которых проявляется свойство эгореферентности речи (авторство говорящий приписывает себе), в другом –

свойство ксенореферентности речи (авторство отдается другому). При реализации стратегии именно ксенореферентность выступает маркированным членом оппозиции.

М.М. Бахтин констатировал преобладание ксенореферентности над эгореферентностью во всех типах дискурса, кроме научного: «Только в научном контексте еще живет категорическое слово, слово “от себя”, – утверждающее слово. Во всех других областях словесного творчества преобладает не “изреченное”, а “сочиненное” слово. Вся речевая деятельность здесь сводится к размещению “чужих слов” и “как бы чужих слов”» (Волошинов, 2000, с. 485-486) (тенденция к эгореферентной авторизации в научном дискурсе отмечается также современными учеными (Супоницкая, 2016)). Это является следствием того, что в большинстве случаев продуценту важнее акцентировать внимание на отрезках речи, ему не принадлежащих. По свидетельству А.Н. Баранова, «чужое» слово доминирует над «своим» в силу реализации принципа коммуникативной ответственности. Произнося высказывание как «свое», говорящий берет на себя ответственность за его форму и содержание. Стремление разделить или избежать коммуникативной ответственности заставляет адресанта маркировать высказывание как «чужое» (Баранов, 1994, с. 115-116).

Приоритетность ксенореферентности при реализации стратегии авторизации проявляется в разнообразии средств выражения чужой речи в дискурсе. Эгореферентность, наоборот, имеет весьма ограниченное количество специальных маркеров. По мнению Е.В. Падучевой, для обозначения эгореферентных контекстов типично использование эгоцентрического нулевого знака (Падучева, 2011 б).

Наше описание стратегии авторизации кода начнем с рассмотрения метаязыковой рамки, характерной для случаев эгореферентности. Анализ эмпирического материала показал, что для обозначения «своих» слов адресант, как правило, не прибегает к использованию дополнительных помет. При этом специальная метаязыковая рамка не оформляется.

Авторизация осуществляется методом от противного: слово попадает в категорию «свое» ввиду того, что оно «не отрефлексировано» как «чужое». Однако в отдельных контекстах субъект настаивает на своем авторстве, о чем оставляет метаязыковые сигналы. К числу типичных сигналов относится перформативное употребление глаголов говорения или близких им по значению слов и выражений, говорящих об осознанности выбора знака: *Впрочем, если тебе хочется считать, что человек, которого двумя руками в спину толкают под поезд, кончает самоубийством – пожалуйста, твое дело. Только* ***я называю*** *это убийством. Уж извини* (С. Шикера «Египетское метро» // НКРЯ, ОПК); *Первокурсники были в подавляющем большинстве вчерашние школьницы,* ***я употребляю*** *слово «подавляющий» в обоих смыслах* (Б. Хазанов «Плюсквамперфект и другие времена» // НКРЯ, ОПК).

Еще одним типичным маркером эгореферентности выступают соответствующие дейктики, сопровождающие метаязыковую лексику. Зачастую дейктик и знаменательное слово фразеологизируются. Так, в русском языке наблюдается узуальное употребление некоторых устойчивых выражений как метаоператоров эгореферентности. Ярким примером является выражение *помяни (попомни, вспомни, вспомнишь) мое слово*: – ***Помяни мое слово****, доведет тебя экономия до греха* (А. Волос «Из жизни одноглавого» // НКРЯ, ОПК); *И* ***попомни мое слово*** *– счастья тебе не видать* (Е. Завершнева «Бабушка» // НКРЯ, ОПК). В отдельных случаях действие указанного метаоператора может быть усилено благодаря повтору «своего» слова: *Но* ***примет****, обязательно* ***примет****,* ***помяни мое слово – примет!*** (А. Азольский «Диверсант» // НКРЯ, ОПК).

Отдельного упоминания и обсуждения требует корпус примеров авторизации, в которых рассказчиком (повествователем) с позиции стороннего наблюдателя производится характеристика речевого поведения коммуникантов. Повествователь приписывает авторство слов персонажам своего рассказа: *Исидор****, по его собственному выражению****, начинает рассуждать…* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Через три года*

Лагудов снова возник, и вокруг него уже сформировался мощный клан, или, ***как они сами себя называли****, – библиотека* (М. Елизаров «Библиотекарь» // БД № 2026620743). Вместе с тем «своими» слова являются только для субъектов, находящихся внутри повествовательной рамки. Рассказчик сохраняет дистанцию как по отношению к дискурсивной ситуации в целом, так и по отношению к языковым способам её передачи, в частности. Авторизация элементов высказывания выступает скорее в качестве художественного приема, характеризующего персонажей. Подобные случаи мы определяем как проявления нарративной эгореферентности.

Перейдем к описанию метаязыкового маркирования ксенореферентности – противоположного полюса стратегии авторизации. Как было нами отмечено выше, определение высказывания или его элементов как «чужой» речи является релевантным признаком стратегии авторизации. Отрезки чужой речи инкорпорируются в высказывания и текст в виде цитат в широком понимании последнего термина. В маркировании ксенореферентности участвуют две разновидности (два типа) метаязыковых рамок. Первый тип мы будем называть рамкой цитирования, второй – рамкой псевдоцитирования.

Метаязыковая рамка цитирования предполагает, что чужая речь играет важную смыслопорождающую роль в дискурсе. Одновременно, как правило, имеет место положительное либо нейтральное отношение субъекта речи к цитации в целом или её элементам. К числу содержательных признаков рамки цитирования стоит отнести буквальность или близость к оригиналу воспроизводимых отрезков речи, а также «эксплицитное присутствие» автора цитаты. Формальным признаком этого типа метаязыковой рамки является её субстанциональная протяженность: чужая речь вводится при помощи отдельных метаязыковых высказываний, вводных оборотов, зачастую сопровождаемых специальными пунктуационными средствами.

Обращение к чужой речи в подобных случаях объясняется стремлением говорящего опереться на авторитетное мнение, процитировать

известную личность: ***Денис Орлов – один из самых авторитетных отечественных «автомобильных критиков» – сообщил городу и миру дословно следующее****: «Пока Собянин с Ликсутовым всячески выживают автомобилистов из Москвы, европейцы внедряют гибкое управление транспортными потоками»* (М. Блинкин «Новогодние размышления о товароведах и телекритиках» // НКРЯ, ОПК); ***«Президент сказал дословно следующее****: «Михаил Ефимович, я вам в третий раз говорю: я вас поддерживаю, и то, что вы делаете, меня устраивает»* (А. Садчиков «Президент Николаев неверно понял президента Путина» // НКРЯ, ОПК).

Обращение к речевому заимствованию может быть продиктовано контекстуальной уместностью и коммуникативной обусловленностью употребления цитаты: ***Это удачное выражение «обрастать словами» принадлежит не мне, а Каткову.*** *Катков про И.С. Аксакова говорил: «Он весь оброс словами!» Удивительно верно!* (К. Леонтьев «Над могилой Пазухина» // НКРЯ, ОПК); *По подсчетам С.И. Чупринина, писателями в современной России считает себя примерно 700 000 человек. Формально говоря, все 700 000 имеют на это право: его, в частности, дает интернет, принимающий все тексты* ***(воспользуюсь выражением С.С. Аверинцева)*** *с гостеприимством кладбища* (Е. Водолазкин «Фотография на фоне литературы» // БД № 2026620743).

Использование метаязыковой рамки цитирования характерно прежде всего для научного, образовательного или публицистического дискурсов, а также текстов иной направленности, в которых отдельные фрагменты принимают форму научного стиля. Однако метаязыковая рамка цитирования способна проникать в бытовой и бытийный дискурсы. В пространстве названных дискурсов её использование не выглядит неуместным. Однако содержательные характеристики при этом заметно трансформируются. Передача чужой речи может отходить от принципа буквальности, и целью цитирования зачастую является не апеллирование к авторитету или поиск опоры в смыслопорождающем потенциале цитаты, а стремление продуцента

обратиться к словам другого человека, превратив их в инструмент его психологической характеристики, или использовать элементы чужой речи в роли изобразительно-выразительного средства описания ситуации: *Судя по тому, что сегодня дверь Алексевны плотно закрыта, – её снова взяли в больницу, чтобы,* ***как говорит дядя Коля****, «подремонтировать мозги» и привести в порядок «шарики с роликами»* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *Если раньше его отношение к занятиям сына музыкой было снисходительным, рождено было жалостью к попытке сына поднять неподъемное* ***(Федор так это и определял в разговорах с Ириной)****, то сейчас он увидел, как неподъемное приподнимается* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743).

В отдельных случаях структура метаязыковой рамки цитирования может упрощаться за счет отсутствия указания на автора чужой речи. Примеры неустановленного авторства цитат обычно связаны с использованием в речи разного рода паремий, крылатых фраз, афоризмов. Значительная часть указанных конструкций не поддается авторизации в силу того, что их происхождение относится к результатам коллективного творчества. Отсутствие ссылки может объясняться также тем, что продуцент попросту не владеет информацией об авторе цитаты или не считает нужным прибегать к её вербализации. Деперсонализация чужой речи осуществляется посредством употребления метаоператоров *как говорят*, *как говорится* и других, близких им по значению и выполняемой функции: *Но ведь знаешь,* ***как говорят:*** *не доходят только те письма, которых не пишут* (М. Шишкин «Письмовник» // БД № 2026620743); *Заявления и декларации, конечно, дело хорошее.* ***Как говорится,*** *кашу маслом не испортишь* («За мир нужно бороться» / «Жизнь национальностей» // НКРЯ, ОПК).

К периферийным случаям описываемого типа метаязыковой рамки интродукции чужой речи мы относим конструкции с частицами *мол, дескать, де,* за которыми в отечественной лингвистике благодаря Н.Д. Арутюновой закрепился термин *ксенопоказатели* (Арутюнова, 2000 б,

с. 437). Указанные частицы представляют собой результат редукции древнерусских глаголов речи. Их происхождение от verba dicendi и история десемантизации установлены и описаны как в классических трудах (Виноградов, 1986, с. 600), так и историко-этимологических исследованиях последних десятилетий (Копотев, 2014). В современном русском языке они играют роль маркеров чужой речи. Изучению особенностей их функционирования в речи посвящена обширная лингвистическая литература (Баранов, 1994; Арутюнова, 2000; Плунгян, 2008; Падучева, 2011; Николина, 2014; Николаева, 2019). Поэтому, не углубляясь в описание дискурсивных функций ксенопоказателей, подробно рассмотренных в указанных трудах, мы остановимся на тех особенностях, которые дают основания причислить их к периферии способов маркирования цитирования.

Во-первых, в высказываниях с ксенопоказателями наблюдается отход от буквальной передачи чужой речи. В этой части показательно замечание Н.Д. Арутюновой о том, что «в большинстве случаев высказывания с ксенопоказателями нацелены на передачу «чужого смысла», а не чужих слов», поэтому «даже тогда, когда чужая речь закавычена, кавычки не дают гарантии подлинности первичного высказывания» (Арутюнова, 2000 б, с. 443): *Мы привыкли рассуждать о наших проблемах –* ***мол, «раньше будущее было лучше…»,*** *но суть в том, что у остальных потенциальных мировых игроков оно – будущее – хуже* («Время Больших Решений» / «Парламентская газета» // НКРЯ, ГПК); *Толстый дядька с пупком ... жадно ел, попеременно откусывая то от буханки, то от батона любительской колбасы. Жена предлагала ему сделать бутерброд, но он отвечал,* ***мол, так вкуснее*** (Ю. Поляков «Совдетство 3. Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743).

Во-вторых, границы «своего» и «чужого» в высказывании размываются. Элементы эгореферентности и ксенореферентности смешиваются, образуя синкретичный с позиций определения авторства отрезок дискурса: *Сейчас в моде стали жалобы: ах, как изменилось время!*

*Какое оно, **дескать**, жесткое и быстротечное! Некогда читать стихи!!!* (А. Мокроусов «Слово Ларисе Миллер» // НКРЯ, ОПК); *Наверное, тут можно было бы сделать успокоительный вывод – **мол,** мавры сделали свое дело и теперь уже не нужно подставлять плечо и прикрывать провалы (не только рынка, но и госмашины)* («Противоречивые институты развития» / «Ведомости» // НКРЯ, ГПК).

В-третьих, зачастую ксенопоказатели, кроме формирования собственно метаязыковой рамки, придают высказыванию дополнительные модальные значения, связанные с оценкой истинности пропозиции: *Письмо троих подписантов в повестку пленума не включили. **Под формальным предлогом** – **дескать, опоздали*** (Р. Фаляхов «Геннадий Зюганов «на троих» не делится» // НКРЯ, ОПК); *Опять идет разговор о том, что «нужно регулировать информационные потоки». **Необходим-де строгий контроль*** («Даешь “вести с полей”» / «Совершенно секретно» // НКРЯ, ОПК).

Вместе с тем считаем, что конструкции с ксенопоказателями формально и содержательно все же ближе к типу цитирования, чем псевдоцитирования. В пользу данного заключения говорят следующие наблюдения. Первое затрагивает область языкового чутья: несмотря на непрозрачность внутренней формы (как минимум для большинства рядовых носителей языка), эти частицы интуитивно воспринимаются субъектами коммуникации как формальные маркеры чужой речи. Во-вторых, в отличие от многих других дискурсивных маркеров, частицы *мол, дескать, де*, отличаются относительной монофункциональностью, что, в свою очередь, поддерживает традицию видеть в них показатели цитирования.

Если изучение частиц *мол, дескать, де* открывает перед нами долгую историю функционирования в качестве показателей «чужой» речи, то в современной коммуникативной практике (особенно в устной разговорной речи) можно усмотреть рождение и распространение их функциональных синонимов, которые также заполняют периферию метаязыковой рамки цитирования. Следует констатировать, что инструментарий средств

метаязыковой прагматики расширяется. Так, к числу ксенопоказателей, появление которых обусловлено актуальными процессами развития языка и метаязыка, можно отнести дискурсивы *типа, такой* (подробнее об их функционировании в роли маркеров цитирования см. в (Daiber, 2010; Сатюкова, Воейкова, 2010; Сергеева, 2010; Савчук, 2011)): *Вот Делягин говорит про Сбербанк/* ***типа/ какой он эффективный*** (Как поднять производительность труда. Программа «Правда на ОТР» // НКРЯ, Устный подкорпус; далее – УПК); *Я говорю / ну хочешь / я тебе его вышлю тебе там какой-нибудь айсберг / а он* ***такой / не дойдёт / растает…*** (Рассказ о конференции // НКРЯ, УПК). О функциональной синонимии «традиционных» и «современных» ксенопоказателей свидетельствуют случаи их контактного употребления в метаязыковых контекстах, в которых реализуется стратегия авторизации речи: *То есть я не считаю/ что это что-то* ***аа типа/ мол/ молодым этого нельзя делать/ взрослым это уже поздно*** (Разговор о киберспорте // НКРЯ, УПК).

Перейдем к рассмотрению метаязыковой рамки псевдоцитирования. В конструкциях этого типа отражается альтернативный подход к восприятию говорящим «чужой» речи. Отношение субъекта речи к «чужому» слову оценивается, скорее, как отрицательное. Основная роль псевдоцитирования заключается в демонстрации стремления говорящего дистанцироваться от слова. При этом «отчуждаемые» слова, обороты или фрагменты текста не подаются как цитаты, принадлежащие другим авторам. Акцент делается на актуализации семантики чуждости говорящему отдельных элементов кода, которые он вынужден употреблять в своей речи только по необходимости. Тем самым, запуская рамку псевдоцитирования, говорящий в определенном смысле «отрекается» от слова, не хочет нести за него ответственность, настаивает на том, что это слово «не принадлежит его миру».

Формальное воплощение метаязыковая рамка псевдоцитирования получает с помощью вводных оборотов – метаоператоров: *так называемый, так сказать, скажем так, как говорится, если угодно* и др. При этом

указание на наличие чужих элементов в речи носит, как правило, непрямой, имплицитный характер. Метаоператор лишь сигнализирует о наличии «дистанции» между продуцентом и словом.

Дистанцироваться продуцент может как от понятия, выражаемого словом, так и собственно от знака. Дистанцирование от понятия зачастую происходит ввиду негативного (противоречивого) отношения к нему в социокультурном пространстве или объясняется мировоззренческими императивами говорящего: – *Придется,* ***как говорится, грабить****, – подвел итог Николай Иванович* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *Но* ***так называемый офисный планктон****, помимо выполнения своих должностных обязанностей, пользуется служебным компьютером в качестве средства развлечения – для общения в социальных сетях, веб-серфинга и, конечно же, компьютерных игр* (Д. Прокудин «Проблемы социокультурной адаптации в пространстве компьютерных игр» // НКРЯ, ОПК).

Дистанцирование от знака объясняется другими причинами. В соответствии с общим коммуникативным принципом кооперации говорящий стремится избегать «крайностей» в своей речи. Если ему это не удается, то он прибегает к специальному маркированию элементов кода. Лингвистами установлена закономерность, согласно которой «чужие» слова, как правило, располагаются на разных полюсах оси узуальности (Шмелева, 1987, с. 126-127; Байдуж, 2017, с. 62). С одной стороны, ксенореферентность манифестируется в отношении слов, выходящих за пределы состава общеупотребительной лексики, с другой, продуцент пытается отмежеваться от излишней стандартности кода, сформированной разного рода канцеляризмами, клише, широко употребляемыми коллокациями.

В соответствии со сказанным метаязыковая рамка псевдоцитирования сопровождает нестандартные слова и выражения. Предполагается, что их использование в речевой цепи требует от говорящего дополнительных усилий, а также специальной настройки воспринимающего сознания реципиента. Поэтому метаоператор фиксирует зону метаязыкового

напряжения, сигнализируя об особом статусе знака. Зачастую в категорию «чужих» слов попадают разного рода неологизмы: *Его походка, интонации, голос, любое,* ***так сказать, дуракаваляние****, даже вне его блистательных реприз и сценок, оказывались самодостаточно комическими* (И. Кио «Иллюзии без иллюзий» / НКРЯ, ОПК); *Если у мужчины есть,* ***скажем так, две адресатки****, мы гарантируем, что доставка букеты не перепутает и вообще никак не осложнит личную ситуацию заказчика* («Подарок без повода – чудо, которое ты совершаешь сам» / lenta.ru // НКРЯ, ГПК).

Нередко говорящий дистанцируется от лексических единиц, относящихся к социальным или профессиональным жаргонам, используя для этой цели соответствующие вводные обороты в функции метаоператоров: *На Ваш взгляд: сложившееся сообщество, или,* ***если угодно, тусовка****, адекватно создаваемым ныне текстам?* (Разговоры с Андреем Пермяковым: Евгения Вежлян – Виктор Куллэ // НКРЯ, ОПК); *Дело в том, что в нашем организме есть* ***так называемый плохой холестерин*** *– это липопротеины низкой плотности (ЛПНП) и хороший – липопротеины высокой плотности (ЛПВП)* (Г. Костина «Хороший может стать плохим» / «Эксперт» // НКРЯ, ОПК).

Подобным образом оказываются «отрефлексированными» в тексте слова иноязычного происхождения: *Потом я уволился из газеты и сделался* ***так называемым фрилансером****…* (Р. Сенчин «В залипе» // БД № 2026620743); *И продавать машину планируют людям,* ***так сказать, не мейнстримовым*** («Кэдди-лайк» / «Коммерсант» // НКРЯ, ГПК).

Нестандартность кода, как известно, может проявляться также на синтагматическом уровне. Соответственно рамка псевдоцитирования используется в отношении словосочетаний или отдельных высказываний, в которых наблюдаются отступления от общепринятой сочетаемости знаков: *И без химического анализа,* ***так сказать, невооружённым носом*** *дайверы чувствуют запах экологической проблемы* («Биоразлагаемые рыбацкие сети начнут разрабатывать иркутские ученые» / Vesti.ru // НКРЯ, ГПК); *Если отменить эти секторальные рестрикции, то улучшится,* ***скажем так,***

кровообращение в экономических связях *Германии с Россией* («Германия хочет нормализовать экономические отношения с Россией» / «Парламентская газета» // НКРЯ, ГПК).

Как было отмечено выше, ксенореферентной авторизации наряду с нестандартными элементами кода подвергаются разного рода штампы. Ощущая обыденность и тривиальность последних, метаязыковое сознание говорящего дистанцируется от них, переводит их в разряд знаков общего пользования. Поэтому обращение к рамке псевдоцитирования особенно характерно при употреблении адресантом ситуационных клише и канцеляризмов: *Если нет, спускайтесь во двор, а я сейчас подъеду минут на десять, не больше.* ***Так сказать, в рабочем порядке...*** (В. Белоусова «Второй выстрел» // НКРЯ, ОПК); *Впрочем, о боли пора уже перестать думать,* ***вынести ее, так сказать, за скобки*** (И. Грекова «Перелом» // НКРЯ, ОПК).

Излишнюю стандартность кода субъекты коммуникации видят в словосочетаниях, компоненты которых объединены фразеологической связью. Соответственно говорящий считает правильным демонстративно отказаться от авторства в этой части высказывания: *Это* ***так сказать лирическое отступление****, чтобы мозг жиром не заплыл))* (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым // НКРЯ, ОПК); *Но некоторые отказались, а некоторые имена,* ***так сказать, повисли в воздухе*** («Новый президент Эстонии Алар Карис шел на выборы без программы» / «Ведомости» // НКРЯ, ГПК).

Таким образом, мы показали, что восприятие действительности в терминах «своего» и «чужого» переносится на язык (речь), воплощаясь в метапрагматической стратегии авторизации кода, которая реализуется через сообщение высказываниям свойства эгореферентности или ксенореферентности.

5.2.2. Метапрагматическая стратегия социокультурной локализации кода

Если описанная в предшествующем параграфе стратегия авторизации кода передает личностное отношение говорящего к знаку, которое встраивается в понятийную парадигму «своего» и «чужого», то стратегия социокультурной локализации кода определяет социальную и культурную принадлежность знака. Возможность такого рода метаязыковых характеристик обусловлена переносом социокультурных качеств продуцента на используемые им знаки.

Код неразрывно связан с его пользователем и воспринимается как воплощение или «продолжение» сущности говорящего, превращаясь тем самым в социокультурный феномен. В результате реализации указанной метапрагматической стратегии за знаком могут закрепляться этнические, этносоциальные, гендерные, профессиональные, собственно социальные и культурные признаки. Весь широкий спектр названных характеристик мы объединяем в категории социокультурной локализации кода.

Метапрагматическая стратегия манифестируется посредством метаязыковой рамки. Последняя может быть представлена двумя вариантами. Первый из них нацелен на объединение знака и говорящего при помощи метаоператоров *как говорят, как выражаются, по словам* и др., определяющих круг потенциальных пользователей знака: – *Прописка, – усмехнулся Передистов. – Ты потерял … не знаю, как это правильно назвать,* ***но твой поп сказал бы****, что* ***ты потерял целомудрие*** (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743); *А еще я очень большая выдумщица* ***(как говорят взрослые****, «творческая натура»)*… (О. Большакова «Волшебная улица» / «Труд-7» // НКРЯ, ГПК).

Второй вариант метаязыковой рамки (используемый значительно реже) формируется за счет прямого наделения элемента кода теми или иными социокультурными признаками: *Разумеется, я возмущался, клял **«продажных сук»** (да простят мне это **«блатное» словечко**, особенно возмутительное именно потому, что нет как раз более верных и преданных существ, чем наши четвероногие песики обоих полов!) …* (О. Волков «Из воспоминаний старого тенишевца» // НКРЯ, ОПК); *Но операция была жизненно необходима – вам знакомо такое **медицинское выражение**?* (А. Кабаков «Путешествие экстраполятора» // НКРЯ, ОПК).

Установление исчерпывающего перечня социокультурных характеристик кода (даже с учетом привлечения данных Национального корпуса русского языка) является практически невыполнимой задачей в силу многообразия актуализируемых в дискурсе метасмыслов. В этой связи в последующем изложении особенностей стратегии социокультурной локализации кода мы сделаем акцент на наиболее явных, семантически укрупненных признаках, определяющих метапрагматическую природу слова или высказывания.

Начнем с того, что к числу характерных признаков кода, отмечаемых в большом количестве метаязыковых контекстов, следует отнести маркирование его этнической принадлежности. Действительно, язык неразрывно связан с этносом, нацией. Именно язык принято считать базовым элементом, формирующим национальную идентичность. Отсюда проистекает известная двойственность самого объекта лингвистических исследований – с одной стороны, этим объектом выступает язык как отвлеченное системно-структурное образование, с другой – национальные языки, в которых языковая матрица находит свое конкретное воплощение. Национальное в языке заботит не только ученых филологических направлений. Обыденное метаязыковое сознание также чутко реагирует на этнические признаки кода, в результате чего в дискурсе появляются рефлексивы соответствующего содержания. Так, этнический (национальный)

признак выступает в качестве первичного, основного при осмыслении элементов иноязычного кода. С точки зрения соблюдения коммуникативных максим это выглядит особенно естественным и оправданным в случаях, когда в высказывание инкорпорируются иноязычные означающие: ***Как говорят англичане**, «it's up to you»* («На полпути из Москвы в Оксфорд» / «Домовой» // НКРЯ, ОПК); *На мраморных скамьях под деревьями лежали врастяжку и завернувшись в плащ какие-то молодцы, курившие папиросы; они, быть может, провели здесь ночь, не имея другого приюта, быть может, нарочно пришли сюда с тем, чтобы встретить первые лучи и погреться, tomar el sol, – наслаждаться солнцем, – **как выражаются испанцы*** (Д. Григорович «Корабль “Ретвизан”» // НКРЯ, ОПК).

Этнический признак кода актуализируется не только в гибридных, полиязыковых высказываниях. Национальная составляющая может проявляться на понятийном уровне развертывания дискурса. В данном случае собственно иноязычные элементы остаются за пределами высказывания. В тексте они представлены в виде калек и другого рода переводных конструкций на родной язык. Несмотря на имеющий место перевод, конструкции зачастую продолжают сохранять лингвонациональную специфику, что потенциально создает зону метаязыкового напряжения и способствует выходу рефлексии на поверхность текста в форме регулятива: *Здесь считается, что выращивать цветы очень просто – **как говорят англичане**, «легко, как раз, два, три»* (Е.Пуллум «Маленькие секреты ампельного искусства» // НКРЯ, ОПК); *И предложил классический стиль, который отвечает и статусу хозяина дома – **как говорят французы**, положение обязывает…* («По-английски сдержанно, по-русски душевно» / «Мир & Дом. City» // НКРЯ, ОПК).

В содержательном отношении этническим признакам кода близки его этносоциальные характеристики. Последние совмещают в себе этнические и социальные параметры, которыми обладают продуценты: *А когда в девяностом молодые воинственные тувинцы из районов – «злые бесы», как*

их называла ***русская молодежь****, – начнут нашествие на город, тех решительных смелых, драчливых парней уже не останется* (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); *Британская империя,* ***как выражаются английские буржуазные идеологи****, дабы скрыть вынужденный характер этой радикальной перемены, «трансформировалась» в Содружество* («Ваши вопросы» // «Аргументы и факты» // НКРЯ, ГПК).

Отдельную группу регулятивов образуют метаязыковые конструкции, в которых знаки – объекты рефлексии «классифицируются» по гендерному принципу. Тем самым гендерный подход к языковым фактам имеет место не только в современных лингвистических исследованиях, но и в наивной рефлексии над языком. Рядовой носитель языка способен оценивать отдельные слова и выражения в разрезе их гендерной принадлежности и наклеивать на них ярлыки «мужского» или «женского»: *Надо поглядеть на свет и людей, повеселиться, перебеситься,* ***как говорят мужчины****...* (А. Амфитеатров «Марья Лусьева» // НКРЯ, ОПК); *Светка сидела на носу и****, как выражаются девчонки****, «воображала»: трое ребят, поглядывая на нее со значением, соперничали на веслах* (Л. Кабо «Повесть о Борисе Беклешове» // НКРЯ, ОПК).

Обширную группу регулятивов составляют метаязыковые комментарии в отношении сфер профессионального использования знаков. В сознании рядовых носителей языка знаки приобретают профессиональную окраску транзитом через своих пользователей, занимающихся определенным видом деятельности. Фактически рефлексивы данной группы указывают на терминологическую сущность знака или фиксируют узуальные сообщения в конкретной профессиональной сфере: *Важен просто сам факт общения.* ***Как выражаются лингвисты****, фатическая функция. Ведь мы стали чудовищно одинокими* (Г. Тарасевич «Мозг больше не нужен» / «Русский репортер» // НКРЯ, ОПК); *Слушать это было тягостно; но я старался, чтобы она высказалась, чтобы –* ***как говорят психологи*** *– «вышел весь*

негатив»… (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743). Иногда продуцент в такого рода высказываниях приобретает институциональный облик, относящийся к одной из профессиональных сфер: *Крепко задумавшись, он, бывало, уходил в другую реальность, которая, **выражаясь словами учебника философии**, не была дана в ощущениях* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); *А что делать: акселерация, **как пишут в журнале «Здоровье»*** (Ю. Поляков «Совдетство 2. Пионерская ночь» // БД № 2026620743).

Элементы кода способны получать самую разнообразную социокультурную локализацию. При этом в регулятивах манифестируется привязка знаков к социальному статусу и (или) социокультурной нише, занимаемым говорящими. Собственно социальные и культурные признаки кода отличаются вариативностью. В их основе могут лежать возрастные, образовательные, нравственные, этические, эстетические и многие иные характеристики коммуникантов, обеспечивающие принадлежность последних к отдельным социокультурным группам: *А вы просто алкоголик, или, **как говорят блатные**, шобла, ботало* (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей, часть 5» // НКРЯ, ОПК); *Скажу главное: именно в ту зиму я снова стала «практиковать», **как выражаются католики*** (Н. Трауберг «Сама жизнь» // НКРЯ, ОПК).

Следует отметить, что стратегия социокультурной локализации кода имеет разнообразные формы своей реализации. Отдельного упоминания заслуживает интересное явление метарефлексии, которое мы будем называть феноменом наивной стратификации лексических ресурсов языка. Многочисленные примеры из текстов нелингвистического происхождения свидетельствуют о том, что рядовой носитель языка, подобно лингвисту-профессионалу, стремится к анализу и оценке соответствия употребления знаков коммуникативному контексту, прагматическая рамка которого во многом определяется социокультурными параметрами ситуации общения. Умение ориентироваться в стилистических ресурсах кода выступает

непременным условием коммуникационной успешности личности. Поэтому метаязыковые комментарии, фиксирующие стилистическую окраску и экспрессивный потенциал знака, можно считать привычным атрибутом речевой практики среднестатистического коммуниканта. Безусловно, научная стратификация лексического состава, строящаяся на принципах системности, полиаспектности и всеохватности материала, отличается от результатов метаязыковой деятельности рядовых пользователей языка. Наивная стратификация характеризуется утилитарностью, априорностью исследовательского поля (это, впрочем, не мешает лингвисту-профессионалу и лингвисту-любителю приходить зачастую к идентичным выводам). Принципы научной и наивной стратификации лексики соответствуют границам, которые принято проводить между специализированным и неспециализированным метаязыком.

Для иллюстрации феномена наивной стратификации лексических ресурсов языка можно привести большое количество рефлексивов. Каждый из них обладает своей содержательной спецификой и с трудом поддается типологизации. Однако две категории регулятивов выделяются в эмпирическом массиве достаточно отчетливо: 1) регулятивы, содержащие информацию об экспрессивно-стилистическом регистре высказывания, и 2) регулятивы, причисляющие знак к определенному коммуникативному стилю, закрепляющие его за определенной ситуацией общения.

В регулятивах первой группы вербализуется экспрессивно-стилистическая рамка высказывания. Метаязыковой комментарий указывает на тот факт, что продуцент дифференцирует ресурсы языка, позволяющие, с одной стороны, придать речи признаки высокого стиля: *Или* ***скажем возвышенно****: вопль его, его кровавая жалоба достигли ушей Всевышнего!* (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743); *Нас,* ***выражаясь патетически****, соединила сцена* (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743); с другой стороны, наполнить речь элементами низкого стиля (опустить её на уровень просторечья): *... коллоквиумы –* ***в просторечии***

колки… (А. Варламов «Душа моя Павел» // БД № 2026620743); *Через прожигало! – закричали с задней парты. Коуч улыбнулся. – Слышал такое* ***сельское словечко****, слышал* (В. Пелевин «Transhumanism Inc.» // БД № 2026620743).

Во второй группе регулятивов знаки соотносятся с коммуникативным стилем или социокультурной средой их употребления. При этом обыденное метаязыковое сознание особенно чувствительно к противопоставлению официально-делового и разговорного стилей коммуникации: ***«Лодочная стоянка», как её называли официально, а меж людьми – «кладбище моторок»****, находилась прошлой осенью в полукилометре от берега* (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743); *Рядом, у подножия широкого увала, –* ***огромная свалка, называвшаяся официально «полигон бытовых отходов» …*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743).

В собранном нами корпусе примеров заметное место занимают регулятивы, в которых элементы кода получают пространственную или временную привязку. Стоит обсуждения вопрос о правомерности отнесения такого рода рефлексивов, если не в целом к измерению прагматики метаязыка, то к области реализации метапрагматической стратегии социокультурной локализации кода. Однако детальное изучение особенностей этой группы рефлексивов позволило прийти к выводу о том, что за пространственными или временными характеристиками скрываются социокультурные признаки кода. Подобно языку, в котором пространственные и временные метафоры играют едва ли не ведущую роль в концептуализации общественных отношений, когнитивных процессов, эмоциональных состояний, идейно-нравственных исканий человека, нативный метаязык через понятия пространства и времени перебрасывает мостик к отношениям между говорящим и знаком. Действительно, локализуя знак во времени или в пространстве, продуцент фактически устанавливает связь между словом и социокультурной средой, в которой находится продуцент. Так, в приведенных ниже высказываниях через географическую

локализацию слов «дубак» и «разбивать» проступает емкий «прагматический довесок», указывающий на потенциальных пользователей этих знаков: *Мертвый морозище,* ***который в Кызыле определяют словом «дубак»****, … показался теперь не таким уж сильным* (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); *… но кассирши не любят «разбивать»,* ***как говорят в Сухуми****, бумажные деньги, им всегда мелочи не хватает* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743).

В отдельных случаях при образовании регулятивов с пространственной локализацией знаков используются наименования учреждений и объектов жизнедеятельности человека: *Скорее всего, «контакт отошел» –* ***так в общежитии говорят,*** *если возникают перебои с электричеством…* (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *Во главе с дядей Юрой «группа купания],* ***так говорят в пионерском лагере****, торжественно спустились по лестнице* (Ю. Поляков «Совдетство. «Узник пятого волнореза» // БД № 2026620743). В приведенных примерах выражения «контакт отошел» и «группа купания» позиционируются как производные социокультурной среды, образуемой жильцами заводского общежития и педагогическим коллективом пионерского лагеря.

Пространственная локализация может формироваться с помощью дейктических компонентов, лишаясь тем самым черт номинативности: *И вот он, лысеющий, грузноватый мужик … собирал садовую клубнику, которую* ***в этих краях называли викторией*** (Р. Сенчин «Очнулся» // БД № 2026620743); *И им вот –* ***как их тут прозвали, утопленникам*** *– отгрохали девятиэтажный дом* (Р. Сенчин «Зона затопления» // БД № 2026620743). Вместе с тем денотативная отнесенность пространственных дейктиков, как правило, легко восстанавливается при обращении к более широкому контексту.

Привязка знаков ко времени их употребления функционально близка описанным случаям пространственной локализации кода. В рассматриваемых ниже метаязыковых высказываниях время представляет

собой не темпоральную категорию, а категорию социокультурную. Понятие времени соответствует в них скорее понятию эпохи. Метаязыковая прагматика рисует следующую картину бытования кода во времени: знаки привязаны к эпохе, живут в «прошлом» или «настоящем», распределены между «тогда» и «сейчас».

Противопоставление прошлого и настоящего является фундаментальным в реализации стратегии временной локализации кода. Актуальными, соответствующими эпохе, позиционируются знаки, которые воспринимаются метаязыковым сознанием как неологизмы, яркие показатели современного узуса, «представители» речевой моды: *Эти «кальсоны» ... стали на неделю,* ***как сейчас бы сказали, фишкой*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); *И надо же – такой пассаж. Показатели****, как сейчас говорят, «ниже плинтуса»*** (В. Назаров «Прошедшие войну» // НКРЯ, ОПК).

Архаичными воспринимаются элементы кода, отличающиеся низкой частотностью употребления, не в полной мере соответствующие узусу, а также обозначающие понятия, «не востребованные» эпохой: *Конечно, чтобы пес не убежал, придется привязать его веревкой к железному кольцу, вмурованному в стену.* ***Раньше оно называлось «коновязью»*** (Ю. Поляков «Совдетство» // БД № 2026620743); *... выбившуюся кудряшку возле уха* ***в его молодости называли – завлекалочка*** (М. Степнова «Женщины Лазаря» // БД № 2026620743).

Зачастую результатом метаязыковой рефлексии является сближение на синтагматической оси знаков, отражающих близкие или идентичные понятия, но относящихся к разным социокультурным эпохам. Возникающие противопоставление расширяет пространство регулятива и усложняет метаязыковое высказывание: *Андрей узнал известных в городе* ***предпринимателей (тогда слово «бизнесмен» еще не особенно употреблялось)*** (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); *Марина явно принадлежала к той части однокурсников, которых* ***теперь назвали бы***

мажорами, а тогда именовали блатняками (Ю. Поляков «Любовь в эпоху перемен» // БД № 2026620743).

Нередко столкновение «старого» и «нового» сопровождается их сравнением. Причем результат этого сравнения, как правило, оказывается не в пользу элементов кода, относящихся к актуальной эпохе: ***Сейчас такую старуху назвали бы «экстрасенсом» или «ясновидящей»,*** *верно?* ***А тогда говорили просто, как оно и было: ворожея, колдунья****…* (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743); *А может, инфлюэнца … Так ведь не говорят уже, верно?* ***… Говорят – грипп. По-дурацки звучит, честное слово. А раньше красиво: инфлюэнца****…* (Е. Водолазкин «Музей» // БД № 2026620743). Так, в первом примере предпочтение элементам кода предыдущей эпохи отдается ввиду их большей номинативной точности, способности обеспечить адекватную референцию. Во втором случае выбор в пользу архаичного знака мотивируется его эстетическими характеристиками. Опираясь на данный факт, позволим себе высказать предположение о том, что обыденное метаязыковое сознание видит в коде (знаке) культурный феномен, трансформации которого не связаны с идеей коммуникационного прогресса. Скорее наоборот, знак трактуется как самодостаточный артефакт, форма и содержание которого всецело отвечают породившей его эпохе.

В качестве дополнительного подтверждения аргумента о возможности использования временной локализации знака в качестве его социокультурной характеристики приведем примеры регулятивов, в которых эксплицитно отмечена связь слова с определенной культурно-исторической эпохой: *Да, важно: мы ведь* ***расписались (какое советское словечко!)*** (Е. Водолазкин «Авиатор» // БД № 2026620743); *Время вдруг переломилось; раздался хруст костей у Михайловского манежа – восставшие бежали по телам товарищей – это пытали время, был* ***«большой застенок» (так говорили в эпоху Петра)*** (Ю. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара» // НКРЯ, ОПК).

Подводя итоги рассмотрения метапрагматической стратегии социокультурной локализации кода, отметим, что её воплощение в дискурсе

отличается особой вариативностью. Используемый с этой целью метаязыковой инструментарий крайне неоднороден и с трудом поддается типологизации. Можно говорить о том, что обыденный метаязык при маркировании социокультурных признаков кода проявляет себя как исключительно творческий, нешаблонный механизм.

5.2.3. Метапрагматическая стратегия эвфемизации / дисфемизации

Всестороннее изучение явлений эвфемии и дисфемии приводит к осознанию того, что их функционирование имеет скорее не собственно языковую, а метаязыковую природу. Фактически представляя собой элементы вторичной номинации, эвфемизмы и дисфемизмы инкорпорируются в речь посредством семиотической операции «знак на знак». Тем самым через них реализуется метаязыковой потенциал естественного языка. Операции, связанные с субституцией знаков, как известно, считаются релевантным признаком метаязыковой деятельности.

Решая вопрос последовательности представления материалов диссертационного исследования, мы оказались в ситуации непростого выбора семиотического измерения обыденного метаязыка, к которому следует отнести метаязыковые контексты, манифестируемые в процессе эвфемизации / дисфемизации (т.е. в процессе замены знаков первичной номинации на эвфемизмы или дисфемизмы). Действительно, существуют аргументы в пользу их локализации как в области семантики, так и в области прагматики метаязыка.

Эвфемизмы и дисфемизмы могут быть использованы в семасиологических рефлексивах для описания семантики знака. Их присутствие в ономасиологических рефлексивах объясняется тем, что

употребление эвфемизма (дисфемизма) создает, как правило, зону повышенного метаязыкового напряжения и сопровождается колебаниями говорящего при осуществлении выбора слова. Сомнения продуцента при этом получают метаязыковое маркирование в форме хезитатива (случаи синкретичного маркирования хезитации и метапрагматических стратегий эвфемизации / дисфемизации будут рассмотрены в настоящем параграфе).

Однако более целесообразным нам видится рассмотрение метаязыковых субстанций, порождаемых в процессе эвфемизации / дисфемизации, в разделе о прагматике метаязыка. В качестве решающего аргумента выступает факт не внутреннего, собственного языкового, а социокультурного происхождения феномена эвфемии / дисфемии. Поэтому мы имеем дело с метаязыковыми конструкциями, которые прежде всего ориентированы на описание отношений между говорящим и знаком.

Эвфемия и дисфемия представляют собой яркий пример того, как социальные и культурные процессы отражаются в языке и речи. Сущность эвфемизмов и дисфемизмов не исчерпывается принадлежностью к лексической подсистеме языка. Они несут на себе отпечаток своего происхождения – своеобразного социокультурного акта, воплощенного в языковой материи. Механизмы эвфемизации / дисфемизации уходят корнями в представления о фидеистической (магической) функции языка, которые основывались на вере людей в созидательную (или разрушительную) энергию слова-знака.

Изначально появление в речи эвфемизмов, под которыми в современной лингвистике принято понимать слова-субституты, замещающие в силу определенных причин другие знаки, знаменует реакцию на действие социокультурного феномена табу. Посредством употребления эвфемизма говорящий обходит запрет, накладываемый на произнесения слова, смягчает высказывание, сохраняя при этом его предметно-понятийную ясность. Эвфемизмам функционально противопоставляются дисфемизмы. Последние, неся в себе «семантический заряд» грубости, низкого стиля призваны

заместить эмоционально и стилистически нейтральные слова. Происхождение дисфемизмов также лежит в области суеверий, широко распространенных в архаичных формах общественного сознания (в частности, в дисфемизмах наши предки видели надежный инструмент борьбы со сглазом).

В современной дискурсивной практике причины употребления эвфемизмов и дисфемизмов претерпели значительные изменения. Использование эвфемизмов для смягчения иллокутивной силы высказывания, а дисфемизмов для увеличения экспрессивности речи уже связано, как правило, не с проявлениями магической функции языка, а с реализацией продуцентом различных коммуникативно-прагматических стратегий в дискурсе (вместе с тем, следует отметить, что фидеистическое происхождение процессов эвфемизации / дисфемизации по сей день продолжает ощущаться носителями языка).

Изучение эвфемизмов в лингвистике имеет глубокие традиции. Целый ряд крупнейших ученых XIX-XX вв. (Г. Пауль, Ж. Вандриес, А. Мейе и др.) внесли вклад в исследование данной проблематики. В своей фундаментальной работе «Общая лингвистика» выдающийся французский лингвист XX века Э. Бенвенист посвятил эвфемии специальный очерк, в котором представил феномен в исторической ретроспективе (Бенвенист, 1974, с. 370-376). В отечественном языкознании явления эвфемии и дисфемии получили широкое освещение в русле социолингвистического, лексико-семантического и психолингвистического направлений (Крысин, 1996; Москвин, 2007; Бойко, 2018). В целом рассматриваемые явления стоит отнести к числу наиболее изученных в лингвистике, о чем свидетельствуют специальные научно-аналитические обзоры, в которых подробно и в исторической динамике представлены результаты исследований в данной области (Никитина, 2009; Зверева, 2017).

В нашей работе мы не ставим перед собой задачу углубления или расширения знаний об эвфемизмах и дисфемизмах как таковых. Они нас

интересуют как объекты рефлексии обыденного метаязыкового сознания. Тем самым фокус исследования переносится с проблематики явлений эвфемии / дисфемии в область функционирования конструкций естественного метаязыка: метаязыковых маркеров, актуализирующих контексты употребления эвфемизмов и дисфемизмов в дискурсе.

Следует отметить, что ранее лингвистами было установлено, что употребление эвфемизмов или дисфемизмов в речи сопровождается активной метаязыковой рефлексией говорящего (Прядильникова, 2007; Гурина, 2011; Шилихина, 2015 б; Саакян, Труханова, 2019; Кравченко, 2026 д). Данный факт объясняется тем, что рассматриваемые процессы «усложняют дескрипцию, требуют от говорящего / слушающего дополнительных когнитивных процедур по их дешифровке» (Гурина, 2011, с. 106). Создаваемая продуцентом метаязыковая рамка играет роль актуализатора эвфемистической (дисфемистической) замены слов. Ее наличие говорит о том, что говорящий считает эвфемизацию / дисфемизацию важным коммуникативным шагом, о чем считает необходимым уведомить собеседника. Ниже мы последовательно рассмотрим метаязыковые маркеры, свидетельствующие о реализации продуцентом метапрагматических стратегий эвфемизации и дисфемизации.

Выше мы отмечали, что эвфемия тесно связана с феноменом табу, выступая своеобразной реакцией на порождаемые им коммуникативные барьеры. Стратегия табуирования знаков также подвергается метаязыковой рефлексии, результаты которой отражаются на поверхности текста. Свидетельством исчерпывающего (с элементами профессионального) осмысления табуирования является факт использования в метаязыковом комментарии самого термина *табу*: ***Свобода*** *превыше всего! Это* ***слово*** *–* ***табу****. Никому не позволено усомниться в первичной ценности свободы, любое сомнение рассматривается как величайшее кощунство* (С. Яржембовский «Это сладкое слово “свобода”» // НКРЯ, ОПК); ***Слово «любовь»*** *было* ***табу*** *в наших отношениях, но если то, что мы испытывали*

друг к другу, не было любовью, тогда любви в нашем мире нет (Е. Литинская «Тревожное лето» // НКРЯ, ОПК).

Вербализованные реакции обыденного метаязыкового сознания отличаются тем, что в них, как правило, отсутствует терминологический компонент. При этом структурно они состоят из двух частей: содержат сам табуируемый знак и комментарий, в котором сформулирован запрет на произнесение (написание) слова: ***«Сифилис?!» – слово, которое нельзя говорить***… (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743); ***Слово «качество» на площадке стало запретным, его просто нельзя произносить*** («Слово “качество” на площадке стало запретным» / «Труд-7» // НКРЯ, ГПК). В отдельных рефлексивах табуируемый знак вообще может быть не представлен: он либо опускается (тем самым феномен табу распространяет свое действие на метаязыковую конструкцию): *В 1962 году, накрученный советниками, Никита Хрущев остановил выставку в Манеже, ругая молодых художников такими* ***словами, которые нельзя произносить сейчас*** («Эрнст Неизвестный успел дать указания по поводу воронежской выставки» / «Известия» // НКРЯ, ГПК); либо заменяется указанием на предметно-понятийную область, принадлежность к которой ограничивает употребление элементов кода: *Ещё за* ***столом нельзя произносить слов, которые могут навлечь несчастья – например, поминать болезни*** («Грохотом петард Китай отметил Новый год» / Vesti.ru // НКРЯ, ГПК).

Перейдем к рассмотрению способов реализации метапрагматической стратегии эвфемизации. Анализ эмпирического материала показал, что в высказываниях могут использоваться два типа метаязыковых рамок, оформляющих эвфемистические замены. Они различаются степенью эксплицитности передачи информации об употреблении эвфемизма. Исчерпывающая ясность сообщения достигается посредством использования метаязыкового комментария, содержащего сам лингвистический термин *эвфемизм* (ср. регулятивы, в объем которых входит термин *табу*). Подобные случаи маркирования указывают на глубину рефлексии, которая протекала

на стыке обыденного и научного уровней метаязыкового сознания: *Однако слова этого – «протез» – не выносил, не произносил, обходился* ***эвфемизмом****, в котором сквозило даже некоторое почтение: страшное мертвое приспособление носило гордое* ***имя «руки»*** (Д. Рубина «Синдром Петрушки» // БД № 2026620743); «***Не справился с подопечным» – очень мягкий эвфемизм:*** *эту встречу Черевченко провалил* («Гости из прошлого. “Локомотив” уступил “Хапоэлю” » // НКРЯ, ОПК).

Однако гораздо чаще метаязыковая рамка формируется с помощью разного рода вводных конструкций, выполняющих функции метаоператоров. Употребляя их, говорящий сигнализирует о необходимости дополнительного осмысления контекста, тем самым наводя реципиента на мысль об имеющей место эвфемистической замене. В дискурсе метапрагматическая стратегия эвфемизации представлена своими коммуникативно-прагматическими вариантами, в которых отражаются многочисленные нюансы смысла. Несмотря на трудности, связанные с их типологизацией, в эмпирическом массиве выделяются минимум три разновидности вариантов стратегии. Коммуникативно-прагматическая направленность стратегии устанавливается в зависимости от избранного метаоператора, участвующего в маркировании эвфемизации, а также с учетом когнитивно-прагматических параметров контекста.

Условно первый из вариантов мы назовем *стратегией предупреждения*. Ее особенность заключается в том, что при помощи метаязыковых средств (с этой целью используются, например, метаоператоры *так сказать*, *скажем так*) говорящий обращает внимание собеседника на отдельные элементы кода, «предупреждает» его о нетривиальном выборе номинации в сообщении. Это предупреждение должно обеспечить необходимую почву для разгадки эвфемистической замены: *И вот в том месте дуэта, где вступает Миловзор: «Я здесь, но скучен, томен, смотри, как похудал...», я решила обыграть контрастность наших фигур: Виктория – худенькая, тоненькая, как тростиночка, а я,*

скажем так, несколько другой комплекции (И. Архипова «Музыка жизни» // НКРЯ, ОПК); *Ненависть к Галине Леонидовне достигла такой острой формы, что Андрей Николаевич возжелал ее, мстительно представив себе ненавистную тварь в,* ***так сказать, непарламентской позе – бегуньей на старте*** (А. Азольский «Лопушок» // НКРЯ, ОПК).

Следующий коммуникативно-прагматический вариант будет обозначен нами как *стратегия смягчения*. Реализуя её, продуцент не просто привлекает внимание реципиента к факту использования вторичной номинации, он подчеркивает намеренность выбора более мягкого слова для обозначения некоторой ситуации. Тем самым, по сравнению со стратегией предупреждения, контуры эвфемизации в сообщении проступают гораздо рельефнее. В качестве метаоператоров выступают вводные обороты *мягко говоря, аккуратно сказать (выразиться), деликатно говоря* и др.: *Прибился не к регулярной части – у вэсэушников любые журналисты вызывали,* ***мягко говоря, неприязнь****…* (Р. Сенчин «Петля» // БД № 2026620743); *Г.С.Фукс-Мартин был хороший дирижер, но еще он в театре был известен как большой* ***ценитель (деликатно говоря)*** *и поклонник женщин, как любитель оказывать им внимание* (Т. Шмыга «Счастье мне улыбалось...» // НКРЯ, ОПК).

Наконец, третья коммуникативно-прагматическая разновидность эвфемизации определяется нами как *стратегия поиска*. Её смысловая направленность носит синкретичный характер. Она сочетает в себе маркирование эвфемизации и хезитации. Акцент переносится на факт поиска знака, которым можно заменить неприемлемое, по мнению автора, в данном контексте слово. Метаязыковая рамка, образованная соответствующими метаоператорами, отражает колебания говорящего (реальные или мнимые) по поводу выбора слова-субститута: *Дело обычное: сколько звезд вышло из секретарш и экономок посредством,* ***как бы это выразиться, личного обаяния*** (М. Веллер «Миледи Хася» // БД № 2026620743); *События произошли буквально через несколько дней после известного заявления*

министра обороны Д. Язова, в котором фактически санкционировалось применение военнослужащими оружия для защиты себя, своих семей от нападений – не потенциального противника, ***как бы сказать поделикатнее – недружелюбной части местного населения****…* (Р. Сенчин «Дождь в Париже» // БД № 2026620743).

Перейдем к рассмотрению способов реализации метапрагматической стратегии дисфемизации. Необходимо заметить, что применительно к дисфемизации нам не удалось обнаружить примеров эксплицитной метаязыковой рамки ни в привлекаемых нами источниках из числа текстов современной русской литературы, ни в обширных материалах Национального корпуса русского языка. Исходя из этого факта, мы приходим к заключению о том, что, в отличие от термина *эвфемизм*, находящегося близко к границе между специализированным (научным) и неспециализированным (обыденным) метаязыком, термин *дисфемизм* на данный момент востребован исключительно в научной сфере.

Вместе с тем с целью метаязыкового маркирования процесса дисфемизации в дискурсе широко используются возможности метаоператоров, роль которых на себя в основном принимают вводные конструкции. При этом коммуникативно-прагматические стратегии дисфемизации отличаются бóльшим разнообразием по сравнению со стратегиями эвфемизации. Их описание мы начнем со *стратегии предупреждения*, которая как в содержательном, так и в структурном плане близка одноименной стратегии, реализуемой при маркировании эвфемизации. Её функция заключается в привлечении внимания к зоне метаязыкового напряжения. Продуцент, понимая, что выбранная им номинация несет негативную смысловую нагрузку, нарушает нейтральное течение коммуникации и может вызвать дискомфорт у реципиента, предупреждает последнего о появлении дисфемизма в речевой цепи: *«Это очень опасная дорога, на которую выходит немецкая общественность: невозбуждение уголовного дела против этого журналиста будет*

молчаливым согласием политического руководства Германии и журналистского сообщества с позицией этого, ***скажем так, подлеца****…» – заявил депутат РИА Новости* («Как в России и Германии отнеслись к призыву снести памятник под Прохоровкой» / РИА Новости // НКРЯ, ГПК); – *Ну что, Вика,* ***так сказать, обосрала Панкову?*** («Защитник пафоса: памяти Александра Тимофеевского» / «Ведомости» // НКРЯ, ГПК).

Идея предупреждения реципиента о речевых проявлениях грубости развивается и углубляется в коммуникативно-прагматическом варианте стратегии, выдвигающим на первый план факт *брутализации* речи. Вкладывая предупреждение в метаязыковую рамку, говорящий усиливает его тем, что прямо указывает на употребление грубого слова или выражения. С этой целью используется метаоператор *грубо говоря* или его смысловые эквиваленты: *Вообще интересно, ведь на квантовом уровне,* ***грубо говоря, голова не отличается от жопы****…* (А. Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него» // НКРЯ, ОПК); *Эти предприятия культурно-бытового обслуживания,* ***грубо говоря, тащатся за хвостом у государства*** (И. Грекова «Дамский мастер» // НКРЯ, ОПК).

Маркирование дисфемизации может принимать форму условного обращения с просьбой о разрешении употребления грубого слова, элемента кода со сниженной стилистической окраской. Поэтому такого рода случаи мы относим к реализации *стратегии получения разрешения*. Метамаркерами этого варианта стратегии выступают выражения *с позволения сказать, позвольте выразиться, позвольте сказать* и др.: *Вот и приходилось,* ***с позволения сказать, шарашить*** (С. Самсонов «Аномалия Камлаева» // НКРЯ, ОПК); *Но это есть не что иное, как та же самая, до крайности пошлая, фетишистская и –* ***позвольте сказать совершенно откровенно*** *– с исторической точки зрения* ***варварская мысль*** … (Н. Бухарин «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем» // НКРЯ, ОПК).

Следующий коммуникативно-прагматический вариант стратегии дисфемизации определяется нами как *стратегия преодоления*. Он

воплощается в контекстах, когда употреблению дисфемизма предшествуют сомнения говорящего (реальные или мнимые), осознающего негативный эффект и возможные отрицательные последствия от произнесения такого знака. Говорящий совершает непростой внутренний выбор, преодолевает собственные сомнения и решается на использование дисфемизма. Традиционным маркером преодоления коммуникативного затруднения является устойчивое словосочетание *не побоюсь этого слова (этого выражения)*: *Просто сердце кровью обливается, когда вспоминаешь о таком,* ***не побоюсь этого слова, беспределе***! (Н. Леонов, А. Макеев «Ментовская крыша» // НКРЯ, ОПК); *Еще более удивляет и,* ***не побоюсь этого выражения, отталкивает, ужасает*** *то обстоятельство, что для своего выпада против академика автор статьи вынужден был скрыться под псевдонимом...* (В. Дудинцев «Белые одежды» // НКРЯ, ОПК).

Отдельно следует рассматривать метаязыковые контексты, в которых говорящий решается на использование дисфемизма, но считает необходимым попросить за это прощения у собеседника. В указанных контекстах реализуется *стратегия вежливости*. Продуцент, желая искупить вину за грубое слово, задействует разного рода формулы вежливости: *Это, говорит, товарищи учителя, не школа,* ***а, простите, бардак!*** (М. Веллер «Лаокоон» // БД № 2026620743); *И тут влезает одна,* ***извините за слово, задница****, которая думает, что это то, что мир должен видеть из Украины* («В Швейцарии арестовали залог, внесенный Украиной за Евровидение» / РИА Новости // НКРЯ, ГПК).

В ходе анализа эмпирической базы нами было установлено, что в отличие от других коммуникативно-прагматических вариантов стратегий эвфемизации и дисфемизации именно в отношении стратегии вежливости проявляется тенденция к её реализации в рамках двух структурных типов: препозитивном и постпозитивном. Выше нами были представлены примеры препозитивного типа, в котором формулы вежливости предшествуют появлению дисфемизма в речевой цепи. Однако в дискурсе распространены

также обратные примеры, когда говорящий начинает заботиться о «сохранении лица» post factum, вспоминая о максиме вежливости после употребления грубого слова: – *Это … это* ***беспредел*** *самый настоящий …* ***извините за слово*** (Р. Сенчин «Функции» // БД № 2026620743); *Во-вторых, опять же, в море бывает качка, в качку тянет* ***блевать; пардон*** (М. Веллер «Океан» // БД № 2026620743).

Считаем, что наличие двух структурных типов реализации названного коммуникативно-прагматического варианта стратегии дисфемизации объясняется различиями в точке отсчета протекания метаязыковой рефлексии. Препозитивный тип является отражением ситуации, при которой активная фаза рефлексии завершилась до употребления знака, автор всецело осмыслил возможные последствия употребления дисфемизма. Для образования постпозитивной конструкции существенным оказывается то, что собственно речевая деятельность говорящего и метарефлексивные процедуры разворачиваются параллельно. Продуцент не успевает создать метаязыковую рамку, маркирующую процесс дисфемизации, и начинает исправлять ситуацию, употребляя формулы вежливости «вдогонку».

Наше описание реализации метапрагматической стратегии дисфемизации мы завершаем рассмотрением её коммуникативно-прагматического варианта, определяемого как *стратегия упрощения*. Её содержательным центром выступает отправляемый продуцентом сигнал о сознательном понижении лексического регистра, в результате чего в речи стилистически нейтральные слова заменяются на знаки с высокой экспрессивной нагрузкой, в том числе на элементы просторечья. Тем самым в сознании говорящего речь «упрощается»: *«****А проще говоря, вранье и ложь****», – сказал Куприянов (цитата по ТАСС)* («В «Газпроме» прокомментировали обвинения в недостаточных объемах поставок газа» / «Ведомости» // НКРЯ, ГПК); *Согласно описанию в соцсетях Волховского района, возле местного ДК, где находятся избирательные участки, «раскинулись торговые ряды,* ***попросту говоря, “барахолка”*** *с чемоданами, магнитофонами, афишами, стильными вещами тех лет»*

(«Участки для голосования в Ленобласти оформили в «сталинском» стиле, а граждан встречал сотрудник НКВД» / NEWSru.com // НКРЯ, ГПК).

Подводя предварительные итоги, отметим, что явления эвфемии и дисфемии возникают в процессе осмысления говорящим элементов языкового кода. Их онтологическая природа определяется действием «фактора адресанта». Метаязыковая рефлексия над указанными явлениями формирует ту часть прагматики метаязыка, которую мы называем метапрагматической стратегией эвфемизации / дисфемизации.

5.3. В пространстве между знаком и адресатом

5.3.1. Метапрагматическая стратегия преобразования кода: в сторону лингвокреативности и языковой игры

Рефлексия, объект которой располагается в пространстве между кодом и адресатом, «выбрасывает» на поверхность текста новые разновидности метаязыковых субстанций, тем самым открывая перед нами дополнительные грани метаязыковой проблематики. В преддверии изложения относящихся к данной части работы результатов отметим, что метапрагматика адресанта и метапрагматика адресата, несмотря на принадлежность одному семиотическому измерению, в предметно-эмпирическом плане далеки друг от друга: их объем образуют принципиально разные, гетерогенные и гетероморфные единицы.

Это объясняется тем, что в границах метапрагматических кластеров «знак ↔ продуцент» и «знак ↔ реципиент» реализуются различные функции

обыденного метаязыка. Если в поле метапрагматики адресанта (как, впрочем, и в измерениях семантики и синтактики метаязыка) действует информационно-исследовательская функция, то метапрагматика адресата опирается на потенциал моделирующей функции. Задача последней заключается в осуществлении такого преобразования кода, которое позволит обеспечить суггестивную направленность передаваемого сообщения. Ниже мы постараемся продемонстрировать, что прагматическая стратегия воздействия на адресата получает в дискурсе метаязыковое воплощение.

Отдавая себе отчет в том, что создателем суггестивного сообщения выступает продуцент, мы все же считаем правильным локализовать метаязыковую операцию в пространстве между кодом и реципиентом. Мы исходим из того, что за преобразованием кода стоит «фактор адресата». Именно на реципиента возлагается коммуникативная задача испытать на себе воздействующую силу языковой материи и декодировать заложенные в сообщении метасмыслы. Единицей исследования становится суггестив, в границах которого реализуется воздействующая направленность передаваемого сообщения.

Суггестивность относится к числу значимых характеристик коммуникативного взаимодействия. Частотность и глубина её проявления во многом зависит от типа дискурсивной практики. Данная черта коммуникации востребована в так называемых «дискурсах активного воздействия», к которым вслед за О.В. Соколовой принято причислять рекламу, PR и разного рода поэтические проекты, чьи эстетические концепции строятся на эксперименте с языком (Соколова, 2014). Однако это вовсе не означает, что изучение метапрагматики адресата возможно только на материале названных дискурсов. Зарубежные и отечественные лингвисты приходят к выводу, что экспрессивность, речевая выразительность, творческий подход к использованию языка (одним словом все то, что обеспечивает ресурс воздействия на адресата) становятся частью дискурса повседневного общения (Maybin, Swann, 2007), неотъемлемой чертой коммуникации между

людьми (Фещенко, 2012, с. 85). Учеными установлено, что в современном мире сфера языковой творческой активности постоянно расширяется (Фатеева, 2016, с. 15), а изучение креативности в языке оказалось в ряду наиболее значимых и актуальных проблем современного языкознания (Зыкова, 2021, с. 11).

Необходимо отметить, что интерес лингвистики к ненормативному и неузуальному использованию знаков языкового кода, а также к осмыслению механизмов творчества, заложенных в языке, имеет давнюю и глубокую историю. Её последовательное изложение не входит в число стоящих перед нами задач. Заметим, что ретроспектива данного вопроса как в общенаучном и полидисциплинарном, так и собственно лингвистическом контекстах подробно представлена в статьях В.В. Фещенко (Фещенко, 2008; 2012), монографии И.В. Зыковой (Зыкова, 2017, с. 544-597) и обзорном исследовании С.В. Андросовой (Андросова, 2025).

Анализ обширного корпуса работ, посвященных изучению механизмов языкового творчества, привел нас к заключению о существовании двух исследовательских подходов. Первый из них связывает проявление творчества с разного рода нарушениями языкового стандарта, с языковыми девиациями (от лат. *deviatio* «отклонение»: *de* «из, от» *via* «дорога, путь», т.е. говорящий как бы «сходит с дороги», «сворачивает с прямого пути»). Характерным признаком второго подхода является стремление видеть в языковом творчестве созидательное начало, креатив (от лат. *creatio* «созидание»).

Первый подход сформировался еще в межпарадигмальный период, когда влияние структурализма стремительно ослабевало, а антропоцентризм не заявил еще о себе в полную силу. Конструкции с элементами креатива лингвисты фактически воспринимали в качестве разновидности того явления, которое Л.В. Щерба называл «отрицательным языковым материалом» (Щерба, 2007, с. 33). Для представителей этого подхода центральным стало понятие языковой (речевой) аномалии. Они подошли к пониманию языкового

творчества с позиций определения номенклатуры средств и способов его воплощения в коммуникативной практике. При этом креатив в речевой деятельности оказался неразрывно связан с преодолением барьеров нормы и узуса. Ярким примером реализации указанного подхода стали труды Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер (Арутюнова, 1987; Апресян, 1990; Кобозева, Лауфер, 1990). В работах отдельных современных ученых также сохраняется приверженность идее видеть творчество сквозь призму языковой аномалии (Радбиль, 2012; Гридина, Коновалова, 2022).

Однако с позиций сегодняшнего дня можно констатировать, что в лингвистической науке возобладал второй подход, представители которого вышли за рамки узкоформатного понимания креатива как аномалии и позиционировали языковое творчество как комплексный многоаспектный и многомерный феномен. Данный подход в теоретическом, методологическом и технико-эмпирическом планах нельзя считать монолитным. В русле названного подхода действуют как минимум два течения, две исследовательские традиции. Для того чтобы кратко и емко обозначить суть различий между ними, отметим, что первая традиция формируется вокруг понятия *лингвистическая креативность* (*лингвокреативность*); вторая – в качестве стержневого использует понятие *языковая игра*. Ниже мы достаточно подробно остановимся на специфике каждого из указанных течений, так как прояснение этого вопроса сопряжено с решением задач нашего исследования.

Термин *лингвистическая креативность* представляет собой кальку с английского *linguistic creativity*. Его заимствование отражает влияние, которое отечественное языкознание испытало со стороны динамично развивающихся направлений зарубежной лингвистики. Исследование лингвистической креативности в последние десятилетия занимает верхние строчки научной повестки мировой лингвистики, о чем свидетельствуют количество и фундаментальный характер опубликованных работ (Maybin,

Swann, 2007; Bhatia, 2015; Carter, 2015; Langlotz, 2015; Swann, 2015; The Routledge Handbook of Language and Creativity, 2019; Hoffmann, 2020). Отечественная лингвистика приняла научную эстафету и ответила серией коллективных монографий и тематических сборников статей (Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения, 2020; Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности, 2021; Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент, 2023).

Однако широкое распространение и кодификация термина *лингвокреативность* не способны полностью нивелировать его недостатки. Последние являются следствием его иноязычного происхождения. Если в английском языке прилагательное *linguistic* указывает на отношение к языку или лингвистике (обычно к первому), то в русском языке складывается обратная картина: прилагательное *лингвистический* скорее отсылает к науке лингвистике, чем к языку, что создает в соответствующих научных контекстах эффект семантической неоднозначности. Во многом поэтому в ряде работ учеными используется альтернативный термин *языковая креативность* (Халеева, Ирисханова, 2011; Демьянков, 2016).

Истоки рассматриваемой традиции изучения языкового творчества следует искать во времени становления лингвистики как самостоятельной науки. Так, считая язык проявлением народного духа, В. фон Гумбольдт видел в его функционировании и развитии действие творческих сил (в этом смысле интересно предположение, высказанное В.В. Фещенко, о том, что сама идея «энергейи», творческого начала речевой деятельности, была сформулирована В. фон Гумбольдтом в результате анализа поэтических текстов и только потом перенесена на язык в целом (Фещенко, 2012, с. 86)).

Впоследствии, на протяжении XIX-XX вв., многочисленные сторонники гумбольдтианства расширяли и углубляли концепцию лингвистической креативности. Новый импульс её развитию сообщила генеративная грамматика Н. Хомского, в которой творческому началу

отводилось центральное место, а языку приписывалась роль «порождающего устройства». Как отмечает И.В. Зыкова, свое терминологическое оформление понятие лингвистической креативности получает именно в трудах Н. Хомского (Зыкова, 2017, с. 596-597). В отечественном языкознании идеи лингвистической креативности отразились в концепции языкового творчества, разработанной В.П. Григорьевым. Ученый считал креативность имманентным свойством языка. Расширяя семиотическое пространство последнего, он ввел понятие *четвертого измерения*, которое наряду с семантикой, синтактикой и прагматикой определяют природу феномена языка (Григорьев, 2006). По В.П. Григорьеву, это измерение имеет эстетико-эстетическую направленность и проявляется на разных языковых уровнях. На концепцию В.П. Григорьева опирается большинство современных отечественных исследователей лингвистической креативности.

Анализ научных исследований, относящихся к рассматриваемой традиции, показал, что понятие *лингвокреативность* характеризуется широтой содержания и глубиной объема. Под него подпадает большое количество языковых свойств и явлений. Разнообразие проявлений лингвистической креативности дают повод ученым видеть в ней «уникальное свойство языковой вариативности» (Гвишиани, 2023, с. 131). С одной стороны, лингвокреативность принято трактовать как способность к творческому преобразованию кода (в зависимости от авторской позиции ею наделяют говорящего (коммуникативную личность), концептуальные структуры психики или саму языковую систему), с другой стороны – как многочисленные результаты такого преобразования. Более того, понятие лингвокреативности может распространяться на случаи, не связанные с собственно модификацией элементов кода. Так, некоторые лингвисты относят к полю лингвокреативной деятельности создание концептуальных оппозиций на базе фреймовых структур, формирующих несущий каркас смысловой структуры текста (Беляевская, 2023), художественно-стилистическое использование метафоры (Чересюк, 2021), специальное

употребление лексических и фразеологических единиц (Новикова, Новиков, 2019) и др. Все это способствует превращению лингвокреативности в чрезвычайно многогранное понятие.

Следствием многогранности и многоаспектности лингвокреативности является выделение большого количества её разновидностей, объединяемых в различные типы (виды). Не погружаясь глубоко в данный вопрос, отметим, что эмпирическое разнообразие анализируемого материала и теоретические противоречия не позволили пока выработать общепризнанную типологию. Однако на общем фоне положительно выделяется классификация видов лингвокреативности в формате дихотомических пар, предложенная В.В. Фещенко. Опираясь на определенные основания и учитывая дистинктивные признаки, автор выделяет следующие виды лингвокреативности: языковую и речевую; языковую и стилевую; языковую и дискурсивную; аномальную и узуальную; индивидуальную и коллективную; эстетическую и эвристическую (Фещенко, 2021, с. 200).

При всем своем разнообразии проявления лингвокреативности определяются целевыми установками и коммуникативной направленностью дискурсов. В качестве общего мнения приведем высказывание Н.Б. Гвишиани о том, что «лингвокреативность как особая стратегия выбора и употребления языковых средств имеет ярко выраженные особенности, обусловленные функционально-стилистическим типом дискурса…» (Гвишиани, 2023, с. 142). Поэтому в настоящее время широкое распространение получило именно изучение лингвокреативности в разрезе дискурсивных практик. Лингвистами активно исследуется творческая составляющая в научном (Фещенко, 2021), медийном (Шмелева, 2021; Новосад, Юрина, 2024), рекламном (Соколова, 2021), художественном (Демьянков, 2016; Соколова, 2021; Фещенко, 2021) дискурсах. Для изучения лингвокреативности привлекаются разнообразные методы и инструменты. Особенно активно феномен лингвокреативности исследуется с позиций когнитивной лингвистики (Заботкина, 2019; Алимурадов, 2023; Беляевская, 2023; Таймур, 2023; Зыкова, 2024),

психолингвистики (Устинова, 2016 б; Беляевская, 2022; Красных, 2023; Чернейко, 2023) и онтолингвистики (Доброва, 2012 а; 2012 б; Гридина, 2016).

Сторонниками данной традиции лингвокреативность рассматривается как одна из глобальных коммуникативных стратегий (Таймур, 2023, с. 328). Носителем творческого начала выступает коммуникативная личность. Сквозь эту теоретическую позицию проступают контуры деятельностного подхода к языку.

Стоит также отметить, что лингвистам, разделяющим принципы указанной исследовательской традиции, все же не удалось прийти к единому мнению по поводу базовой единицы анализа лингвокреативности. Содержательные противоречия дополняются здесь собственно терминологическим разнобоем. Для обозначения единицы анализа ученые прибегают к использованию широкого набора терминов: *креатема*, *экспрессема*, *эвристема*, *речема*, *людема* и др.

Как было сказано выше, теория лингвокреативности представляет собой лишь одну из позиций в отношении проблемы изучения творческого потенциала языка. Альтернативная научная традиция, в последние десятилетия формировавшаяся параллельно, оперирует понятием языковой игры. Своим становлением она обязана лингвистическим идеям, высказанным австрийским философом Л. Витгенштейном. Само понятие *языковая игра* было заимствовано лингвистами из текста «Философских исследований». Необходимо заметить, что в первоисточнике указанный термин трактуется очень широко. Под предложенную философом формулировку («целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» (Витгенштейн, 1985, с. 82)) можно подвести практически любой языковой факт. Для Л. Витгенштейна языковая игра – это любое употребление языка, которое обладает интенциональностью и коммуникативной целью. При этом неважно, носит ли данное употребление стереотипный или креативный характер. Прагматическое измерение языка выходит у Л. Витгенштейна на первый план (не случайно его «Философские

исследования» вошли в сборник работ по лингвистической прагматике, изданный в составе серии «Новое в зарубежной лингвистике»). Прибегнув к известной метафоре игры в шахматы, И.В. Зыкова емко сформулировала суть его лингвистической концепции: «Для Соссюра важнее была фигура, для Витгенштейна – ход» (Зыкова, 2017, с. 565). По мысли австрийского философа, любое употребление языка носит сугубо утилитарный характер. За его структурой и семантикой скрывается фигура адресата.

В отечественной науке похожие идеи высказывал философ и логик Г.Г. Шпет. Он считал, что творчество преимущественно воплощается в слове (языке), при этом «именно развитие и преобразование уже данных, находящихся в обиходе форм слова, и есть творчество, как логическое, так и поэтическое» (Шпет, 2006, с. 45). Впоследствии идея языкового творчества как комбинирования и преобразования наличных средств проросла на лингвистической почве.

В сравнении с понятием лингвистической креативности понятие языковой игры отличается относительной прозрачностью и утилитарностью. Несмотря на то, что в *языковой игре* принято одновременно видеть специфическое языковое поведение, способ реализации творческого потенциала языка и сам продукт творчества (Зыкова, 2017, с. 618), именно последний компонент данной триады занимает ядро его содержания. Тем самым под *языковой игрой*, как правило, понимают результаты преобразования кода, цель которого заключается в порождении метасмыслов, способных оказать воздействие на адресата. Игра, по выражению Н.Д. Арутюновой, «требует партнера или адресата» (Арутюнова, 2006, с. 5).

В русле описываемой традиции изучение языковой игры обычно осуществляется в тесной привязке к типу знаковых средств, подвергшихся трансформации. Зачастую эти средства соответствуют конкретному уровню языковой системы. Языковая игра затрагивает фонетические, графические, лексико-семантические, словообразовательные, морфологические и синтаксические ресурсы языка. В отечественной лингвистике данная

исследовательская традиция представлена работами В.З. Санникова (Санников, 1999), С.Н. Бредихина (Бредихин, 2003; Бредихин, 2013 а); Б.Ю. Нормана (Норман, 2006), Т.А. Гридиной (Гридина, 2008), Т.Ю. Устиновой (Устинова, 2013).

В данной научной традиции творческое начало принято закреплять за самой системой языка. Еще академик Б.А. Серебренников, выделяя лингвокреативное мышление в качестве отдельного типа, источник творчества усматривал в самой языковой системе. Он утверждал, что актуальная языковая система, с одной стороны «…играет роль материальной базы для создания в языке нового, с другой стороны, … в известной степени ограничивает сам процесс лингвосозидательного мышления, ставя его в определенные условия» (Серебренников, 1988, с. 199). Таким образом, потенциальная креативность системы языка реализуется в феномене языковой игры. В таком взгляде на феномен языкового творчества проявляются признаки системоцентрического подхода к языку.

Следует обратить внимание на то, что в отдельных случаях термином *языковая игра* может обозначаться сама операциональная единица, т.е. единица анализа языкового творчества. Однако зачастую с целью установления гиперо-гипонимических и объектно-инструментальных связей между явлением и способом его воплощения в дискурсе используется введенный Т.А. Гридиной термин *игрема*.

Таким образом, мы охарактеризовали две исследовательские традиции, сформировавшиеся в процессе изучения языкового творчества. Первая имеет лингвокультурологическую специфику, вторая отличается логико-лингвистической направленностью. Релевантные признаки каждой из них собраны в сравнительной таблице (табл. 2). Отметим, что для решения задач настоящего исследования мы используем понятие языковой игры, разработанное в русле логико-лингвистической традиции.

Возвращаясь к предмету нашего исследования, акцентируем внимание на важнейшем, на наш взгляд, свойстве языковой игры – её

интенциональности. Девиации, вызванные языковой игрой, не имеют ничего общего с непреднамеренными ошибками, наоборот, в них отражается преднамеренная трансформация языковой материи, фиксируется вмешательство в стереотипное течение языковой коммуникации. Такого рода вмешательство было бы невозможно без соответствующих рефлексивных процедур, объектом которых выступает языковой код.

Таблица 2 – Сравнительная таблица
традиций изучения феномена языкового творчества

Объект сравнения	Лингвокультурологическая традиция	Логико-лингвистическая традиция
Базовое понятие традиции	Лингвистическая креативность	Языковая игра
Теоретическая основа традиции	Идеи В. фон Гумбольдта о языке как творческой деятельности	Идеи Л. Витгенштейна о языке как способе практического действия
Особенности базового понятия	Многогранный и многоаспектный характер понятия	Утилитарный характер понятия
Источник творчества	Говорящий	Языковая система
Единица анализа	Речема, людема, эвристема, экспрессема, креатема	Игрема

5.3.2. Явления языковой игры как метаязыковые конструкты

Главная особенность формулируемого нами в данном исследовании понимания языковой игры состоит в том, что мы осознанно рассматриваем её

не как феномен языка, но как проявление системы обыденного метаязыка, а именно: её прагматического измерения. Языковая игра служит маркером особого взаимодействия между кодом и реципиентом, в результате которого адресат должен декодировать метасмысл, заложенный в сообщении.

В стремлении доказать, что проявление креативности в речи имеет метаязыковую природу, мы сконцентрировали свое внимание на изучении внутренней организации конструкций языковой игры. Вместе с тем мы осознаем перспективность исследования языковой игры с точки зрения передаваемых ею метасмыслов, т.е. с позиций глубинных целей коммуникации. Однако этому направлению научного поиска не нашлось места в данной работе ввиду особенностей избранной целевой установки и специфики решаемых задач. Ограничимся констатацией того факта, что метасмыслы конструкций языковой игры являются актуальным предметом изучения в работах многих современных отечественных лингвистов. Учеными установлена связь языковой игры с семантическими категориями иронии (Шилихина, 2010; 2014; Самыгина, 2013; Заврумов, 2016; Shilikhina, 2017; Кузнецова, 2018; Захарова, 2023), комического (Нухов, 2012; Цыганкова, 2023) и абсурда (Голубева и др., 2010; Кравченко, Кравченко, 2012; 2015 а; 2022 а; Брайнина, 2020).

Необходимо отметить, что причинно-следственная и объектно-инструментальная связи между языковой игрой и метаязыковой рефлексией ранее уже были обнаружены лингвистами. Так, исследователи языкового творчества в любом креативном элементе текста (дискурса), во всяком стилистическом ходе видят «свидетельство метаязыковой рефлексии автора» (Николина, Шумарина, 2016, с. 499). Одной из наиболее существенных особенностей языковой игры И.В. Зыкова называет «ориентированность на метаязыковую рефлексию» (Зыкова, 2017, с. 624). Языковую игру принято считать проявлением третьего (высшего) уровня метаязыковой рефлексии, на котором «происходит сознательная деавтоматизация механизмов языка, субъект не просто комментирует языковое явление, а экспериментирует с

ним, подвергает творческому переосмыслению» (Фокина, 2022, с. 144). В своем исследовании семантики метаязыковых субстанций Г.П. Немец, отмечая метаязыковые характеристики лингвистической игры, связывает её с областью прагматики метаязыка (Немец, 1999, с. 520).

Изучение отдельных форм языковой игры также приводило лингвистов к осознанию её метаязыковой природы. К такому выводу ученые приходили в ходе исследования приема нарочито ложной этимологии слов (Вепрева, 2014 б), металогических форм мышления (Бредихин, 2013 б), механизмов порождения и восприятия мемов (Гридина, Талашманов, 2020), межъязыковых трансформаций игрового характера в коммуникации билингвов (Кунщикова, 2021).

Однако сам факт наличия рефлексивных усилий в процессе как создания, так и дешифровки конструкций, подпадающих под определение языковой игры, не позволяет автоматически причислить последние к метаязыковым субстанциям. Как мы неоднократно подчеркивали, языковая единица превращается в метаязыковую в условиях совершения внутренней референции. Тем самым перед нами обозначился краеугольный вопрос данной части исследования. Он заключается в определении референциальной направленности конструкций языковой игры, иными словами, необходимо прояснить, апеллируют они к внешнему миру или к самому языку. Однозначно ответить на этот вопрос достаточно сложно. Возможно, именно поэтому подавляющее большинство ученых, занимающихся проблематикой языковой игры, предпочитают не поднимать его в своих работах.

Насколько нам удалось установить, первым из ученых, который увидел признаки внутренней референции в творческих преобразованиях языковой материи, был академик Б.А. Серебренников. Размышляя об особенностях выделенного им лингвокреативного типа мышления (фактически языковая игра выступает формой его реализации), ученый обращал внимание на его синкретизм, «двоякую направленность», состоящую в том, что «оно, с одной стороны, отражает окружающую человека действительность, с другой –

самым тесным образом связано с наличными ресурсами языка» (Серебренников, 1988, с. 198).

Среди современных лингвистов ближе других к определению метаязыковой сущности языковой игры подошла, пожалуй, Н.К. Рябцева. Она отмечала, что «языковая игра представляет собой ярко выраженную интерпретацию носителем языка самого языка – его устройства, особенностей, возможностей, соответствия своим потребностям…» (Рябцева, 2005, с. 521). Близкие идеи в своем исследовании высказывали Т.А. Гридина и С.С. Талашманов. Авторы, не говоря прямо о внутренней референции конструкций языковой игры, тем не менее утверждают, что «и продуцирование, и восприятие ассоциативного контекста игремы апеллирует к языковой рефлексии говорящих, т.е. осознанному стремлению к анализу формы и содержания знаков …» (Гридина, Талашманов, 2019, с. 32). Они даже вводят понятие игрового метаязыка как «лингвистической техники деканонизации языкового стандарта» (Ibid.), не проясняя, впрочем, его терминологического статуса и содержательной специфики. Тем самым они останавливаются в шаге от наделения игрем способностью к внутренней референции.

Трудность указанного шага во многом объясняется тем, что факт внутренней референции конструкций языковой игры (*игрем* – в терминологии Т.А. Гридиной) не укладывается ни в одну из известных референциальных моделей: ни в классическую модель «семантического треугольника» Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса (Ogden, Richards, 1930), ни в дополняющую её «семантическую трапецию» Л.А. Новикова (Новиков, 1982), ни в «психосемиотический тетраэдр» Ф.Ю. Василюка (Василюк, 1993). Однако мы настаиваем на том, что указанные конструкции обладают свойством внутренней референции и относятся к полноценным проявлениям обыденного метаязыка.

5.3.3. Модель внутренней референции конструкций языковой игры

В ходе исследования нами было установлено, что для конструкций языковой игры характерно уникальное соотношение знакового, понятийного и предметного компонентов референциальной модели. Ниже мы эксплицируем и визуализируем содержательные контуры этой модели.

Принимая во внимание эмпирически сложившуюся конфигурацию признаков модели, а также следуя традиции геометрического способа её представления, считаем целесообразным представить установленную модель в форме пирамиды.

Конституенты референциальной модели обозначим специальными индексами. Так, индексом «К1» представлена знаковая единица – конструкция языковой игры. Индексом «К2» – элементы языкового кода, выступающие объектом внутренней референции. Под индексом «С» мы помещаем сложный конструкт, называемый нами *лингвоментальным комплексом*. В объеме этого понятия мы объединяем лингвистическую и энциклопедическую (языковую и внеязыковую) информацию, связанную со знаками. Более того, в указанный комплекс мы включаем разного рода прагматические, дискурсивно обусловленные смыслы, а также потенциальный набор семантических ассоциаций – реакций на знаковый стимул. Наконец, индексом «М» мы обозначаем метасмысл – важнейший компонент модели, в котором эксплицируется коммуникативный замысел креатора языковой игры.

Приступим к трактовке модели. Её исходным компонентом является знаковый комплекс («К1»), несущий в себе элементы языковой игры. При этом он представляет собой не стереотипную цепочку знаков, а некий шифр, подлежащий расшифровке, ключ к которой лежит в системе самого языка. Поэтому знаковый комплекс апеллирует не к внешнему миру, а к коду. Процесс

установления референции между «К1» и «К2» опосредован лингвоментальным комплексом «С». До настоящего момента описываемая модель референции принципиально не отличается от традиционной модели Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса за исключением того, что место предмета внешнего мира (денотативной ситуации) занято элементами системы языка (рис. 7).

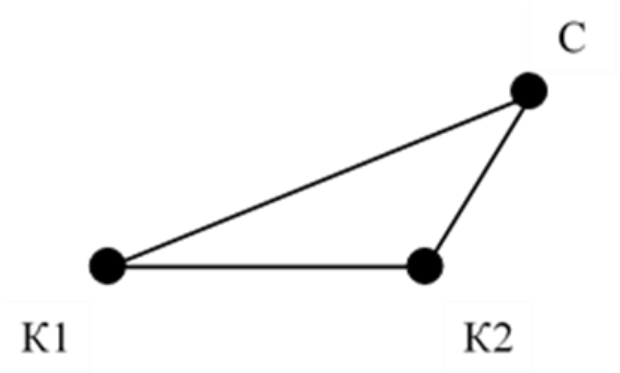

Рисунок 7 – Модель внутренней референции

Однако ограничиться геометрическим пространством треугольника значило бы в нашем случае остановиться на полпути и не добраться до сути рассматриваемой проблемы. Установлением факта внутренней референции коммуникативный акт не исчерпывается. Соотношение исходного знака и знака-референта позволяет увидеть, что у сообщения имеется скрытый смысл, который необходимо декодировать. В части визуализации модели данный ход требует от нас достроить из вершин «К1», «К2» и «С» прямые к вершине «М». Тем самым треугольник превращается в пирамиду (рис. 8).

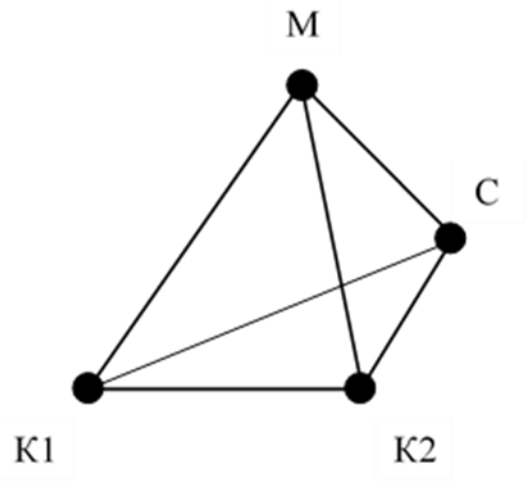

Рисунок 8 – Модель внутренней референции конструкций языковой игры

Успешное извлечение адресатом метасмысла из сообщения, переданного с использованием языковой игры, подводит черту под интеракцией. Полноценная дешифровка метасмысла свидетельствует о «когнитивном резонансе» (термин М.П. Таймур) адресанта и адресата. В приведенной модели не нашлось места компоненту предметности (внешней предметности). Он вытеснен метаязыковой субстанцией. Вместе с тем это не значит, что содержание суггестива нельзя осмыслить с позиций внешнего мира. Однако подобная экстраполяция будет проходить уже за рамками интеракции, но с опорой на данные лингвоментального комплекса и метасмысла сообщения.

Для наглядности продемонстрируем функциональность модели на конкретном примере. Обратимся к следующему фрагменту текста: *Пошли разоблачительные статьи. Одна, помню, называлась «Грязное брюльё Беллы Ивановой»* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743). Конструкцией, содержащей признаки языковой игры, выступает название статьи «Грязное брюльё Беллы Ивановой». Данный знаковый комплекс («К1») через соответствующий ему лингвоментальный комплекс («С») реферирует к языковым фактам («К2»), раскрывающим способ его создания: контаминации слов *бриллианты* и *бельё*, ставшей возможной благодаря паронимической аттракции и продуктивной словообразовательной модели. Оценка формы языкового воплощения сообщения и сопряженного с ней содержательного (информационного) поля позволяют реконструировать метасмысл высказывания («М»), который состоит в обеспечении максимальной дискриминации персонажа (некой Беллы Ивановой). Дальнейшее восприятие реципиентом метасмысла в контексте внеязыковой реальности (например, размышления о доказательствах или справедливости брошенного обвинения) способно вывести сообщение за пределы метаязыковых рамок, но вместе с тем и за пределы самого акта референции.

5.3.4. Механизмы внутренней референции суггестивов

Необходимо заметить, что в исследуемых нами суггестивах реализуются различные механизмы внутренней референции. Но при этом сама референционная модель, а также конфигурация её элементов остаются неизменными. В дальнейшем мы представим классификацию суггестивов, в основу которой будут положены особенности их референциальных механизмов.

5.3.4.1. Компенсаторный механизм

Первый из рассматриваемых нами механизмов внутренней референции направлен на восстановление формы знака (знаков), модифицированной в результате языковой игры. Такой механизм мы будем называть *компенсаторным*. Скрытая референция к исходной форме знака является своеобразной реакцией на возмущение языковой системы. Компенсаторный механизм, возвращающий адресата к традиционной форме знака (ср. действие компенсаторного механизма в биологических системах, обеспечивающего стабильность генетического типа), позволяет оценить степень речевой девиации и определить её роль в сообщении.

Суггестив, построенный за счет разрушения оболочки знака, реферирует, на наш взгляд, не к внешнему миру, а заставляет искать в языке соответствующую стандартную форму. Тем самым фактически осуществляется внутренняя референция. Так, в приведенных ниже примерах интенциональные орфографические ошибки изначально реферируют к

корректной форме слов, и лишь после сравнения форм знаков (игровой и стандартной) кристаллизуется метасмысл (или цепочка метасмыслов), заключающийся в наделении персонажа определенными характеристиками (поверхностный метасмысл), в передаче авторской иронии или даже в изображении над-реальности, абсурдности действительности (глубинный метасмысл): *Уперлась: три, говорит, поколения* ***ЭНТЕЛЕГЕНЦЫИ*** *в роду было, не допущу прерывать* ***ТРОДИЦЫЮ*** (Т. Толстая «Кысь» // БД № 2026620743); *В характерной для византийской живописи манере поверх рисунка было написано:* ***ПЕЛОТЫ ИДУТ В ОТАКУ НА ПЕЛОТОК*** (В. Пелевин «S.N.U.F.F.» // БД № 2026620743).

В качестве разновидности описанных суггестивов мы рассматриваем конструкции, в которых наблюдается декомпозиция формы знака: *«…вы срочно* ***вы зываетесь*** *объявления* ***вы говора****…»* (Б. Ахмадулина «Много собак и собака» // БД № 2026620743); *А Никита Иваныч говорит, что Бенедикт* ***не ВРАСТЕНИК*** (Т. Толстая «Кысь» // БД № 2026620743).

Отдельно выделим случаи экспериментов с формой слова, которые заканчиваются полным её разрушением или «отказом» от неё. Форма знака исчезает как таковая. При этом маркером метаязыковой рефлексии становится нулевой знак, а суггестив реализуется в границах высказывания с незамещенной синтаксической позицией: *С целью вызвать у Ш. чувство ревности и тем воскресить былое,* ***П. решается на один из*** (С. Соколов «Палисандрия» // БД № 2026620743); *… жизнь дается человеку один раз,* ***и прожить её надо так, чтобы*** (С. Соколов «Школа для дураков» // БД № 2026620743). Считаем, что в приведенных примерах внутренняя референция осуществляется не к конкретному знаку, а к знаку потенциальному, употребление которого выглядело бы целесообразным в данном контексте. Референциальное поле такого суггестива остается незаполненным. Заполнить его предлагается самому адресату. Такие суггестивы по своей структуре напоминают кроссвордные дескрипции с

лакунами. Решение кроссвордной задачи предполагает заполнение этих лакун на основании анализа дистрибуции слова-энигмата.

Действие компенсаторного механизма внутренней референции распространяется на суггестивы, в которых языковая игра затронула синтаксический уровень кода. В случаях интенционального нарушения синтаксической сочетаемости суггестив апеллирует к аналогичным конструкциям с нормативной сочетаемостью: *Вчера … я* ***злоупотребил алкогольный напиток****…* (С. Довлатов «Зона» // БД № 2026620743); ***Мы спим кровать*** (В. Нарбикова «Равновесие света дневных и ночных звезд» // БД № 2026620743).

Конструкции языковой игры могут создаваться при помощи потенциала экспрессивного синтаксиса. Такого рода суггестивы не относятся к числу многочисленных. Это объясняется тем, что «русская речь особенно свободна в порядке слов, поэтому синтаксические отклонения часто не воспринимаются как креативные» (Фещенко, 2021, с. 225). В определенной мере исключением является обращение к приему неконвенциональной сегментации текста: *В дирекцию* ***Пушкинского Дома позвонили из обкома партии. Коммунистической.*** *Тогда, впрочем, не требовалось объяснять, какой именно: обкомов других партий в Ленинграде не было* (Е. Водолазкин «Тревожный звонок» // БД № 2026620743); ***Рядом с ним лежал мешок. Который*** *– и почему-то это никого не удивляло – время от времени шевелился* (Е. Водолазкин «Сумерки демократии» // БД № 2026620743). Компенсаторный механизм позволяет реципиенту оценить экспрессивность конструкции путем её сравнения с аналогами, вписанными в регулярную и стилистически нейтральную синтаксическую рамку.

На компенсаторный механизм внутренней референции опирается обширная группа суггестивов, которые задействуют в языковой игре разного рода прецедентные тексты. В объем суггестива прецедентный феномен, как правило, помещается в трансформированном виде, что продиктовано «правилами игры»: *«Так, – подумал он, –* ***бороться и искать, найти и***

перепрятать**…»* (В. Пелевин «Числа» // БД № 2026620743); *– Ладно, не ехидничайте!* ***Мы в ответе за тех, кого приучили (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743). Чтобы понять метасмысл сообщения, адресат должен реконструировать полную форму прецедентного текста (желательно вместе с контекстом его употребления) и тем самым расшифровать аллюзию говорящего.

5.3.4.2. Аттрактивный / дистрактивный механизм

Следующий механизм внутренней референции построен на способности знаков к взаимной аттракции (дистракции). В зависимости от специфики реализации его мы будем называть *аттрактивным* или *дистрактивным* механизмом. Его действие направлено на установление (экспликацию) аттрактивных (дистрактивных) связей между элементами кода.

Суггестивы, использующие аттракцию в качестве игрового принципа, референтируют к знакам, объединенным в аттрактивные пары (или в более протяженные единства). Таким образом, в отличие от компенсаторного механизма объектом референции становится не некий исходный знак, а знаки (их элементы), вступившие в отношения аттрактивности.

Явление аттракции отличается многообразием и многогранностью своего воплощения в речи. Поэтому целесообразно говорить о существовании нескольких видов аттракции. Наибольший интерес для креатора языковой игры представляет паронимическая аттракция.

Под паронимической аттракцией принято понимать намеренное сближение в контексте двух слов, обладающих сходным планом выражения, но различающихся планом содержания. Порождение паронимической

аттракции опирается на лингвокультурный фундамент в виде мифологемы о всеобщей мотивированности имен, которая в практической плоскости сводится к представлению о том, что формальное сходство знаков подразумевает их содержательную близость. По сути, паронимическая аттракция отражает процесс поиска смысла слова через обращение к его морфофонетической структуре. Ввиду перехода от внешней к внутренней референции паронимическая аттракция образует автосемантический отрезок текста. Она имеет бинарную структуру в том смысле, что предполагает наличие двух элементов, двух слов-аттрактантов. При этом паронимическая аттракия может быть реализована в эксплицитной или имплицитной форме. Эксплицитная паронимическая аттракция характеризуется вербализацией в семантической ткани текста обоих аттрактантов. В случаях имплицитной паронимической аттракции второй компонент не выводится на «поверхность» текста, однако конструкция легко «достраивается» благодаря контексту.

Обратимся к примерам эксплицитной паронимической аттракции. В объеме суггестива присутствуют оба аттрактанта, а семантическая связь между ними выступает объектом референции: *Она **кастелянша** и заведует не **костями**, остающимися от мороженых туш, привезенных на кухню, а постельными принадлежностями* (Ю. Поляков «Совдетство 2. Пионерская ночь» // БД № 2026620743); *– Я **просвещенный** коммунист, – с холодком ответил агитатор ... – Вот так власть и **просвистите, просвещенные**!* (Ю. Поляков «Любовь в эпоху перемен» // БД № 2026620743). В первом примере эксплицитно представлено смысловое сопряжение паронимов *кастелянша* и *кости*, свидетельствующее о наивной семантизации слова в попытке преодолеть его агнонимичность. Во втором примере за эксплицитным сближением слов *просвистеть* и *просвещенный* угадывается ирония говорящего.

В отдельных случаях суггестивы с эксплицитной паронимической аттракцией могут сопровождаться специальным метаязыковым комментарием, в котором содержатся разного рода характеристики и оценки,

имеющие отношения к самой аттракции: *Главной проблемой, которая возникла поначалу, была потеря ориентации среди слов ...* ***Синоптик становился для меня составителем синопсисов, ксенофоб – ненавистником Ксении Собчак, патриарх – патриотическим олигархом. Примадонна превращалась в барственную даму, пропахшую сигаретами «Прима», а enfant terrible – в ребенка, склонного теребить половые органы****. Но самое глубокое из моих прозрений было следующим* ***– я истолковал «Петро» – не как имя Петра Первого, а как указание на связь с нефтяным бизнесом, от слова petrol*** (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743). Пример представляет собой сложный рефлексив, образованный цепью аттракций. При этом в рефлексиве эксплицируются причины семантического сближения слов, а высказывание содержит типичные метаоператоры (*слово*, *имя*, *истолковал*), прямо указывающие на зону метаязыкового напряжения и имеющую место рефлексию автора. Наличие в поле рефлексива специального комментария к аттракции лишает высказывание «игрового привкуса». Само же метаязыковое высказывание относится к области семантики, а не прагматики метаязыка.

Имплицитная паронимическая аттракция образует суггестивы, в которых на поверхности текста фигурирует только один аттрактант, второй компонент аттракции восстанавливается из контекста. В данном типе наиболее ярко проявляется тенденция к демонстрации семантических аллюзий и использованию языковой игры. Иногда только глубокий анализ позволяет распознать в тексте (его фрагментах) скрытые следы метаязыковой рефлексии. Высказанные положения находят подтверждение в следующих примерах: *Впоследствии дым Отечества так и* ***канул в Лету или, если точнее, в зиму,*** *которая наступила неожиданно рано* (В. Пелевин «Generation “П”» // БД № 2026620743); *Её теперь волновал только* ***лондонский ресторан «VERTU HIGH»*** (В. Пелевин «S.N.A.F.F.» // БД № 2026620743). В первом из них имеет место имплицитная аттракция слов *Лета* – «название мифологической реки» и *лето* – «время года». В

результате метаязыковой рефлексии паронимическая аттракция осложняется намеренной игрой слов, заключающейся в замене одного из элементов идиомы, что приводит к появлению в тексте семантически аномального, но экспрессивно нагруженного выражения *кануть в зиму*.

Во втором примере потенциальная аттракция *Vertuhigh* / *вертухай* целенаправленно ведет к порождению когнитивного диссонанса, возникающего от столкновения, наполненного «респектабельным смыслом» названия ресторана «VERTU HIGH» (в англоязычном словосочетании объединены нейм телефонов премиум-класса *Vertu* и слово *high* – «высокий») со значением жаргонизма *вертухай*.

Аналогично случаям эксплицитной паронимической аттракции, введение в пространство суггестива с имплицитной аттракцией дополнительного метаязыкового комментария меняет облик всего метаязыкового высказывания. Моделирующая (суггестивная) функция метаязыка уступает место информационно-исследовательской функции. Высказывание из области прагматики переходит в область семантики метаязыка: *Но особенно Ивасика пробивала песня Духи с бергамотом, после исполнения которой крупное лицо этого человека блестело от слез. В торгово-криминальных кругах он даже получил* ***кличку Бергамот****, определявшую музыкальное пристрастие и одновременно –* ***так уж звучало это слово – комплекцию исполнителя*** (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743).

Отдельно стоит отметить случаи, в которых на базе данных паронимической аттракции говорящим делаются выводы (как правило, ложные) об этимологии знаков: *– Значит,* ***райком так называется потому, что оттуда руководят строительством рая****?* (Ю. Поляков «Совдетство 2. Пионерская ночь» // БД № 2026620743); *Интересно, что такое* ***«забрало»****? В экранном словаре это слово отдельно не объясняется, есть только общий смысл идиомы: «с открытым забралом» – «честно, прямодушно». Но я уверен, что в древности смысл выражения был не таким возвышенным.*

Наверно, «забрало» – это был такой специальный железный манипулятор в виде огромной руки, которым что-то забирали при штурме замков (В. Пелевин «S.N.U.F.F.» // БД № 2026620743). Подобные рефлексивы мы относим к примерам метаязыкового семиотического синкретизма. Они имеют отношение как к метаязыковой прагматике (содержат элементы языковой игры, что дает основание поместить их в пространство между кодом и адресатом), так и метаязыковой семантики (описывают одну из характеристик знака-объекта).

Действие аттрактивного механизма внутренней референции распространяется также на случаи дешифровки неологизмов, создаваемых в суггестивно-игровых целях: *Одни, обменявшись с детьми или родственниками, обитавшими в гораздо худших условиях, сдавали в распоряжение творческих союзов жалкие* ***«хрущебы»*** (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743); *Я только-только окончил институт и распределился в только-только созданный вычислительный центр «Алгоритм». Если помните, страна в то время переживала эпоху всеобщего* ***«асучивания»****, и, казалось, наконец-то найдено совершенное и безотказное средство против нашего необоримого бардака: мол, ЭВМ не проведешь и не обманешь* (Ю. Поляков «Парижская любовь Кости Гуманкова» // БД № 2026620743).

В первом примере неологизм рождается в результате контаминации слов *хрущевка* и *трущебы*. Внутренняя референция суггестива закладывает обратный процесс декодирования метасмысла, которое осуществляется через апеллирование к аттрактивному потенциалу неологизма *хрущебы*. Во втором примере метасмысл употребления неологизма *асучивание* проясняется через аттракцию с известным вульгаризмом.

Как было нами отмечено выше, феномен аттракции отличается особым многообразием. Для создания эффекта языковой игры привлекаются различные его проявления. Среди них – фоносемантическая аттракция – один из приемов звуковой выразительности. Принимая во внимание

многозначность термина *фоносемантическая аттракция*, оговоримся, что в настоящем исследовании под ним мы понимаем намеренное сближение на синтагматической оси знаков, в плане выражения которых присутствуют идентичные или однородные по характеристикам звуки. Фоносемантическая аттракция порождает звуковой повтор, создающий, в свою очередь, внутренний ритм высказывания. При этом зачастую выбор знаков осуществляется с позиций формальных критериев и определяется целесообразностью их употребления для создания эффекта звуковой выразительности. По внешним признакам формальная сторона превалирует над содержательной, наблюдается переход от стандартной коммуникации к языковому эксперименту: *…**и**гуа**н**а действительно невелика, меньше **ги**е**н**ы, и, подобно последней, ест продукты **гни**е**н**ия. Оттого-то так важны в джу**н**глях правила личной **ги**ги**е**н**ы*** (Е. Водолазкин «Микрополь» // БД № 2026620743); *У**ж**е зара**ж**енная, Бао**ж**ей продол**ж**ала слу**ж**ить в «**Ж**эньминь **ж**ибао». В «**Ж**эньминь **ж**ибао» не избе**ж**ать рукопо**ж**атий – к со**ж**алению, и **ж**енщинам то**ж**е, и той **ж**е Бао**ж**ей. По**ж**авшие по**ж**ухли и скукожились, но, от**ж**имая в соковы**ж**ималке све**ж**ий **ж**еньшень, все **ж**е о**ж**или. Зара**ж**ение **ж**е продол**ж**алось…* (Е. Водолазкин «Сестра четырех» // БД № 2026620743).

Объектом внутренней референции выступают не отдельные знаки или их последовательности, а компоненты материальной оболочки этих знаков. В первом примере высказывание строится вокруг повтора звукового комплекса, состоящего из звуков «г», «н» и «и»; во втором повествование развивается «под диктовку» звука «ж». Декодирование их коммуникативного замысла представляется нетривиальной задачей и практически неосуществимо вне дополнительного контекста ввиду того, что объект референции фактически не обладает закрепленным за ним лингвоментальным комплексом. Фоносемантические признаки не обладают регулярными значениями, поэтому для определения метасмысла такого рода суггестивов требуется

преодолеть содержательные помехи, вызванные высокой энтропией объекта референции.

В рассмотренных нами случаях паронимической и фоносемантической аттракции точкой отсчета взаимного притяжения знаков выступает форма знака, сближение идет от формальных признаков к содержательным. Однако данный вектор реализации аттрактивности не является единственным. Многогранный феномен аттрактивности допускает случаи обратного движения: от содержания к форме. Источником притяжения становится некоторая содержательная доминанта, важность которой, как правило, определяется коммуникативной ситуацией или самим говорящим. Эта доминанта в ходе наррации обеспечивает выбор тематически близких знаков. Такой вид аттракции мы будем называть *нарративной*. В созданных с её помощью регулятивах задействован аттрактивный механизм внутренней референции. Языковая игра строится на акцентировании внимания к аттрактантам: *По желанию Сесилии назвали его* ***Ипполитом, что означает распрягающий коней****. Сама же Сесилия к тому времени также в значительной мере* ***разнуздалась*** *и скрывать свою связь с Созонтом не считала нужным* (Е. Водолазкин «Оправдание острова» // БД № 2026620743); *Пер-Лашез располагается на пологом холме, до которого я дошел минут за сорок.* ***Кладбище*** *мемориальное, хотя поначалу (сейчас в это трудно поверить) оно было у горожан непопулярно.* ***С мертвой точки*** *дело сдвинулось только тогда, когда с рекламными, выражаясь современным языком, целями на Пер-Лашез перенесли прах Лафонтена и Мольера* (Е. Водолазкин «Какие разные похороны» // БД № 2026620743).

В первом примере идея «расчеловечивания» воплощается через комплекс номинаций, реферирующих к животному миру. Во втором примере повествование о кладбище мотивирует употребление фразеологического сочетания *с мертвой точки*, которое в указанном контексте обрастает дополнительными смыслами. Метасмысл обоих суггестивов состоит в проявлении авторский иронии.

Как было отмечено выше, описываемый механизм внутренней референции может опираться как на принципы аттракции, так и дистракции знаков. Принцип дистракции актуализирует игровую направленность высказывания. При этом суггестив формируется на базе отношений противопоставления, неоднородности, возникающих между знаками. Внутренняя референция суггестива апеллирует к случаям семантического столкновения знаков или случаям столкновения контекстов употребления знаков.

В первых из указанных случаев дистракция проявляется на семном уровне знаков. Семный состав слов способен выступать семантическим барьером для их регулярной сочетаемости. Особую наглядность дистракция приобретает при обращении продуцента к оксюморону или близким ему явлениям языковой выразительности: *Разберем кирки и лопаты и маршем* ***бодрой печали и горестного ликования*** *отправимся хоронить своих мертвецов* (С. Соколов «Палисандрия» // БД № 2026620743); *Разойдясь с мужем, Светлана Егоровна вела бодрое,* ***насыщенное прозябание*** *инженера БРИЗа…* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач» // БД № 2026620743). Метасмысл высказываний состоит в передаче идеи абсурдности окружающего мира и бытия в нем (первый пример) и трансляции авторской иронии в ходе повествования (второй пример).

В другого рода случаях дистрация знаков подчеркивается через неоднородность контекстов их употребления. С целью манифестирования игрового эффекта такие контексты намеренно сближаются на синтагматической оси. Конструкции языковой игры принимают форму силлепса или зевгмы: *Иногда проще избавиться от* ***избыточного веса****, чем от* ***избыточного слова*** (Ю. Поляков «Козленок в молоке» // БД № 2026620743); *– Жив курилка! Разъяснил Гена.* ***– Курить, правда, бросил, а вот стихи еще нет****…* (Ю. Поляков «Пророк» // БД № 2026620743).

5.3.4.3. Актуализационный механизм

Следующий из рассматриваемых нами механизмов внутренней референции, который реализуется при употреблении суггестивов, несущих в себе «заряд» языковой игры, связан с одним из основных свойств языкового знака – его асимметричностью. Последняя состоит в способности знаков выходить за пределы уникального соответствия между означающим и означаемым. С одной стороны, означающее (по крайней мере на уровне парадигматики) может передавать сразу несколько значений, что экономит сегментные средства языка, не сокращая его семантического потенциала. С другой, одно означаемое может быть выражено с помощью разных знаковых средств, что наделяет язык известной гибкостью, делая его незаменимым инструментом в решении широкого спектра коммуникативных задач. Для создания языковой игры особенно значима та асимметрия знака, которая формируется за счет его многозначности. Эффект игры возникает как реакция на преодоление семантической неоднозначности, интенционально вводимой в определенные контексты. Механизм внутренней референции направлен на актуализацию нужного значения и адекватную дешифровку сообщения. Поэтому мы называем его *актуализационным* механизмом внутренней референции.

Актуализация значения может осуществляться эксплицитно: смысл демонстрируется через синтагматику, контактное окружение многозначного слова: *Да, панове, можно сказать, что моя жизнь прошла на этих десяти сотках. Допустим, что она* ***сложилась не так, как я хотел. А может, и просто сложилась. Схлопнулась. Смялась,*** *как этот спичечный коробок…* (Е. Водолазкин «Брисбен» // БД № 2026620743); *Вальдемар давно уже не* ***распиливал*** *помощниц: это занятие он перенес на островную казну* (Е. Водолазкин «Оправдание Острова» // БД № 2026620743). Так, в первом

примере глаголом *сложилась* передается не узуально типичное для него значение общего течения жизни, опираясь на его многозначность адресант актуализирует в контексте смысл, связанный с разрушением жизни (*сложилась* = не «прошла», а «разрушилась»). Во втором примере происходит контекстная актуализация прямого и переносного значений глагола *распилить*. Демонстрация смыслового различия между ними образует игровой подтекст высказывания.

Актуализация значения может носить имплицитный характер. При этом она осуществляется через осмысление дискурсивной информации, т.е. определение значения знака адресатом происходит путем инференции. В такого рода суггестивах имеет место не демонстрация, а импликация смысла: *Марина по филфаковской программе до Щедрина не дошла и к постижению классической мудрости возвысилась собственным скромным опытом; что бесспорно делает ей* ***честь, хотя и не ту, которой она лишилась, приобретая этот опыт*** (М. Веллер «Марина» // БД № 2026620743); *Кладбищенскому коротко остриженному руководству было, как ни странно, недостаточно того, что у них похоронят крупнейшего специалиста в области русской литературы.* ***Действительного члена (присутствующие сдержанно заулыбались)*** *Академии наук* (Е. Водолазкин «Мало приятного» // БД № 2026620743).

В приведенных суггестивах языковая игра разворачивается вокруг семантической неоднозначности слов *честь* (первый пример) и *член* (второй пример). В итоге актуализированные адресантом смыслы манифестируются только на уровне интегрального контекста (следует отметить, что во втором примере, в котором используется конструкция экспрессивного синтаксиса, языковая игра опирается также на компенсаторный механизм внутренней референции).

Актуализационный механизм задействуется также для разграничения свободных и фразеологически связанных значений слов. Креаторы языковой игры нередко используют скрытый «потенциал неоднозначности»,

содержащийся во фразеологизированных конструкциях. Прибегая к приему дефразеологизации, они запускают процесс ресемантизации знаков, образующих фразеологизм, трактуя их как семантически свободные элементы речевой цепи. Тем самым актуализационный механизм обнажает принцип языковой игры, построенный на разрушении семантических стереотипов: …*все начнут это повторять,* ***чтобы идти со временем в ногу. Хотя ног у времени тоже нет*** (В. Пелевин «Ампир В» // БД № 2026620743); *– Право же, ничего другого не остается, – промолвил я. –* ***Вы сняли это у меня с языка. – Хорошо, что все-таки снял.*** *– В тоне коллеги я почувствовал некий как бы сарказм.* ***– А то так бы оно там и висело*** (Е. Водолазкин «Чагин» // БД № 2026620743).

5.3.4.4. Трансформационный механизм

Еще одним установленным механизмом внутренней референции, используемым в конструкциях языковой игры, является так называемый *трансформационный механизм*. Он связан с трансформацией кода, переводом сообщения на «альтернативный» язык. Семиотические инструменты игры расширяются, а сама игра приобретает поликодовый (полимодальный) характер.

В зависимости от природы трансформаций, совершаемых в ходе игры, названный механизм реализуется в двух формах: межъязыковой и межсемиотической. Межъязыковая трансформация реализуется в суггестивах, в которых игровой компонент достигается смешением языковых кодов в пространстве одного сообщения (о лингвокреативном потенциале переключения языкового кода в дискурсе (см. Маркелова, 2011). В структуре высказывания имеются иноязычные вкрапления, что нарушает знаковое

единство кода: *В медийном сообществе игнорировать сетевой дневник ельцинской дочери Татьяны Дьяченко-Юмашевой просто не* ***comme il faut*** (Е. Додолев «Буря в стакане ЖиЖи» // НКРЯ, ОПК); *Обещает заплатить, объявляет тебе (язык не соврет!)* ***dead line*** (А. Битов «Дежа вю» // НКРЯ, ОПК). В приведенных суггестивах объектом внутренней референции выступает знак (последовательность знаков), являющийся семантическим эквивалентом использованного иноязычного выражения. Суггестивы апеллируют к знанию иноязычного кода.

Межсемиотическая трансформация манифестируется в сообщениях, сформированных в результате смешения двух или более негомогенных кодов. Данные сообщения представляют собой креолизованные (полимодальные) тексты. Для иллюстрации примеров межсемиотической трансформации нам необходимо проанализировать конструкции, структура которых характеризуется полимодальностью. Необходимо констатировать, что используемая нами в исследовании эмпирическая база не является релевантной для целей анализа и иллюстрации механизма межсемиотической трансформации. В этой связи позволим себе ограниченно, для решения обозначенной частной задачи обратиться к материалу одного из полимодальных дискурсов. В качестве такового мы выбрали рекламный дискурс.

Рекламные тексты изобилуют примерами игры, построенной в условиях комбинации гетерогенных кодов, основными среди которых выступают вербальный и иконический. Такого рода семиотическая игра уже являлась предметом специального изучения (так, О.В. Соколова, ссылаясь на Р. Якобсона, усматривает в ней действие приема «межсемиотической транспозиции» (Соколова, 2021, с. 306-307)). Мы обращаемся к анализу поликодовых рекламных текстов исключительно в части прояснения особенностей свойственного им механизма внутренней референции.

Типичная структура современного рекламного текста представляет собой переплетение элементов вербального и визуального (иконического)

кодов. Следует понимать, что оба кода функционируют не изолированно, они выстраиваются в единое сообщение и содержательно дополняют друг друга (специфика взаимоотношений вербальной и визуальной частей креолизованного текста подробно изучена в трудах М.А. Кравченко, 2015; О.А. Алимурадов, О.Ю. Гукосьянц, 2022). Действие механизма межсемиотической трансформации проиллюстрируем с помощью следующих примеров (рис. 9, 10).

Рисунок 9 – Пример 1

Рисунок 10 – Пример 2

В первом примере содержание слогана «Летние шины, вкусные цены!» (словосочетание *вкусные цены* выступает как экспрессивный эквивалент словосочетания *привлекательные цены*) усиливается посредством иконической составляющей креолизованного текста. На визуальной оси сообщения эпитетам *летние* и *вкусные* соответствуют изображения продуктов питания (овощей), форма представления которых призвана вызвать у адресата подлинное ощущение лета и вкуса.

Во втором примере слоган «Держат форму» (как известно, одним из главных показателей качества макаронных изделий считается их способность сохранять форму в процессе термической обработки) находит визуальное подкрепление в изображении гиперболической направленности, демонстрирующим превосходство в прочности мучного изделия над изделием металлическим.

Иконический компонент приведенных полимодальных текстов нельзя трактовать в качестве объекта референции слогана. Изображения являются иконическими знаками, элементами визуального кода. Поэтому такого рода тексты обладают не внешней, а внутренней референцией. Последняя отсылает к межсемиотическим трансформациям, к способам межкодового взаимодействия в ходе оформления высказывания. Метасмысл таких сообщений носит утилитарный характер и заключается в воздействии на реципиента с целью достижения конкретных маркетинговых результатов.

Выводы

Поле прагматики обыденного метаязыка образовано рефлексивами, характеризующими отношения между субъектами коммуникации и используемыми ими знаками. Ввиду диалогичности коммуникации поле

прагматики метаязыка разделяется на два кластера: «знак↔продуцент» и «знак↔реципиент». В первом из них объектом метаязыковой рефлексии выступают отношения между знаками и адресантом, во втором – между знаками и адресатом. Тем самым формируются два автономных раздела прагматики метаязыка: прагматика адресанта и прагматика адресата.

Прагматика адресанта опирается на характеризующую подфункцию информационно-исследовательской функции метаязыка и раскрывает особенности отношений между говорящим и знаками. Содержание рефлексивов, относящихся к разделу прагматики адресанта, определяется набором коммуникативных и социокультурных факторов, влияющих на отношения между продуцентом и элементами языкового кода. Для обозначения такого рода рефлексивов используется термин *регулятив*, внутренняя форма которого указывает на то, что метаязыковое высказывание актуализирует и регулирует коммуникативные регистры взаимодействия между продуцентом и знаком.

Предметное поле прагматики адресата формируется под действием моделирующей функции метаязыка, направленной на творческое осмысление и преобразование кода с целью оказания воздействия на реципиента. Структурно и содержательно рефлексивы данного раздела прагматики метаязыка представляют собой конструкции языковой игры, функционирующие в пространстве дискурса. Ввиду воздействующей направленности этого типа рефлексивов в работе они обозначаются как *суггестивы*.

В ходе анализа предметного поля прагматики адресанта было установлено, что широкий спектр метаязыковых характеристик речи связан с личностью говорящего. Активная позиция субъекта коммуникации и возникающие как её следствие отношения между говорящим и кодом манифестируются в целом ряде метапрагматических стратегий. К их числу относятся стратегия авторизации кода, стратегия социокультурной локализации кода и стратегия эвфемизации / дисфемизации.

Сущность метапрагматической стратегии авторизации кода заключается в определении авторской принадлежности речевого отрезка. При этом субъект речи способен выступать как в качестве автора, так и медиатора передачи слов, а в отдельных случаях даже намеренно дистанцироваться от выбранных знаков. В качестве онтологического субстрата указанной метапрагматической стратегии выступает концептуальная категория «Свои vs чужие»: сквозь призму этой ментальной оппозиции человек воспринимает не только объекты окружающей действительности, межличностные и социальные отношения, но в том числе и сам языковой код.

Категорию авторизации кода образуют два содержательных полюса, на одном из которых проявляется свойство эгореферентности речи (авторство говорящий приписывает себе); на другом реализуется свойство ксенореферентности (авторство говорящий приписывает другому). При этом ксенореферентность выступает маркированным членом данной оппозиции, что проявляется в многообразии средств выражения чужой речи в дискурсе.

Для оформления ксенореферентности используется специальная метаязыковая рамка высказывания, которая реализуется в двух типологических вариантах. Первый тип определен нами как рамка цитирования. Она нацелена на буквальное воспроизведение цитаты, установление ее четких границ и определение ее авторства. Второй тип представлен рамкой псевдоцитирования, которая сигнализирует о дистанцировании говорящего от знака в силу определенных причин. При этом «отчуждаемое» слово не является цитатой в терминологическом смысле.

Если стратегия авторизации кода передает личностное отношение говорящего к знаку, которое встраивается в понятийную парадигму «своего» и «чужого», то стратегия социокультурной локализации кода определяет социальную и культурную принадлежность знака. Возможность такого рода метаязыковых характеристик обусловлена переносом социокультурных

качеств продуцента на используемые им знаки. Код неразрывно связан с его пользователем и воспринимается как воплощение или «продолжение» сущности говорящего, превращаясь тем самым в социокультурный феномен. В результате реализации указанной метапрагматической стратегии за знаком могут закрепляться этнические, этносоциальные, гендерные, профессиональные, собственно социальные и культурные признаки.

К проявлениям стратегии социокультурной локализации кода относится также явление наивной стратификации лексических ресурсов языка. Свое выражение оно находит в метаязыковых комментариях, фиксирующих стилистическую окраску и экспрессивный потенциал знака. В эмпирическом массиве выделяются две группы регулятивов: 1) регулятивы, содержащие информацию об экспрессивно-стилистическом регистре высказывания; и 2) регулятивы, причисляющие знак к определенному коммуникативному стилю, закрепляющие его за определенной ситуацией общения. В отличие от научной стратификации, наивная стратификация характеризуется утилитарностью и априорностью полученных результатов рефлексии.

Стратегия эвфемизации / дисфемизации реализуется в дискурсе в виде интенциональной субституции слов, отражающей отношение субъекта речи к выбираемым элементам кода. Указанная стратегия сопровождается активной метаязыковой рефлексией говорящего. Эвфемизмы и дисфемизмы квалифицируются в работе как слова-субституты, замещающие в силу определенных причин другие знаки. Процессы эвфемизации и дисфемизации маркируются в дискурсе с помощью специальной метаязыковой рамки. Многообразие способов представления метаязыковой рамки объясняется вариативностью коммуникативно-прагматической направленности стратегии. Так, в ходе исследования было установлено, что метаязыковое маркирование эвфемизации способно принимать формы предупреждения, смягчения и поиска. Метаязыковая рамка дисфемизации манифестируется в

одной из следующих форм: предупреждение, брутализация, получение разрешения, преодоление, проявление вежливости и упрощение.

В пространстве между знаком и адресатом реализуется метапрагматическая стратегия преобразования кода. Она ориентирована на механизмы лингвокреативности и манифестируется в явлениях языковой игры (суггестивах). Изучение особенностей семиозиса конструкций языковой игры дало основание причислить их к субстанциям обыденного метаязыка. Основным аргументом для этого явился характер референции такого рода конструкций: они отсылают не к внеязыковой действительности, а к элементам языкового кода.

В ходе исследования удалось прийти к выводу о том, что для конструкций языковой игры характерно уникальное соотношение знакового, понятийного и предметного компонентов референциальной модели. Модель внутренней референции, характерную для суггестивов, целесообразно представить в форме пирамиды. Треугольник, образующий её основание, демонстрирует связь между знаковым комплексом-шифром (собственно конструкцией языковой игры – К1) и объектом внутренней референции (референтом кода – К2), опосредованную через лингвоментальный комплекс (языковая и внеязыковая информация, связанная со знаками, формирующими суггестив, – С). Поиск глубинного, скрытого смысла, заложенного в языковой игре, превращает метасмысл сообщения (коммуникативный замысел креатора языковой игры – М) в дополнительный компонент модели, делая его точкой пересечения взаимоотношений других конституентов и трансформируя классический треугольник соотносительности в пирамиду (см. рис. 8 на с. 347).

В реализации установленной модели задействован целый ряд механизмов внутренней референции. Большинство конструкций языковой игры опираются на компенсаторный, аттрактивный/дистрактивный, актуализационный и трансформационный механизмы внутренней референции.

Компенсаторный механизм внутренней референции направлен на восстановление формы знака, модифицированной в результате языковой игры. Суггестив апеллирует к традиционной форме знака и указывает на интенциональность девиации в сообщении. Действие компенсаторного механизма наблюдается в конструкциях с нарушениями графической (орфографической) формы знаков, нарушениями семантической и синтаксической сочетаемости, а также в суггестивах, содержащих прецедентные феномены в трансформированном виде.

Аттрактивный / дистрактивный механизм нацелен на экспликацию связей, обеспечивающих притяжение / отталкивание между элементами кода. Объектом внутренней референции суггестива являются знаки (элементы знаков, последовательности знаков), вступившие в отношения аттрактивности (дисаттрактивности). Механизм аттракции / дистракции отличается многообразием своего воплощения. Конструкции языковой игры используют потенциал паронимической, фоносемантической и нарративной аттракции, а также дистракции, вызванной противопоставлением семного состава слов и интенциональным сближением неоднородных контекстов употребления знаков.

Актуализационный механизм обеспечивает преодоление семантической неоднозначности, интенционально вводимой в отдельные контексты. Объектом метаязыковой рефлексии выступает структура многозначного слова. При этом механизм внутренней референции направлен на актуализацию ситуативно обусловленного значения знака и адекватную дешифровку сообщения. Актуализация значения может осуществляться как эксплицитными средствами (через синтагматическое окружение многозначного слова), так и за счет обращения к структурам имплицитного знания (через осмысление дискурсивной информации и процедуру инференции).

Трансформационный механизм внутренней референции связан с переводом сообщения на «альтернативный» язык. Данный механизм

реализуется в двух формах: межъязыковой и межсемиотической. Межъязыковая трансформация достигается смешением языковых кодов в пределах одного сообщения. Такого рода суггестивы апеллируют к знаниям иноязычного кода. Межсемиотическая трансформация имеет место в конструкциях, образованных в результате смешения гетерогенных кодов (вербального и иконического). Указанные конструкции референтируют к способам межкодового взаимодействия в ходе оформления высказывания.

Описанная референциальная модель и выявленные механизмы её реализации свидетельствуют о том, что креативность в речи имеет метаязыковую природу, а конструкции языковой игры обладают метаязыковым статусом.

Заключение

Переходя к подведению итогов и формулированию главных выводов, отметим, что настоящая работа представляет собой результат комплексного исследования феномена обыденного метаязыка, которое затронуло все многообразие его проявлений в дискурсе. Комплексный характер исследования был обеспечен неоструктуралистским подходом к достижению его предметно-целевых установок. Неоструктурализм выступил в роли интегральной методологической платформы, объединившей исследовательские максимы и инструменты системоцентризма и антропоцентризма.

Впервые с привлечением обширного эмпирического материала были установлены принципы строения и функционирования обыденного метаязыка как системного явления, выполняющего роль интерпретационного механизма естественного языка. Вместе с тем в работе также получила развитие традиция рассмотрения метаязыка как особого вида коммуникативной деятельности. Тем самым был соблюден баланс в обращении к исследовательским практикам, раскрывающим разные грани фундаментальной антиномии метаязыка, заключающейся в синтезе признаков системы и деятельности.

В диссертационном исследовании с разных сторон было показано, что явление обыденного метаязыка обладает уникальными характеристиками ввиду того, что оно возникает на стыке «стихий» языка и речи. С одной стороны, метаязык, будучи консубстанционален языку, обладает коммуникативным потенциалом кода, с другой – он практически не фиксируется в парадигматической реальности (исключение составляют пласты терминологической лексики и металексики), а раскрывается в дискурсе в процессе замещения разного рода метаязыковых ролей. В этом

смысле метаязык в соссюровском понимании системности оказывается гораздо менее системен, чем собственно язык.

Во многом благодаря неоструктуралистскому подходу в работе удалось преодолеть узость взгляда на естественный метаязык как на лингвистическую терминологию или ограниченную функционально-семантическую группу слов-метаоператоров. В качестве критерия отнесенности знака (последовательности знаков) к метаязыку использовались данные об особенностях их референции в высказывании. В качестве единиц метаязыка рассматривались все знаки, которые в определенном контексте дискурса ориентированы на передачу аспектов внутренней референции. Тем самым метаязыковой статус приобретают такие гетерогенные и гетероморфные явления, как словарные дефиниции, метаоценки, вторичные номинации, используемые в роли слов-субститутов, хезитативы, слова и выражения нечеткой номинации, конструкции авторедактирования, конструкции метатекста, обеспечивающие когезию и когерентность текста, конструкции передачи чужой речи, а также конструкции языковой игры.

Главным результатом проведенного исследования стало достижение его целевых установок, выразившееся в построении интегральной лингвосемиотической модели использования в дискурсе ресурсов обыденного метаязыка. В ходе исследования была верифицирована его ключевая гипотеза и представлены убедительные доказательства того, что обыденный метаязык манифестируется в пространстве «трехмерной» лингвосемиотической модели, образованной измерениями семантики, синтактики и прагматики (рис. 11).

Тем самым метаязык трактуется как семиотическая система. Однако эта семиотика не является полной копией семиотики самого языка, а представляет собой ее «зеркальное отражение». Метаязык, не обладая традиционной семиотикой объекта, реализует себя в качестве семиотики интерпретации объекта. Иными словами, метаязык интерпретирует и описывает язык в границах свойственных тому семиотических измерений.

Семантика метаязыка ориентирована на интерпретацию и описание разнообразных (формальных и семантических) внутренних (относящихся исключительно к самому знаку) характеристик языковых знаков (их последовательностей). Синтактика метаязыка интерпретирует отношения, возникающие между элементами кода в синтагматической цепи (в тексте), т.е. объектом рефлексии становится не сам знак, а внутритекстовое взаимодействие знаков. Прагматика метаязыка нацелена на отображение отношений, возникающих между субъектами коммуникации и используемыми ими знаками.

Рисунок 11 – Лингвосемиотическая модель функционирования ресурсов обыденного метаязыка

Достижение цели и положительная верификация ключевой гипотезы исследования подтверждаются результатами работы, полученными в процессе решения поставленных задач.

Так, в ходе методологической рефлексии было установлено, что актуальный лингвистический контекст представляет перспективы для формирования и закрепления интегральной научной парадигмы. Одним из вариантов такой парадигмы выступает неоструктурализм. Ориентация на

методологию неоструктурализма, синтезирующую идеи системацентризма и антропоцентризма, продемонстрировала особую продуктивность при комплексном исследовании обыденного метаязыка ввиду антиномичной природы последнего, сочетающего в себе признаки системы и признаки деятельности.

Методологический аппарат работы был сформирован в координатах исследовательских принципов неоструктурализма, среди которых холизм, таксономичность и семиотичность ориентированы на системоцентризм, а многомерность, функционализм и текстоцентризм являются проводниками идей антропоцентризма. Благодаря использованию принципа холизма в работе была обеспечена системность научного изучения объекта. Принцип таксономичности позволил установить и продемонстрировать внутреннюю структуру изучаемого феномена в форме логически сформированной классификационной матрицы. Принцип семиотичности вывел на первый план знаковую сущность феномена метаязыка и подготовил основания для его описания через призму семиотических измерений. Принцип многомерности обеспечил баланс общего и частного в рассматриваемой проблематике. Принцип функционализма подготовил почву для изучения явления с позиций выполняемых им функций. Принцип текстоцентризма обеспечил рассмотрение метаязыка как текстовой категории, что имело принципиальное значение ввиду обретения метаязыкового статуса элементами кода именно в процессе развертывания дискурса, т.е. в тексте.

В работе представлено научно обоснованное определение объекта исследования – обыденного метаязыка – как системы средств и функций, обеспечивающей реализацию способности естественного языка к самоописанию и самоинтерпретации. Особое внимание было уделено установлению предметно-понятийных и фактических (позитивных) границ явления. С этой целью последовательно было проанализировано соотношение «обыденного» и «профессионального», «модуса» и «диктума», референциальной направленности к «знаку» и «денотату» в конструкциях

обыденного метаязыка. При этом были сделаны выводы о том, что: 1) формы метаязыковой рефлексии не отличаются замкнутостью, поэтому «научное» и «наивное», «профессиональное» и «обыденное» в метаязыковом сознании, а затем и в метаязыке зачастую переплетаются; 2) многоаспектные проявления метаязыка не укладываются в объем понятия модусной категории, о чем говорит способность метатекста выступать в качестве средств выражения целого ряда модусных категорий (т.е. зафиксирован факт инструментальности метатекста по отношению к модусу); а также способность рефлексива занимать в высказывании позицию диктума; 3) ввиду консубстанциональности языка и метаязыка в дискурсе могут возникать области референциальной синкретичности, в которых разграничение высказываний «о мире» и высказываний «о языке» требует от реципиента отдельных усилий, связанных с обнаружением специальных дискурсивных сигналов.

В ходе исследования выявлены конститутивные признаки (свойства) обыденного метаязыка, которые определяют его онтологическую, функциональную и структурную сущность. Такими признаками явились рефлексивность, интерпретативность, полифункциональность, дискурсивность и полиморфность метаязыка.

Глубокую разработку в диссертации получил функциональный аспект изучения метаязыка. Была установлена и описана система функциональных ролей, выполняемых конструкциями обыденного метаязыка в дискурсивном пространстве. В качестве родовых функций метаязыка определены информационно-исследовательская и моделирующая функции. Первая связана с осуществлением разного рода исследовательских процедур над элементами языкового кода и реализуется в виде метафатической, пояснительной, характеризующей, оценочной, поисковой, связующей и категоризирующей эпифункций. Вторая направлена на творческое осмысление, переработку и креативное воплощение элементов кода в дискурсе.

В исследовании получило обоснование понимание дискурса как альтернационного пространства, в котором конструкции внешней и внутренней референции чередуются и сосуществуют. Альтернационная модель дискурса предполагает, что в рамках практически любой дискурсивной практики говорящий способен апеллировать как к фрагментам внеязыковой действительности, так и к элементам языкового кода.

Применение таксономического принципа наложения «семиотической решетки» в отношении конструкций обыденного метаязыка позволило, с одной стороны, объяснить эмпирическое многообразие рефлексивов, с другой, распределяя метаязыковые конструкции в соответствии с их характеристиками между измерениями семантики, синтактики и прагматики, – сформировать базовый принцип их типологии.

В работе представлена многоаспектная и многоуровневая функционально-типологическая характеристика единиц семантики метаязыка. В указанных единицах (рефлексивах) зафиксированы результаты рефлексии над формальными и (или) содержательными особенностями языковых знаков. При этом было установлено, что рефлексия может протекать как от заданного знака к его характеристикам, так и осуществляться в процессе выбора знака, т.е. в направлении от предметно-понятийной области к ее обозначению. Два названных вектора рефлексии каузируют разделение семантики метаязыка на семасиологию и ономасиологию метаязыка. Рефлексивы семасиологического типа определены как *рецептивные* ввиду того, что в них происходит восприятие и осмысление заданного элемента кода, имеет место рефлексия «post factum». Рефлексивы ономасиологического типа определены как *продуктивные* по той причине, что они рождаются непосредственно в акте семиозиса и соответствуют рефлексии «ante factum». В процессе исследования разработана многоярусная типология семасиологических рефлексивов, обобщающая в себе их семантические, формальные (объектные) и качественные (градуальные) признаки. Типология ономасиологических

рефлексивов отражает этапы рефлексии, в которых фиксируется хезитация говорящего, оценка уместности выбора знака, а также коррекция сделанного выбора.

В диссертационном исследовании всестороннее освещение получили вопросы функционально-типологического изучения конструкций, относящихся к области синтактики метаязыка. В ходе исследования было установлено, что пространство синтактики метаязыка разделено на области лексического и грамматического метатекста. Область лексического метатекста характеризуется эксплицитным выражением отношений между знаками и обеспечивает передачу идеи кореферентности за счет лексикализации предметных и реляционных особенностей языкового кода, а также номинализации коммуникативных намерений говорящих. Область грамматического метатекста использует имплицитные формы выражения внутритекстовых отношений и реализуется через инструменты служебных слов, лексическая полнозначность которых была утрачена в процессе их грамматикализации.

Наконец, к основным результатам проведенного исследования следует также отнести создание целостной и многоаспектной характеристики единиц прагматики метаязыка. Принцип диалогичности коммуникации детерминировал разделение поля прагматики метаязыка на два автономных раздела: прагматику адресанта и прагматику адресата. В ходе анализа предметного поля прагматики адресанта было установлено, что широкий спектр метаязыковых характеристик речи связан с личностью говорящего. Активная позиция субъекта коммуникации и возникающие, как следствие, отношения между говорящим и кодом манифестируются в целом ряде метапрагматических стратегий: стратегии авторизации кода, стратегии социокультурной локализации кода и стратегии эвфемизации / дисфемизации. В результате реализации указанных стратегий на элементы кода переносятся личностные, культурные и социальные качества, признаки и характеристики субъекта коммуникации. Предметное

поле прагматики адресата формируется вокруг метапрагматической стратегии преобразования кода, цель которой заключается в оказании акцентированного коммуникативного воздействия на адресата. Последнее осуществляется с помощью конструкций языковой игры. В работе приведены веские аргументы в пользу того, что конструкции языковой игры референтируют не к фрагментам внеязыковой действительности, а к элементам кода. Для них характерно уникальное соотношение знакового, понятийного и предметного компонентов референциальной модели. В реализации установленной модели задействованы компенсаторный, аттрактивный / дистрактивный, актуализационный и трансформационный механизмы внутренней референции.

В процессе исследования, опиравшегося на неоструктуралистскую методологию, было установлено, что единицы обыденного метаязыка, интерпретирующие факты языка, относящиеся к разным семиотическим измерениям, существенно различаются в отношении формы, содержания и выполняемых в дискурсе метаязыковых ролей. Своеобразное ядро метаязыковых конструкций образуют единицы семантики метаязыка, которые порождаются в результате семиотической операции «знак на знак». Единицы других измерений являются результатом интерпретации реляционных сущностей, т.е. не собственно знаков, а отношений, возникающих между знаками в синтагматической цепи (синтактика метаязыка) и между знаками и субъектами коммуникации (прагматика метаязыка). Тем самым в единицах синтактики и прагматики метаязыка сокращается глубина признака «мета» и они вытесняются на периферию метаязыкового пространства (рис. 12). При этом ближе к ядру располагаются единицы синтактики метаязыка: они интерпретируют отношения между знаками, в то время как единицы прагматики метаязыка определяют отношения между сущностями, одна из которых (субъект коммуникации) вообще не обладает знаковой природой.

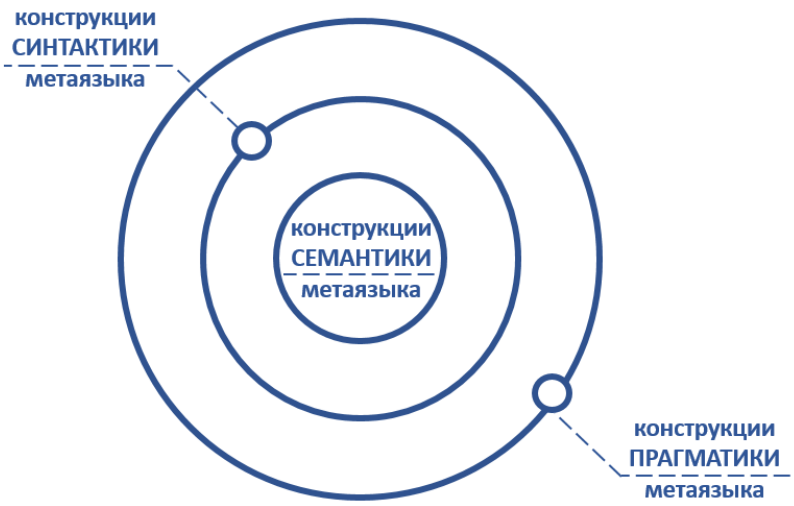

Рисунок 12 – Ядро и периферия метаязыковых конструкций

Указанные различия метаязыковых единиц в работе отражены на терминологическом уровне. В качестве родового понятия, охватывающего все виды метаязыковых единиц, используется понятие рефлексива, получившее широкое распространение в современных лингвистических трудах прежде всего ввиду его прозрачной внутренней формы, отсылающей к онтологическому субстрату метаязыка, – метаязыковой рефлексии.

Для маркирования видовых различий метаязыковых единиц, обусловленных их принадлежностью к конкретному семиотическому измерению, в диссертации была разработана система терминов, введение которой в научный оборот получило соответствующее обоснование. Так, для обозначения семантических рефлексивов семасиологического типа предложено использовать термин *интерпретатив*. Данный выбор мотивирован тем, что такого рода метаязыковые комментарии, по сути, фиксируют факт интерпретации формальных и (или) содержательных признаков знака. Рефлексивы ономасиологического типа, связанные с отражением усилий, направленных на поиск знака, предложено определять как *инвестигативы*. Для определения единиц синтактики метаязыка наиболее подходящим является термин *метатекст*, указывающий на

внутритекстовое содержание рефлексива. Для обозначения единиц метаязыка, относящихся к области прагматики адресанта, в работе используется термин *регулятив*. Его употребление оправдано тем, что рефлексивы данного вида выполняют в дискурсе роль маркера – регулятора отношений между говорящим и элементами кода. Регулятивы «настраивают регистры» взаимодействия субъекта коммуникации и используемого знакового инструментария. Наконец, для обозначения метаязыковых единиц области прагматики адресата, ориентированного на преобразование элементов кода с целью оказания воздействия на реципиента, продуктивным выглядит использование термина *суггестив*. Считаем, что предложенная система терминов соответствует тому эмпирическому разнообразию единиц метаязыка, которое фиксируется в дискурсивных практиках.

В заключение необходимо отметить, что полученные результаты исследования способствуют расширению перспектив дальнейшего изучения феномена обыденного метаязыка. Во-первых, к важным для лингвистики открытиям может привести привлечение к анализу сопоставительных данных, отражающих функционирование системы метаязыка в языках разного грамматического строя. Подобные исследования позволили бы ответить на вопрос, что в проявлениях обыденного метаязыка носит универсальный характер, а что, наоборот, следует трактовать как лингвоспецифичное явление.

Во-вторых, на современном этапе развития лингвистической науки перспективными выглядят прикладные исследования, направленные на составление корпусов метаязыковых высказываний. В настоящий момент в лингвистике накоплено достаточно теоретических знаний для формирования действенного алгоритма автоматизированного поиска и классификации метаязыковых единиц. Получение большого массива данных откроет возможности для полноценного использования методов корпусной лингвистики при изучении феномена обыденного метаязыка.

В-третьих, глубокий интерес представляют вопросы лексикографирования и кодификации метаязыковых средств. В частности, существенное научно-практическое значение имело бы составление и издание словаря метаоператоров с разметкой, отражающей их функционально-прагматические роли в дискурсе.

Наконец, на наш взгляд, далеко не исчерпаны научные перспективы изучения метаязыковых контекстов в рамках отдельных дискурсивных практик. В данном исследовании в стремлении охватить все многообразие метаязыковых контекстов и представить полную, системную картину лингвосемиотики обыденного метаязыка мы осознанно обращались к анализу данных разных дискурсов. Нас интересовали скорее общие принципы строения и функционирования обыденного метаязыка, нежели их реализация в конкретном дискурсе. Вместе с тем изучение функционирования метаязыковых единиц в разрезе отдельных дискурсов откроет перспективы для коммуникативно-стилистической и междискурсивной дифференциации конструкций, в том числе выявит ориентацию отдельных дискурсов на конкретное семиотическое измерение метаязыка. Особенно показательно в этой части будет изучение так называемых «метацентрических» дискурсов, знаковое пространство которых полностью или в значительной степени заполнено конструкциями, характеризующимися внутренней референцией.

Список литературы

1. Абдрашитова, М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абдрашитова Марина Овсеевна. – Томск, 2012. – 182 с. – Текст : непосредственный.

2. Абраменко, Е. В. Категории метатекста и времени как прагматический способ смыслообразования в научно-фантастическом повествовании Курта Воннегута: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абраменко Екатерина Валерьевна. – Майкоп, 2021. – 191 с. – Текст : непосредственный.

3. Абрамец, И. В. Языковая игра в кроссвордных толкованиях / И. В. Абрамец. – Текст : непосредственный // Язык и социум: Материалы VII Международной научной конференции: В 2-х частях. – Минск : РИВШ, 2007. – Ч. 1. – С. 168–170.

4. Абрамец, И. В. Фразеологизм в структуре кроссвордной загадки / И. В. Абрамец. – Текст : непосредственный // Учені записки Таврійского національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012 – Т. 25 (64). – № 2 (1). – С. 276–279.

5. Абреу-Фамлюк, В. Р. Интерпретирующие речевые акты в структуре диалогического дискурса: (на материале русского, английского и французского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Виктория Раульевна Абреу-Фамлюк. – Минск, 2022. – 198 с. – Текст : непосредственный.

6. Авагян, А. А. Основные аспекты расхождений в исследованиях грамматикализации / А. А. Авагян. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 63–68.

7. Автономова, Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» /

Н. С. Автономова – Текст : непосредственный // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Санкт-Петербург : A-cad, 1994. – С. 7–27.

8. Александров, О. А. «Наивная» фольклористика как форма проявления обыденного метаязыкового сознания (на материале прецедентных текстов российских немцев) / О. А. Александров. – Текст : непосредственный // Российский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 5. – С. 342–351.

9. Алефиренко, Н. Ф. Парадигмы современной науки о языке: Традиции и инновации / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. Серия «Филологические науки». – 2002. – № 1. – С. 5–13.

10. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: юбилейный сб. науч. тр. К 65-летию Н.Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта; Наука, 2011. – С. 16–27.

11. Алимурадов, О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность / О.А. Алимурадов. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2003. -–312 с. – Текст: непосредственный.

12. Алимурадов, О. А. Смысл, референция, пропозиция / О.А. Алимурадов. – Текст: непосредственный // Язык, текст, дискурс. – 2006. - №4. – С. 5–15.

13. Алимурадов, О. А. Кластерная теория референции и семантика имен: краткие заметки на полях / О.А. Алимурадов. – Текст: непосредственный // Филология и человек. – 2008. – №1. – С. 42–50.

14. Алимурадов, О. А. Сущностная характеристика лингвокреативности и уровни ее манифестации в кинодискурсе / О.А. Алимурадов. – Текст: непосредственный // Новые подходы к анализу структуры и семантики дискурса и терминологических систем. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2023. – С. 56–77.

15. Алимурадов, О. А. Понятие переводческой рецепции в отечественном и зарубежном переводоведении: плюрализм подходов / О.А. Алимурадов, Д.Ф. Щербаков. – Текст: непосредственный // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – 2024. – Т.20. – №1 (63). – С. 107–120.

16. Алимурадов, О. А. Динамика и структура семантики термина как отражение закономерностей научного и обыденного познания: к постановке проблемы / О. А. Алимурадов, М. Н. Лату // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований : сб. науч. тр. – Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2010. – С. 5–11.

17. Алимурадов, О.А. Типы корреляций вербального и иконического компонентов в конфликтогенных поликодовых текстах (на материале анализа демотиваторов, посвященных движениям и субкультурам деструктивного характера) / О.А. Алимурадов, О.Ю. Гукосьянц – Текст: непосредственный // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2022. – №3. – С. 226–231.

18. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В. М. Алпатов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.

19. Алпатов, В. М. Что и как изучает языкознание / В. М. Алпатов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2015. – № 3. – С. 7–21.

20. Алпатов, В. М. «Великий кризис» в истории лингвистики и пути его преодоления / В. М. Алпатов. – Текст : непосредственный. // Вопросы языкознания. – 2020. – № 5. – С. 7–21.

21. Андросова, С. В. Лингвокреативность человека пишущего и говорящего (обзор вклада зарубежных и отечественных ученых) / С. В. Андросова. – Текст : электронный // Сибирский филологический журнал. – 2025. – Вып. 1. – С. 238–251. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=80400873 (дата обращения 19.12.2025).

22. Андрусенко, Е. А. Функции метатекста в художественном тексте (на материале произведений В. Астафьева) / Е. А. Андрусенко. – Текст :

непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 89–94.

23. Андрусенко, Е. А. Метаязыковая рефлексия в художественных текстах В.П. Астафьева: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Андрусенко Елена Анатольевна. – Кемерово, 2012. – 204 с. – Текст : непосредственный.

24. Андрющенко, Т. Я. Метатекст и его роль в интерпретации текста / Т. Я. Андрющенко. – Текст : непосредственный // Проблемы организации речевого общения. – Москва : Институт языкознания, 1981. – С. 127–151.

25. Антонова, И. С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» / И. С. Антонова. – Текст : непосредственный // Социосфера. – 2010. – № 4. – С. 52–57.

26. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – Москва : Просвещение, 1966. – 302 с. – Текст : непосредственный.

27. Апресян, Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986) / Ю. Д. Апресян. – Москва – Ленинград : Наука, 1990. – С. 50–71. – Текст : непосредственный.

28. Апресян, Ю. Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – Москва : Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995, VIII. – 472 с. – Текст : непосредственный.

29. Аристотель. Сочинения: Т. 2 // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – Москва : Мысль, 1978. – 685 с. – Текст : непосредственный.

30. Арсеньева, Д. В. Семантика и прагматика языковых единиц метатекста на примере романа В. Набокова «Отчаяние» / Д. В. Арсеньева. – Текст : непосредственный // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – Челябинск : ООО «Издательство РЕКПОЛ», 2008. – С. 17–21.

31. Арутюнова, Н. Д. Референция имени и структура предложения / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2. – С. 24–35.

32. Арутюнова, Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). – Москва : Радуга, 1982. – С. 5–40.

33. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.

34. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с. – Текст : непосредственный.

35. Арутюнова, Н. Д. Наивные размышления и наивной картине языка / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Язык о языке. – Москва : Языки русской культуры, 2000 а. – С. 7–19.

36. Арутюнова, Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Язык о языке. – Москва : Языки русской культуры, 2000 б. – С. 437–449.

37. Арутюнова, Н. Д. Виды игровых действий / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – Москва : Индрик, 2006. – С. 5–16.

38. Атанасов, В. Соотношение «язык – знание о языке» / В. Атанасов. – Текст : непосредственный // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1990. – С. 40–47.

39. Ахманова, О. С. О точных методах исследования языка (о так называемой математической лингвистике) / О. С. Ахманова, И. А. Мельчук,

Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1961. – 162 с. – Текст : непосредственный.

40. Ахметова, М. В. Катойконимы как объект метаязыковой рефлексии: орфографический аспект / М. В. Ахметова. – Текст : непосредственный // Антропологический форум. – 2019. – № 40. – С. 115–146.

41. Ахметова, М. В. Метаязыковые формулы ответа: комментарий к чужому высказыванию между культурой речи и коммуникативным доминированием / М. В. Ахметова. – Текст : электронный // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2024. – Т. 7. – № 2. – С. 26–57. – URL: https://folklore.elpub.ru/jour/article/view/313 (дата обращения 10.10.2024).

42. Бабенко, Н. Г. Функциональный анализ языковой рефлексии в романе Евгения Водолазкина «Оправдание острова» / Н. Г. Бабенко, Е. К. Корешкова. – Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Серия: Филология, педагогика, психология. – 2021. – № 4. – С. 24–32.

43. Баженов, Н. Ю. Лексико-семантическое поле "речь" в русских говорах: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Баженов Николай Юрьевич. – Самара, 2019. – 508 с. – Текст : непосредственный.

44. Байбуз, Г. В. Медицинская лексика в ненаучном дискурсе: функционально-прагматический аспект: диссертация кандидата филологических наук / Байбуз Галина Владимировна. – Краснодар, 2025. – 179 с. – Текст : непосредственный.

45. Байгарина, Г. П. Авторские интенции в художественном тексте сквозь призму метатекста / Г. П. Байгарина. – Текст : непосредственный // Русская литература в иностранной аудитории: сб. научных статей по итогам XIII Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. – С. 256–265.

46. Байдуж, Л. М. Стратегии квазиноминаций, реализуемые в

высказываниях с метапоказателем *скажем так* / Л. М. Байдуж. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 9: Филология. – С. 59–64.

47. Балахонская, Л. В. Язык рекламных текстов как объект рефлексии творческой личности / Л. В. Балахонская. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 137. – 2010. – С. 41–51.

48. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с. – Текст : непосредственный.

49. Балобанова, А. Г. Обыденная и профессиональная семантизация медицинских терминов: автореф. диссертации кандидата филологических наук / А. Г. Балобанова. – Кемерово, 2016. – 25 с. – Текст : непосредственный.

50. Барабаш, О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы / О. В. Барабаш. – Текст : непосредственный // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 2 (16). – С. 14–18.

51. Баранов, А. Н. Заметки о *дескать* и *мол* / А. Н. Баранов. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 114–124.

52. Баринова, Е. Е. Научный термин в современной художественной литературе (А. Битов, Н. Байтов, Л. Улицкая) / Е. Е. Баринова. – Текст : непосредственный // Критика и семиотика. – 2011. – Вып. 15. – С. 197–207.

53. Барт, Р. Метаязык и литература / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 131–132. – Текст : непосредственный.

54. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – Москва : Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 247–310. – Текст : непосредственный.

55. Басалаева, Е. Г. «Советский язык» как объект языковой рефлексии в интернет-коммуникации / Е. Г. Басалаева, М. В. Шпильман. –

Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2019. – № 2. – С. 142–156.

56. Батулина, А. В. О метаязыковых контекстах в массовой литературе / А. В. Батулина. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2017. – Т.8. – № 4. – С. 1041–1050.

57. Батулина, А. В. Устойчивые словесные комплексы языка политики как объект метаязыковой рефлексии / А. В. Батулина. – Текст : непосредственный // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 6 (39). – С. 661–665.

58. Батюкова, Н. А. Метаязыковые средства современной публицистической и художественной речи: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Батюкова Надежда Александровна. – Москва, 2009. – 260 с. – Текст : непосредственный.

59. Белов, В.А. Семантические исследования организации и функционирования ментального лексикона / В.А. Белов. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 29–51.

60. Белошицкая, Н. Н. Метадискурсивные средства для организации академического дискурса на примере текстов дипломных работ / Н. Н. Белошицкая, Н. С. Д. Пак. – Текст : непосредственный // Филологический аспект. – 2019. – № 4 (48). – С. 116–125.

61. Белошицкая, Н.Н. Драматургичность дискурса: когнитивнопрагматический потенциал метамаркера В ТАКОМ ТОНЕ / Н.Н. Белошицкая. – Текст : электронный // Научный диалог. – 2024. – Т. 13. – № 2. – С. 35–52. – URL: https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/5173 (дата обращения 20.10.2025).

62. Беляевская, Е.Г. К определению понятия «метадискурс» / Е.Г. Беляевская. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Вып. 24. – С. 137–149.

63. Беляевская, Е.Г. Лингвистическая креативность: нарушение

нормы? / Е.Г. Беляевская. – Текст : электронный // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 3 (53). – С. 62–73. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49521445 (дата обращения 12.09.2025).

64. Беляевская, Е.Г. Дискурсивная реализация концептуальных оппозиций как мера креативности дискурса / Е.Г. Беляевская. – Текст : непосредственный // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сборник научных статей. – Москва : Р. Валент, 2023. – С. 10–22.

65. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – 447 с. – Текст : непосредственный.

66. Березин, Ф.М. О парадигмах в истории языкознания XX в. / Ф.М. Березин. – Текст : непосредственный // Лингвистические исследования в конце XX в. – Москва : ИНИОН РАН, 2000. – С. 5–13.

67. Блинова, О.И. Предлоги в метаязыковой функции / О.И. Блинова, Н.Г. Нестерова. – Текст : непосредственный // Служебные слова: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГУ, 1987. – С. 119–124.

68. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – Москва : Прогресс, 1968. – 607 с. – Текст : непосредственный.

69. Богачанова, Т.Д. Логическая степень выражения метаязыкового сознания языковой личности в вербально-семантическом аспекте функционирования текстов политического характера / Т.Д. Богачанова. – Текст : непосредственный // Современный ученый. – 2020. – № 6. – С. 168–173.

70. Богачанова, Т.Д. Метаязыковые факторы формирования оценочности (на материале интернет-комментариев политического характера) / Т. Д. Богачанова. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 9 (162). – С. 122–130.

71. Богданова-Бегларян, Н. В. Конструкция (…) *скажем* (…) в

повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц) / Н. В. Богданова-Бегларян. – Текст : электронный // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 2. – С. 153–157. – URL: https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view/813 (дата обращения 25.11.2025).

72. Богданова-Бегларян, Н. В. Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов в русской спонтанной речи) / Н. В. Богданова-Бегларян. – Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (12): в 2-х томах. Т. 1: Основная программа конференции. – Москва : Изд-во РГГУ, 2013. – С. 125–136.

73. Богданова-Бегларян, Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи / Н. В. Богданова-Бегларян. – Текст : непосредственный // Мир русского слова. – 2015. – № 3. – С. 11–17.

74. Богданова-Бегларян, Н. В. «Нетривиальное» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации / Н. В. Богданова-Бегларян. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 4 (14). – С. 9–30.

75. Богданова-Бегларян, Н. В. *Один в поле не воин:* о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи / Н. В. Богданова-Бегларян. – Текст : непосредственный // Социо- и психолингвистические исследования. –2019. – Вып. 7. – С. 14–19.

76. Богданова-Бегларян, Н. В. *Так сказать* – рождение прагматического маркера (об активных процессах в русской устной речи) / Н. В. Богданова-Бегларян. – Текст : непосредственный // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. научных статей. – Москва : Флинта, 2021. – С. 73–85.

77. Богданова-Бегларян, Н. В. Об одном из вербальных хезитативов русской устной речи: *как его (её, их)* в различных функциональных разновидностях / Н. В. Богданова-Бегларян, Н. Г. Кутруева. – Текст : электронный // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и

зарубежная филология». – 2013. – Вып. 4 (24). – С. 7–18. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=20931089 (дата обращения 15.11.2025).

78. Богин, Г. И. Рефлексия и интерпретация: принцип потенциальной понятности всякого текста / Г. И. Богин. – Текст : непосредственный // Вопросы стилистики. – Вып. 27. Человек и текст. – Саратов, 1998. – С. 62–68.

79. Богинская, О. А. Интерактивный метадискурс как стратегия организации оценочного научного текста / О. А. Богинская. – Текст : непосредственный // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2023. – № 2. – С. 35–44.

80. Богинская, О. А. Кодовые глоссы как метиадискурсивные средства организации научного текста / О. А. Богинская. – Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 2 (49). – С. 28–34.

81. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке / И. А. Бодуэн де Куртене. – Текст : непосредственный // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – Москва : Издательство академии наук СССР, 1963 а. – С. 47–77.

82. Бодуэн де Куртенэ, И. А. О задачах языкознания / И. А. Бодуэн де Куртене. – Текст : непосредственный // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – Москва : Издательство академии наук СССР, 1963 б. – С. 203–221.

83. Боженкова, Н. А. Аксиологические ориентиры текста / дискурса / Н. А. Боженкова и др. – Текст : непосредственный // Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография. – Ярославль : Канцлер, 2022. – С. 206–346.

84. Бойко, Б. Л. Эвфемизмы и дисфемизмы как способы преодоления табу (на материале художественных и мемуарных текстов о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / Б. Л. Бойко. – Текст: непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2018. – № 2 (36). – С. 19–27.

85. Бойкова, Т. А. Личное имя как объект рефлексии (на материале

метаязыковых высказываний русских и американцев): автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бойкова Татьяна Анатольевна. – Москва, 2017. – 27 с. – Текст: непосредственный.

86. Бокарева, Ю. М. Коммуникативно-синтаксические средства адресации в прозе Н. В. Гоголя и место в них метатекстовых элементов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бокарева Юлия Михайловна. – Санкт-Петербург, 1998. – 152 с. – Текст : непосредственный.

87. Болдырев, Н. Н. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе / Н. Н. Болдырев, В. С. Григорьева. – Тамбов : Принт-Сервис, 2020. – 327 с. – Текст : непосредственный.

88. Болотнова, Н. С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации / Н. С. Болотнова. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – Вып 3 (105). – С. 34–40. – URL: https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-18806/ (дата обращения 20.11.2025).

89. Бондаренко, Е. Д. Об особенностях наивной дифференциации личных имен: «странное» имя / Е. Д. Бондаренко. – Текст: непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2016. – № 2. – С. 50–58.

90. Бондаренко, Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бондаренко Елена Дмитриевна. – Екатеринбург, 2016. – 371 с. – Текст : непосредственный.

91. Борботько, Л. А. Авторский метатекст как ориентирующая система в коммуникативном пространстве театрального дискурса: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Борботько Людмила Александровна. – Москва, 2015. – 197 с. – Текст :

непосредственный.

92. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – Москва : КомКнига, 2006. – 288 с. – Текст : непосредственный.

93. Борботько, В. Г. Языковая рефлексия в метаязыке лингвистики / В. Г. Борботько. – Текст: непосредственный // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2007. – № 10. – С. 18–26.

94. Боуфал, З. Р. Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании: авторизация и персуазивность: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Боуфал Зульфия Раифовна. – Томск, 2017. – 209 с. –Текст : непосредственный.

95. Брайнина, Т. Д. Приемы создания абсурдного повествования в произведениях Саши Соколова / Т. Д. Брайнина. – Текст : непосредственный // Абсурд в языке и коммуникации: сб. статей. – Москва : РГГУ, 2020. – С. 191–209.

96. Бредихин, С. Н. «Языковая игра» как лингвистический феномен (на материале философских текстов М. Хайдеггера): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бредихин Сергей Николаевич. – Нальчик, 2003. – 147 с. – Текст : непосредственный.

97. Бредихин, С. Н. Общие принципы смыслопорождения окказиональных образований философского дискурса / С. Н. Бредихин. – Текст: электронный // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 128–133. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=14982400 (дата обращения 25.10.2025).

98. Бредихин, С. Н. Игровое смыслопорождение на грани и за границами языка / С. Н. Бредихин. – Текст: непосредственный // European Social Science Journal. – 2013 а. – № 8-2(35). – С. 237–244.

99. Бредихин, С. Н. Металогические формы мышления и смыслопорождение парадоксальных высказываний / С. Н. Бредихин. – Текст: электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2013 б. – № 5.

– URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=10576 (дата обращения: 16.10.2025).

100. Бредихин, С. Н. Элементы смысла и когниция на пути к значению / С. Н. Бредихин. – Текст : электронный// Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. – № 1(40). – С. 182–186. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21455795 (дата обращения 25.10.2025).

101. Бредихин, С. Н. Константы интенциальности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла / С. Н. Бредихин. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3(44). – С. 54–58.

102. Бредихин, С. Н. Эпизодическая и семантическая память в процессах транстерминологизации / С. Н. Бредихин. – Текст: непосредственный // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля): Сборник статей по материалам Международной научной конференции (Нижний Новгород, 22–24 ноября 2023 г.). – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 49–55.

103. Бредихин, С. Н. К вопросу об изоморфизме метаязыков лингвистического описания / С. Н. Бредихин. – Текст: непосредственный // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем: Сборник научных статей. – Вып. 7. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. – С. 35–41.

104. Бредихин, С. Н. Стратегии усмотрения и распредмечивания смысловых конструктов в аспекте по-нимания и в-живания / С. Н. Бредихин, Р. С. Аликаев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 2(47). – С. 123–128.

105. Бредихин, С. Н. Метаязык когнитивной лингвистики (к вопросу описания сложных саморазвивающихся систем) / С. Н. Бредихин, М. В. Каменский, Г. Н. Манаенко (и др.). – Ставрополь : Северо-Кавказский

федеральный университет, 2024. – 216 с. – Текст : непосредственный.

106. Бредихин, С.Н. Антиномии обыденного метаязыка / С.Н. Бредихин, М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2026 а. – Вып. 3 (909). – С. 76-85.

107. Бредихин, С.Н. Обыденный метаязык как феномен культуры (на материале рефлексивов с семантикой оценки) / С.Н. Бредихин, М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2026 б. – №1. – С. 18-29.

108. Бреусова, Е. И. Представления об орфографии как отражение метаязыкового сознания выпускника-филолога (на материале ассоциативного эксперимента) / Е. И. Бреусова. – Текст: непосредственный // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: сб. статей II Международной научной конференции. – Сургут : РИО СурГПУ, 2021. – С. 161–165.

109. Бугорская, Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания / Н. В. Бугорская. – Текст: непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 18–25.

110. Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1974. – 263 с. – Текст : непосредственный.

111. Булгакова, О. А. Метаязыковая рефлексия как экспликатор выбора орфографического варианта / О. А. Булгакова, Э. С. Денисова, М. Г. Чабаненко. – Текст : электронный // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 50–57. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26632785 (дата обращения 25.10.2025).

112. Булыгина, Е. Ю. Динамические процессы в русском эмотивно-оценочном словаре / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская. – Текст : электронный // Критика и семиотика. – 2022. – № 1. – С. 30–51. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48374098 (дата обращения 25.10.2025).

113. Булыгина, Т. В. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в

нелингвистических текстах) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Текст: непосредственный // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – Москва : Индрик, 1999. – С. 146–161.

114. Булыгина, Т. В. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Текст : непосредственный // Русский язык сегодня. Вып. 1. – Москва : Азбуковник, 2000. – С. 9–18.

115. Булыгина, Т. В. Русская языковая картина мира в зеркале «народной этимологии» / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Текст: непосредственный // Русский язык сегодня. Вып. 2. – Москва : Азбуковник, 2003. – С. 65–73.

116. Бюлер, К. Теория языка: репрезентативная функция языка / К. Бюллер. – Москва : Прогресс, 2000. – 501 с. – Текст : непосредственный.

117. Валикулова, Д. А. кизи. Понятие метаязыка и его особенности / Д. А. Кизи Валикулова. – Текст : непосредственный // Topical Issues of Modern Philology and Linguodidactics. – Chirchik: Chirchik State Pedagogical University, 2024. – С. 1022–1026.

118. Вандриес, Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. – Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1937. – 410 с. – Текст : непосредственный.

119. Васильев, А. Д. Рефлексивы в телевизионном дискурсе / А. Д. Васильев. – Текст : непосредственный // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 3(11). – Красноярск : Красноярский государственный университет, 2000. – С. 28–36.

120. Василюк, Ф. Е. Структура образа / Ф. Е. Василюк. – Текст: непосредственный // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5–19.

121. Вежбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка. – Текст: непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 402–424.

122. Вепрева, И. Т. Рефлексивы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира / И. Т. Вепрева. – Текст :

непосредственный // Русский язык сегодня. Вып. 1. – Москва : Азбуковник, 2000. – С. 26–35.

123. Вепрева, И. Т. О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи / И. Т. Вепрева. – Текст : непосредственный // Русский язык сегодня. Вып. 2. – Москва : Азбуковник, 2003. – С. 405–416.

124. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с. – Текст: непосредственный.

125. Вепрева, И. Т. Судьба слова в метаязыковом отражении / И. Т. Вепрева. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 2006. –Вып. 2(16). – С. 95–98.

126. Вепрева, И. Т. Метаязыковой привкус эпохи. Избранные работы последнего десятилетия / И. Т. Вепрева. – Saarbrucken : Palmarium Academic Publishing, 2014 а. – 223 с. – Текст : непосредственный.

127. Вепрева, И. Т. Языковые игры на метаязыковом поле: о нарочито ложной этимологии слов / И. Т. Вепрева. – Текст : непосредственный // Лингвистика креатива-3. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014 б. – С. 149–161.

128. Вепрева, И. Т. Наивная аксиология: метаязыковая оценочная интерпретация лексической семантики / И. Т. Вепрева. – Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. – Серия «Психолингвистика в образовании». – 2015. – Вып. 4. – С. 35–44.

129. Вепрева, И. Т. Метаязыковые высказывания как сигналы социально-психологического климата периода коронавирусной пандемии / И.Т. Вепрева. – Текст : непосредственный // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве. – Москва : РУДН, 2020. – С. 46–48.

130. Вепрева, И. Т. Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии / И. Т. Вепрева, Т. В. Мальцева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 113–120.

131. Викторова, Е. Ю. Прагматическая полифункциональность дискурсивных слов / Е. Ю. Викторова. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 18–22.

132. Викторова, Е. Ю. Вспомогательная система дискурса / Е. Ю. Викторова. – Саратов : ООО Издательский центр «Наука», 2015. – 404 с. – Текст : непосредственный.

133. Вилкова, Л. В. К проблеме типологии метаречевых высказываний / Л. В. Вилкова. – Текст: непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. – 2001. – № 4. – С. 127–131.

134. Вилкова, Л. В. Функции интерпретирующих высказываний в речевом общении / Л. В. Вилкова. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. – 2003. – № 4. – С. 124–130.

135. Виноградов, А. С. Метатекстовые включения как способы репрезентации интегративной индивидуальности в научном дискурсе (на материале текстов российских лингвистов): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Виноградов Алексей Сергеевич. – 2018. – 195 с. – Текст : непосредственный.

136. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1986. – 640 с. – Текст : непосредственный.

137. Виноградов, С. Н. Метаязыковая функция местоимений (на материале русских местоимений-существительных и местоимений-прилагательных) / С. Н. Виноградов. – Текст : непосредственный // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сборник научных трудов – Москва : ФЛИНТА, 2021. – С. 138–147.

138. Виноградова, Т. Ю. Метатекстовые элементы в структуре текста / Т. Ю. Виноградова. – Текст : непосредственный // Экспрессивность текста и перевод. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1991. – С. 31–36.

139. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. –

Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 79–128.

140. Вишневская, Г. М. Метаязыковые свойства дискурсивных маркеров в различных стилях речи / Г. М. Вишневская, О. А. Загороднова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 2. – С. 65–69.

141. Власенко, С. В. Переводческий дискурс: дилеммы определения и унификации понятия / С. В. Власенко – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2015. – № 2. – С. 124–144.

142. Волкова, М. В. Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты: на материале немецкого языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Волкова Марина Викторовна. – Смоленск, 2011. – 167 с. – Текст : непосредственный.

143. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. – Текст: непосредственный // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – Москва : Лабиринт, 2000. – С. 349–486.

144. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва : Наука, 1985. – 228 с. – Текст : непосредственный.

145. Воробьева, Е. М. Функциональные характеристики метакоммуникативных речевых действий: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Воробьева Елена Михайловна. – Волгоград, 2006. – 204 с. – Текст : непосредственный.

146. Воробьева, М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Воробьева

Марина Евгеньевна. – Кемерово, 2014. – 164 с. – Текст : непосредственный.

147. Воробьева, Т. А. Языковая рефлексия ребенка в отечественной и зарубежной детской литературе / Т. А. Воробьева. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2019. – № 2. – С. 68–74.

148. Воробьева, Т. А. К вопросу о разграничении метаязыковой деятельности и языковой рефлексии детей / Т. А. Воробьева. – Текст : непосредственный // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2020. – № 196. – С. 61–68.

149. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Текст : непосредственный // Избранные психологические исследования. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1956. – С. 37–386.

150. Высоцкая, И. В. Метатекст и речевая маска автора (на примере жанра колонки) / И. В. Высоцкая, В. А. Марьянчик. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 6: Журналистика. – С. 180–193.

151. Гаврилова, А. А. Метатекстовые элементы в научном тексте / А. А. Гаврилова. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – 180 с. – Текст : непосредственный.

152. Гаврилова, Е. И. Вербализация коммуникативного затруднения как проявление речевой рефлексии (на материале автобиографической прозы М.И. Цветаевой) / Е. И. Гаврилова, В. В. Дикушин. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2021. – № 11. – С. 57–60.

153. Гак, В. Г. Речевые рефлексы с речевыми словами / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – С. 6–10.

154. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с. – Текст : непосредственный.

155. Галушко, Е. Ф. Метаязыковые комментарии в речи русских

жителей Ульяновской области / Е. Ф. Галушко. – Текст : непосредственный // Поволжский педагогический вестник. – 2021. – Т. 9. – № 4. – С. 142–150.

156. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: УРСС, 2005. – 137 с. – Текст: непосредственный.

157. Гальперин, П.Я. Опыт изучения формирования умственных действий / П.Я. Гальперин. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2017. – № 3. – С. 3-20.

158. Гамзатова, А. Ф. «Обидное слово» в художественной литературе, обиходной речи и юридической практике / А. Ф. Гамзатова. – Текст : непосредственный // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2021. – № 26-2. – С. 61–66.

159. Гао, Юе. Метаязыковое сознание как компонент языкового сознания / Юе Гао. – Текст : непосредственный // World science: problems and innovations: сборник статей XLV Международной научно-практической конференции. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. – С. 146–147.

160. Гарбовский, Н. К. Русский переводной дискурс: миф или реальность / Н. К. Гарбовский. – Текст : непосредственный // Русский язык и культура в зеркале перевода. – Москва : Изд-во Высшей школы перевода МГУ, 2012. – С. 130–136.

161. Гвишиани, Н. Б. Метаязык / Н. Б. Гвишиани. – Текст : непосредственный // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 297–298.

162. Гвишиани, Н. Б. Динамическая модель лингвокреативности в функционально-дифференцированной речи (на материале английского языка) / Н. Б. Гвишиани. – Текст: непосредственный // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: сборник научных статей. – Москва : Р. Валент, 2023. – С. 130–144.

163. Геккина, Е. Н. К типологии метаязыковых оценок в интернет-коммуникации / Е. Н. Геккина. – Текст : непосредственный //

Верхневолжский филологический вестник. – 2016 а. – № 2. – С. 93–97.

164. Геккина, Е. Н. Топонимика Петербургского метро: метаязыковые заметки пассажиров / Е. Н. Геккина. – Текст: непосредственный // Ярославский текст в пространстве диалога культур: Материалы научной конференции с международным участием. – Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2016 б. – С. 351–354.

165. Герасимчик, И. А. Жанровая рефлексия в интернет-коммуникации (на примере практики комментирования на форуме СМИ) / И. А. Герасимчик. – Текст: непосредственный // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. статей V Международной научно-практической конференции: в 2-х т. Т. 1. – Москва : РУДН, 2021.– С. 241–249.

166. Гилева, А. А. Аспекты изучения метатекста в лингвистике / А. А. Гилева. – Текст: непосредственный // Известия ВГПУ. – 2009. – №10. – С. 26–32.

167. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») / Н. Д. Голев. – Текст: непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 1 / Отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул, 2009. – С. 7–40.

168. Голев, Н. Д. Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты / Н. Д. Голев. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2013 а. – № 4(45). – С. 30–37.

169. Голев, Н. Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации / Н. Д. Голев. – Текст : непосредственный // Вопросы лексикографии. – 2013 б. – № 2(4). – С. 48–64.

170. Голев, Н. Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста / Н. Д. Голев. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2 (39). – С. 5–15.

171. Голев, Н. Д. Обыденный юридический дискурс и процесс деюридизации правовых терминов в социальных сетях рунета: коммуникативный и когнитивный аспекты / Н. Д. Голев, А. В. Иркова. – Текст : непосредственный // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ: монография в 2-х томах. Т. 1. – Кемерово : КГУ, 2021. – С. 153–169.

172. Голев, Н. Д. Неполная юридизация лексики текста закона как лингвистическая и лингвоюридическая проблема / Н. Д. Голев, А. В. Иркова. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2023. – № 86. – С. 5–17. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=60929072 (дата обращения 15.11.2025).

173. Голубева, И. В. Явления языкового абсурда: металингвистический, когнитивно-дискурсивный и семиотический аспекты (на материале русскоязычных и франкоязычных художественных текстов) : монография / И. В. Голубева, М. А. Кравченко, О. В. Кравченко. – Ростов-на-Дону : РГУПС, 2010. – 182 с. – Текст: непосредственный.

174. Голубева, Н. А. К понятию коннектора в лингвистике / Н. А. Голубева, Е. В. Зуева. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2017. – № 40. – С. 20–32.

175. Горбацкая, О. Ю. Отражение гендерно-родовых отношений в системе языка и метаязыковом сознании носителей: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Горбацкая Оксана Юрьевна. – Комсомольск-на-Амуре, 2013. – 229 с. – Текст : непосредственный.

176. Горбунова, Д. А. Прагматические маркеры русской устной речи: корреляция с психотипом говорящего: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Горбунова Дарья Александровна – Санкт-Петербург, 2021. – 145 с. – Текст : непосредственный.

177. Григорьев, В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958-2000-е годы / В. П. Григорьев.

– Москва : Языки славянских культур, 2006. – 813 с. – Текст : непосредственный.

178. Гридина, Т. А. Языковая игра в художественном тексте / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2008. – 165 с. – Текст : непосредственный.

179. Гридина, Т. А. Метаязыковая рефлексия как форма лингвокреативного мышления ребенка / Т. А. Гридина. – Текст: непосредственный // Проблемы онтолингвистики – 2016: материалы ежегодной международной научной конференции (23–26 марта 2016, Санкт-Петербург). – Иваново : Листос, 2016. – С. 182–188.

180. Гридина, Т. А. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2019. – № 3(75). – С. 31–37.

181. Гридина, Т. А. Метаязыковой мем: лингвокреативные механизмы порождения и восприятия / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов. – Текст : электронный // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 134–143. – URL: https://politlinguistika.ru/images/2-2020/14.pdf (дата обращения 16.08.2025).

182. Гридина, Т. А. Практики современной коммуникации: лингвокреатив и речевые аномалии / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2022. – № 2. – С. 14–29.

183. Гричин, С. В. О категориальной сущности авторизации / С. В. Гричин. – Текст: непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 175–182.

184. Губарева, О. Н. Сопоставительный анализ способов метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике: диссертация … кандидата филологических наук / Губарева Ольга Николаевна. – Москва, 2011. – 219 с. – Текст :

непосредственный.

185. Гудков, Д. Б. Лингвистический миф в национальной мифологии / Д. Б. Гудков. – Текст: непосредственный // Вестник ЦМО МГУ. – 2009. – № 1. – С. 79–85.

186. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт. – Текст : непосредственный // Избранные труды по языкознанию. – Москва: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – С. 37–298.

187. Гурина, Н. М. Метаязыковая рамка актуализации эвфемизмов в языке современной публицистики / Н. М. Гурина. – Текст: непосредственный // Русский язык: система и функционирование: сб. материалов V Международной научной конференции. – Минск : БГУ, 2011. – С. 106–109.

188. Гусаренко, С.В. Системное взаимодействие и энтропия когнитивно-семантических структур дискурса: диссертация … доктора филологических наук / Гусаренко Сергей Викторович. – Ставрополь, 2009. – 440 с. – Текст: непосредственный.

189. Гутовская, М. С. Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках / М. С. Гутовская. – Минск : БГУ, 2019. – 399 с. – Текст: непосредственный.

190. Дейк, Т. А. ван. Вопросы прагматики текста / Т. А. ван Дейк. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 259–336.

191. Демьянков, В. З. Соотношение обыденного языка и лингвистического метаязыка в начале XXI века / В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Языкознание: Взгляд в будущее. – Калининград : ФГУИПП «Янтар. сказ», 2002. – С. 136–154.

192. Демьянков, В. З. Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах / В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – С. 15–39.

193. Демьянков, В. З. Метаязык как конструкт культуры / В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Под знаком «Мета»: Материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры. – Москва ; Калуга: Изд-во Эйдос, 2011. – С. 54–63.

194. Демьянков, В. З. Языковая креативность в художественном творчестве / В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 29–35.

195. Демьянков, В. З. Обычное и необычное в обыденном языке / В. З. Демьянков. – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т15. – №4. – С. 1049-1064.

196. Денисова, Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Денисова Екатерина Алексеевна. – Москва, 2008. – 226 с. – Текст : непосредственный.

197. Деррида, Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Ж. Деррида. – Текст : непосредственный // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – Москва : Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 407–426.

198. Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сборник научных статей. – Москва : Р. Валент, 2023. – 368 с. – Текст: непосредственный.

199. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. – Москва : Метатекст, 1998. – 448 с. – Текст : непосредственный.

200. Доброва, Г. Р. Креативность языковой личности в аспекте вариативности речевого онтогенеза / Г. Р. Доброва. – Текст : непосредственный // Лингвистика креатива-2: коллективная монография. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2012 а. – С. 33–48.

201. Доброва, Г. Р. «Языковой протест» как одно из проявлений метаязыковой деятельности – почему не у всех детей? / Г. Р. Доброва. – Текст : непосредственный // Проблемы онтолингвистики – 2012: материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К.И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А. Н. Гвоздева. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2012 б. – С. 467–473.

202. Добровольский, Д. О. Оценка как источник деонтической модальности / Д. О. Добровольский, А. А. Зализняк. – Текст : непосредственный // Критика и семиотика. – 2022. – № 1. – С. 52–72.

203. Доброта, В. В. Семантические метаязыки и их особенности / В. В. Доброта, О. А. Подлесова. – Текст: непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 1 (43). – С. 58–61.

204. Дубровская, Т. В. Научные парадигмы в современной отечественной и зарубежной лингвистике: сущность, динамика, философские основания / Т. В. Дубровская. – Текст: непосредственный // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 73–87.

205. Дымарский, М. Я. Союз *тогда как*: приглашение к оценке / М. Я. Дымарский. – Текст: непосредственный // Критика и семиотика. – 2022. – № 1. – С. 73–89.

206. Екимов, М. А. Метатекстовые функции ключевых слов в научной статье / М. А. Екимов. – Текст: электронный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 1-2. – С. 118–124. – URL: http://www.nauteh-journal.ru/index.php/2/2022/№1/2/26565221-a1ce-4d66-bd6f-d209efa1245e (дата обращения 06.11.2025).

207. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. Вып. 1. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 264–389.

208. Етко, А. Г. Инференциальный аспект семантики в контексте

авторизации предложения в современном русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Етко Анна Геннадьевна. – Ставрополь, 2011. – 195 с. – Текст : непосредственный.

209. Ефремова, Л. С. Семиотическая природа термина и особенности реализации асимметрии языкового знака в процессе детерминологизации : на материале IT-терминологии в английском и русском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ефремова Людмила Сергеевна. – Саратов, 2021. – 386 с. – Текст: непосредственный.

210. Живов, В. Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии) / В. Живов, А. Тимберлейк. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1997. – №3. – С. 3–14.

211. Заботкина, В. И. Когнитивные основы лингвистической креативности / В. И. Заботкина. – Текст: непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. XXXVIII. – С. 208–216.

212. Заврумов, З. А. Прагматическая структура иронии в аспекте языковой игры: интенциональность и оценочность / З. А. Замрумов. – Текст: непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 2 (177). – С. 63–68.

213. Зайдес, К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зайдес Кристина Денисовна. – Санкт-Петербург, 2020. – 247 с. – Текст : непосредственный.

214. Зайцева, А. В. Понятие метадискурса в современной теории коммуникации / А. В. Зайцева. – Текст: непосредственный // Новые горизонты русистики. – 2020. – № 9. – С. 70–75.

215. Залевская, А. А. Текст и его понимание / А. А. Залевская. – Тверь : Тверской государственный университет, 2001. – 177 с. – Текст : непосредственный.

216. Залевская, А. А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии / А. А. Залевская. – Текст: непосредственный // Вестник

Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2015. – № 4. – С. 29–36.

217. Залевская, А. А. К проблеме разграничения языковой ситуации и метаязыковой ситуации / А. А. Залевская. – Текст: непосредственный // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – Москва : МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – С. 112–120.

218. Захаренко, И. В. Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов / И. В. Захаренко, В. В. Красных. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – Москва : Филология, 1998. – Вып. 5. – С. 32–40.

219. Захарова, Н. В. Роль комментируемого слова в проекции текста читателя: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Захарова Наталья Владимировна. – Тверь, 2014. – 130 с. – Текст: непосредственный.

220. Захарова, М. В. Языковая игра и ирония в коммуникативном взаимодействии / М. В. Захарова. – Текст: электронный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2023. – № 3. – С. 44–54. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54197267 (дата обращения 17.11.2025).

221. Захарова, Ю. Г. Метаязыковой макропараметр в исследовании неологии второй половины XIX в. (на материале писем русских литераторов) / Ю. Г. Захарова. – Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2023. – № 82. – С. 63–88.

222. Звегинцев, В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с. – Текст: непосредственный.

223. Зверева, М. И. История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике / М. И. Зверева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12 (78). В 4-х частях. Ч. 4. – С. 86–90.

224. Зинченко, В. П. Миры сознания и структура сознания / В. П. Зинченко. – Текст: непосредственный // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15–36.

225. Золотова, Г. А. О категории оценки в русском языке / Г. А. Золотова. – Текст : непосредственный // Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – С. 274–281.

226. Золотова, Н. О. Метаязык как проблема гуманитарных исследований / Н. О. Золотова. – Текст: непосредственный // Вопросы философии науки и образования. – Москва : Изд-во МГОУ, 2003. – Вып. 2 (18). – С. 5–11.

227. Золотова, Н. О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Золотова Наталия Октябревна. – Тверь, 2005. – 306 с. – Текст : непосредственный.

228. Золотова, Н. О. Рефлексивность обыденного сознания и естественный метаязык / Н. О. Золотова. – Текст: непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 4 (42). – С. 50–61.

229. Золотухин, Д. С. Язык-объект vs язык-инструмент: релевантность понятий метаязыка и метадискурса в лингвистических исследованиях / Д. С. Золотухин. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2022. – № 1. – С. 31–37.

230. Золян, С. Т. Модальная семиотика: основания и обоснования / С. Т. Золян. – Текст: электронный // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин, 2014. – Вып. 4. – С. 97-121. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=22633453 (дата обращения 17.11.2025).

231. Золян, С. Т. Между миром и языком: к основаниям семиотики текста / С. Т. Золян. – Текст: электронный // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – Вып. 5. – С. 250-264. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25062115 (дата обращения 17.11.2025).

232. Золян, С. Т. Семиотика как органон гуманитарного знания:

возможности и ограничения / С. Т. Золян. – Текст: электронный // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – Москва : РАН ИНИОН, 2016. – Вып. 6. – С. 75–90. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/4452/2017_metod_vyp_7.pdf (дата обращения 17.11.2025).

233. Золян, С. Т. Дискурс, язык, языковая деятельность / С. Т. Золян. – Текст электронный // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин, 2020. – Вып. 10. – С. 212-242. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-yazyk-yazykovaya-deyatelnost (дата обращения 17.11.2025).

234. Золян, С. Т. Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода / С. Т. Золян. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания, 2021. – № 1. – С. 121–141.

235. Золян, С. Т. Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания / С. Т. Золян. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2022. – № 1. – С. 106–119.

236. Золян, С. Т. Прагматика без субъекта: знаковая система в ипостаси «говорящего лица» / С. Т. Золян. – Текст: электронный // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из обществоведческих дисциплин. – Москва : РАН ИНИОН, 2023 а. – Вып. 13. – Т. 3. – №3 – С. 77–94. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/8751/2023_3_v_svet.pdf (дата обращения 10.11.2025).

237. Золян, С. Т. Семиозис как диалог между квази-разумами: о незавершенном замысле Чарльза Пирса / С.Т. Золян. – Текст: непосредственный // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сб. научных статей. – Москва: Р. Валент, 2023 б. – С. 40–50.

238. Золян, С. Т. Сотворение знака как семипойезис / С. Т. Золян. – Текст: электронный // МЕТОД: Московский ежеквартальник трудов из

обществоведческих дисциплин. – Москва : РАН ИНИОН, 2023 в. – Вып. 13. – Т. 3. – №2 – С. 22–27. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/8462/2023_2_v_svet.pdf (дата обращения 15.11.2025).

239. Зыкова, И. В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты / И. В. Зыкова. – Москва : Гнозис, 2017. – 752 с. – Текст: непосредственный.

240. Зыкова, И. В. Язык и дискурсы: на новых рубежах теории лингвокреативности / И. В. Зыкова. – Текст : непосредственный // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. – Москва : Р. Валент, 2021. – С. 11–20.

241. Зыкова, И. В. Онимизация в полимодальном дискурсе: от прагматики к креативности / И. В. Зыкова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – Вып. 4. – С. 60–73.

242. Иваницкий, В. В. Функции языка / В. В. Иваницкий. – Текст : непосредственный // Вестник Новгородского государственного университета. – 2004. – № 29. – С. 103–110.

243. Иванников, Е. Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву / Е. Б. Иванников. – Текст : непосредственный // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 1. – С. 337–347.

244. Иванников, Е. Б. Метаязыковое сознание: структура и содержание понятия / Е. Б. Иванников. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 143–150.

245. Иванников, Е. Б. Языковая рефлексия в интернет-жаргоне: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Иванников Евгений Борисович. – 2020. – 179 с. – Текст : непосредственный.

246. Израилевский, А. М. Парадигмы или эпистема («Тихая» революция постпозитивизма и методологические дебаты в современной западной теоретической социологии) / А.М. Израилевский, И.В. Поляков. –

Текст : непосредственный // Концептуализация и смысл. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. – С. 209–226.

247. Ильясова, С. В. Аббревиатуры: языковая игра как развлечение или как инструмент оценки? (на материале языка современных российских СМИ) / С. В. Ильясова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 2. – С. 64–67.

248. Каменский, М. В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Каменский Михаил Васильевич. – Ставрополь, 2015. – 548 с. – Текст : непосредственный.

249. Каменский, М. В. Дискурсные маркеры в трансдисциплинарном освещении: от философии языка Л. Витгенштейна к когнитивной лингвистике и искусственному интеллекту / М. В. Каменский. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2022. – 133 с. – Текст : непосредственный.

250. Каменский, М. В. Дискурсные маркеры как когнитивные доминанты речевого взаимодействия в разносистемных языках / М. В. Каменский. – Текст : электронный // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 142–149. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21345014 (дата обращения 23.11.2025).

251. Карабыков, А. В. К вопросу о системном представлении функций языка / А. В. Карабыков. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 2008. – № 3. – С. 79–84.

252. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с. – Текст : непосредственный.

253. Карасик, В. И. Моделирование функций языка / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2022. – № 58. – С. 29–42.

254. Карасик, В.И. Читательский комментарий в медийно-сетевом дискурсе / В.И. Карасик. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 19-31.

255. Карасик, В.И. Языковые камертоны смысла / В. И. Карасик. – Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – 416 с. – Текст: непосредственный.

256. Карасик, В.И. Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2025. – 592 с. – Текст: непосредственный.

257. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с. – Текст : непосредственный.

258. Карпухина, Т. П. Интерпретативный потенциал метатекста в тексте (на материале романа Д. Тартт «Щегол» («The Goldfinch»)) / Т. П. Карпухина, Е. П. Смирнова. – Текст : непосредственный // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований: сб. научных трудов. – Чебоксары : Чувашский гос. пед. ун-т, 2020. – С. 198–203.

259. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – Москва : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. – 544 с. – Текст : непосредственный.

260. Катышев, П.А. Семантико-прагматические показатели прямой эвиденциальности в русскоязычном парфблогинге / П.А. Катышев, М. Ч. Ли. – Текст: непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2026. – Т.19. – №1 (113). – С. 431-436.

261. Кашкин, В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин. – Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвузовский сб. науч. трудов. – Воронеж : ВГУ, 2002. – Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 4–34.

262. Кашкин, В. Б. Обыденная философия, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология / В. Б. Кашкин. – Текст : непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. – Кемерово; Барнаул, 2009. – С. 41–60.

263. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс.

доктора филологических наук в виде научного доклада / Кибрик Андрей Александрович. – Москва, 2003. – 90 с. – Текст : непосредственный.

264. Кибрик, А. А. Модус, жанр и параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

265. Киклевич, А. Парадигмы языкознания как типы профилирования знаков / А. Киклевич. – Текст : непосредственный // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. – Краков : Издательство Ягеллонского университета, 2012. – Вып. 1. – С. 119–133.

266. Ким, Г. В. Проблемы определения и классификации коннекторов как средств выражения когезии в русском языке / Г. В. Ким. – Текст : непосредственный // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1 (294). – С. 179–184.

267. Ким, Л. Г. Текст как объект метаязыковой деятельности субъекта-интерпретатора / Л. Г. Ким. – Текст : непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 3 / Отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово, 2010. – С. 94–109.

268. Кириллова, И. А. Метаэлементы научной речи (на материале русских лингвистических трудов XVIII–XX вв.): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кириллова Ирина Александровна. – Саратов, 1993. – 205 с. – Текст : непосредственный.

269. Кобозева, И. М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва : Наука, 1991. – С. 183–186.

270. Кобозева, И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Язык о языке. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 303–359.

271. Кобозева, И. М. Наречия оценки: корреляция семантических различий с синтаксическими (на примере наречий общей и гедонистической оценки) / И. М. Кобозева. – Текст: непосредственный // Критика и семиотика.

– 2022. – № 1. – С. 90–109.

272. Кобозева, И. М. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – Москва : Наука, 1990. – С. 194–224.

273. Кобозева, И. М. Интерпретирующие речевые акты / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер. – Текст: непосредственный // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – С. 63–71.

274. Кобозева, И. М. Создание базы данных коннекторов современного русского языка: принципы, проблемы, результаты / И. М. Кобозева и др. – Текст: непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2023. – Т. 9, № 4 (36). – С. 36–47.

275. Кобякова, Н. Н. Фразеосемантическое поле «Речевая деятельность» в современном русском литературном языке и русских говорах республики Мордовия : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кобякова Наталья Николаевна. – Москва, 2024. – 242 с. – Текст: непосредственный.

276. Козлова, В. В. Метатекст во французских переводах произведений М.А. Булгакова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Козлова Виктория Вячеславовна. – Воронеж, 2013. – 24 с. – Текст: непосредственный.

277. Козлова, Е. Е. Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского литературного языка (начало XXI века) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Козлова Евгения Евгеньевна. – Томск, 2012. – 176 с. – Текст : непосредственный.

278. Козловский, Д.В. Реализация категории «эвиденциальность» в дискурсивном пространстве массмедиа: лингвосинергетический аспект / Д.В. Козловский. – Саратов: Амирит, 2023. – 183 с. – Текст:

непосредственный.

279. Колесов, И. Ю. Интерпретирующая функция языка и пространственная метафора / И. Ю. Колесов. – Текст : непосредственный // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 153–159.

280. Колясева, А. Ф. Терминология в зеркале обыденного и профессионального языкового сознания: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Колясева Алена Федоровна. – Москва, 2014 а. – 330 с. – Текст: непосредственный.

281. Колясева, А. Ф. Терминология в зеркале языкового сознания / А. Ф. Колясева. – Текст : непосредственный // Филология и человек, 2014 б. – № 2. – С. 151–161.

282. Кондрашова, С. С. Языковая картина мира в английской загадке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кондрашова Светлана Сергеевна. – Волгоград, 2017. – 19 с. – Текст : непосредственный.

283. Копотев, М. В. Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? / М. В. Копотев. – Текст : непосредственный // Acta linguistica petropolitana. Труды лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. – Санкт-Петербург : Наука, 2014. – С. 712–740.

284. Копытов, О. Н. Модус на пространстве текста / О. Н. Копытов. – Хабаровск : Изд-во Хабаровского гос. института искусств и культуры, 2012. – 248 с. – Текст : непосредственный.

285. Корешкова, Е. К. Местоимение как инструмент реализации лексико-прагматической категории языковой рефлексии / Е. К. Корешкова. – Текст : непосредственный // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 5. – С. 286-290.

286. Кормилицына, М. А. Рефлексивы в речевой коммуникации / М. А. Кормилицына. – Текст : непосредственный // Проблемы речевой

коммуникации. – Саратов, 2000. – С. 20-–24.

287. Кормилицына, М. А. Метатекстовые конструкции и узуальные стилистические нормы современных газет / М. А. Кормилицына. – Текст: непосредственный // Русский язык сегодня – 4. Проблемы языковой нормы. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 2006. – С. 275–283.

288. Косиков, Г. К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики). Вступительная статья / Г. К. Косиков. – Текст: непосредственный // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – Москва : Издательская группа «Прогресс», 2000. – С. 3–48.

289. Костомаров, П. И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики / П. И. Костомаров. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58), Т. 1. – С. 198–203.

290. Кравцова, Т. А. Метаязыковой комментарий как элемент идиостиля писателя (на материале произведений Стивена Кинга) / Т. А. Кравцова. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2014 а. – № 1 (44). – С. 228-230.

291. Кравцова, Т. А. Содержательно-прагматический потенциал метаязыкового комментария в англоязычном художественном дискурсе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кравцова Татьяна Александровна. – Барнаул, 2014 б. – 22 с. – Текст : непосредственный.

292. Кравченко, М. А. Апеллирование к системным отношениям слова как способ описания его значения (на материале языка кроссвордов) / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современной лингвистики: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летнему юбилею профессора А.Я. Загоруйко. – Ростов-на-Дону : РГУПУ, 2005 а. – С. 105–108.

293. Кравченко, М. А. Базовые категории описания языка кроссвордов

/ М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Язык и культура в эпоху глобализации: проблемы лингвистики и методики : Материалы региональной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону : РГЭУ (РИНХ), 2005 б. – С. 68–70.

294. Кравченко, М. А. Язык кроссвордов: направления и перспективы исследования / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005 в. – № 4. – Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ. – С. 175–180.

295. Кравченко, М. А. Апеллирование к компонентам структуры лексического значения в процессе кодирования номинации / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике. Ч. 1. – Кемерово : Юнити, 2006 а. – С. 21–27.

296. Кравченко, М. А. Значение и интерпретанта знака / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам конференции, посвященной 90-летию профессора Б.Н. Головина. – Н. Новгород : Изд-во Нижегородского университета, 2006 б. – С. 221–222.

297. Кравченко, М. А. К вопросу о металингвистических ресурсах языка (на материале русскоязычных и франкоязычных кроссвордов) / М. А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Материалы Международной конференции «Язык. Культура. Коммуникация»: в 3-х частях. – Ч. 1. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006 в. – С. 133–137.

298. Кравченко, М. А. Средства, способы и формы кодирования номинаций в кроссворде / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и лингвокультурологическом аспектах: Тезисы III Международной научной конференции. – Челябинск : ЧГУ, 2006 г. – С. 166–168.

299. Кравченко, М. А. Использование металингвистических трансформаций в процессе преподавания иностранных языков / М. А.

Кравченко. – Текст : непосредственный // Преподаватель высшей школы в XXI веке: труды научно-практической интернет-конференции. Сборник 8. – Ч. 1. – Ростов-на-Дону: РГУПС, 2010. – С. 168–171.

300. Кравченко, М. А. Содержание понятия «метаязык» в современной лингвистике / М. А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: Сб. научных статей. – Таганрог : ТГПИ, 2011. – С. 47–50.

301. Кравченко, М. А. Соотношение вербального и визуального кодов в рекламе: опыт семиотического анализа креолизованных текстов / М. А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Материалы Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону : РГУПС, 2015. – С. 71–82.

302. Кравченко, М. А. Кроссворд как продукт метаязыковой деятельности носителей языка / М. А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Гуманитарные науки и образование. – 2022 а. – Т. 13, № 3 (51). – С. 139–145.

303. Кравченко, М. А. О метаязыковом статусе парентетических конструкций в художественных и публицистических произведениях Е. Водолазкина / М. А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Современный ученый. – 2022 б. – № 3. – С. 41–49.

304. Кравченко, М. А. От гипонима к гипериониму и наоборот: об одной стратегии толкования значений слов в кроссворде / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Коммуникация: материалы XV Международной научно-практической конференции имени профессора С.А. Борисовой, посвященной 30-летию факультета лингвистики, межкультурных связей и профессиональной коммуникации Института международных отношений Ульяновского государственного университета: в 2 ч. – Ч. 1. – Ульяновск : УлГУ, 2022 в. – С. 57–64.

305. Кравченко, М. А. Аббревиатуры как объект метаязыковой

рефлексии / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Коммуникация: материалы XVI Международной научно-практической конференции имени профессора С.А. Борисовой в 2-х ч. Ч. 1. – Ульяновск : УлГУ, 2023 а. – С. 113–121.

306. Кравченко, М. А. Дистрибутивные интерпретанты в метаязыке кроссворда / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Слово.ру: балтийский акцент. – 2023 б. – Т. 14, № 2. – С. 83–92.

307. Кравченко, М. А. *Если угодно*: филологический этюд к портрету метаоператора (на материале национального корпуса русского языка) / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2023 в. – Вып. 9, № 4. – С. 57–67.

308. Кравченко, М. А. «И долго мучился над словом, которое не хотело приходить»: о наивной ономасиологии в художественном тексте / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023 г. – № 1. – С. 42–52.

309. Кравченко, М. А. Метакорректоры *точнее, вернее, скорее*: в поисках слова или денотата? / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2023 д. – Т. 97. № 2. – С. 62–69.

310. Кравченко, М. А. Ономастические рефлексивы в пространстве художественного текста (на материале произведений Е. Водолазкина) / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023 е. – № 1. – С. 147–154.

311. Кравченко, М. А. От поиска слова к поиску смысла жизни, или Грани метаязыковой рефлексии в романе Р. Сенчина «Дождь в Париже» / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.): тр. и матер.: в 3 т. – Казань : Издательство Казанского университета, 2023 ж. – Т. 2. – С. 90–94.

312. Кравченко, М. А. Отражение метаязыковой рефлексии в современной рекламе, или когда метатекст важнее текста / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Litera. – 2023 з. – № 4. – С. 118–130.

313. Кравченко, М. А. Паронимическая аттракция как маркер метаязыковой рефлексии / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. – Вып.1. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2023 и. – С. 133–139.

314. Кравченко, М. А. Рефлексивы с семантикой оценки в пространстве художественного текста / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2023 к. – №1 (32). – С. 103–111.

315. Кравченко, М. А. Теория обыденной лингвистики: систематический обзор современного состояния исследовательского направления / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023 л. – Т. 16., Вып. 3. – С. 773–779.

316. Кравченко, М. А. Конструктивный vs деструктивный метатекст в произведениях современной русской прозы / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2024 а. – Т. 21, № 1. – С. 34–41.

317. Кравченко, М. А. Метадискурс: «дискурс о дискурсе» или «дискурс в дискурсе»? / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и лингводидактики: материалы 31-й Международной научно-практической конференции (Москва, 19 апреля 2024). – Москва : МПГУ, 2024 б. – С. 139–146.

318. Кравченко, М. А. Метаязык в зеркале его функций / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2024 в. – Т. 23, № 2. – С. 172–184.

319. Кравченко, М. А. Метаязык – метатекст – метадискурс: от термина к исследовательскому ландшафту / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2024 г. – Т. 28, № 4. – С. 70–82.

320. Кравченко, М. А. Метаязыковое маркирование прагматических стратегий эвфемизации / дисфемизации в дискурсе / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Шкатовские чтения: материалы Международной научной конференции. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2024 д. – С. 184–189.

321. Кравченко, М. А. О функциях метаязыковой рефлексии в художественном произведении (на примере текста романа Р. Сенчина «Дождь в Париже») / М. А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Перевод. Язык. Культура: Материалы XIV Международной научно-практической конференции (памяти Н.Л. Шадрина и к 30-летию факультета иностранных языков). – Санкт-Петербург : Изд-во Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2024 е. – С. 75–79.

322. Кравченко, М. А. Понятие метаязыка: от лингвистического наследия Р. Якобсона к современным научным практикам / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024 ж. – Т. 24, № 4. – С. 88–100.

323. Кравченко, М. А. Свойства естественного неспециализированного метаязыка / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2024 з. – № 3 (82). – С. 88–98.

324. Кравченко, М. А. Семантика и прагматика метаоператора «дословно» / М. А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков в свете современных тенденций: материалы VII международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону : РГЭУ РИНХ, 2024 и. – С. 37–42.

325. Кравченко, М. А. Семасиологический и ономасиологический факторы порождения метаязыковых комментариев: к определению оснований для построения семантической типологии рефлексивов / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2024 к. – № 2. – С. 226–239.

326. Кравченко, М. А. *Скажем так*: семантико-прагматический потенциал метаоператора (по данным Национального корпуса русского языка) / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы VIII Конгресса РОПРЯЛ (г. Красноярск, 10–14 сентября 2024 года). – Вып. 8. – Санкт-Петербург : РОПРЯЛ, 2024 л. – С. 72–77.

327. Кравченко, М. А. «Чужая речь» как метапрагматическая категория / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Материалы V международной научной конференции. – Москва : КДУ, 2024 м. – С. 74–79.

328. Кравченко, М. А. Эстетика слова в зеркале метаязыкового сознания / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: материалы II Всероссийской научной конференции. – Барнаул : АлтГПУ, 2024 н. – С. 99–105.

329. Кравченко, М.А. Индивидуально-авторская мотивация слов как механизм создания «другой» реальности в текстах произведений В. Пелевина / М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Текст как культурно-языковой феномен: материалы Международной научно-практической конференции. – Луганск: ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2025 а. – С. 173–185.

330. Кравченко, М.А. Метадискурсивность современной рекламы: к определению механизмов внутренней референции в конструкциях языковой игры / М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: РГУПС, 2025 б. –

С. 88–96.

331. Кравченко, М.А. Метаязыковая рефлексия в дискурсивном пространстве (о коммуникативных причинах «называть вещи своими именами») / М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков в свете современных тенденций: материалы VIII международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2025 в. – С. 49–54.

332. Кравченко, М. А. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // СибСкрипт. – 2025 г. – Т. 27, № 1. – С. 85–96.

333. Кравченко, М.А. На пересечении метаязыка и прагматики: о реализации метапрагматических стратегий в дискурсе / М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Языковое и культурное взаимодействие стран инициативы «Один пояс – один путь»: сб. материалов международной научно-практической конференции. – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2025 д. – С. 734–740.

334. Кравченко, М. А. О смыслах смысла по данным обыденного метаязыка / М. А. Кравченко. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. Вып. 1 (62): материалы Международной конференции по когнитивной лингвистике. – Ч. 1. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025 е. – С. 301–305.

335. Кравченко, М.А. Объективное и субъективное в содержании слова: взгляд через призму метаязыковой рефлексии / М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: сб. материалов VIII Международной научной конференции. – Курган: Курганский государственный университет, 2025 ж. – С. 285–290.

336. Кравченко, М. А. Предпосылки становления неоструктурализма как интегральной лингвистической парадигмы / М. А. Кравченко. – Текст:

непосредственный // Слово.ру: балтийский акцент. – 2025 з. – Т. 16, № 1. – С. 6–23.

337. Кравченко, М.А. Пролегомены к интегральному анализу метаязыка (неоструктуралистская парадигма) / М.А. Кравченко. – Ставрополь: СКФУ, 2025 и. – 184 с. – Текст: непосредственный.

338. Кравченко, М.А. Трактовка метатекста как модусной категории: аргументы pro et contra / М. А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2025 к. – №2 (41). – С. 153–161.

339. Кравченко, М.А. Исследовательский корпус текстов репрезентации лингвосемиотики обыденного метаязыка: семантика, синтактика, прагматика / М.А. Кравченко // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2026620743, 18.02.2026.

340. Кравченко, М.А. Внутритекстовая актуализация семантики знака средствами обыденного метаязыка (на примере функционирования метаоператора «в N-ом смысле») / М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // LIII Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: сб. тезисов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2026 а. – С. 1082–1083.

341. Кравченко, М.А. Обыденный метаязык как интерпретирующая система / М.А. Кравченко. – Ставрополь: СКФУ, 2026 б. – 236 с. – Текст: непосредственный.

342. Кравченко, М.А. Под знаком мысль или под мыслью знак: о метаязыковом употреблении лексемы *мысль* / М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции «Речь. Речевая деятельность. Текст». – Таганрог: ТГПИ, 2026 в. – С. 46–54.

343. Кравченко, М.А. Система обыденного метаязыка в разрезе его семиотических измерений / М.А. Кравченко. – Текст: непосредственный // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник

научных трудов. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2026 г. – С. 216–224.

344. Кравченко, М. А. Языковой абсурд как проявление метаязыковой рефлексии / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко. – Текст : непосредственный // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: Сб. научных статей. – Таганрог : ТГПИ, 2012. – С. 53–60.

345. Кравченко, М. А. В поисках границы семиотики / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко. – Текст: непосредственный // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2013. – № 3. – С. 70–78.

346. Кравченко, М. А. Взаимодействие структур значения и смысла как механизм создания явлений языкового абсурда (на примере произведений В. Нарбиковой) / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015 а. – № 2 (44) – С. 112–114.

347. Кравченко, М. А. О соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015 б. – № 9 (51): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 105–108.

348. Кравченко, М. А. Абсурд как метаязыковой код (на материале художественных текстов абсурдистской эстетики) / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко. – Текст: непосредственный // Критика и семиотика. – 2022 а. – № 1. – С. 400–421.

349. Кравченко, М. А. Языковые мифологемы в зеркале топонимики Ростовской области / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко. – Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022 б. – № 01/2. – С 138–143.

350. Кравченко, М. А. Лингвистическая терминология глазами наивного лингвиста (на материале языка кроссвордов) / М. А. Кравченко, О. В. Кравченко. – Текст: непосредственный // Филологические науки.

Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. Вып. 7. – С. 2222–2228.

351. Красильникова, П. Ю. Проблема толкования коннотации в лексикографии (на материале зоонимов в текстах Саши Чёрного) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Красильникова Пелагея Юрьевна. – Мытищи, 2022. – 226 с. – Текст : непосредственный.

352. Красных, В. В. Национально-культурная составляющая русского языкового сознания / В. В. Красных. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – Москва : МАКС-Пресс, 2000. – Вып. 15. – С. 5–13.

353. Красных, В. В. Психологическая структура значения и лингвокреативность: союзники или враги? / В. В. Красных. – Текст : непосредственный // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сборник научных статей. – Москва : Р. Валент, 2023. – С. 66–79.

354. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин. – Текст : непосредственный // Русский язык конца XX столетия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 384–407.

355. Крюкова, И. В. Имя собственное как объект языковой рефлексии: направления исследований / И. В. Крюкова. – Текст : непосредственный // Ономастика Поволжья: материалы XIII Международной научной конференции. – Ярославль : Изд-во Ярославского государственного педагогического университета, 2012. – С. 8–12.

356. Куайн, У. О. Референция и модальность / У. О. Куайн. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). – Москва : Радуга, 1982. – С. 87–108.

357. Кубрякова, Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1994. – Т. 53, № 2. – С. 3–15.

358. Кубрякова, Е. С. Ономасиология / Е. С. Кубрякова. – Текст :

непосредственный // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 345–346.

359. Кубрякова, Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – С. 283–291.

360. Кубрякова, Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. – Москва : РАН ИНИОН, 2008. – С. 4–14.

361. Кузнецова, А. В. Языковая игра и ирония в художественном тексте: лингвокультурологический аспект / А. В. Кузнецова. – Текст: непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 4 (25). – С. 67–69.

362. Кузнецова, А. В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции / А. В. Кузнецова. – Текст: непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2020. – Т. 13. Вып. 9. – С. 265–268.

363. Кузнецова, А. В. Семиозис метатекста в художественной коммуникации / А. В. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 2 (35). – С. 278–281.

364. Кузнецова, М. С. Метаязыковая рефлексия о новейших англоязычных заимствованиях, её содержание и формы проявления / М. С. Кузнецова. – Текст : электронный // Филологический аспект. – 2021. – № 7 (75). – С. 29–38. – URL: https://scipress.ru/philology/articles/metayazykovaya-refleksiya-o-novejshikh-angloyazychnykh-zaimstvovaniyakh-ee-soderzhanie-i-formy-proyavleniya.html (дата обращения 10.09.2025).

365. Кузнецова, Т. Ю. Стратегии семантизации слов носителями русского языка (экспериментальное исследование вариативности толкований) : диссертация на соискание ученой степени кандидата

филологических наук / Кузнецова Татьяна Юрьевна. – Кемерово, 2012. – 173 с. – Текст: непосредственный.

366. Куликова, И. С. Лингвистические термины за пределами специального текста (по материалам национального корпуса русского языка) / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – Санкт-Петербург, 2019. – 330 с. – Текст : непосредственный.

367. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва : Прогресс, 1975. – 288 с. – Текст: непосредственный.

368. Кунщикова, М. О. Метаязыковая активность креатора языковой игры в диалогах искусственных билингвов / М. О. Кунщиков. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2021. – № 12. – С. 71–88.

369. Купина, Н. А. Филологическая аксиология: итоги работы Международной научной конференции «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» / Н. А. Купина, Т. В. Ицкович. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2019. – № 4. – С. 1202–1206.

370. Курилович, Е. О методах внутренней реконструкции / Е. Курилович. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. Вып. IV. – Москва : Прогресс, 1965. – С. 400–433.

371. Лабунец, Н. В. Ономастическая рефлексия в произведениях В. П. Крапивина / Н. В. Лабунец, Н. С. Кочнева. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые и правовые исследования. – 2019. – Т. 5, №2. – С. 6-19.

372. Лаппо, М. А. Изгнание кавычек: функции курсива в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова» / М. А. Лаппо. – Текст : непосредственный // Критика и семиотика. – 2024. – Вып. 2. – С. 47–65.

373. Лебедев, М. В. Стабильность языкового значения / М. В. Лебедев. – Москва : Эдиториал УРСС, 1998. – 168 с. – Текст : непосредственный.

374. Лебедева, Л. Б. Референция и структурно-семантические аспекты

высказывания: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Лебедева Лидия Борисовна. – Москва, 1991. – 312 с. – Текст : непосредственный.

375. Лебедева, Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики / Н. Б. Лебедева. – Текст : непосредственный // Юрислингвистика-2. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2000. – С. 49–64.

376. Лебедева, Н. Б. Особенности метаязыкового сознания профессиональных юристов (опыт группового портрета) / Н. Б. Лебедева. – Текст : непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. – Кемерово-Барнаул : Алтайский государственный университет, 2009. – С. 313–321.

377. Лебедева, Н. Б. Структура языкового сознания и место в ней метаязыкового компонента / Н. Б. Лебедева. – Текст : непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. – Кемерово ; Барнаул : Алтайский государственный университет, 2009. – С. 61–67.

378. Левенталь, И. В. Стратегии толкования слов обыденного метаязыкового сознания и их применение в учебной лексикографии / И. В. Левенталь. – Текст : непосредственный. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8. – Ч. 2. – С. 77–81.

379. Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – Москва : УРСС, 2001. – 255 с. – Текст : непосредственный.

380. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – Москва : Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.

381. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Политиздат, 1977. – 304 с. – Текст : непосредственный.

382. Лескина, С. В. Дескриптивный анализ фразеосемантического

поля «Речевая деятельность» в русском и английском языках / С. В. Лескина, Н. Б. Меньшикова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5 (71): в 3 ч. – Ч. 2. – С. 96–99.

383. Лидерс, А.Г. Развитие представлений об ориентировке и ориентировочной деятельности в концепции П.Я. Гальперина / А.Г. Лидерс, Ю.И. Фролов. – Текст: непосредственный // Культурно-историческая психология. – 2012. – №4. – С. 13-27.

384. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности : коллективная монография. – Москва : Р. Валент, 2021. – 564 с. – Текст : непосредственный.

385. Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – 188 с. – Текст : непосредственный.

386. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 479 с. – Текст : непосредственный.

387. Лосева, С. В. Частицы в системе метатекстовых операторов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / С.В. Лосева. – Владивосток, 2004. – 179 с. – Текст : непосредственный.

388. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Эксмо, 2023. – 448 с. – Текст : непосредственный.

389. Лузина, Л. Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л. Г. Лузина. – Текст : непосредственный // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. – Москва : РАН ИНООН, 2008. – С. 40–48.

390. Лукина, Н. В. Проблема выделения метатекста в художественном тексте / Н. В. Лукина. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия «Русский язык и иностранные языки и методика их преподавания». – 2009. – № 3. – С. 35–41.

391. Лукина, Н. В. Смысловая структура метатекста : на материале творчества Т. Толстой : диссертация на соискание ученой степени кандидата

филологических наук: / Лукина Наталья Владимировна. – Астрахань, 2011. – 177 с. – Текст : непосредственный.

392. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Москва : Изд-во Московского университета, 1979. – 320 с. – Текст : непосредственный.

393. Лю Сюецзюань. Функционирование межличностного метадискурса в русскоязычных газетных статьях / Лю Сюецзюань. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5 (78). – С. 393–394.

394. Лю Сюецзюань. Многомерные исследования кодовых глосс в русскоязычном научном и академическом дискурсах / Лю Сюецзюань. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 66–74.

395. Лю Эньшуай. Функционирование метатекстовых операторов с компонентами «говоря» и «сказать» в современном русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лю Эньшуай. – Владивосток, 2022. – 25 с. – Текст : непосредственный.

396. Ляпон, М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – Москва : Наука, 1986. – 201 с. – Текст : непосредственный.

397. Майсак, Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 480 с. – Текст : непосредственный.

398. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 276 с. – Текст : непосредственный.

399. Максимова, Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия / Н. В. Максимова. – Москва : Изд-во РГГУ, 2005. – 317 с. – Текст : непосредственный.

400. Малявина, О. Н. Варианты и инварианты функций языка в социокультурном контексте / О. Н. Малявина. – Текст : непосредственный //

Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2010. – № 1 (17). – С. 126–132.

401. Мамушкина, С. Ю. Коммуникативная релевантность языковых функций / С. Ю. Мамушкина. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5, № 4 (17). – С. 84–87.

402. Манаенко, Г.Н. Методологические и теоретические аспекты когнитивно-дискурсивных исследований языка / Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: СКФУ, 2016. – 207 с. – Текст: непосредственный.

403. Маркелова, Т. И. Лингвокреативный потенциал переключения языкового кода в лингвистике / Т. И. Маркелова. – Текст : непосредственный. // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 364–380.

404. Мартынова, И. А. Прагматический компонент лексического значения нового слова: взгляд сквозь призму метаязыкового сознания / И. А. Мартынова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. – 2019. – № 1(6). – С. 59–64.

405. Маслова, В. А. Основные тенденции и принципы современной лингвистики / В. А. Маслова. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 172–190.

406. Мечковская, Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета / Н. Б. Мечковская. – Текст : непосредственный // Русский язык в научном освещении. – 2006 а. – № 2. – С. 165–185.

407. Мечковская, Н. Б. Народное и профессиональное знание о языке: взаимные зависимости и коллизии в истории метаязыковой рефлексии / Н.Б. Мечковская. – Текст : непосредственный. // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы): материалы III Международной научной конференции. – Минск : РИВШ, 2006 б. – Ч. 1. – С. 31–34.

408. Мечковская, Н. Б. Оценки в языке и речевых актах: что спорного

в лингвистической аксиологии? / Н. Б. Мечковская. – Текст : непосредственный // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 42–44.

409. Милованова, М.С. Аксиология и когнитивная лингвистика / М.С. Милованова. – Текст:непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2024. - №4 (62). – С. 144-147.

410. Мисонжников, Б. Я. Комментарий в структуре медиапубликации как субъект формирования метадискурса / Б. Я. Мисонжников. – Текст : электронный // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020. – № 4. – С. 267–282. – URL: http://tverlingua.ru/archive/062/18_62.pdf (дата обращения 10.09.2025).

411. Мишкуров, Э. Н. Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингвофилософском и лингвокультурологическом осмыслении / Э. Н. Мишкуров. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2012. – № 1. – С. 5–15.

412. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – Москва : Прогресс, 1973. – 405 с. – Текст : непосредственный.

413. Монтень, М. Опыты. Книга 3 / М. Монтень. – Москва : Академия наук СССР, 1960. – 497 с. – Текст : непосредственный.

414. Морозова, Н. М. Исследование метаязыка в системе естественного языка / Н. М. Морозова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского института МВД России. – 2007. – № 1. – С. 109–111.

415. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис. – Текст : непосредственный. // Семиотика: Антология. – Москва : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 45–97.

416. Москвин, В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В. П. Москвин. – Москва : ЛЕНАНД, 2007. – 260 с. – Текст : непосредственный.

417. Мыскин, С. В. Введение в теорию профессионального языкового

сознания / С. В. Мыскин. – Москва : ООО «Сам Полиграфист», 2015. – 331 с. – Текст : непосредственный.

418. Мыскин, С. В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Мыскин Сергей Владимирович. – Москва, 2016. – 670 с. – Текст : непосредственный.

419. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков / В. В. Налимов. – Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2003. – 368 с. – Текст : непосредственный.

420. Немец, Г. П. Семантика метаязыковых субстанций / Г. П. Немец. – Москва : Академия педагогических наук ; Краснодар : Кубанский госуниверситет, 1999. – 739 с. – Текст : непосредственный.

421. Немыка, А. А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / А. А. Немыка. – Москва, 2017. – 39 с. – Текст : непосредственный.

422. Нефедов, С. Т. Специфика кодирования метадискурсивной информации в научном тексте / С. Т. Нефедов. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 2013. – №3. – С. 99–101.

423. Нечаева, О. В. Синтаксические и семантические особенности современных кроссвордов / О. В. Нечаева. – Текст : непосредственный // Известия ПГПУ. Гуманитарные науки. – 2007. – № 4 (8). – С. 62–63.

424. Никитин, М.В. Предел семиотики / М.В. Никитин. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания. – 1997. – №1. – С. 3–14.

425. Никитина, И. Н. Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспективы исследования / И. Н. Никитина. – Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2009. – № 1. – С. 49–64.

426. Никитина, Е. Н. Метатекст в текстах учеников начальной школы (на примере изложений с творческим заданием) / Е. Н. Никитина. – Текст :

непосредственный // Проблемы онтолингвистики – 2021: языковая система ребенка в ситуации одно- и многоязычия : материалы ежегодной Международной научной конференции. – Санкт-Петербург : ООО «ВВМ», 2021. – С. 147–152.

427. Никитина, Л. Б. Когнитивная природа и номинативные механизмы интеллектуальной игры (на примере кроссвордов) / Л. Б. Никитина, Е. В. Гейко. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2 (31). – С. 117–122.

428. Никифорова С. А. Проблемы грамматикализации в немецком языке / С. А. Никифорова. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – Вып. 4. – С. 197–203.

429. Николаева, Т. М. Метатекст и его функция в тексте (на материале Мариинского евангелия) / Т. М. Николаева. – Текст : непосредственный // Исследования по структуре текста. – Москва : Наука, 1987. – С. 27–57.

430. Николаева, Ю. Маркеры ренарратива в русском языке / Ю. Николаева. – Текст : непосредственный // Studi di linguistica slava. Nuove prospettive e metodologie di ricecra. – Venezia : Edizioni Ca’Foscari, 2019. – P. 327–340.

431. Николина, Н. А. Функционирование частиц *мол, де, дескать* в современной речи / Н. А. Николина. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 2014. – № 12. – С. 64–69.

432. Николина, Н. А. Метаязыковые комментарии в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина / Н. А. Николина. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 2016. – № 2. – С. 40–45.

433. Николина, Н. А. Метаязыковые комментарии в прозе И.А. Бунина / Н. А. Николина. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 4. – С. 35–42.

434. Николина, Н. А. Метаязыковая рефлексия и креативный потенциал языка / Н. А. Николина, М. Р. Шумарина. – Текст : непосредственный // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2016. – Т. 7, № 7. – С. 497–511.

435. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – Москва : Высшая школа, 1982. – 272 с. – Текст : непосредственный.

436. Новикова, М. Л. Креативный потенциал языка СМИ: слово – *пяльцы*, слово – *ткань*, слово – *лен* / Э. Ю. Новикова, А. П. Наумова. – Текст : непосредственный // Вопросы теории и практики журналистики. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 315–329.

437. Новикова, Э. Ю. Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов / Э. Ю. Новикова, А. П. Наумова. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 5–17.

438. Новодранова, В. Ф. Взаимодействие обыденного и научного знания в медицинской терминологии / В.Ф. Новодранова. – Текст : непосредственный. // Науковий вісник національного медичного університету імені О.О. Богомольця. – 2009. – № 3. – С. 177–181.

439. Новосад, К. Ю. Феномен лингвокреативности и его реализация в дискурсе СМИ / К. Ю. Новосад, Е. А. Юрина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, Вып. 7. – С. 2445–2451.

440. Новоспасская, Н. В. Однонаправленность грамматикализации в современной лингвистике / Н. В. Новоспасская, А. А. Авагян. – Текст : электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 89–104. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44889987 (дата обращения 15.10.2025).

441. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – Москва : Флинта: Наука, 2006. – 341 с. – Текст : непосредственный.

442. Нухов, С. Ж. Языковая игра как одна из форм проявления

общеэстетической категории комического / С. Ж. Нухов. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1. – С. 171–178.

443. Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография. – Москва ; Ярославль : Изд-во «Канцлер», 2022. – 390 с. – Текст : непосредственный.

444. Обыденная коммуникация: дискурсы, аксиология, жанры: коллективная монография. – Барнаул: АлтГПУ, 2021. – 238 с. – Текст : непосредственный.

445. Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово ; Барнаул, 2008. – 480 с. – Текст : непосредственный.

446. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. В 2 ч. Ч. I : коллективная монография. – Кемерово; Барнаул : Алтайский государственный университет, 2009. – 532 с. – Текст : непосредственный.

447. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. В 2 ч. Ч. II : коллективная монография. – Томск, 2009. – 457 с. – Текст : непосредственный.

448. Одекова, Ф. Р. Глаголы как метатекстовые операторы / Ф. Р. Одекова. – Текст : непосредственный // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. – Москва : МАКС Пресс, 2007. – С. 321–322.

449. Одекова, Ф. Р. Существительные в системе эксплицитных метатекстовых операторов русского языка (на материале художественных текстов Н.В. Гоголя) / Ф. Р. Одекова. – Текст : непосредственный. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Москва : Изд-во «Литера», 2009. – № 2. – С. 192–193.

450. Онишко, С. Г. Вставные элементы в функции средства метаязыкового комментирования номинаций : автореферат диссертации на

соискание кандидата филологических наук / С. Г. Онишко. – Воронеж, 1997. – 19 с. – Текст : непосредственный.

451. Орлова, О. С. Принцип непрямой номинации в загадках и эвфемизмах на тему рождения и смерти: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Орлова Ольга Сергеевна. – Москва, 2021. – 305 с. – Текст : непосредственный.

452. Остапенко, Д. И. Переводческий метатекст: типология, структура и функции / Д. И. Остапенко. – Москва : Современная экономика и право, 2015. – 228 с. – Текст : непосредственный.

453. Остапенко, Д. И. Метаязык, его свойства и роль в языковой системе / Д. И. Остапенко. – Текст : непосредственный // Известия Южного федерального университета. Серия Филологические науки. – 2016. – № 3. – С. 120–126.

454. Остапенко, Д. И. Примечания переводчика как метатекст (на материале романа С. Таунсенд «Тайный дневник Адриана Моула») / Д. И. Остапенко. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2019. – № 2 (61). – С. 214–219.

455. Осьмухина, О. Ю. Метароман vs метатекст: дискуссионный аспект изучения прозы В. Пелевина / О. Ю. Осьмухина, А. П. Марьюшкина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 1359–1363.

456. Падучева, Е. В. Глаголы речевого действия с лингвистической точки зрения / Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный // Русский язык сегодня. Вып. 2. – Москва : Азбуковник, 2003. – С. 405–416.

457. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – Москва : ЛКИ, 2010. – 296 с. – Текст : непосредственный.

458. Падучева, Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* / Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный // Известия РАН. Серия литературы и

языка. – 2011 а. – Т.70, №3. – С. 13–19.

459. Падучева, Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего / Е. В. Падучева. – Текст : непосредственный. // Вопросы языкознания. – 2011 б. – № 3. – С. 3–18.

460. Пантелеева, Т. Ю. Метаязыковая сущность юридического дискурсивного пространства / Т. Ю. Пантелеева, М. П. Ахеджакова. – Текст : непосредственный. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 5. – Ч. 2. – С. 254–257.

461. Паршин, П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.

462. Пасечная, Л. А. Способы выражения оценки в интернет-комментариях / Л. А. Пасечная, В. Е. Щербина. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 9 (152). – С. 87–92.

463. Пельц, Е. Семиотика и логика / Е. Пельц. – Текст : непосредственный // Семиотика: Антология. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 151–164.

464. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский. – Текст : непосредственный // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. – Москва : Наука, 1989. – С. 54–82.

465. Перфильева, Н. П. Интерпретация термина метатекст в лингвистике / Н. П. Перфильева. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2005. – Т. 4. Вып. 4. Филология. – С. 12–19.

466. Перфильева, Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий / Н. П. Перфильева. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006 а. – 285 с. – Текст : непосредственный.

467. Перфильева, Н. П. О концепции системного словаря метапоказателей / Н. П. Перфильева. – Текст : непосредственный // Вопросы лексикографии. – 2017 а. – № 12. – С. 61–82.

468. Перфильева, Н. П. Семасиологические метапоказатели как система / Н. П. Перфильева. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2017 б. – Т. 16, № 9: Филология. – С. 49–57.

469. Перфильева, Н. П. Метаконструкции: семантико-прагматический подход. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 195–204.

470. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 479 с. – Текст : непосредственный.

471. Петрова, Н. Г. К вопросу о соотношении понятий «рефлексив» и «регулятив» / Н. Г. Петрова. – Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 219–227.

472. Пигрова, Е. К. Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Пигрова Елена Константиновна – Санкт-Петербург, 2001. – 168 с. – Текст : непосредственный.

473. Пилипенко, Г. П. Метаязыковые высказывания старообрядцев Латгалии / Г. П. Пилипенко. – Текст : непосредственный // Славянский альманах. – 2017. – № 3-4. – С. 380–406.

474. Пирвердиева, Ю. А. Особенности использования метаязыковых средств в современных английских газетах / Ю. А. Пирвердиева. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – № 3. – С. 201–207.

475. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс. – Москва : Логос, 2000. – 448 с. – Текст : непосредственный.

476. Пластинина, Н. А. О современном состоянии проблемы метатекста в отечественной лингвистике / Н. А. Пластинина. – Текст : непосредственный // Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. – Москва : НОО «Профессиональная наука», 2017. – С. 32–37.

477. Пластинина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста: на примере переводческих предисловий / послесловий к художественному тексту : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Пластинина Нина Анатольевна. – Ижевск, 2018. – 193 с. – Текст : непосредственный.

478. Пластинина, Н. А. Учебный метатекст как основа формирования и развития читательской компетенции обучающихся / Н. А. Пластинина, Ю. В. Плеханова. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2018. – Т. 28, вып. 6. – С. 1008–1019.

479. Плотникова, А. А. Лирическая миниатюра в интернет-коммуникации: лингвопрагматический и метаязыковой аспект жанра: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Плотникова Анна Алексеевна. – Томск, 2012. – 267 с. – Текст : непосредственный.

480. Плотникова, С. Н. Метадискурс в пространстве разговорного дискурса / С. Н. Плотникова, Е. Б. Шавалиева. – Текст : непосредственный // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 1. – С. 154–162.

481. Плунгян, В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол*, *якобы* и другие / В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Lexikalishe Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. – München: Sagner, 2008. – S. 285–311.

482. Под знаком «Мета». Материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры». – Москва ; Калуга : Эйдос, 2011. – 354 с. – Текст : непосредственный.

483. Подлесская, В. И. Непрямые употребления глаголов речи и их грамматикализация / В. И. Подлесская. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – С. 42–45.

484. Подлесская, В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной

речи: опыт корпусного исследования / В. И. Подлесская. – Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (12): в 2 т. – Т. 1: Основная программа конференции. – Москва : Изд-во РГГУ, 2013. – С. 619-631.

485. Подлесская, В. И. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи / В. И. Подлесская, А. В. Стародубцева. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2013. – № 3. – С. 25–41.

486. Подлесская, В. И. *Скажем так*: дискурсивные маркеры, восходящие к глаголам речи в русском языке / В. И. Подлесская. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2024. – № 2. – С. 52–82.

487. Полиниченко, Д. Ю. Фольк-лингвистика как объект научного изучения Д. Ю. Полиниченко. – Текст : непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. – Кемерово ; Барнаул, 2009. – С. 67–87.

488. Полякова, С. В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Полякова Светлана Валентиновна. – Пермь, 2011. – 179 с. – Текст : непосредственный.

489. Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания: избранные работы / К.Р. Поппер. – Москва : Прогресс, 1983. – 605 с. – Текст : непосредственный.

490. Постовалова, В. И. Идея «мета» в самосознании культуры XX–XXI веков / В. И. Постовалова. – Текст : непосредственный // Метафизика. Научный журнал. – 2012. – № 4. – С. 6–25.

491. Постовалова, В. И. Лингвистическая реальность и пути её постижения (восхождение к интегральным парадигмам) / В. И. Постовалова. – Текст : непосредственный // Метафизика. Научный журнал. – 2016 а. – № 4. – С. 59–77.

492. Постовалова, В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания: в поисках интегральных парадигм / В. И. Постовалова. – Москва : ЛЕНАНД,

2016 б. – 272 с. – Текст : непосредственный.

493. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Текст : непосредственный // Слово и миф. – Москва : Правда, 1989. – С. 17–200.

494. Прядильникова, Н. В. Метаязыковые рефлексивы как актуализаторы эвфемистической замены в газетно-публицистической речи / Н. В. Прядильникова. – Текст : непосредственный // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: материалы международной научной конференции. – Самара : Самарский государственный университет, 2007. – С. 107–109.

495. Пугачева, Е. В. Феминитивы как объект метаязыковой рефлексии интернет-пользователей / Е. В. Пугачева. – Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5 (148). – С. 97–105.

496. Радбиль, Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие / Т. Б. Радбиль. – Москва : Флинта, 2012. – 321 с. – Текст : непосредственный.

497. Раевская, О. В. «Не ямбом ли о ямбе?»: метатекст в научном и поэтическом тексте / О. В. Раевская. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 1 (44). – С. 349–356.

498. Рассел, Б. Дескрипции / Б. Рассел. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). – Москва : Радуга, 1982. – С. 40–54.

499. Рассоха, М. Н. Метаязыковая коммуникация в англофонных культурах / М. Н. Рассоха. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2016. – № 11 (59). – С. 88–99.

500. Ревзина, О.Г. Слово как субъект «больших данных» истории / О.Г. Ревзина. – Текст: непосредственный // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сб. научных статей. – Москва: Р. Валент, 2023. – С. 106–116.

501. Резанова, З. И. Внутренняя форма слова как объект метаязыковой

рефлексии в условиях чат-коммуникации / З. И. Резанова. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2008. – № 1. – С. 78–85.

502. Репринцева, М. А. К вопросу о системной организации «наивного» метаязыка (на примере модели причастия и деепричастия) / М. А. Репринцева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5). Ч. 1. – С. 196–199.

503. Репринцева, М. А. Понятие метаязыка и его трактовки / М. А. Репринцева. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. – 2014. – № 2. – С. 232–237.

504. Родионова, И. Г. Метаязыковая функция вводных предложений с союзом если в произведениях К.Г. Паустовского / И. Г. Родионова. – Текст : электронный // Тульский научный вестник. Серия «История. Языкознание». – 2021. – № 2 (6). – С. 109–118. – URL: https://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_6/109/ (дата обращения 25.11.2025).

505. Розин, В. М. Типы и дискурсы научного мышления / В. М. Розин. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 246 с. – Текст : непосредственный.

506. Розина, Р. И. *Так называемый*: семантика вводных метаязыковых оборотов / Р. И. Розина. – Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2009». – Вып. 8 (15). – Москва : РГГУ, 2009. – С. 426–431.

507. Романов, Д. А. Виды метаязыковых комментариев в текстах Д.В. Григоровича / Д. А. Романов, М. А. Кучерова. – Текст : электронный // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 3 (46). – С. 153–163. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49874563 (дата обращения 27.11.2025).

508. Романова, Т. В. Формирование терминологического значения лексемы смысл / Т. В. Романова, О. Н. Колчина. – Текст : непосредственный // Познание и язык: через видимость и сущность. Сб. научных трудов Кн. 52.

Вып. 1. – Тамбов : Державинский, 2023. – С. 194–199.

509. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2000. – 194 с. – Текст : непосредственный.

510. Ростова, А. Н. Металингвистика – метаязык – метатекст / А. Н. Ростова. – Текст : непосредственный // Филологический сборник. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. – С. 144–149.

511. Ростова, А. Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения / А. Н. Ростова. – Текст : непосредственный // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2008. – С. 49–57.

512. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 288 с. – Текст : непосредственный.

513. Руденко, Д. И. Лингвофилософские парадигмы: границы языка и границы культуры / Д. И. Руденко. – Текст : непосредственный // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 1. – Харьков : Око, 1993. – С. 101–173.

514. Рытикова, Е. Н. Метатекст как рамочное условие для выражения стратегии автора учебного пособия / Е. Н. Рытикова. – Текст : непосредственный // Человек и языковое пространство: аспекты взаимодействия: межвузовский сб. научных трудов. Вып. 4. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2010. – С. 34–41.

515. Рябцева, Н. К. Коммуникативный модус и метаречь / Н. К. Рябцева. – Текст : непосредственный // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – С. 82–92.

516. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – Москва : Academia, 2005. – 640 с. – Текст : непосредственный.

517. Рябцева, Н. К. Отличительные особенности Интернет-коммуникации в металингвистическом и прикладном аспекте / Н. К. Рябцева. – Текст : непосредственный // Лингвистика и методика преподавания

иностранных языков: сб. научных статей. – Москва : Институт языкознания РАН, 2017. – С. 387–429.

518. Саакян, Л. Н. Метарефлексив в функции коммуникативного смягчения / Л. Н. Саакян, Д. С. Труханова. – Текст : непосредственный // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2019. – № 2. – С. 51–58.

519. Савицкая, Е. В. К вопросу о приоритетах в спектре функций естественного языка / Е. В. Савицкая. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 1. – С. 13–19.

520. Савчук, С. О. Местоимение такой в функции маркера чужой речи в устном высказывании / С. О. Савчук. – Текст : непосредственный // Вопросы культуры речи. – Москва : АСТ-Пресс книга, 2011. – С. 36–43.

521. Саитова, К. А. Теория оценки в зарубежной лингвистике и методы ее исследования / К. А. Саитова. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 137–141.

522. Салмина, Д. В. Может ли метафора быть лингвистическим термином? / Д. В. Салмина, И. С. Куликова. – Текст : непосредственный // Филология в XXI веке. – 2021. – № 1 (7). – С. 61–65.

523. Самохина, А. А. Функционирование терминов в современной англоязычной прозе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. А. Самохина. – Санкт-Петербург, 2012. – 17 с. – Текст : непосредственный.

524. Самыгина, Л.В. Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова: диссертация … кандидата филологических наук / Самыгина Людмила Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2013. – 212 с. – Текст: непосредственный.

525. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 541 с. – Текст : непосредственный.

526. Сарамотина, Л. Х. Метаязыковая деятельность при осознании иноязычных незнакомых сложных слов / Л. Х. Сарамотина. – Текст : непосредственный // Вестник КемГУ. – 2010. – № 2 (42). – С. 122–124.

527. Сарамотина, Л. Х. Обыденная семантизация незнакомых иноязычных композитов носителями русского языка (на материале семасиологического эксперимента): диссертация … кандидата филологических наук / Сарамотина Людмила Христофоровна. – Кемерово, 2011. – 171 с. – Текст : непосредственный.

528. Сатюкова, Д. Н. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи / Д. Н. Сатюкова, М. Д. Воейкова. – Текст : непосредственный // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2010. – Т. 6, № 2. – С. 184–224.

529. Свешникова, Н. В. Фонетические явления речи как объект метаязыковой рефлексии диалектоносителей / Н. В. Свешникова. – Текст : непосредственный // Русский язык: история, диалекты, современность: сб. научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. – Москва : Московский государственный областной университет, 2019. – С. 264–270.

530. Свирина, Т. Е. Наивная ономастика и многоименность (на материале новогреческого языка) / Т. Е. Свирина. – Текст : непосредственный // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 11. – Москва : МГЭИ, 2006. – С. 173–179.

531. Сгалл, П. К программе лингвистики текста / П. Сгалл. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 79–88.

532. Селиванова, Е. А. Категоризация как ключ энигматического дискурса (на материале русских кроссвордов) / Е. А. Селиванова. – Текст : непосредственный // Вісник Одеського національного університету. Філологія. – 2013. – Т. 18, №2 (6). – С. 111–120.

533. Селиванова, Е. А. Текстово-дискурсивные категории кроссворда как жанра энигматики / Е. А. Селиванова. – Текст : непосредственный // Мова. – 2015. – № 24. – С. 30–39.

534. Сергеева, Е. Н. *Tuna* как эвиденциальный маркер в русской разговорной речи / Е. Н. Сергеева. – Текст : непосредственный // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2010. – Т. 6, № 3. – С. 149–153.

535. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – Москва : Наука, 1988. – 242 с. – Текст : непосредственный.

536. Серебрякова, С.В. Поэтическая трансляция как герменевтический диалог переводчика с исходным текстом (опыт интерпретации разновременных переводов «Казачьей колыбельной песни» М.Ю. Лермонтова) / С.В. Серебрякова, А.И. Милостивая. – Текст: непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2023. – Т. 22, №3. – С. 97–107.

537. Серебрякова, С.В. Синонимическое варьирование как результат индивидуально-авторской художественной рефлексии при описании характера персонажа / С.В. Серебрякова, И.Е. Протопопов. – Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2025. – №3 (897). – С. 40–47.

538. Серио, П. В поисках четвертой парадигмы / П. Серио. – Текст : непосредственный // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 1. – Харьков : Око, 1993. – С. 37–52.

539. Сигал, К.Я. Метаязыковая установка и синтаксис вторичного текста (на материале стихотворных пародий А.А. Иванова) – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2021. – № 6. – С. 151–171.

540. Сигал, К. Я. Метаязыковое внимание и пунктуация / К. Я. Сигал. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 2. – С. 157–175.

541. Сизикова, Т. Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии / Т. Э. Сизикова. – Текст : непосредственный // Сибирский психологический журнал. – 2018. – № 68. – С. 6–31.

542. Силантьев, И. В. Наука и обыденный дискурс / И. В. Силантьев. – Текст : непосредственный // Под знаком «Мета». Материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры». – Москва ; Калуга : Эйдос, 2011. – С. 143–151.

543. Сичинава, Д. В. «Увы, для них это всё плюсквамперфект»: лингвистический термин как языковой образ / Д. В. Сичинава. – Текст : непосредственный // Русский язык в научном освещении. – 2014. – № 1. – С. 90–121.

544. Смирнова, Н. Г. Метаязыковая рефлексия в историческом тексте В.О. Ключевского / Н. Г. Смирнова. – Текст : непосредственный // Дискуссия. – 2011. – № 4(12). – С. 51–54.

545. Смольников, С. Н. Идентификация и референция имени собственного в кроссворде / С. Н. Смольников. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. Серия: Филологические науки. – 2013. – № 4, Т. 2. – С. 84–87.

546. Соколова, О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О. В. Соколова. – Москва : Гнозис, 2014. – 304 с. – Текст : непосредственный.

547. Соколова, О. В. Лингвокреативность в рекламном и поэтическом дискурсах / О. В. Соколова. – Текст : непосредственный // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности : коллективная монография. – Москва : Р. Валент, 2021. – С. 258–362.

548. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – Москва : Наука, 1977. – 341 с. – Текст : непосредственный.

549. Соломоник, А. Б. Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности) / А. Б. Соломоник. – Минск : МЕТ, 2004. – 191 с. – Текст : непосредственный.

550. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. – Москва : Наука, 1985. – 166 с. – Текст : непосредственный.

551. Сорокина, Э. А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения) / Э. А. Сорокина. – Москва : Изд-во МГОУ, 2007. – 234 с. – Текст : непосредственный.

552. Соснина, Ю. А. Эмотивность внутренней формы слова: по данным метаязыковой деятельности носителей русского языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: / Соснина Юлия Александровна. – Кемерово, 2009. – 184 с. – Текст : непосредственный.

553. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Текст : непосредственный // Труды по языкознанию. – Москва : Прогресс, 1977. – С. 31–269.

554. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – Москва : Политиздат, 1972. – 303 с. – Текст : непосредственный.

555. Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1971. – 167 с. – Текст : непосредственный.

556. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1985. – 335 с. – Текст : непосредственный.

557. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Москва : Академический Проект, 2001. – 990 с. – Текст : непосредственный.

558. Степанов, Ю. С. Смена «культурных парадигм» и её внутренние механизмы / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин. – Текст : непосредственный // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 1. – Харьков : Око, 1993. – С. 13–36.

559. Столяр, Е. Д. Формирование смыслов оценочного характера в языке / Е. Д. Столяр. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 2. – С. 41–48.

560. Стросон, П. Ф. О референции / П. Ф. Стросон. – Текст :

непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). – Москва : Радуга, 1982. – С. 55–86.

561. Сунь, С. Особенности употребления прагматического маркера *это самое* в спонтанной монологической речи / С. Сунь, Н.В. Богданова-Бегларян. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3 (50). – С. 636–640.

562. Супоницкая, Н. С. Скрытая эгореферентность научного текста (на материале немецкоязычных лингвистических статей и монографий) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Супоницкая Наталия Семеновна. – Санкт-Петербург, 2016. – 195 с. – Текст : непосредственный.

563. Сусская, О. Метадискурс масс-медиа: особенности, специфика, дифференциация / О. Сусская. – Текст : непосредственный // Современный дискурс-анализ. – 2018. – Вып. 1(18). – С. 22–36.

564. Сюй Сюцзюань. Семантика и функционирование полифункционального слова *буквально* в русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сюй Сюцзюань. – Владивосток, 2023. – 188 с. – Текст : непосредственный.

565. Сюй Хун. Метатекст в научном тексте в русском языке – Текст : непосредственный / Сюй Хун // Вестник Института иностранных языков при НОАК. – 2011. – Т. 34, № 5. – С. 43–48.

566. Таймур, М. П. Матрица когнитивных фильтров как инструмент анализа лингвокреатем в современном англоязычном дискурсе / М. П. Таймур. – Текст : непосредственный // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сборник научных статей. – Москва : Р. Валент, 2023. – С. 328–336.

567. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 34–47.

568. Тарасов, Е. Ф. Пролегомены к теории языкового сознания – Текст : непосредственный / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. –

Москва : ИЯз РАН, 2014. – С. 24–35.

569. Тарский, А. Истина и доказательство / А. Тарский. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1972. – № 8. – С. 136–145.

570. Твердохлеб, О. Г. О парадоксальных определениях, образованных родо-видовым способом истолкования (синтаксические особенности и особенности создания юмора) / О. Г. Твердохлеб. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 219-225.

571. Трапезникова, А. А. Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярска): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Трапезникова Анна Алексеевна. – Красноярск, 2010. – 213 с. – Текст : непосредственный.

572. Трикоз, Э. Л. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Трикоз Эльвира Львовна. – Вологда, 2010. – 213 с. – Текст : непосредственный.

573. Трифонова, Т. А. Особенности языковой рефлексии детей с различными стратегиями освоения языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Трифонова Татьяна Александровна. – Санкт-Петербург, 2025. – 211 с. – Текст : непосредственный.

574. Турунен, Н. Метатекст как глобальная система и вопросы конструирования текста в пособиях по развитию речи / Н. Турунен. – Текст : непосредственный // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 1999. – С. 310–319.

575. Уздинская, Е. В. Метатекстовые конструкции и особенности их использования в современных газетных текстах / Е. В. Уздинская. – Текст : непосредственный // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 14. – Саратов : Саратовский национальный

исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского, 2014. – С. 54–76.

576. Улыбина, Е. В. Психология обыденного сознания / Е. В. Улыбина. – Москва : Смысл, 2001. – 263 с. – Текст : непосредственный.

577. Уткина, Т. И. Особенности метадискурсивной организации академического письма на английском языке студентов-экономистов / Т. И. Уткина, Е. В. Костарева. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 74. – С. 188–207.

578. Устинова, Т. В. Концепция деконтекстуализации в метаязыковой рефлексии «языковых поэтов» / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 205–2011.

579. Устинова, Т. В. Языковая игра в метатекстах «языковых поэтов» Б. Эндрюса и А. Драгомощенко / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2013. – № 3. – С. 99–111.

580. Устинова, Т. В. Особенности метаязыкового дискурса американского поэта Роберта Гренье / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. – 2014. – № 1(2). – С. 54–56.

581. Устинова, Т. В. Метаязыковая рефлексия поэта: лингвокреативность «новой системы воображения» Аркадия Кутилова / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Роль Сибири в поликультурном и многоязычном мире современного евразийского пространства: Сб. статей в 2 ч. Ч. 1. – Омск: Омский государственный институт сервиса, 2015 а. – С. 209–214.

582. Устинова, Т. В. Развитие умений метаязыкового комментирования у будущих учителей иностранного языка / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Наука и образовательное пространство: вектор трансграничного развития. – Омск : Омский государственный педагогический университет, 2015 б. – С. 222–227.

583. Устинова, Т. В. Семантические трансформации в поэтическом переводе: лингвокогнитивные особенности конструирования значения / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016 а. – № 2. – С. 191–197.

584. Устинова, Т. В. Экспериментальная методика прямого толкования в научном исследовании процессов семантизации креатем поэта / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016 б. – № 14. – С. 320–329.

585. Устинова, Т. В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: опыт лингвокогнитивного моделирования читательской рецепции / Т. В. Устинова. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2017. – 187 с. – Текст : непосредственный.

586. Устинова, Т. В. Внутренняя форма слова и смыслообразование в поэтической речи (на материале русского и английского языков) / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023 а. – № 3. – С. 74–86.

587. Устинова, Т. В. Множественность интерпретаций окказионализмов с когнитивной точки зрения / Т. В. Устинова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023 б. – № 3-2 (54). – С. 234–238.

588. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1974. – 205 с. – Текст : непосредственный.

589. Уфимцева, Н. В. Проблемы изучения языкового сознания / Н.В. Уфимцева, Е. Ф. Тарасов – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 22–29.

590. Ушакова, О. С. Метаязыковая деятельность в процессе формирования языковой способности дошкольников / О. С. Ушакова, А. И. Лаврентьева. – Текст : непосредственный. // Инновационные проекты и

программы в образовании. – 2019. – № 3. – С. 72–75.

591. Факторович, А. Л. Философия языка: к рефлексии над границами (В качестве введения) / А. Л. Факторович, Д. И. Руденко. – Текст : непосредственный // Философия языка: в границах и вне границ. – Т. 1. – Харьков : Око, 1993. – С. 3–12.

592. Фатеева, Н. А. Языковая креативность: подступы к теме / Н. А. Фатеева. – Текст : непосредственный // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова. – 2016. – № 7. – С. 13–28.

593. Фатина, Н. С. Метатекстовое толкование слова как элемент структуры художественного текста: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Фатина Наталия Сергеевна. – Санкт-Петербург, 1998. – 162 с. – Текст : непосредственный.

594. Федорченко, И. А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В.В. Виноградова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: / Федорченко Ирина Александровна. – Новосибирск, 2002. – 246 с. – Текст : непосредственный.

595. Федотова, О. С. Понятие метадискурса в современной лингвистике / О. С. Федотова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (17). – С. 203–207.

596. Федотова, О. С. Лингвокогнитивные метаструктуры в англоязычном художественном нарративе: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Федотова Оксана Сергеевна. – Москва, 2020. – 398 с. – Текст : непосредственный.

597. Фещенко, В. В. О внешних и внутренних горизонтах семиотики / В. В. Фещенко. – Текст : непосредственный // Критика и семиотика. – 2005. – Вып. 8. – С. 6–43.

598. Фещенко, В. В. Семиотика творчества и лингвистика креативности / В. В. Фещенко. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 143–150.

599. Фещенко, В. В. Язык как творчество и творчество в языке: к

истории лингвистической идеи / В. В. Фещенко. – Текст : непосредственный // Критика и семиотика. – 2012. – Вып.17. – С. 84–94.

600. Фещенко, В. В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах / В. В. Фещенко. – Текст : непосредственный // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. – Москва : Р. Валент, 2021. – С. 190–257.

601. Флоренский, П. А. Антиномии языка / П. А. Флоренский. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1988. – № 6. – С. 88–125.

602. Фокина, М. С. К вопросу о месте лингвистической игры в системе метаязыковой рефлексии наивного лингвиста / М. С. Фокина. – Текст : непосредственный // LXXV Герценовские чтения. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. – С. 142–146.

603. Фортунатов, Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе / Ф. Ф. Фортунатов. – Текст : непосредственный // Избранные труды. Т. 2. – Москва: Изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1957. – С. 427–462.

604. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге. – Текст : непосредственный // Семиотика и информатика. Вып. 35. – Москва : Языки русской культуры; Русские словари, 1997. – С. 351–379.

605. Фролова, О. Е. Референциальные механизмы фольклорного и авторского художественного текста: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Фролова Ольга Евгеньевна. – Москва, 2008. – 557 с. – Текст : непосредственный.

606. Фролова, О. Е. Некорректное речевое воздействие: текст и метатекст / О. Е. Фролова. – Текст : непосредственный // Филологические заметки. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 63–76.

607. Фрумкина, Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике / Р. М. Фрумкина. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 55–67.

608. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург : A-cad, 1994. – 407 с. – Текст : непосредственный.

609. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер. – Текст : непосредственный // Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем. – Москва : Республика, 1993. – С. 192–220.

610. Халеева, И. И. Исследование языкового творчества: проблемы и дискуссии / И. И. Халеева, О. К. Ирисханова. – Текст : непосредственный // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 5–17.

611. Хамдамова, Д. Принцип антропоцентризма в современной лингвистике: обзор, предпосылки и тенденции развития / Д. Хамдамова – Текст : непосредственный // Общество и инновации. – 2021. – № 5. – С. 221–227.

612. Харченко, Е. В. Профессионализация языкового сознания (на примере медицинского персонала) / Е. В. Харченко, Е. В. Клочкова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета, 2017. – № 12 (408). Филологические науки. – С. 194–199.

613. Хауген, Э. Направления в современном языкознании / Э. Хауген. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. Вып. 1. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 244–263.

614. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике / Т.Н. Хомутова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. – С. 142–151.

615. Цесарская, А. Е. Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи / А. Е. Цесарская, В. И. Шестопалова. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16, № 9: Филология. – С. 65–75.

616. Цесарская, А. Е. Явление автокоррекции в русской разговорной речи: разноаспектное описание: диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук / Цесарская Анна Евгеньевна. – Владивосток, 2020. – 216 с. – Текст : непосредственный.

617. Цыганкова, А. А. Механизмы языковой игры в текстах Умберто Эко / А. А. Цыганкова. – Текст : электронный // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 4 (40). – URL: https://rulb.org/archive/4-40-2023-april/10.18454/RULB.2023.40.30 (дата обращения: 10.10.2024).

618. Чаплин, Е. В. Когнитивная интерпретация акта говорения в естественном языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чаплин Евгений Владимирович. – Москва, 2020. – 246 с. – Текст : непосредственный.

619. Чересюк, П. А. Метафора как средство словесно-художественной креативности Л.Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина») / П. А. Чересюк – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 9. – С. 2705–2709.

620. Чернейко, Л. О. Оценка в знаке и знак в оценке / Л. О. Чернейко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1990. – № 2. – С. 72–82.

621. Чернейко, Л. О. Обыденное сознание: его границы и формы речевого воплощения / Л. О. Чернейко. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 194–202.

622. Чернейко, Л. О. Креативный потенциал невербального семантического дифференциала в психолингвистическом эксперименте / Л. О. Чернейко. – Текст : непосредственный // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сборник научных статей. – Москва : Р. Валент, 2023. – С. 188–201.

623. Чернявская, В. Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: на материале немецкого языка : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: / Чернявская Валерия Евгеньевна. – Санкт-Петербург, 2000. – 448 с. – Текст :

непосредственный.

624. Чернышева, Е. Б. Динамика и вариативность оценки в русском языковом сознании: параметрический подход: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Е. Б. Чернышева. – Москва, 2019. – 39 с. – Текст : непосредственный.

625. Черняк, В. Д. Стихийная лексикография как инструмент освоения нового слова / В. Д. Черняк. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3 (19). – С. 30–36.

626. Черняк, В. Д. Представление семантики слова в обыденной и стихийной лексикографии / В. Д. Черняк. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 202–207.

627. Черняк, В. Д. Речевой портрет автора и метаязыковая деятельность персонажей (на материале творчества А.И. Солженицына) / В. Д. Черняк. – Текст : непосредственный // Филология в XXI веке. – 2019. – № S1. – С. 305–310.

628. Черняков, А. Н. Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангардизма 1910-20-х гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Черняков Алексей Николаевич. – Калининград, 2007. – 196 с. – Текст : непосредственный.

629. Чжан Шо Структура и функции служебных единиц вторичного характера, формирующих отношения пояснения в современном русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чжан Шо. – Владивосток, 2021. – 23 с. – Текст : непосредственный.

630. Чжао Юаньцзэ Метаязыковое пространство в контексте концептологии / Чжао Юаньцзэ. – Текст : непосредственный // Современный ученый. – 2021. – № 1. – С. 172–175.

631. Чой Чжи Ен. Способы передачи чужой речи в русском языке:

диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чой Чжи Ен. – Москва, 2001. – 170 с. – Текст : непосредственный.

632. Чумаков, Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью / Г. М. Чумаков. – Киев : Вища школа, 1975. – 220 с. – Текст : непосредственный.

633. Шавалиева Е. Б. Параметры форматирования разговорного метадискурса: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шавалиева Елена Борисовна. – Иркутск, 2019. – 206 с. – Текст : непосредственный.

634. Шаймиев, В. А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) / В. А. Шаймиев. – Текст : непосредственный // Русский текст: Российско-американский журнал по русской филологии. – 1996. – № 4. – С. 80–91.

635. Шаймиев, В. А. Метадискурсивность научного текста (на материале лингвистических произведений) / В. А. Шаймиев. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999 а. – 281 с. – Текст : непосредственный.

636. Шаймиев, В. А. Об иллокутивных функциях метатекста, или Перечитывая А. Вежбицку…: (На материале лингвистических текстов) / В. А. Шаймиев. – Текст : непосредственный // Русистика. – 1999 б. – С. 68–76.

637. Шаймиев, В. А. Так метатекст или метадискурс? / В. А. Шаймиев. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1. – С. 563–565.

638. Шарафутдинова, Л. Ф. Метаязыковой потенциал естественного языка (на материале креолизованных текстов): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шарафутдинова Люция Фархатовна. – Калининград, 2010. – 210 с. – Текст : непосредственный.

639. Шварцкопф, Б. С. Оценки говорящими фактов речи (лингвистический аспект): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шварцкопф Борис Самойлович. –

Москва, 1971. – 10 с. – Текст : непосредственный.

640. Шейгал, Е. И. Рефлексивы в политической коммуникации – Текст : непосредственный / Е.И. Шейгал // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвузовский сб. науч. трудов. – Воронеж : ВГУ, 2002. – Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 133–141.

641. Шилихина, К. М. Ирония как эффект языковой игры – Текст : непосредственный / К. М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. – С. 37–45.

642. Шилихина, К. М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора / К. М. Шилихина – Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 12 (12): в 2 т. – Т. 1: Основная программа конференции. – Москва : Изд-во РГГУ, 2013. – С. 698–707.

643. Шилихина, К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии / К. М. Шилихина. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. – 304 с.

644. Шилихина, К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики / К. М. Шилихина – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015 а. – № 3. – С. 120–125.

645. Шилихина, К. М. Каких слов мы не боимся? Метакоммуникативные комментарии «не побоюсь этого слова» и «dare I say it» / К. М. Шилихина. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015 б. – № 2. – С. 75–79.

646. Шилихина, К. М. *Собственно говоря, строго говоря, в сущности*: метакоммуникативные маркеры в устном и письменном медиадискурсе / К. М. Шилихина. – Текст : непосредственный // Журналистика в 2019 году: Творчество, профессия, индустрия. – Москва : МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. – С. 487–489.

647. Шилова, Е. В. Терминологическая дефиниция как метатекст в

русскоязычной и англоязычной научно-технической литературе: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шилова Елена Владимировна. – Екатеринбург, 2005. – 23 с. – Текст : непосредственный.

648. Шмелев, А. Д. Референциальные механизмы русского языка: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шмелев Алексей Дмитриевич. – Москва, 1995. – 393 с. – Текст : непосредственный.

649. Шмелева, Т. В. Так сказать и как говорится / Т. В. Шмелева. – Текст : непосредственный // Служебные слова: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск : НГУ, 1987. – С. 125–132.

650. Шмелева Т. В. Языковая рефлексия / Т. В. Шмелева. – Текст : непосредственный // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). – Красноярск, 1999. – С. 108–110.

651. Шмелева, Т. В. Модальность и модус / Т. В. Шмелева. – Текст : непосредственный // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. – Калининград : БФУ им. Иммануила Канта, 2008. – С. 140–151.

652. Шмелева, Е. С. Лингвокреативность в медийном дискурсе – Текст : непосредственный / Е. С. Шмелева // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. – Москва : Р. Валент, 2021. – С. 499–557.

653. Шор, Р. О. Кризис современной лингвистики / Р. О. Шор. – Текст : непосредственный // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. – Москва : Academia, 2001. – С. 41–66.

654. Шпет, Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. – Москва : КомКнига, 2006. – 216 с. – Текст : непосредственный.

655. Шумарин, С. И. Аббревиатуры как объект «естественной лингвистики» / С. И. Шумарин, М. Р. Шумарина. – Текст : непосредственный

// Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2009. – № 2 (5). – С. 88–94.

656. Шумарина, М. Р. Рефлексия имени собственного в художественной речи / М. Р. Шумарина. – Текст : непосредственный // Русистика XXI века: традиции и тенденции: сборник материалов Международной научной конференции. – Тамбов : ТОИПКРО, 2010. – С. 286–289.

657. Шумарина, М. Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография / М. Р. Шумарина. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2011. – 328 с. – Текст : непосредственный.

658. Шумарина, М. Р. Семантика слова в зеркале наивной лингвистики / М. Р. Шумарина. – Текст : непосредственный // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность: VII Международная научная конференция (к 100-летию Таврического университета): сб. науч. статей. – Симферополь: ИТ «АРИАГ», 2018. – С. 305–312.

659. Шумарина, М. Р. «Что ни звук, то и подарок…»: метаязыковые комментарии в прозе Н.В. Гоголя (к 210-летию со дня рождения) / М. Р. Шумарина. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 2019. – № 2. – С. 53–61.

660. Шустова, С. В. Грамматикализация: от лексического к грамматическому знаку (на материале немецкого языка) / С. В. Шустова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 4. – С. 17–26.

661. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Москва : КомКнига, 2007. – 432 с. – Текст : непосредственный.

662. Эко, У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург : Symposium, 2004. – 538 с. – Текст : непосредственный.

663. Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. –

Москва : Гнозис, 2020. – 719 с. – Текст : непосредственный.

664. Язык о языке / Под общ. редакцией Н.Д. Арутюновой. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 624 с. – Текст : непосредственный.

665. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон – Текст : непосредственный // Структурализм: «за» и «против». – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.

666. Якобсон, Р. Двадцатый век в европейском и американском языкознании: тенденции и развитие / Р. Якобсон. – Текст : непосредственный // Избранные работы. – Москва : Прогресс, 1985 а. – С. 348–360.

667. Якобсон, Р. Значение Крушевского в развитии науки о языке – Текст : непосредственный // Избранные работы. – Москва : Прогресс, 1985 б. – С. 331–347.

668. Якобсон, Р. Лингвистика в её отношении к другим наукам / Р. Якобсон – Текст : непосредственный // Избранные работы. – Москва : Прогресс, 1985 в. – С. 369–420.

669. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон – Текст : непосредственный // Избранные работы. – Москва : Прогресс, 1985 г. – С. 361–368.

670. Якобсон, Р. Речевая коммуникация / Р. Якобсон – Текст : непосредственный // Избранные работы. – Москва : Прогресс, 1985 д. – С. 306–318.

671. Якобсон, Р. Значение лингвистических универсалий для языкознания / Р. Якобсон. – Текст : непосредственный // Язык и бессознательное. – Москва : Гнозис, 1996 а. – С. 184–198.

672. Якобсон, Р. К языковедческой проблематике сознания и бессознательности / Р. Якобсон – Текст : непосредственный // Язык и бессознательное. – Москва : Гнозис, 1996 б. – С. 13–26.

673. Якобсон, Р. Структурализм и телеология / Р. Якобсон. – Текст : непосредственный // Язык и бессознательное. – Москва : Гнозис, 1996 в. – С. 181–183.

674. Ädel, A. Metadiscourse in L1 and L2 English / A. Ädel. – Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Company, 2006. – 243 p. – Text : direct.

675. Ädel, A. Remember that your reader cannot read your mind: Problem solution-oriented metadiscourse in the teacher feedback on student writing / A. Ädel. – Text : direct // English for Specific Purposes, 2017, Vol. 45. – P. 54–68.

676. Ajdukiewicz, K. Sprache und Sinn / K. Ajdukiewicz. – Text : direct // Erkenntnis. 1934, Bd. 4. – P. 100–138.

677. Bednarek, M. Evaluation in media discourse. Analysis of a newspaper corpus / M. Bednarek. – London – New-York: Continuum, 2006. – 272 p. – Text : direct.

678. Bhatia, V. K. Creativity and interdiscursive performance in professional communication / V. K. Bhatia. – Text : direct // The Routledge Handbook of Language and Creativity. – London : Routledge, 2015. – P. 158–169.

679. Bogdanova-Beglaryan, N. Pragmatic markers and parts of speech: on the problems of annotation of the speech corpus / N. Bogdanova-Beglaryan, K. Zaides. – Text : direct // CEUR Workshop Proceedings. Proceedings of the International Coference «Internet and Modern Society», 2021. – P. 129–139.

680. Bogetić K. MetaLangCORP: Presenting the first corpus of media metalanguage in Slovene, Croatian and Serbian, and its cross-discipline applicability / K. Bogetić. – Text : direct // Fluminensia, god. 33 (2021), br. 1. – Str. 123–142.

681. Bolden, G. The quote and beyond: defining boundaries of reported speech in conversational Russian / G. Bolden. – Text : direct // Journal of Pragmatics 36, №6, 2004. – P. 1071–1118.

682. Borderia, S. P. A fuctional approach to the study of discourse markers / S. P. Borderia. – Text : direct // Approaches to Discourse Particles. – Amsterdam: Elsevier, 2006. – P. 77–99.

683. Bouquet, S. Saussure´s unfinished semantics / S. Bouquet. – Text : direct // The Cambridge companion to Saussure. Sanders C. (ed). – Cambridge:

Cambridge Univ. Press, 2004. – P. 205–218.

684. ,htlbkhin, S. A comprehensive cognitive-perceptual model of analysis for contextually determined components of a conceptualized term / S. Bredikhin, V. Babayants, I. Pelevina. – Text : electronic // E3S Web of Conferences : 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021 (Rostov-on-Don, February 24-26 2021). – Vol. 273. – Rostov-on-Don : EDP Sciences, 2021. – URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/49/e3sconf_interagromash2021_11038.pdf. (accessed: 27.01.2025).

685. Bredikhin, S. N. Cognitive generative pragmatics of transdisciplinary intermediary terms / S. N. Bredikhin, T. V. Marchenko, A. A. Burov. – Text : direct // Синергия языков и культур 2022: междисциплинарные исследования. – 2023. – P. 70–79.

686. Cappelen, H. Varieties of quotation / H. Cappelen, E. Lepore. – Text : direct // Mind. – 1997. – № 106 (423). – P. 429–450.

687. Carnap R. Foundations of logic and mathematics / R. Carnap. – Text : direct // International Encyclopedia of united science. V.1: 143-171. Repr. // The structure of language: Readings in the philosophy of language / Edit. by Fodor J. A., Katz J. J. Englewood Cliffs (New Jersey), 1964. – P. 419–436.

688. Carter, R. A. Language and Creativity: The Art of Common Talk / R. A. Carter. – London : Routledge, 2015. – 288 p. – Text : direct.

689. Cassirer, E. Structuralism in modern linguistics / E. Cassirer. – Text : direct // Word. – 1945. – № 1. – P. 105–115.

690. Clark, H. H. Using Language / H.H. Clark. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 432 p. – Text : direct.

691. Crismore, A. Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act / A. Crismore. – N.Y.: Peter Lang Publishers, 1989. – 235 p. – Text : direct.

692. Czoska, A. The Usage and Meaning of Mentioned (Wspomniany) and Described (Opisany) Metatext Markers in Polish Scientific Texts / A. Czoska –

Text : electronic // Cognitive studies, 2018, Issue 18: https://www.researchgate.net/publication/329846587_The_usage_and_meaning_of_mentioned_wspomniany_and_described_opisany_metatext_markers_in_Polish_scientific_texts (accessed: 27.01.2025).

693. Daiber, T. Quotativemarker in Russischen (типо / типа) / T. Daiber. – Text : direct // Zeitchrift für Slawistik 55. – 2010. – № 1. – S. 69–89.

694. Diewald, G. Grammatikalisierung. Die Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen / G. Diewald. – Text : direct // Germanische Arbeitshefte 36. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1997. – 134 s.

695. Dijk, T. A. van. Text and context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse / T. A. van Dijk. – New York : Longman, 1977. – 261 p. – Text : direct.

696. Drożdżowicz, A. Speakers' Intuitive Judgements about Meaning –The Voice of Performance View / A. Drożdżowicz. – Text : direct // Review of Philosophy and Psychology. – 2018. – № 9. – P. 177–195.

697. Edwards, H. T. Metalinguistic Awareness in Children: A Developmental Progression / H. T. Edwards, Anita G. Kirkpatrick. – Text : direct // Journal of Psycholinguistic Reseach. – 1999. – № 4, V. 28. – P. 313–329.

698. Englebretson, R. Stancetaking in discourse: subjectivity, evaluation, interaction / edited by R. Englebretson. – Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 1–26. – Text : direct.

699. Fraser, B. What are discourse markers? / B. Fraser – Text : direct // Journal of Pragmatics. – 1999. – № 31. – P. 931–952.

700. Gaulmyn, M.-M. de. Reformulation et planification métadiscursives / M.-M. de Gaulmyn. – Text : direct // Décrire la conversation. – Lyon : PUL, 1987. – P. 167–198.

701. Givón, T. Discourse and syntax / T. Givón. - New York : Academic Press, 1979. – 533 p. – Text : direct.

702. Goddard, C. Natural Semantic Metalanguage / C. Goddard. – Text : direct // The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics, 2021. – P. 93–110.

703. Gombert, J. E. Le développement métalinguistique / J. E. Gombert. – Paris : PUF, 1990. – 295 p. – Text : direct.

704. Harris, Z. S. Analyse du discours / Z. S. Harris. – Text : direct // Languages. – 1969. – № 13. – P. 8–45.

705. Heine, B. World Lexicon of Grammaticalization / B. Heine, T. Kuteva. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 387 p. – Text : direct.

706. Hoeningswald, H. M. A proposal for the study of folk-linguistics / H. M. Hoeningswald. – Text : direct // In W. Bright, (Ed.), Sociolinguistics. – The Hague : Mouton, 1971. – P. 16–26.

707. Hoffmann, T. Construction grammar and creativity: Evolution, psychology, and cognitive science / T. Hoffmann. – Text : direct // Cognitive semiotics. – 2020. – № 1. – P. 1–11.

708. Hopper, P. J. Grammaticalization / P. J. Hopper, E. C. Traugott. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 276 p. – Text : direct.

709. Hunston, S. Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language / S. Hunston. – Text : direct // Functions of language. – 2008. – № 15 (1). – P. 64–83.

710. Hunston, S. Corpus approaches to evaluation. Phraseology and evaluative language / S. Hunston. – New York: Routledge, 2011. – 199 p. – Text : direct.

711. Hyland, K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing / K. Hyland. – London ; New York : Continuum, 2005. – 230 p. – Text : direct.

712. Hyland K. Metadiscourse: What is it and where is it going? / K. Hyland. – Text : direct // Journal of Pragmatics. – 2017. – Vol. 113. – P. 16–29.

713. Ifantidou E. The semantics and pragmatics of metadiscourse / E. Ifantidou. – Text : direct // Journal of Pragmatics. – 2005. – Vol. 37. – P. 1325–1353.

714. Jakobson R. Metalanguage as a linguistic problem / R. Jakobson. – Text : direct // Contributions to Comparative Mythology. Vol. VII. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1985. – P. 113–121.

715. Jaworski, A. Metalanguage: social and ideological perspectives / A. Jaworski, N. Coupland, D. Galasinski. – The Hague : Walter de Gruyter, 2004. – 324 p. – Text : direct.

716. Joseph, B. D. Is There Such a Thing as “Grammaticalization”? / B. D. Joseph. – Text : direct // Language Sciences. – 2001. – № 1 (23 (2-3)). – P. 163–186.

717. Kačerauskas, T. Language, Metalanguage, and Communication / T. Kačerauskas, A. Mickūnas. – Text : direct // In Between Communication Theories Through One Hundred Questions. Humanities. – Arts and Humanities in Progress, Vol. 14, Springer, Cham, 2020. – P. 127–157.

718. Kiparsky, P. Grammaticalization as Optimization / P. Kiparsky. – Text : direct // Grammatical change origins, nature, outcomes. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 15–51.

719. Kuznetsova, A. V. Metatext Phenomenon: Mode of Irony in Reflexive-Interpretative Space / A. V. Kuznetsova. – Text : direct // European Researcher, 2013, Vol. 50, № 5-3. – P. 1449–1453.

720. Lakatos I. The methodology of scientific research programmes / I. Lakatos. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1978. – 250 p. – Text : direct.

721. Langacker, R. Discourse in cognitive grammar / R. Langacker. – Text : direct // Cognitive linguistics. – 2001. – № 12. – P. 143–188.

722. Langlotz, A. Language, creativity, and cognition / A. Langlotz – Text : direct // The Routledge Handbook of Language and Creativity. – London: Routledge, 2015. – P. 40–60.

723. Lutzky, U. Discourse Markers in Early Modern English / U. Lutzky. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. – 303 p. – Text : direct.

724. Man Zhang. A Multidimensional Analysis of Metadiscourse Markers Across Written Registers / Man Zhang. – Text : direct // Discours Studies. – 2016. – Vol. 18 (2). – P. 204–222.

725. Martin, J. R. The Language of Evaluation. Appraisal in English / J. R. Martin, P. R. R. White. – London – New-York: Palgrave Macmillan, 2005. – 278 p. – Text : direct.

726. Martinet, A. Fonctions du langage et linguistique appliquée / A. Martinet – Text : direct // Communication et langages. – 1969. – № 1. – P. 9–18.

727. Maybin, J. Every day and Creativity in Language: Textuality, Contextuality, and Critique / J. Maybin, J. Swann. – Text : direct // Applied Linguistics: Oxford University Press, 2007, № 28/4. – P. 497–517.

728. Meillet, A. L´évolution des Formes Grammaticales / A. Meillet. – Text : direct // Linguistique historique et linguistique générale. – Paris: Honoré Champion, 1965. – P. 130–148.

729. Niedzielski, N. A. Folk linguistics / N. A. Niedzielski, D. R. Preston. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – 375 p. – Text : direct.

730. Ogden, C. K. The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism / C. K. Ogden, I. A. Richards. – New York : Harcourt, Brace & Co, 1923. – 363 p. – Text : direct.

731. Piekarczyk, D. Frazeologizmy w funkcji metatekstowej – słów kilka o ich semantyce i pragmatyce / D. Piekarczyk – Text: direct // Problemy frazeologii europejskiej X. – Łask : Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2015. – S. 67–83.

732. Preston, D. R. The uses of folk linguistics / D. R. Preston. – Text : direct // International Journal of Applied Linguistics. – 1993. – № 3. – P. 181–259.

733. Preston, D. R. Content-oriented discourse analysis and folk linguistics / D. R. Preston. – Text: direct // Language Sciences. – 1994. – № 16. – P. 285–331.

734. Rey-Debove, J. Le métalangage: étude linguistique du discours sur le langage / J. Rey-Debove. – Paris: Armand Colin, 1997. – 401 p. – Text : direct.

735. Taylor, C. Mock Politeness in English and Italian: A Corpus-assisted Study of the Metalanguage of Sarcasm and Irony / C. Taylor. – Lancaster : Lancaster University, 2015. – 369 p. – Text: direct.

736. Thompson, G. Evaluation in text: authorial stance and the construction

of discourse / G. Thompson, S. Hunston. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 225 p. – Text : direct.

737. Todorov, T. La grammaire du récit / T. Todorov. – Text : direct // Languages. – 1968. – № 12. – P. 94–102.

738. Tutak, K. O metatekscie (na przykladzie wybranych przedmow dedykacyjnych) / K. Tutak. – Text : direct // LingVaria. – 2012. – № 1(13). – S. 113–123.

739. Saka, P. Quotational constructions / P. Saka. – Text : direct // Belgian Journal of Linguistics. – 2003. – № 17 (1). – P. 187–212.

740. Serebryakova, S. V. Frame structure of term systems within secondary encyclopedic text / S. V. Serebryakova, S. N. Bredikhin, E. E. Plokhaya. – Text : direct // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. – Vol. 107. – London : European Publisher, 2021. – P. 1439–1446.

741. Schiffrin, D. Discourse markers / D. Schiffrin. – Cambridge (Cambridgeshire); New York: Cambridge University Press,1987. – 364 p. – Text : direct.

742. Searle, J. R. The structure and functions of language / J. R. Searle. – Text : direct // Studies in logic, grammar and rhetoric. – 2014. – № 36 (49). – P. 27–40.

743. Shilikhina, K. Metapragmatic markers of the bona fide and non-bona fide modes of communication / K. Shilikhina. – Text : direct // Humorous Discourse: De Gruyter Mouton, 2017. – P. 107–130.

744. Swann, J. Creativity in response / J. Swann. – Text: direct // The Routledge Handbook of Language and Creativity. – London: Routledge, 2015. – P. 264–277.

745. The Routledge Handbook of Language and Creativity. – London and New York: Routledge, 2019. – 556 p. – Text : direct.

746. Vande Kopple, W. J. Metadiscourse and the Recall of Modality Markers / W. J. Vande Kopple. – Text : direct // Visible Language. – 1988. – Vol. 22(2). – P. 233–272.

747. Vande Kopple, W. J. The importance of studying metadiscourse / W. J. Vande Kopple. – Text : direct // Applied Research in English. – 2012. – Vol. 1 (2). – P. 37–44.

748. Vepreva, I. Coronavirus and Us: Metalinguistic Portrait of Covid-19 Pandemic / I. Vepreva, T. Kuprina. – Text : direct // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). – 2021. – Vol. 115. The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment (RLMSEE-2020). – Article no. 38. – P. 342–354.

749. Wiemer, B. Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und emprischen Erforschung im Slavischen / B. Wiemer. – Text : direct // Lexikalishe Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen. – München: Sagner, 2008. – S. 5–49.

750. Wierzbicka, A. Metatekst w tekście / A. Wierzbicka. – Text : direct // O spójności tekstu. – Wrocław, 1971. – S. 105–121.

751. Wilson, S. The Creation of a Corpus of English Metalanguage / S. Wilson. – Text : direct // Proceedings of the 50th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – Jeju, 2012. – P. 638–646.

752. Wittgenstein, L. Tractatus Logico-Philosophicus / L. Wittgenstein. – London and New-York : Routledge & Kegan Paul, 1974. – 106 p. – Text : direct.

753. Witosz, B. Metatekst – w opisie teoriotekstowym, stylistycznym i pragmalingwistycznym / B. Witosz, (w:) D. Ostaszewska, R. Cudak (red.), Polska genologia lingwistyczna, Wydawnictwo Naukowe PWN. – Warszawa, 2008. – S. 321–327. – Text : direct.

754. Witosz, B. Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics / B. Witosz. – Text : direct // Forum Lingwistyczne – Forum of Linguistics. – 2017. – № 4. – P. 107–112.

755. Zaides, K. Pragmatic markers and personality: approaches to analysis / K. Zaides, D. Gorbunova, T. Popova, N. Bogdanova-Beglaryan. – Text : direct // Язык и культура в глобальном мире. – Санкт-Петербург : Лема, 2022. – С. 457–464.

756. Zaides, K. Self-repair in Russian spoken discourse in psycholinguistics aspect: correlation analysis and quantitative data / K. Zaides, D. Gorbunova, N. Bogdanova-Beglaryan. – Text : direct // Literature, language and computing. Russian contribution. – St. Petersburg: Springer, 2023. – P. 3–19.

757. Zarei, F. Discours markers in English / F. Zarei. – Text: direct // International Research Journal of Applied and Basic Sciences. – 2013. – Vol. 4, № 1. – P. 107–117.